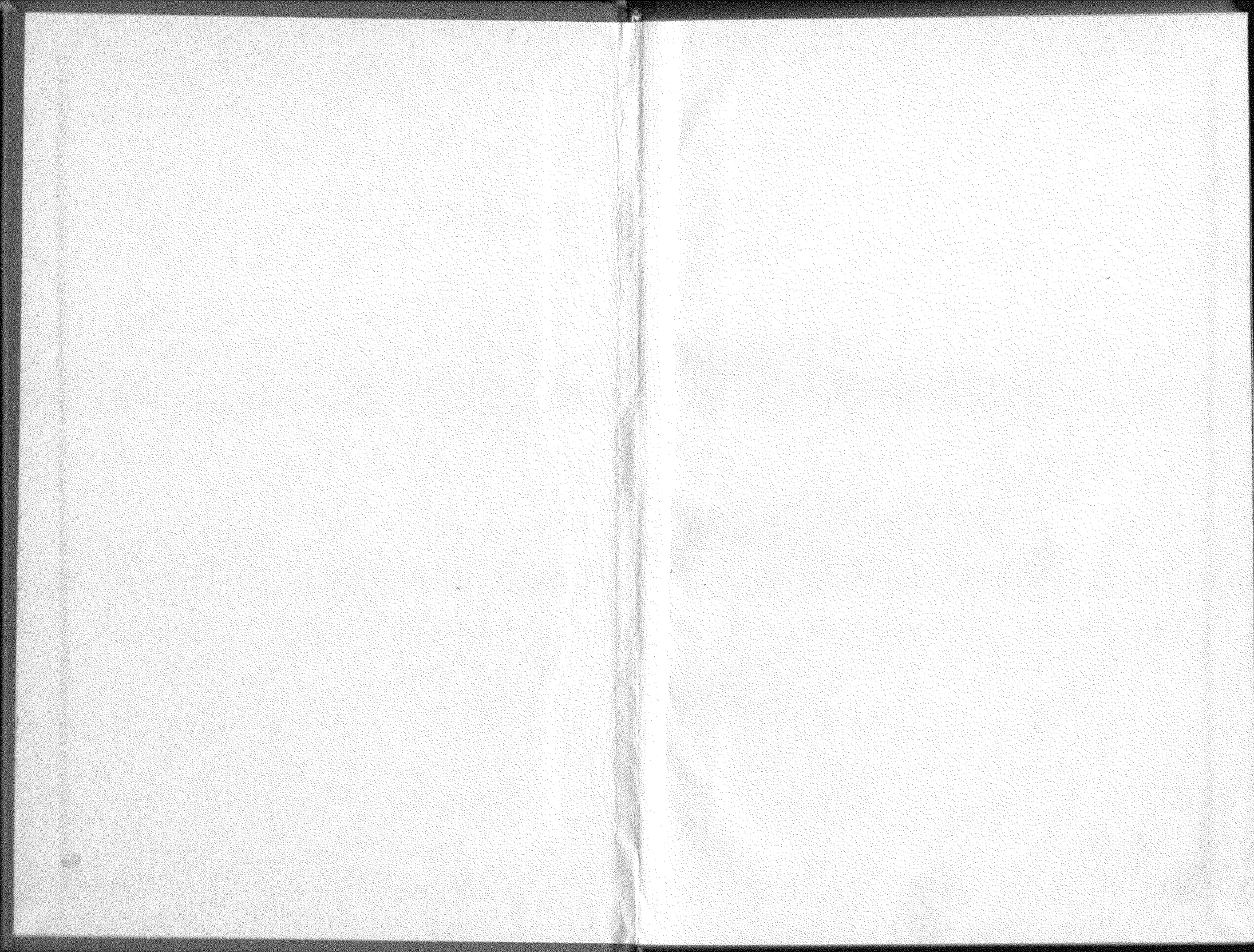

63,5
1325

И. С. ВДОВИН

ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
КОРЯКОВ

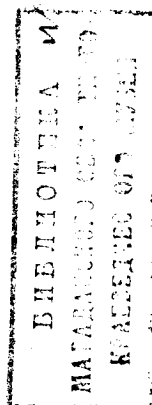

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

И. С. В Д О В И Н

ОЧЕРКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
КОРЯКОВ

7824

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Л е н и н г р а д
1973

Вопросы политической истории народов северо-востока Сибири, в том числе коряков, привлекали внимание ряда авторов и уже с достаточной полнотой рассмотрены в русской, особенно советской, литературе. Наиболее полно освещен период с середины XVII в. до наших дней. Проблемы же собственно этнической истории разрабатывались значительно меньше, а такие вопросы, как формирование и последовательное развитие определенных видов (типов) этнических общностей на различных этапах истории малых народностей Севера, вообще исследовались недостаточно.

В советское время, особенно за последние два десятилетия, проделана значительная работа по изучению коряков и в смежных областях. Так, имеются данные по антропологии территориальных подразделений (правда, не всех), проведено их сравнительное изучение; начато археологическое обследование Камчатки, Охотского побережья; исследуются диалекты корякского языка, проделана некоторая работа по собиранию и публикации корякского фольклора; ведутся работы по изучению истории и этнографии коряков, что получило соответствующее отражение в научной продукции этих лет. Таким образом, налицо необходимые основы для постановки и в какой-то мере для более обстоятельного освещения таких вопросов, как этническая история коряков, развитие этнических процессов в настоящее время.

Дробность языковых, культурно-бытовых особенностей подразделений коряков составляла специфику их этнического состояния ко времени установления Советской власти. Это наследие прошлого наложило свой отпечаток на ход и характер их этнического развития после Октябрьской социалистической революции и определило место, роль и значение в этом развитии их диалектов, национальных форм культуры.

Истоки некоторых сторон специфики современного этнического состояния коряков (например, наличие языковых особенностей территориальных подразделений) уходят своими корнями в глубокое прошлое. Поэтому нам представляется совершенно необходимым начать исследование с вопросов этнического состояния коряков в XVII—XIX вв., с тем чтобы правильное понятие современного их этнического развития.

Коряки ныне — это социалистическая народность, частица той новой исторической общности, сформировавшейся в СССР, которую Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду назвал Советский народ. Это — народность, объединившая отличавшиеся в прошлом по языку, а также по некоторым культурно-бытовым особенностям территориальные подразделения, каждое из которых имело свое собственное самоназвание, определенную территорию обитания, самосознание своего этнического отличия от других коряков, признание этого отличия всеми остальными подразделениями коряков и др. Так, в представлении чукчей и чуванцев Прианадырья, еще в начале XX в. были коряки *вайкынальо* (каменцы), *портыльо* (паренцы), *алутальо* (алиуторцы) и т. д. По всей видимости, эти объединения коряков составляли племенные типы этнических общностей, консолидация которых в народность еще только начиналась. Они вплоть до наших дней сохраняют многие черты различий между собой и коряками-оленеводами.

Общепризнано деление коряков на следующие подразделения: коряки-оленеводы (чавчумены), алиуторцы, апукинцы, карагинцы, паланцы, каменцы, паренцы, итканцы, коряки побережья Охотского моря. К корякам же относили кэрэков. Каждое из названных подразделений коряков отличается от остальных языком, что достаточно очевидно и более или менее изучено, кроме того, рядом культурных, хозяйственных и бытовых особенностей, которые пока или слабо или совсем не исследованы.

Языковая и отчасти культурно-бытовая пестрота коряков — результат их исторического развития. Вопрос о культурно-бытовых, языковых и других связях и отношениях отдельных подразделений коряков между собой, о путях развития этих отношений, их конкретном проявлении, в частности о судьбах диалектов, особенностях духовной культуры приобретает в современных условиях важное значение. Помимо научно-теоретического интереса, эти вопросы имеют научно-практическое значение, существо которого заключается в раскрытии состояния, выяснении тенденций развития национальных форм культуры, языков (диалектов и говоров). Поэтому изучение условий сложения, путей развития отдельных территориальных подразделений коряков представляется нужным и значимым.

Особый научно-теоретический и практический интерес представляют вопросы современной консолидации подразделений коряков, изучение степени влияния на эти процессы образования Национального округа, районов, общественно-политических и культурных мероприятий, проводимых в округе, развитие промышленности и ее влияние на этнические процессы в условиях Камчатки. Не менее актуальна задача выяснения взаимоотношений отдельных диалектов на современном этапе их развития, их роли в общественно-политической и культурной жизни коряков, в быту. И в этой связи установление роли и значения русского языка в современной их жизни.

Предлагаемая работа не претендует на полное и тем более исчерпывающее освещение всех вопросов, связанных с этнической историей коряков, даже с ее отдельными периодами, отдельными сторонами. Это обстоятельство и обусловило название работы: «Очерки». Оно вызвано тем, что по ряду ведущих проблем исследования мы не располагаем достаточными и надежными материалами. Так у нас нет пока почти никаких сведений о паренцах, их языке, фольклоре, антропологических данных о них. То же следует сказать относительно апукинцев. Почти полнейшей загадкой остаются кэрэки. В отношении коряков в целом можно сказать, что антропологическое исследование их еще не завершено, особенно кэрэков, апукинцев, алиуторцев, карагинцев, паренцев. В археологическом отношении территория их обитания только начинает исследоваться, многого недостает и в изучении диалектов корякского языка в целом (грамматики, лексики, и в частности такого ее раздела, как топонимика). Все еще слабо остается изученным фольклор, особенно оседлых коряков.

Все это сужает источниковедческую базу исследования и дает возможность остановиться лишь на тех вопросах, которые с большей полнотой обеспечены необходимыми материалами.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КОРЯКОВ

Коряки составляют одно из этнических подразделений так называемых северо-восточных палеоазиатов. К этой же этнической общности принято относить чукчей, а также ительменов.¹ Связующими признаками названной общности служат антропологические,² этнографические³ и языковые⁴ особенности северо-восточных палеоазиатов, отличающие их от других народов Сибири и Дальнего Востока.

Коряки в прошлом не имели общего самоназвания, на что обратил внимание еще Г. Ф. Миллер. «На Камчатке только название коряков не находит ни объяснения, ни достаточного обоснования. Самим корякам (о происхождении этого названия) ничего не известно. Кроме того, у них нет общего для обозначения всего коряцкого народа названия».⁵

С. П. Крашенинников считал их единым народом. «Коряки разделяются на оленных и сидячих. Оленные называются *чаучю*, а сидячие — *ныммыгу*. . . А сидячие коряки не токмо (хотя тем же языком говорят), весьма от оленных в языке разнствуют, но и между собою великую разность имеют».⁶

«Оленоводы и морские звероловы у чукоч и коряков, — писал В. Г. Богораз, — составляют одно и то же общество. Они живо сознают свое племенное единство и даже в самоназвании противо-

¹ Генетически ительмены не принадлежат к северо-восточным палеоазиатам. См.: Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов. — Сов. этнография, 1970, № 3.

² Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951, с. 108—120; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 206—212.

³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 357—361, 448—467; Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6; 1856, ч. 16, кн. 1; Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I. Л., 1934; ч. II. Л., 1939; Jochelson W. The Koryak, p. II. Leiden—N. Y., 1908.

⁴ Bogoras W. Chukchee. — Handbook of American Indian Languages, p. 2. Washington, 1922; Скрябин П. Я. Палеоазиатские языки. — Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.

⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — Архив ИЭ), к. I, оп. 1, д. 30 — Стеллер Г. Описание страны Камчатки, ее жителей, их нравов, наименований, образа жизни и различных обычаев. Пер. с нем., 1774, с. 505.

⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 726.

поставляют себя всем своим соседям в качестве «настоящих людей», которые говорят «настоящим языком» и имеют «настоящие лица».⁷ И далее: «Еще труднее допустить, что оленные коряки и приморские коряки представляют различные народности».⁸

В. Г. Богораз долгое время непосредственно соприкасался с чукчами и коряками, изучал их языки, культуру, психологию, общественное сознание. Он знал и понимал их лучше, чем кто-либо из его современников. Однако *лыгъоравэльтан* (по-чукски), *лыгъуйамтавыльан* (по-коряски) — «настоящий человек» — нельзя признать самоназваниями ни чукчей, ни коряков, как полагал В. Г. Богораз. Это одно из начальных, еще очень наивное в своей откровенной простоте выражение этнического самосознания.

В. И. Иохельсон в решении этого вопроса придерживался другого, правда не очень определенного, взгляда, основанного на данных коряцкого языка. «Сами коряки, — отмечал он, — не имеют общего самоназвания, если не считать слово *уйамтавыльан* — «народ», «люди». Этим термином именуют себя как оленные, так и приморские коряки, и он соответствует чукотскому *оравэльтан* — «люди».

Приморские коряки называют себя *намальан*, *нэмальан* или *ныммыльан*. . . смотря по различному произношению коряцких наречий; так же называет их оленная ветвь их племени. Эти слова означают «жители селения» и происходят от слова *нымным* — «селение». Приморские коряки называют себя также *нымнымкин уйамтавыльан* — «человек из селения» или *анкальан* — «приморский житель».⁹

Все эти наблюдения правильны. Однако вряд ли можно считать самоназванием, как допускал В. Иохельсон, слово *уйамтавыльан* — «человек», как и чукотское *оравэльтан*. Ни коряки, ни чукчи не считали данные слова самоназваниями. В их представлении эти слова отображали видовое понятие «человек вообще», безотносительно к племенной или национальной принадлежности.

В другом месте той же работы В. Иохельсон высказывает уже более определенное мнение по этому вопросу. При этом он привлекает этнографические данные и сведения о самосознании коряков. «Предание о Великом Вороне, — писал он, — как общем родоначальнике порождает идею этнического единства. Правда, в сознании коряков представление это очень туманно и частные названия «оленный человек», «приморский человек», житель того или другого селения или стойбища — более свойственны ему, чем собирательный термин «коряк», как член единого народа; однако при сопоставлении их с тунгусами и якутами коряки заявляли, что они, коряки, все одной крови, а тунгусы и якуты — чужие, с другой

⁷ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I, с. XXII.

⁸ Там же.

⁹ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 428—429.

стороны, приморский коряк считает себя более близким, родным с приморским же, чем с оленными, и наоборот; этому разделению коряков на две группы способствует разница в системах хозяйства.¹⁰ Нельзя не согласиться с этим верным замечанием Иохельсона, в особенности об общей мифологии, одинаково известной и распространенной среди всех подразделений коряков.

К. Шавров обратил внимание на существовавшее у них представление об общности всех коряков и в то же время о разделении их. Он находил у них три названия: *чаучу* — 'оленоводы', *нымэльу* — 'оседлые', *нымэльу-рэмку* — 'оленоводы из оседлых'. «Кроме этих общих названий, обычно территориальные группы коряков, живущих в одном или нескольких селениях, называют себя по названию центрального селения. Коряков можно разделить на несколько крупных отделов, имеющих отличия один от другого в языке, отчасти в физическом типе и в экономике». Далее он выделил: апукско-пахачинско-хайлинскую (оседлые и кочевые) группу, алюторско-кичигинскую (оседлые и кочевые) и укинскую (обрусевшая и отчасти, вероятно, смешанная с ительменами). К ней он относил карагинцев.

«По берегам Пенжинского залива оседлые делятся на ветви: паренско-каменскую (от Итканы до Рекинник) и паланскую (от Подкагирной до Ваямпольки). Кочевники же „чаучу“ от Тайгоноса и Палпала до р. Хайрюзовой . . . в общем представляют собой однородную группу».¹¹

С. Н. Стебницкий считал, что у коряков было три самоназвания: 1) *чавчу* — 'оленовод', 'богатый оленями' (принадлежащий к группе оленеводов); 2) *рамкыкэн* — 'кочевник' (из оседлых); 3) *нымэльо* — 'жители', 'поселяне' (ед. ч. *нымэльан*).¹² В 30-х годах в поисках общего национального самоназвания корякам пытались присвоить наименование *нымэльо*. Однако оно не было признано самими коряками. Они охотнее называли сами себя уже укрепившимся в их сознании словом коряки, которое в настоящее время воспринимается ими не только как название, но и как самоназвание. Это название вошло и в государственные акты Советского Союза: так, Корякский национальный округ, закреплено в Конституции Союза ССР.

Чукчи и сибирские эскимосы называли коряков *танн'ыт*. Этот термин имеет обобщенное значение, включающее в себя 'иноплеменник', 'враг', 'коряк', 'чуванец'.

Вместе с тем чукчи терминологически особо обозначали, когда требовалось такое уточнение, оседлых коряков и коряков-оленоводо-вод. Кроме того, они различали их по месту жительства. Первых они называли *нымытвальыт* — 'жители оседлых селений', а чаще

по названию селений, вторых просто *танн'ыт*, *лыгытанн'ыт* — настоящие *танн'ыт*.

Эвены также терминологически отличают коряков-оленоводо-вод от коряков оседлых (по крайней мере эвены Охотского побережья). Оленеводов они называют *чан'чвар* — 'собравшиеся многооленные', оседлых — *хээкэл*, что дословно значит 'тот, кто показывается из-за бугра, возвышенности', подобно евражке.¹³ Возможно, что такая ассоциация была навеяна особенностями устройства жилища оседлых коряков, входом и выходом в которое служило дымовое отверстие полуземляной юрты. Юкагиры называли коряков *кэрэкэ*.¹⁴ Название коряки появилось в русских документах еще в XVII в. По всей видимости, оно было позаимствовано на северо-западе от юкагиров, которые, как отмечено выше, называли и называют их *кэрэкэ*, а на побережье Охотского моря, возможно, от эвенов, называющих оседлых коряков *хээкэл*.

Еще Г. Миллер высказал предположение, что русские заимствовали это название — коряки — «от ламутов или живущих по сю сторону Пенжинского моря тунгусов».¹⁵

Название *хээкэл*, *кэрэкэ* в русской адаптации превратилось в коряк. Предположение Г. В. Стеллера, с которым соглашается С. П. Крашенинников, о том, что название коряк «происходит от хора, олень»,¹⁶ вряд ли справедливо. Дело в том, что проводниками («вбжами») русских в их продвижении на восток были юкагиры. От них-то и получали русские землепроходцы информацию о народах, живущих к востоку и юго-востоку от мест обитания юкагиров.

Ю. Селиверстов, сообщая о своих походах, писал: «Был на море . . . и в то море впади реки многие — Чухча-река (Большая Чукочьа, — И. В.), да Ковыма-река, а за Ковымою-рекою есть четыре реки, а от тех рек есть реки Нанандыра (Анадырь, — И. В.) да Чондон (Гижига, — И. В.). А люди по тем рекам живут многие, а языки разные — чухчи, ходынцы, коряки, няняули (анаулы, — И. В.) и иные роды есть, и языки многие».¹⁷ Когда писалась эта челобитная, на Анадыре, кроме С. Дежнева, не бывал еще никто из русских, а от С. Дежнева, который попал туда в 1648 г., известий еще не было. Совершенно очевидно, что эта информация была получена от юкагиров, с юкагирскими названиями рек и наро-

¹³ Эти сведения любезно сообщила автору К. А. Новикова, известный исследователь эвенского языка и фольклора.

¹⁴ Иохельсон В. И. 1) Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. СПб., 1900, с. 125—126, 138—139; 2) The Koryak, р. II, с. 406.

¹⁵ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 505.

¹⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 360. С таким мнением о происхождении названия коряк от *коран'ы* — 'олень' соглашались многие авторы. См.: Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I, с. 8; Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 950, и др.

¹⁷ Оглобин Н. Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. — ЖМНП, 1903, май, с. 60.

¹⁰ Там же, с. 17.

¹¹ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927). Благовещенск, 1929, с. XLIII.

¹² Стебницкий С. Н. Нымыланский (корякский) язык. — Языки и письменность народов Севера, ч. III. М.—Л., 1934, с. 49.

дов, населявших их берега. Таким образом, первое упоминание о коряках появилось в русском документе несомненно со слов местных жителей — либо юкагиров, либо эвенов (ламутов).

Весьма важно подчеркнуть здесь также и то, что в представлении юкагиров и первых русских довольно четко разграничивалось определенное соотношение названий коряки и чукчи. И те и другие, несмотря на языковую и культурную близость, обладали, видимо, такими этническими признаками, которые давали основания считать их (юкагирам) особыми народностями. Заслуживает также внимания и то, что языковые, культурные и хозяйственные отличия территориальных подразделений коряков, которые жили на стыке с юкагирами и далеко за пределами их границ,¹⁸ не вызывали в представлениях и понятиях юкагиров необходимости рассматривать отличающиеся друг от друга группы коряков как особые народности. Они, вероятно, находили у них какие-то существенные признаки, которые объединяли эти группы коряков между собой как нечто единое, целое.

Таким образом, уже в XVII в. существовало довольно отчетливое представление о коряках как особой этнической группе, граничащей на северо-востоке с чукчами, на севере и северо-западе — с юкагирами и эвенами и на юге — с ительменами.

Подобно другим малым народностям Севера, особенно тем, которые вели оседлый образ жизни, коряки распадались на ряд территориальных подразделений, отличающихся друг от друга рядом антропологических, культурно-бытовых и языковых признаков, ощутимые следы которых сохраняются по настоящее время. Уже первые русские землепроходцы отмечали этническую пестроту коряков, на которую они указывали наряду с отличиями в их хозяйственных занятиях. В XVII в. были известны как особые группы коряков пенжинские, алюторцы, оленные. Вот что, например, отметил в своих «скасах» Вл. Атласов: «А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком. . . А юрты у них оленьи и рондужные. . . А за теми коряками живут иноземцы люторцы (алюторцы, — И. В.), язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам. . . А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки».¹⁹ Вместе с отличиями территориальных подразделений коряков В. Атласов сознавал и их единство, называя их всех коряками. Это же следует и из другого его сообщения: «А он, Володимер, по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает».²⁰ Следовательно, всех коряков он представлял как единый народ, с общим языком.

¹⁸ Юкагиры были проводниками В. Атласова на Камчатку, на пути следования туда они проходили через территории коряков — алюторцев, паланцев, каменцев, паренцев.

¹⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. арх. материалов. Л., 1935, с. 31.

²⁰ Там же.

Совершенно очевидно, что этническое дробление коряков — не есть явление недавнего прошлого. Своими корнями оно уходит в глубину веков их истории.

Дробление на малочисленные этнические подразделения при существующему обществу, находящемуся на первобытнообщинном этапе своего развития. Оно порождение низкого уровня развития материального производства и соответственно неразвитости общественно-экономических связей и отношений.

Однако было бы неправильно сводить все причины формирования этнических особенностей, в частности у коряков, только к условиям материального производства. Немаловажную роль в этой стороне истории народа играли и взаимосвязи с другими (соседними) этнически и генетически отличными обществами.

Выявление основных этнических особенностей у существующих подразделений коряков и составляет содержание настоящей главы.

* * *

Уже первый исследователь Камчатки С. П. Крашенинников попытался на основе личных наблюдений и опросных данных дать характеристику известных ему подразделений коряков. В основу своих выводов он положил данные о языке. И это не случайно, так как сведения о языковых отличиях («наречиях») наиболее очевидно отражали существование обособленных подразделений коряков. Язык в данном случае оказался и наиболее доступным источником для уяснения и показа расхождений между группами коряков. «Главная разность сего народа от камчадалов, — писал С. П. Крашенинников, — состоит в языке, в котором по счислению господина Стеллера три диалекта. Первым диалектом, или коренным языком, говорят сидячие коряки у Пенжинского моря и оленные, и сей язык выговаривается мужественно и крепко. Другой диалект, который употребляется у алюторов, и от россиян вторым морским коряцким языком называется, весьма крепче помянутого. Третий чукоцкой,²¹ которой выговаривается легче, мягче и со свистом. Впрочем, между всеми диалектами такое сходство, что коряки, чукчи и алюторцы без труда друг друга разумеют могут. Но есть ли алюторский диалект почесть за особливой, то столько почти будет диалектов в коряцком языке, сколько острожков: ибо нет такого острожка, в котором бы не было против других

²¹ Упоминание здесь чукотского языка, по всей вероятности, ошибочно. Скорее всего это описка. Видимо, С. П. Крашенинников (и Стеллер, от которого он заимствовал эти сведения) имел в виду язык оленных коряков *чаччуваа*, который в сравнении с алюторским действительно выговаривается «легче, мягче», чего никак нельзя сказать относительно чукотского. Отсутствие в языке оленных коряков звука *р* и придает ему мягкость. (Например, *яан'а* — «яранга», *к'оян'а* — «олень» и *яран'а*, *к'оран'а* — по-алюторски). Кроме того, автор вел речь о коряцком языке, диалектом (наречием) которого чукотский язык не считали ни Стеллер, ни Крашенинников.

знатной отмены; таким образом, укинской, карагинской, островной карагинской и чендонской (гижигинский, — И. В.) могут называться особливими диалектами». ²² В дополнение к своим языковым наблюдениям С. П. Крашенинников сообщает и некоторые другие. «Корякский народ, — писал он, — по разности жития разнствует и телесным видом. . . Есть же между ими разность и в рассуждении склонностей и обычаев». ²³ Таково первое и наиболее обоснованное указание о территориальных подразделениях коряков.

К. Дитмар выделил пять подразделений коряков, используя для своей градации в первую очередь языковые отличия. Корякский язык «разделяется на пять различных наречий, из которых каждое имеет свои особенности, так что их нельзя смешать, но в то же время эти особенности в разговоре не составляют существенного препятствия». ²⁴ Из этих пяти наречий четыре употребляются оседлыми коряками, указывал он далее, а пятое «принадлежит кочевым».

Интересно в этом замечании то, что Дитмар подчеркнул существование не только отличий в наречиях коряков, но также обратил внимание на то, что языковые отличия не составляют существенного препятствия при общении коряков разных подразделений. Таким образом, он также считал коряков едиными.

К. Дитмар пошел дальше своих предшественников. Он установил и обозначил границы диалектов (наречий) оседлых коряков, указал названия населенных пунктов, в которых они распространены, количество носителей данного диалекта. Итак, по К. Дитмару, оседлые коряки составляли следующие территориальные группы:

1. **Каменцы и паренцы.** Восемь селений, расположенных по берегу Пенжинского залива между реками Паренью и Таловкой. Это селения Каменское, Леваты, Ярнотек, Ягача, Шестаково, Микино, Куэль, Парень. Всего «235 душ», по данным 1852 г.

2. **Паланцы.** Семь селений, расположенных по западному побережью Камчатки (с севера на юг): Подкагирное, Пусторецк, Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана и Ваямполька. По данным начала 1853 г., всего паланцев было «872 души».

3. **Укинцы.** Шесть населенных пунктов по восточному побережью Камчатки, расположенных с юга на север в таком порядке: Озерное, Ука, Хайлюля, Ивашка, Дранка и Карага. В начале 1853 г. их числилось «413 душ обоюго пола».

4. **Алюторцы.** Девять селений, также расположенных по восточному побережью Камчатки и за ее пределами далее на север. Это Кичига, Вывнык, Тиличики, Култушное, Олюторское, Ветвей и на север от мыса Олюторского Пахача, Апука и Катыргинск (очевидно, Хатырка). Количество алюторцев не сообщает.

²² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 460.

²³ Там же, с. 449.

²⁴ Дитмар К. О коряках. . . , с. 56.

5. **Оленные коряки,** которых насчитывалось свыше 2750 чел., кочевали в пределах Петропавловского и Гижинского округов.

Как видим, К. Дитмар весьма близко подошел к той классификации коряков по языку, которая сложилась позднее. Однако им был допущен ряд неточностей, вызванных отсутствием научных данных. Так, например, на Хатырке коряки-алюторцы не жили, это уже места обитания кэрэков. Не было оснований относить к алюторцам и апукинцев, которые говорят на особом диалекте, более близком к диалекту оленеводов.

Деление коряков на языковые группы, предложенное К. Дитмаром, просуществовало до XX в., когда было положено начало специальному изучению языка и этнографии коряков. Эти исследования дали материал для другой их классификации. В этой связи прежде всего нужно отметить изыскания В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона. В. Г. Богораз занимался изучением главным образом языка коряков, В. И. Иохельсон — этнографией. Они предложили каждый свое деление коряков, основанное опять-таки на языковых признаках.

В. Г. Богораз посетил почти все подразделения коряков, производил записи текстов, выявляя черты сходства и отличия. Он счел возможным сгруппировать все разнообразие диалектов коряцкого языка в две территориальные группы: западную и восточную. Западная группа включала прибрежные поселки побережья Пенжинской губы Охотского моря и оленеводов, кочующих в окрестностях рек, впадающих в Тихий океан. К ним принадлежат, например, поселки Хаилино, Чимитка, Верхняя Похача. В восточную группу входили все коряки побережья Камчатки и корякские поселки на Тихоокеанском берегу, главным образом расположенные вокруг Олюторского залива. ²⁵

Вместе с тем В. Г. Богораз выделил следующие языковые (диалектные) подразделения коряков: каменский, паренский, лесновский (т. е. паланский), карагинский, алюторский. Кэрэцкий он склонен был рассматривать как особый диалект. ²⁶

В. Иохельсон полагал, что корякский язык следует делить на четыре основных наречия: 1) коряков северной Камчатки; 2) оленных и жителей селений Каменское и Парень; 3) алюторских коряков и 4) кэрэков. При этом он тут же отметил, что каждая группа оленных коряков и почти каждое селение приморских имеют свои провинциализмы с некоторыми небольшими отличиями в фонетике и лексике. ²⁷ Это, конечно, так, но все же деление на основные «наречия» коряцкого языка сделано весьма неясно и не-

²⁵ Bogoras W. 1) Koryak texts. — Publications of the American Ethnological Society, vol. V. Leiden — N. Y., 1917, с. 2—3; 2) The Chukchee. — Handbook of American Indian Languages, p. 2. Washington, 1922, с. 640.

²⁶ «Наречие кэрэков, маленькой северо-восточной группы, надо поставить особо» (Богораз — Тан В. Г. Паланцы и укинцы. — Этнография, 1928, № 1, с. 118).

²⁷ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 428—429.

определенно. Что значит «коряки северной Камчатки»? Во всяком случае в этой части изучения коряков В. Иохельсоном было сделано меньше, чем К. Дитмаром. Исследования Б. Г. Богораза оказались значительно глубже: он определил основные языковые отличия разных территориальных групп коряков; его выводы и материалы легли в основу диалектологии корякского языка.

Выяснению вопроса о том, какие существуют территориальные подразделения коряков, много внимания уделялось в советское время (30-е годы) в связи с подготовкой и созданием письменности на корякском языке.

С. Н. Стебницкий, специально занимавшийся изучением языка и диалектов, а также этнографией коряков, в 1934 г. насчитал 9 таких подразделений. Помимо коряков оленеводов (*чавчувае*), представляющих единую группу и имеющих особый диалект, оседлые коряки (*нымыльо*) «распадаются на несколько групп, существенно отличающихся друг от друга экономически, и особенно в языковом отношении. Прежде всего резко различаются диалекты оседлых нымыланов северной и южной части Корякского национального округа».²⁸

К северной группе он относил четыре диалекта: паренский (с. Парень), итканский (с. Иткана), каменский (села Каменское, Микино, Таловка и др.) и апукинский (Апука, Пахача, Ватынь). В южной группе диалектов он также насчитывал четыре диалекта: паланский (села Палана, Кинкиль, Лесная), укинский (Ука, Ивашка), карагинский (Карага, Дранка), алюторский (от с. Тымлат на юге до с. Олюторское в бухте Корфа).

Такое деление С. Н. Стебницкий считал предварительным, полагая, что окончательное решение этого вопроса потребует дополнительного изучения. Однако уже тогда он утверждал, что чавчувенский (диалект оленных коряков), алюторский и каменский «бесспорно являются диалектами». Что касается других диалектов, «то, возможно, что при дальнейшем изучении языка часть из них придется отнести к говорам».²⁹ Тут же он высказал мнение, что и язык кэрэков следует считать особым диалектом корякского языка.

В 1937 г. С. Н. Стебницкий пересмотрел свои взгляды на деление корякского языка. При этом отметил, что отличительным признаком того или иного подразделения коряков служит не только диалект. «Каждое подразделение нымыланов (коряков, — И. В.), говорящее на том или ином диалекте, кроме языковых особенностей, довольно резко выделяется из среды остальных по способам хозяйства. Можно отметить ряд отличительных черт в области социальных традиций, верований того или иного подразделения».³⁰

²⁸ Стебницкий С. Н. Нымыланский (корякский) язык, ч. III, с. 49.

²⁹ Там же.

³⁰ Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937, с. 286.

Как видно, С. Н. Стебницкий учитывал теперь не только языковые, но и культурно-хозяйственные особенности подразделений коряков. При этом он выделил только восемь диалектных подразделений, носители которых чем-то отличались друг от друга в культуре, в хозяйственных занятиях. Вместе с тем он определил численный состав каждого подразделения с указанием его расселения.

1. **Итканцы** — на западе Пенжинского района (восточное побережье п-ова Тайганос) с. Иткана (*Этканнон*) Верхняя, Средняя, Нижняя, около 100 чел.

2. **Паренцы** — с. Парень (*Пойтыл*) на восточном побережье п-ова Тайганос, около 150 чел.

3. **Каменцы** — «многочисленная и своеобразная в экономическом, этнографическом и лингвистическом отношениях группа нымыланов, занимает большую часть побережья Пенжинской губы от с. Микино на севере до с. Мамеч на юге; основной поселок — Каменское (*Вайкынан*) на устье р. Пенжины (Пенжинский район)». Их 700—750 чел.

4. **Апукинцы** — небольшая группа оседлых коряков, расселившихся в бассейне р. Апуки и по побережью Олюторского залива (северная часть Олюторского района), основной поселок *Апоккагыр'ын* (устье Апуки). Их было около 200 чел.

5. **Алюторцы** — самая значительная по численности группа коряков. В 1937 г. «не менее 55—60% алюторцев были кочевники-олeneводы». Алюторцы занимали побережье бухты Корфа (Олюторский район) и далее на юг до с. Тымлат в северной части Карагинского района. Кочевые алюторцы по долине р. Анапки заходили в пределы Пенжинского и Тигильского районов вплоть до селений Рекиньики и Подкагирное. Их 1800—2000 чел.

6. **Карагинцы** — небольшая группа, близкородственная алюторцам, занимали побережье пролива Литке, селения Карага (*К'аран'ынын*), Дранка, Ивашка (*Миваннын*), Карагинский район. Их около 300 чел.

7. **Паланцы** — поселки: Лесная (*Вэемлен*), Кинкиль (*Кинкилатун*), Палана (*К'ычэт*), Кахтана (*К'актыннон*), Ваямполка (*Ваямыл'ан*) в северной части Тигильского района. Их около 450—500 чел.

8. **Чавчумены** — оленные коряки кочевали «в глубине каждого из 4 районов округа». Их численность 3500—3700 чел.³¹

В данное распределение коряков по группам С. Н. Стебницкий не включил укинцев (жителей с. Ука), а жителей с. Ивашка, ранее относимых им к укинцам, причислял к карагинцам. Язык кэрэков в этой работе С. Н. Стебницкий уже не упоминает совсем. Однако в неопубликованной, но подготовленной для печати статье «Апукинский диалект корякского языка» (1941) С. Н. Стебницкий счел нужным отметить, ссылаясь на статью Н. Б. Шна-

³¹ Там же, с. 289—290.

кенбурга «Нымыланы-кэрэки», что к восьми группам коряков, перечисленных им в работе «Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка», следует «прибавить девятую — кэрэков».³²

Этой же классификации диалектов корякского языка придерживался С. Н. Стебницкий и в последней своей работе, появившейся в 1941 г.³³ Группировка территориальных и языковых подразделений коряков, данная С. Н. Стебницким, легла в основу всех последующих работ, в которых касались этого вопроса, в частности, этнографы.³⁴

Несколько иную классификацию подразделений коряков дал П. Я. Скорик в 50-х годах. Совершенно справедливо подчеркивая, что диалектный состав языков северо-восточных палеоазиатов «исследован все еще далеко не достаточно», он тем не менее считал необходимым «уточнить существующую классификацию и прежде всего пересмотреть вопрос о диалектном составе корякского языка».³⁵

В результате сопоставления известных фонетических и морфологических отличий диалектов корякского языка, а также некоторых элементов их лексики П. Я. Скорик приходит к решительному выводу о том, что существует не один корякский язык, а два. Собственно корякский, состоящий из 5 диалектов: чавчувенского, апукинского, каменского, паренского и итканского, и аlyторский язык с диалектами: аlyторским, карагинским и паланским.³⁶ Если следовать логике П. Я. Скорика, то нужно признать и наличие двух особых народов: корякского и аlyторского. На самом деле имеются два народа с двумя разными языками, или это не так?

П. Я. Скорик не исследует этнической истории коряков, истории сложения и развития диалектов корякского языка, того общего, что связывает всех коряков. Он ищет только отличия в языке. Чего же больше между аlyторцами и чавчувенами — отличий или общих черт? Так ли существенны и значительны имеющиеся отличия, чтобы можно было говорить об особом аlyторском языке и народе? Обратимся к некоторым фактам.

Общего и единого в фонетике, морфологии и лексике этих диалектов во много раз больше, чем отличий. И это обстоятельство осознается всеми коряками. Между чавчувенским и аlyторским диалектами меньше отличий, чем между литературным русским языком и колымским наречием. Однако никто из исследователей не решился выделить колымское наречие в особый колымский

язык. Никаких убедительных научно обоснованных данных для выделения аlyторского языка П. Я. Скорик не дал. Имеющиеся лексические, фонетические и морфологические особенности никогда не служили и не служат препятствием для языкового общения аlyторцев с представителями разных подразделений коряков. Неосновательность таких выводов, видимо, признают теперь и сам П. Я. Скорик, редактор сборника, и составитель статьи «Аlyторский язык» А. Н. Жукова.³⁷ В тезисах докладов «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках» (Л., 1970, редактор П. Я. Скорик), тезисы доклада А. Н. Жуковой называются: «О склонении существительных в паланском, карагинском, аlyторском диалектах корякского языка». Очевидно, и автор тезисов, и редактор возвратились к ранее существовавшей точке зрения. К этому следует добавить следующее, на наш взгляд существенное, дополнение.

В 1930 г. в связи с созданием Корякского национального округа учитывались пожелания коряков. Тогда было общепризнано, что существует единая корякская народность и поэтому в состав Корякского национального округа вошли все подразделения коряков, а также аlyторцы, паланцы и карагинцы. Это не вызвало ни у кого никаких сомнений, и в том числе со стороны аlyторцев и других коряков. Подтверждением признания единства корякского народа явилась Конституция СССР (1936 г.), проект которой всесторонне обсуждался, а также существование по настоящее время национального округа в тех границах, которые были установлены еще в 1930 г. с небольшими изменениями на стыке с Магаданской областью, внесенными в 1953 г. Как известно, никаких возражений со стороны аlyторцев, паланцев и карагинцев о включении их в состав Корякского национального округа не было и нет. Как видно, нельзя не считаться с этническим сознанием самих коряков, с их историей, с языковой практикой, с многовековыми традициями.

Итак, нет оснований выделять особый аlyторский язык. Наиболее обоснованным, а отсюда и наиболее убедительным представляется деление корякских диалектов на две ветви: чавчувенскую (северо-западную) и аlyторскую (юго-восточную), предложенное В. Г. Богоразом, а затем уточненное С. Н. Стебницким.

Не вдаваясь в специальное исследование деталей языковых отличий диалектов корякского языка, отметим, что эти вопросы уже достаточно (для целей нашего исследования) освещены в соответствующей литературе. Довольно подробно они изучены в области фонетики, морфологии и отчасти лексики С. Н. Стебницким.³⁸

³² Архив ИЭ, к. II, оп. 1, д. 222, с. 3.

³³ Стебницкий С. Н. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941.

³⁴ См.: Народы Сибири, с. 950.

³⁵ Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. — Вопросы языкознания, 1958, № 1, с. 29.

³⁶ Там же, с. 35.

³⁷ Языки народов СССР, т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968, с. 294—309.

³⁸ Кроме указанных, см. также: Стебницкий С. Н. 1) Аlyторский диалект нымыланского (корякского) языка. — Сов. Север, 1938, № 1; 2) Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова — Сов. Север, 1939, № 2.

Глава II

КОРЯКИ-КАРАГИНЦЫ

Карагинцы составляют южную ветвь коряков восточного побережья Камчатки. Принято считать, что южной границей обитания коряков вообще, и карагинцев в частности, было с. Ука, расположенное в устье р. Уки. На севере границей расселения карагинцев считается с. Тымлат.

В настоящее время карагинцы живут в с. Карага, на Карагинском острове, а отдельные семьи в селениях Дранка, Ука. С начала XVIII в. произошло сужение границ расселения карагинцев, не столько потому, что сократилась их численность, что также имело место, сколько в силу ряда других не менее важных причин. Современное их расселение значительно отличается и от того, которое было в конце XIX в., и даже от того, которое существовало к моменту переписи 1926/27 г. Особенно заметно изменились местонахождения населенных пунктов, их численность, размеры (почти все мелкие населенные пункты исчезли; например Каюм), национальный состав, вообще весь облик расселения на территории коряков-карагинцев. Эти изменения явились следствием коренных сдвигов в социально-экономическом, культурно-политическом развитии коряков. Эти процессы были порождены новыми социалистическими условиями жизни: коллективизацией, укрупнением колхозов, вовлечением коряков в промышленное рыболовство, тягой к большим селениям, где имелись учебные заведения, учреждения здравоохранения, культуры и т. п.

Вообще следует отметить, что со времени включения Камчатки в состав Русского многонационального государства и вызванного этим постепенного изменения социально-экономических основ коряцкого общества, в частности карагинцев, постоянно происходили изменения в характере расселения и численности коряков.

До 40-х годов XVIII в. у нас нет никаких определенных сведений ни о количестве, ни об этнических границах расселения коряков, в том числе карагинцев. Главным образом С. П. Крашенинникову принадлежит выделение карагинцев как особого этнического и языкового подразделения коряков. Он сообщает несколько неопределенные и кажущиеся противоречивыми сведения о южных

границах их расселения. В одном месте он писал: «Сидячие коряки жилища свои имеют по берегу Восточного моря от реки Уки почти до Анадыря».¹ Как бы в подтверждение этому в другом месте он сообщал: «Над Укою и Налачевою есть по острожку. Первой Балаганум, а другой Пилгонтылын. . . Отсюда начинается жилище сидячих коряк».² И тут же отмечал, что в острожке *Уакамелан* (на речке, впадающей в р. Хайлюлю) говорят «коряцким, укинским и камчатским» языком. Далее на север он указывает реку *Нунгын*, которую «казаки прозвали Панкарою (р. Ивашка современных карт, — И. В.)».³ Отсюда начинается коряцкий язык».³ Далее у него же находим такое указание: в 1704 г. казаки построили зимовье на «Уке-реке и начали собирать ясак с тамошних коряков».⁴ Еще ниже он сообщает, что «на Озерной и на Уке-реке» жили «камчадалы».⁵ А в специальной главе «О укинских иноземцах» он писал: «. . . язык от камчатского мало разнствующий, большая часть камчатских слов в нем находится, живут в таких же юртах, в каких и камчадалы».⁶

Такие же противоречивые сведения об этническом составе населения на стыке коряков с ительменами дают миссионеры, посетившие «укинский берег» через 6 лет после Крашенинникова. В «Ведомостях новокрещенным» они писали: «Налачево-реки Начикина острога камчадалы, тоен Начика . . . Кангалаты речки камчадалы, тоен Холюля . . . Русаковой реки сидячие коряки, тоен Кутгут».⁷

Несколько иные и более определенные сведения о расселении этого подразделения коряков сообщает Г. Миллер на основе данных якутского архива: «От Панкары до р. Анадыря, а на западе от р. Крутогоровой до Пенжины проживает третья народность — коряки».⁸ В другом месте того же сочинения он сообщал: «. . . далее идут камчадалы по рекам Озерной, Укувеем, Русаковой и коряки, живущие у рек Панкары и Караги».⁹

Кажущиеся противоречия в сведениях С. П. Крашенинникова, миссионеров и Г. Миллера в известной мере закономерны, так как в селениях от р. Уки до р. Русаковой включительно жило смешанное корякско-ительменское население, где, очевидно, еще шел процесс языковой ассимиляции. По данным же Г. Миллера, коряков там уже не было, были камчадалы (ительмены). Учитывая

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 448.

² Там же, с. 130.

³ Там же, с. 132.

⁴ Там же, с. 477.

⁵ Там же, с. 702.

⁶ Там же, с. 724.

⁷ Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVIII века. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, Л., 1961, т. 222, с. 175.

⁸ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 502

⁹ Там же, с. 507.

все сказанное, видимо, нет достаточных оснований считать население этих южных поселков (Ука, Начик, Хайлюля и Русаково) корякским. Отчасти к такому выводу пришел и И. И. Огрызко. Он пишет по этому поводу: «Население, жившее между Укой и Тигилем, с одной стороны, и Русаковой и Кахтанкой — с другой, представляло собой смесь корякского и ительменского этнических элементов».¹⁰ И тем не менее И. И. Огрызко свой перечень «корякских селений» начинает с с. Ука,¹¹ очевидно полагая, что все-таки это были больше коряки, нежели ительмены. Б. О. Долгих безоговорочно все это население относит к корякам-карагинцам, пользуясь данными С. П. Крашенинникова.¹²

Территориально селения Ука, Русаково, Хайлюля и Озерное примыкали ближе к селениям коряков. Жители этих селений поддерживали экономические и родственные связи с карагинцами. Вряд ли ительменским было и с. Озерное. Дело в том, что жители с. Ука иногда переселялись на Озерное и жили там. Быть может, потому ряд авторов жителей с. Озерное также причисляет к корякам. В этой связи уместно привести верное замечание А. Патканова. По данным переписи 1897 г., писал Патканов, все оседлое инородческое население Петропавловского округа названо «камчадалами». «На самом же деле оседлые жители северной части округа (по берегам Охотского и Берингова морей) представляют из себя племя, смешанное из камчадалов и коряков, причем разные исследователи Камчатки принимают разные границы между более или менее чистыми камчадалами и этим смешанным населением, которое большая часть из них именует „коряками“».¹³

В абсолютном большинстве документов, описаний XVIII—XIX вв. камчадалами называли все коренное население, которое входило в ведение камчатской администрации. И это обстоятельство вносило серьезную путаницу в представления о границах между коряками (карагинцы, паланцы) и ительменами (камчадалы).

Отсюда и решение вопроса о количестве карагинцев. Данные С. П. Крашенинникова легли в основу исчисления населения этой части Камчатского побережья в трудах Б. А. Долгих, И. И. Огрызко, И. С. Гурвича¹⁴ и др. Эти данные следующие: Укинский, тойон Кориць — ясачных 24 чел.; *Пильченгылып*, он же и Маимлянский, тойон Начика — 32; *Уакамелян*, он же и Кахтанский, тойон Холлюли — 19; Русаков, тойон Куму — 23; Острожек на усть губы,

¹⁰ Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов. . . , с. 175.

¹¹ Там же, с. 189.

¹² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 557.

¹³ Патканов А. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. СПб., 1912, с. 978.

¹⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири. . . , с. 557; Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов. . . , с. 199—200; Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, с. 107.

тойон Камак — 30; Юмгин, тойон Умьеучкин — 25; Карагинский, тойон Кумлю — 20,¹⁵ на о. Карагинском — 30 чел.¹⁶ Всего же 203 чел. Эту цифру 203 ясачных нельзя полностью относить к корякам. Дело в том, что жителей о. Карагинского не считали коряками. Если ориентироваться только на языковые данные С. П. Крашенинникова, которые были тщательно изучены С. Н. Стебницким,¹⁷ то окажется, что в основе населения о. Карагинского были ительмены, а не коряки. В ведомости «О нравах живущих в Якутском уезде народов», составленной в 1770 г., о жителях Карагинского острова сообщалось: «Нижнекамчатского острога на острову Карагинском карагинцев, кои в давних летах были те же камчадалы и отошли на морской остров. . . Их 111 человек. . . жительство так же, как камчадалы. . . язык их от камчадалского и алюторского особливый».¹⁸ Почти тоже подтверждает известный знаток этнического состава населения Северо-Востока Т. И. Шмалев (1775 г.). «На том острове, — писал он Г. Миллеру, — жительство камчадалы семей с пятьдесят. . . Нравы их и обычаи против камчадал (коряков-карагинцев, — И. В.) весьма отменные».¹⁹

По данным 8-й и 9-й ревизий, на Карагинском острове было 2 острожка. В 1762 г. в первом (Уемвинском) было 63 чел. мужского пола, во втором (Игнильковском) — 48 чел.; в 1782 г. в первом — 59, во втором — 41.²⁰

Все эти факты дают основание не причислять жителей о. Карагинского, по крайней мере до 70—80-х годов XVIII в., к корякам-карагинцам. Поэтому собственно карагинцев было 173 ясачных плательщика или 500—520 чел. всего.

Неоправимый урон численности всего туземного населения северо-востока Сибири приносили часто повторявшиеся эпидемии оспы и других массовых заболеваний. Особенно опустошительной была эпидемия оспы в 1768—1769 гг., когда почти полностью вымерло ительменское население по восточному берегу Камчатки. Пострадали от этой эпидемии и коряки-карагинцы. По сведениям 1775 г., на р. Уке «жителей камчадал мужского пола человек до 8. На реке Начики, — как сообщает автор документа, — прежде, до оспенного поветрия, жили камчадалы, после нет никого, на

¹⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 512—513.

¹⁶ Там же, с. 136.

¹⁷ Стебницкий С. Н. Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова. (К вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова). — Сов. Север, 1939, № 2, с. 129—170.

¹⁸ Российский магазин, ч. 1. СПб., 1792, с. 397. Эти же данные опубликованы в статье Т. К. Шафрановской «Народы Камчатки и прилегающих островов (Известие 1700 года)» (Страны и народы Востока, вып. VI. М., 1968, с. 66).

¹⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 21.

²⁰ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 37.

Халюле до оспенного поветрия жили камчадалы, ныне пусто. На Русаковой жительствоует камчадал 6 семей, на Ивашке — 8 семей, на Юмгиной-реке (Дранке, — И. В.) жительствоует камчадал 16 семей, на Караге — 15 семей». ²¹ Таким образом, численность карагинцев к 1775 г. не многим превышала 200 чел. (45 семей + 8 чел.), т. е. их число сократилось больше чем наполовину.

По данным 1836 г., их насчитывалось 270 «душ обоого пола», из них подлежало ясачному обложению 60 чел. ²² В 1840 г. всего карагинцев считалось 303 чел. ²³ Явно шло постепенное увеличение их числа после эпидемии «горячки» 1800 г.

Примерно то же количество карагинцев можно восстановить и по данным И. Вознесенского, полученным им в 1846 г. В селениях Ука, Хайлюля, Ивашка, Дранка и Карага «по последней ревизии», писал он, числилось 35 хозяйств (домов и юрт), в которых насчитывалось 147 чел. «обывателей». При этом, очевидно, имелись в виду лишь жители мужского пола, т. е. податные. ²⁴

В 1848 г. в этих же селениях всего жителей было 444 чел. ²⁵ Среди более поздних сведений о расселении и числе карагинцев следует иметь в виду данные К. Дитмара. По его мнению, коряки-карагинцы (он их называет укинцами) «живут в 6 деревнях на северо-восточном берегу Камчатки», «413 душ обоого пола». ²⁶ Вероятно, в это число входила и часть ительменского населения (с. Озерное). По сведениям 1865 г., их насчитывалось 276 чел., ²⁷ а по данным 1866 г. — 268 чел. ²⁸

Учетные данные конца XIX в. более строги и определены. Табл. 1 дает представление о движении численности карагинцев с 1880 по 1896 г. Учитывалось все население.

Очевидно, к началу 80-х годов произошло опять резкое сокращение численности карагинцев, а в 90-х годах число их снова начало возрастать.

По данным переписи 1897 г., карагинцев было 298 чел. обоого пола, ²⁹ но в это число не включены коряки о. Карагинского, которых насчитывалось не более 50 чел. Таким образом, общее число карагинцев было близким к 350. При этом надо помнить, что южная их группа была в значительной мере смешана с ительменами, а вернее сказать, с камчадалами, главным образом селений Еловка, Камаки и др.

²¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 20—21.

²² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 4 и 26.

²³ Там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 18, л. 1.

²⁵ Выписка из письма начальника Камчатки г. Машина к неперемному секретарю Вольного экономического общества. — Труды Вольного экономического общества за 1848 г., ч. II, СПб., 1848, с. 108.

²⁶ Д и т м а р К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6, с. 61.

²⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 540, л. 89.

²⁸ Там же, л. 89 об.

²⁹ П а т к а н о в А. Статистические данные. . . , т. III, с. 914.

Т а б л и ц а 1
Движение численности карагинцев с 1880 по 1896 г.

Селение	1880	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Ука	21	8	7	8	8	8	8	8
Хайлюля	16	18	18	21	20	22	21	25
Ивашка	28	24	28	27	30	33	34	32
Дранка	50	51	74	78	79	78	66	67
Карага	97	111	118	114	117	122	121	114
Всего	212	212	245	248	254	263	250	246

Примечание. См.: С л ю н и н Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II. СПб., 1900, прил. 6, табл. 2 и 3.

В 1915 г., по донесению начальника Петропавловского уезда, карагинцев насчитывалось всего лишь 225 чел. При этом жителей Уки, Хайлюли, Ивашки и Дранки этот официальный документ уже считал камчадалами. ³⁰ Таково движение численности карагинцев на протяжении XVIII—начала XX в.

Уместно отметить, что данные начала XIX в. уже не содержат сведений о жителях о. Карагинского, видимо, потому, что население там было не всегда. Возможно, жителей острова постигла та же участь, что и ительменов восточного побережья Камчатки. Так, экспедиция Ф. Литке в 1828 г. не обнаружила жителей на острове, они видели только развалины жилищ. ³¹ Отсутствие жителей на острове подтвердилось и в середине XIX в. ³²

Причины, в результате которых остров оказался необитаемым, неясны. Известно лишь, что в 1777 г. по распоряжению начальника Камчатки Бема жители острова были переселены в аллюторские острожки, опустевшие после эпидемии оспы. В 1776 г. на острове было 40 ясачных плательщиков, Впоследствии они слились с аллюторцами. ³³

Как писал Н. В. Слюнин, Карагинский остров стал снова обитаемым лишь с конца XIX в., когда туда перекочевало несколько семей оленных коряков, тесно связанных с коряками-карагинцами. Сведения Н. Слюнина не совсем верны. Новое заселение о. Карагинского коряками началось несколько раньше.

В 1885 г. на шхуне «Сибирь» восточное побережье Камчатки обследовал уполномоченный приамурского генерал-губернатора

³⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 347, л. 332—333.

³¹ Л и т к е Ф. П. Путешествие на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948, с. 193—194.

³² Д и т м а р К. О коряках. . . , с. 61.

³³ С г и б н е в А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 7, с. 17; С л ю н и н Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, с. 24.

А. А. Ресин. По его сообщению, он посетил юрту «единственного обитателя острова Карагинского», который жил со своей семьей в глубине бухты, отделяющейся от моря кошкой³⁴ (очевидно, в бухте Ложных вестей). Но это уже был коряк и, видимо, карагинец.

В конце XIX в. о. Карагинский превратился в территорию почти постоянного обитания карагинцев, преимущественно оленеводов. Олени на острове не требовали особого надзора и ухода. Население могло спокойно заниматься промыслами и тем самым обеспечивать свое существование. Однако быстро размножавшиеся олени через 4—5 лет истощили кормовую базу, и коряки вынуждены были перебраться на Камчатский полуостров через пролив по льду в те немногие дни, когда он замерзал. В 1910 г. на острове жило 25 коряков. С 1911 по 1915 г. туда наезжали коряки с. Карага, причем число их то увеличивалось, то уменьшалось. В 1919 г. «в феврале или марте все коряки, населявшие остров в количестве 50 человек, с табунами оленей до 5000 перешли через пролив на полуостров». Основная причина такого переселения — «недостаток мха и голодовка оленей», а также требование оседлых коряков с. Карага, которые рассматривали это стадо как часть их общественной собственности. В годы неурожая рыбы они полагали, что имеют право рассчитывать на этих оленей. В течение 1919 и первой половины 1920 г. эти олени были уничтожены почти полностью. Летом 1920 г. переселились туда жившие ранее там кочевники — 19 чел.³⁵ В 1924 г. повторилось почти то же, что в 1919 г., коряков там было уже 42 чел., жили они в 4 юртах.

В конце XIX в. еще не начался процесс непосредственной ассимиляции карагинцев русскими. Дело в том, что на территории их расселения было всего лишь четверо русских, зарегистрированных в с. Дранка. Это был причт дранкинской церкви. Однако постепенное проникновение русского языка к корякам уже началось через церковь, через церковно-приходскую школу, действовавшую в с. Дранка, и через связи с камчадалами р. Камчатки.

С начала XX в., и особенно после 1905 г., получило быстрое развитие промышленное рыболовство около устьев рек, впадающих в Берингово море. Ежегодно летом приезжали японские и русские рыбаки. Отдельные лица из русских начали постепенно оседать в корякских селениях. Так появились русские на Уке, Хайлюле, Русаковой и в других местах. Но все эти поселенцы составляли незначительный процент в сравнении с местным населением. Часто они, прожив 2—3 года, уезжали.

Таким образом, старый процесс смешения коряков с ительменами начал постепенно осложняться новым, более энергичным, который и предопределил то новое в этническом и языковом раз-

витии коряков-карагинцев, что особенно характерно для них в настоящее время.

Резюмируя вышеизложенное, следует сказать, что за 200 лет численность карагинцев сократилась примерно на $\frac{2}{5}$, главным образом, видимо, в результате эпидемий XVIII—XIX вв. и лишь частично за счет метизации с ительменами (камчадалами). Еще с середины XIX в. началась постепенная русификация коряков, обитавших в южных селениях, которая протекала под влиянием камчадалов, почти полностью утративших к тому времени свой родной язык, многие элементы культуры, обычаи. Известную роль в обрусении коряков сыграла русификаторская политика самодержавия, христианизация, церковно-приходская школа, основанная в с. Дранка еще в 1836 г.³⁶ Следы этого влияния дали себя знать в конце XIX в. Так, по данным переписи 1897 г., уже 7 коряков-карагинцев показали своим родным языком русский.³⁷

В 1916 г. на территории расселения карагинцев действовали три школы, в которых преподавание велось только на русском языке, две из них в селениях Ука и Карага были министерские и одна в с. Дранка — церковно-приходская.³⁸

Общим названием для всего подразделения этой ветви коряков было *каран'ыньльо* — 'карагинцы'. Это название относилось в первую очередь только к основному населенному пункту их — с. Карага (*Каран'ынэн*). Распространялось данное название на все остальные селения этого подразделения на основании общности языка, обычаев, родственных и других связей их носителей с собственно карагинцами.

Интересно, что в сознании представителей других групп коряков, когда имелось в виду подразделение карагинцев в целом, их называли *каран'ыньльо*. И это не было исключением. Алюторцев называли *алутальо* по названию с. Алют, каменцев — *вайкыньльо* по названию Вайкынэн (с. Каменское) и т. п. Эти названия как бы объединяли в себе все основные признаки, характерные для каждой группы. Даже среди прианадырских и хатырских чукчей хорошо были известны такие подразделения коряков, как *вайкыньльо*, *портыльо*, и т. п. И в сознании чукчей все это были коряки, но отличавшиеся одни от других по ряду признаков, в первую очередь по языку и культуре.

Таким образом, и название и самоназвание карагинцев берут свое начало от одного корня, лежащего в основе названия реки и селения на ней — *Каран'ынэн*.

³⁶ Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 8, с. 59.

³⁷ Патканов А. Статистические данные. . . , т. III, с. 913.

³⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 51. В 1915 г. в церковно-приходской школе обучалось 13 коряков. См.: Солянский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916, с. 140.

³⁴ Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, с. 28.

³⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 514, л. 107.

В наше время, как уже отмечалось выше, вопросами корякской диалектологии занимался С. Н. Стебницкий. Он подробно охарактеризовал признаки карагинского диалекта.³⁹

Материальное производство и материальная культура карагинцев. Сколько-нибудь систематизированных описаний быта, культуры карагинцев нет. Свидетельства немногих авторов сочинений о Камчатке XVIII—XIX вв. и архивные материалы, относящиеся к этому же времени, содержат лишь случайные весьма фрагментарные данные о карагинцах вообще. Поэтому составление более или менее полной характеристики материального производства и материальной культуры их будет вестись на основе тех немногих сведений, которые удалось извлечь из разных источников. Нет также почти никаких сведений и о более раннем времени их истории, главным образом потому, что на территории их расселения не велось археологических поисков.⁴⁰

По данным XVIII—XIX вв., карагинцы были как оседлые, так и кочевые. Кочевники имели сравнительно небольшие стада оленей. Они кочевали в непосредственной близости от оседлых поселений. Возможно, что в этих же стадах выпасались и олени, принадлежавшие оседлым.⁴¹ В 1846 г. И. Вознесенский около с. Карага «ездил к оленному коряку аляutorцу Кэльяну, он кочевал в одной юрте, в которой было три полога и обитателей человек 20 обоего пола». Оленей у юрты было «штук до 100 и достаточное количество грузовых нарт». ⁴² Он же писал, что некоторые укинцы имеют оленей.⁴³

В. Г. Богораз отметил в своем дневнике путешествия в 1900—1901 гг. о карагинцах, что «у них табунчики в 50 оленей не больше. Питаются коряки почти исключительно юколой. Оленей убивают только на праздник». По опросным данным, он установил, что на Карагинском острове «живет оленевод — здешний общественник. Табун размером до 3000 голов».⁴⁴

³⁹ Стебницкий С. Н. 1) Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова, с. 129—170; 2) Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937, с. 285—307.

⁴⁰ Исключение составляют отдельные находки. См., например: Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки. — Сов. этнография, 1948, № 1; Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки. — Сб. МАЭ, т. II, 1949.

⁴¹ Во второй половине XVIII в. в районе расселения оседлых карагинцев кочевали также коряки-олeneводы (*чаичуаа*), которые, видимо, появились здесь, спасаясь от наступавших с севера чукчей. В 1755 г. в долине р. Панкары (Ивашки) было «три юрты коряков», всего 147 чел., у них было 807 оленей. (Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 5, с. 72). Лессепс в конце XVIII в. недалеко от Карагинского острожка видел «две орды коряков оленных» (Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, чч. I—III. М., 1801, ч. II, с. 27).

⁴² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 18.

⁴³ Там же, л. 15.

⁴⁴ Там же, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 39—40.

В 1910 г. в отчете о состоянии оленеводства на Камчатке сообщалось: «...из оседлых одни жители с. Караги имеют по несколько голов, пуская их в табуны кочующих».⁴⁵

По данным 1916 г., коряки с. Карага, т. е. оседлые, и коряки Карагинского острова имели оленей.⁴⁶ При этом на острове было около 4000 оленей, принадлежавших одному коряку, с которым проживало около 70 чел. родственников.⁴⁷

Олени оседлых карагинцев были как бы страховым фондом на случай неудачных промыслов. Имея несколько оленей, владелец их в какой-то мере обеспечивал себя питанием в наиболее трудное время. Карагинцы не могли рассчитывать на помощь со стороны собственно оленеводов, так как владельцев больших стад поблизости не было. Оленеводы-карагинцы по существу, подобно своим оседлым собратьям, вели тоже комплексное хозяйство, лишь с несколько большим удельным весом в нем оленеводства.

В основе хозяйства оседлых карагинцев лежало рыболовство. Оно дополнялось морским зверобойным промыслом на ластоногих, сухопутной охотой на парнокопытных животных (оленей, горных баранов), медведей и пушной охотой, главным образом на лисиц и соболей.

Как видно, охота на парнокопытных имела немаловажное значение в жизни коряков. Во время своего путешествия в Карагу И. Вознесенский (1846 г.) отметил: «...в укинском краю коряки добывают много баранов, из их шкур шьют „кухлянки“ и продают камчадалам по 15 руб. за штуку».⁴⁸ Не утратила тогда еще и своего значения охота на диких оленей, что также отметил Вознесенский. На Уке, писал он, промысел оленей «очень удовлетворителен».⁴⁹

Поселки коряков-карагинцев, как правило, располагались на реках, впадающих в заливы, бухты. Поэтому с морским зверобойным промыслом в открытом море эти коряки почти не были связаны. Они охотились на тюленей (нерп, лахтаков), моржей (на лежбищах). Охотой на китов они не занимались.

Большое значение в питании и хозяйстве коряков имело собирание дикорастущих ягод (шикши, брусники, жимолости и др.), которые заготавливались на зиму, стеблей сладкой травы кипрея, кедровых орехов, различных съедобных корней. Для изготовления сетей собирались стебли крапивы, из волокон которой делались нитки. Из морской осоки плели веревки к сетям и использовали ее как материал для плетения циновки, всевозможных мешков и мешков-корзин.

Орудия охоты и рыболовства. В XVIII в. такие орудия, как лук и стрелы, копы и гарпуны, были распространены повсеместно

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1182, л. 102.

⁴⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 46.

⁴⁷ Там же, л. 48. О наличии оленей у оседлых карагинцев и на Карагинском острове писал В. В. Солярский (Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края, с. 2).

⁴⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 7, л. 16.

⁴⁹ Там же, д. 5, л. 97.

у народов северо-востока Сибири, в том числе и у коряков. Со второй половины XVIII в. карагинцы начали постепенно обзаводиться огнестрельным оружием и уже в начале XIX в. многие из них имели его. В 1836 г. у укинцев было 8 ружей, у хайлюлинцев 14, у ивашкинцев 15, у дранкинцев 17 и у карагинцев 20.⁵⁰ Примерно половина взрослых мужчин пользовалась огнестрельным оружием.

Для охоты на соболя применяли специальные соболинные сетки. И в первой половине XIX в. это заимствование от русских промышленников было довольно широко распространено среди карагинцев; так, укинцы имели 6, хайлюлинцы 10, ивашкинцы 12, дранкинцы 13, карагинцы 23 сетки.⁵¹ Кроме того, повсеместно были распространены «клепцы для зверей».⁵²

Рыбу ловили запорами, которые, однако, строились не на всех реках, «сетями редкими», ставившимися с берега,⁵³ а в XIX в. упоминаются уже и невода. Помимо того, кету, горбушу добывали мариками — особыми крючками, которыми цепляли проходившую рыбу.

По данным 1836 г., в Уке было 6 ставных «сетей редких», в Хайлюле 4 и 5 «неводов частых», в Ивашке 15 сетей, в Дранке 26 сетей и 7 запоров, в Караге 2 запора.⁵⁴ Рыбу добывали не только летом в реке и море, но также и в озерах, где ловили осенью (в октябре) коньков.⁵⁵ Недоходы лососевых побуждали карагинцев к зимней ловле, в частности корюшки, а в раннее весеннее время наваги, которую ловили через проруби особыми крючками.⁵⁶

В конце XIX—начале XX в. рыболовство составляло основной и почти единственный источник существования карагинцев. В. Г. Богораз писал о них, что питаются они исключительно «юколой да рыбой». Мяса почти нет, «ибо оленные только общевенники (т. е. приписанные к карагинскому обществу, — И. В.) и те бедные, жиру мало».⁵⁷ Нередко здесь бывали недоходы рыбы, и тогда карагинцы ездили на западный берег Камчатки в Палану, где всегда были хорошие уловы лососевых.⁵⁸

Рыбу заготавливали впрок в основном двумя весьма распространенными по всей Камчатке способами. Из мягких частей (спиннок и боковин) лососевых рыб (кеты, нерки, кижуча) готовили юколу для питания, а вырезанные скелеты с головами вялили на корм собакам. В специальные ямы дополнительно закладывали в ос-

новном горбушу, которую извлекали из этих хранилищ обычно ранней весной. «Кислая» — так называлась эта рыба, и шла она преимущественно на корм собакам.

С 1901 г. начало развиваться промышленное рыболовство на Камчатке, появились первые промышленные рыбалки, куда местное население продавало излишки своих промыслов. Однако само местное население не привлекалось на работы рыболовных промышленных предприятий. Через рыбопромышленников коряки стали получать больше товаров и продуктов русского и японского производства, в том числе дель для сетей и неводов, шлюпки, некоторые продукты питания и т. п. С этого времени прекращается окончательно изготовление сетей из крапивы, ремней, китового уса и других местных материалов.

Средства передвижения по суше и воде. Об езде на собаках карагинцев имеются упоминания у С. П. Крашенинникова, Лес-сенса, И. Вознесенского и других авторов, проезжавших по территории их расселения. Основным средством передвижения на большие расстояния и для перевозки грузов служили собаки, запрягавшиеся цугом по несколько пар в нарты восточно-сибирского типа. В XVIII—начале XIX в. собак, видимо, было сравнительно немного. По сведениям 1836 г., на 5 хозяйств в с. Ука была 41 собака, на 5 хозяйств в с. Хайлюля 45, на 8 хозяйств с. Ивашка 63, на 11 хозяйств с. Дранка 65, и на 6 хозяйств с. Карага 100.⁵⁹ В конце XIX в., как писал Н. В. Слюнин о жителях с. Карага, «не у каждого хозяина найдется собачий потяг (упряжка из 9—11 собак)».⁶⁰ Число ездовых собак ежегодно колебалось и находилось в прямой зависимости от количества заготовленного для них корма. Недоход рыбы значил сокращение количества собак.⁶¹

Зимой по уплотненному ветрами снегу, по замерзшему морю ходили на ступательных лыжах (*уттигыт* — «деревянные лыжи»). В лесистых местах во время охоты на соболя и лисицу использовали лыжи, сделанные из осины и оклеенные снизу шкурой нерпы (*панратигыт*).

Оленеводы карагинцы также пользовались ездовыми собаками, которые имелись в каждом стойбище. Так, в 1901 г. В. Г. Богораз отметил «в одном стойбище 2 нарты (упряжки собак, — И. В.) и в другом тоже 2».⁶² Однако перековывали на оленях.

По рекам и иногда в прибрежной полосе бухт и заливов плавали в батах (долбленных лодках, сделанных из целого ствола дерева). По данным 1836 г., в Уке было 6, в Хайлюле 11, в Ивашке 13, в Дранке 17 и в Караге 10 батов.⁶³ Когда требовалось сплавить

⁵⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1008, оп. 4, д. 27, л. 27.

⁵¹ Там же.

⁵² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 20.

⁵³ Эти способы рыбодобычи сохранялись и в начале XX в. См.: Кра-маренко Г. А. Путешествие на Камчатку и обследование ее в рыболовном отношении. — Изв. РГО, 1908, т. XIV, вып. V, с. 275. Запоры на реках практиковались вплоть до коллективизации.

⁵⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 4, л. 27.

⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 5 об.

⁵⁶ Там же, л. 12.

⁵⁷ Там же, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 38 об.

⁵⁸ Там же, л. 66.

⁵⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27.

⁶⁰ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 462.

⁶¹ В 1846 г. И. Вознесенский отметил: «Карага, нечем кормить собак, в острожке голодовка».

⁶² Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 39.

⁶³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27.

по реке тяжелые грузы, сплавляли 2 бата и делали на них настил. Такой плот назывался *элив'ут*.

Для охоты на морского зверя использовали одноместные байдарки (*якрааттоват*, *кэйэк*), а при выходе в море на коллективную охоту или для того, чтобы пройти на дальнейшее расстояние, пользовались большими многоместными байдарками, обтянутыми шкурами моржей.

В с. Хайлюля Лессепс видел байдару, обшитую кожей. «Длина сего судна от 15 до 18 футов, а ширина 4». Это судно «походило на наши, но не так кругло и красиво; обужено к концам наподобие шпиля и имело плоское дно». ⁶⁴ В середине XIX в. карагинцы еще пользовались большими многоместными байдарками. Так, Г. Вознесенский между Дранкой и Карагой видел большую байдару, обтянутую моржовой кожей. Он же составил замечательное описание устройства одноместной байдарки и того, как пользовались ею карагинцы.

«Весло к укинской байдарке длиною 4 аршина и 12 дюймов — двухлопастное, лопасти узкие не шире 3 дюймов. Длина байдарки по килю (без лахтак ⁶⁵) 5 аршин 13¹/₂ вершков. Мера в окружности по середине 2 аршина 13¹/₂ вершков. Мера отверстия люка в окружности 2 аршина 14¹/₂ вершков, глубина байдарки — 1¹/₂ аршина, ребра (кои связаны китовым усом) — 28 связей. Байдарки бывают и немного длиннее — 6 аршин. Байдарные шпангоуты делают из листовичного леса, обивают кожей лахтак (морских зайцев, — И. В.), а байдары большие — шкурами моржей». ⁶⁶ И. Вознесенский заметил, что карагинцы на Карагинский остров ездят на байдарках. В другом месте он особо отметил, что «карагинская байдарка требует всегда сначала балласт в пудах 3 или 4». Это, видимо, для большой остойчивости на воде. Интересно, что дальше Вознесенский описывает приемы подхода на байдарке к зверю. «При близком появлении зверя укинец (так он называет карагинцев, — И. В.) оставляет весло (двухлопастное, — И. В.) и выпускает с боков лопасти, коими и подгребает к зверю. В бурную погоду гребет разносторонним веслом, а в тихую — равнолопастным. На байдарку идет: лахтак большой и для надставок 2 нерпы». ⁶⁷

К началу XX в. байдары почти вышли из употребления карагинцев. Г. Баррет-Гамильтон и Г. Джонес, посетившие Карагу и Карагинский остров в 1898 г., опубликовали в своей статье фотографию балагана на острове, под которым на возвышении виден остов большой байдары. ⁶⁸ На ней не было кожи. К тому времени моржи на острове были уже уничтожены или разогнаны амери-

канскими браконьерами. Впрочем, В. Г. Богораз в 1900 г. получил в Караге информацию о том, что жители Карагинского острова приезжают на материк на байдаре, но сам он байдар у карагинцев не видел.

Подобно другим обитателям северо-востока Сибири, карагинцы пользовались «кюяками моржовой кожи», ⁶⁹ луками, стрелами с костяными и железными (XVIII в.) наконечниками, гарпунами для охоты на тюленей. На нерп они охотились и на ледяном припае. В 1745 г. несколько коряков отправилось на промысел, добыли трех нерп, но льдину, на которой они находились, оторвало «и носило по оному льду целый месяц, а пропитание имели нерпою сырою». ⁷⁰ Для езды по насту нарты подбивали, очевидно, китовыми костями. ⁷¹

Животноводство и огородничество. Эти отрасли хозяйственных занятий у карагинцев появились лишь в XIX в., и то под давлением камчатской администрации, упорно внедрявшей и животноводство, и огородничество среди коренного населения. Кое-какие результаты уже были в первой половине XIX в., хотя практической выгоды эти занятия карагинцам почти не давали, так как уровень ведения этих отраслей хозяйства был весьма низким. У населения отсутствовали необходимые навыки. Все было ново и непривычно, кроме того, отвлекало от основных традиционных занятий. К тому же продукты огородничества и животноводства не могли заменить недостатка в продуктах питания в годы недохода рыбы и неудачной охоты. Поэтому животноводством и огородничеством занимались постольку, поскольку требовало этого «начальство». Несколько лучше обстояло дело с разведением и использованием лошадей. Коряки полагали, что лошади и коровы, подобно оленям, должны находиться круглый год на подножном корму и под открытым небом. Лошади приспособились, особенно те, которые были завезены из Якутии. Хуже было с коровами. Им нужно было заготавливать сено, строить помещения (стойки). Зачастую ни того, ни другого не делали. Говорить о продуктивности этих коров не приходится, тем более что они находились почти без надзора. Телят и жеребят часто уничтожали местные собаки.

Первые следы животноводства и коневодства у карагинцев обнаруживаются в 1836 г. Коровы были в Уке (2 головы) и в Дранке (4), лошади были в Хайлюле (одна) и в Ивашке (4). ⁷² Огородов тогда у карагинцев еще не было, они появились позднее. Не особенно быстро, но, вероятно, систематически развивалось животноводство. В «Ведомости о числе жителей в Камчатской округе и имеющих у них лошадях и рогатом скоте в 1848 г.» значится

⁶⁴ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 15.

⁶⁵ Кожа, которой обтягивался остов байдарки.

⁶⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 24.

⁶⁷ Там же, тетр. 5, л. 335.

⁶⁸ Barret-Hamilton G. E. H. and Jones H. O. A visit to Karaginski Island, Kamchatka. — Geogr. Journ., 1898, vol. XII, № 3, с. 293.

⁶⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 604.

⁷⁰ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. — Сб. арх. материалов, Л., 1935, с. 104.

⁷¹ Там же, с. 107.

⁷² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 26—27.

у жителей с. Ука 3 лошади и 2 головы рогатого скота, в Хайлюле соответственно 4 и 2, в Ивашке 4 и 3, в Дранке 3 и 11.⁷³ Как видно, животноводство к середине XIX в. стало уже одним из систематических занятий некоторой части карагинцев.

В 1900 г. В. Г. Богораз, будучи в Караге, отметил, что там можно получить немного молока и картофеля.⁷⁴ Значит, здесь уже было в каких-то размерах и огородничество, сажали картофель.

Поселения, жилые и хозяйственные постройки. На протяжении XVIII и особенно XIX в. жилища карагинцев, зимние и летние, а также внешний вид селений, их размеры претерпели заметные изменения. Они шли в основном в двух направлениях: в направлении изменений и усовершенствования старого типа зимних полуземлянок и замены их новым типом — русским (изба) и якутским. Изменялись не только форма, но и размеры зимних жилищ. Из коллективных они постепенно превратились в жилища, рассчитанные на проживание одной семьи.

Вместо летних шалашей, покрытых циновками и травой, стали пользоваться палатками. Хозяйственной постройкой, всегда дополнявшей поселения карагинцев, был балаган — сооружение на сваях. На помосте устанавливались конусообразно жерди, которые потом покрывались матами и травой. Балаганы служили в зимнее время хранилищем запасов продуктов (юколы, орехов, ягод и т. п.), а также местом хранения ненужных зимой летних вещей, орудий рыболовства, остовов байдар и т. п.

Количество балаганов в XVIII в. всегда в несколько раз превышало количество зимних жилищ. Если зимнее жилище было коллективным, в нем жили ближайшие родственники (отец и его взрослые сыновья), то балаганы, видимо, принадлежали отдельным семьям.

В XVIII в. карагинцы проживали небольшими поселениями, расположенными по берегам рек не далее чем в 10—20 км от устьев. Здесь находились и зимние и летние их жилища. Так, на р. Русаковой поселки коряков были расположены в трех местах, то же на р. Караге.

Внешний вид поселков не везде был одинаков. С. П. Крашенинников в числе строений называет юрты, юрточки, барабары, земляные барабары, балаганы, маленькие балаганчики, «земляные анбары» и остроги.

До с. Ивашка, начиная с юга, острогов, т. е. специально укрепленных селений, не было. «До сего места не видал я укрепленных острожков у тамошних жителей, — писал С. П. Крашенинников, — ибо в других местах острожки ничто иное суть, как земляная юрта, многими балаганами, как башнями, окруженная без всякого наружного укрепления; напротив того, далее к северу нет ни од-

ного коряцкого поселения . . . которое не было бы прикрыто какою-нибудь стеною».⁷⁵

Карагинцы (их северная часть) умели строить основательные укрепления, нужные им для защиты от врагов. Вот как описывает Крашенинников один из укрепленных острожков: «Хонгота острожек . . . построен на высокой горе, вокруг его четырехугольной земляной вал, вышиною в сажень, а толщиною в аршин. Сверх того внутри острога приставлены к земляной стене высокие жерди, у которых верхушки вилками, а на те вилки положены поперешные жерди и к ним приставляются колья, ныне их нет. В острог сделаны трой двери, а именно с восточной, с северной и с западной сторон, да во всех стенах сделано по два окошка вместо бойниц. В остроге строения одна юрта, за острогом 1 юрта да 6 земляных анбаров».⁷⁶

Юрты карагинцев, видимо, были обычного камчадалского типа со входом через отверстие в своде. Кроме того, был вход и сбоку (жупан), им пользовались в летнее время. Размеры юрты зависели от количества семей, обитавших в ней, отсюда и количество балаганов около нее. Чем больше балаганов, тем больших размеров была юрта, и наоборот. Эта зависимость хорошо прослеживается по данным С. П. Крашенинникова, который писал, например, что на Караге «от устья верстах в 8 юрточка да два балагана».

Барабары — травяные шалаша, которые строились на летниках. Очевидно, коряки строили и земляные барабары, как упоминает Крашенинников; к сожалению, он не оставил описания этого типа летних помещений.

К концу XVIII в. жилища карагинцев заметных изменений не претерпели. Тот же характер сохранил и внешний вид их поселений. Так, в с. Ука было 2 юрты, 12 балаганов «да одна изба».⁷⁷ Это было первое строение русского типа. В с. Хайлюля было также 2 юрты, 12 или 13 балаганов, в Караге — 3 юрты и 12 балаганов.

Лессепс дал описание устройства юрты карагинцев, которая состояла из «квадратной ямы около 7 аршин в поперечнике и 8 футов глубины. Крыша ее . . . начинается с поверхности земной и не выше 4 футов . . . около вершины сделано окно; сие отверстие имело 4 фута в длину и 3 в ширину, сквозь которое выходит дым и входят в юрту». Эти жилища «окружены довольно высоким полисадом, вероятно, для того, чтобы защититься от ветру и падающего снегу; а другие уверяли, что сии стены служили защитой сим народам от неприятелей». Очаг в ней находился «по середине или к стороне». Вокруг стен были устроены нары «шириною в 5 футов и вышиною от земли один фут».⁷⁸

В первой половине XIX в. размеры юрт начали сокращаться, появилось больше домов. В с. Ука (1836 г.) было 5 юрт (на 29 жи-

⁷³ Труды Вольного экономического общества за 1848 г., ч. II, с. 109—110.

⁷⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 38 об.

⁷⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 133.

⁷⁶ Там же, с. 132.

⁷⁷ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 14.

⁷⁸ Там же, с. 21—24.

телей), в Хайлюле 5 (37 жителей), в Ивашке 6 домов и 2 юрты (на 48 жителей), в Дранке 1 дом и 10 юрт (на 67 жителей) и в Караге 6 юрт (на 89 жителей). Сокращение числа жителей в одной юрте — свидетельство изменения общественных отношений, и прежде всего разрушения кровнородственных начал, ранее лежавших в основе производственной деятельности большого семейного коллектива. Балаганы по-прежнему оставались неотъемлемой хозяйственной постройкой. Их количество даже возросло.

К числу построек нового типа, ранее неизвестных в корякских селениях, нужно отнести бани. Первое упоминание о них относится к 1836 г.; бани были в селениях Хайлюля и Дранка.

В 1846 г. замена юрт домами приняла уже почти повсеместный характер. Наряду с домами (избами русского типа) начали появляться юрты якутского образца (*якотран*). Так, в Уке осталось 3 юрты и было построено 4 дома «из ветлы, рубленные в лапу... с весьма низкой дверью», — отметил в своем дневнике И. Вознесенский. На Хайлюле было 2 готовых дома и 3 строились. В Караге, писал Вознесенский, «я побывал в разных юртах здешних жителей. Видел юрту якутскую, так называемую, и юрту алюторскую». Последняя была устроена так, что в нее «надо было входить в отверстие, где выходит дым».⁷⁹

К концу XIX в. юрты, еще бытовавшие у карагинцев, начали строиться уже по-иному. Был ликвидирован вход через проем в кровле, его заменил вход сбоку. «Карагинские юрты, — сообщали Баррет-Хамилтон и Джонес, — отличаются от юрт, описанных старыми путешественниками, тем, что вход у них с боку через обыкновенную дверь, а не с крыши через лестницу».⁸⁰

В 1897 г. в Караге было 8 домов и 3 юрты. «Избы малы, грязны, писал Н. В. Слюнин, — есть черные (без трубы,) в которых вся обстановка состоит из нар, едва прикрытых оленьими постелями».⁸¹

В 1901 г. В. Г. Богораз нашел в Караге «дома и две якутские юрты». Он составил краткое описание якутской юрты: «Якотран — нечто среднее между юртой и избой. . . Два простенка стоячие, 2 стены поперечные, бревенчатые, лежащие и обязательно печь. Топят дважды в день. В одной якутской юрте окно прорезано в простенке и затянато кишками».⁸² На Карагинском острове еще были землянки описанного выше типа. В 1907 г. в с. Карага было уже 9 домов.⁸³

В основном на протяжении второй половины XIX в. традиционные жилые постройки карагинцев были заменены срубными домами, частично якутскими юртами. Хозяйственные постройки в виде балаганов остались теми же, какими они были еще в на-

чале XVIII в., правда, как жилое летнее помещение они уже не использовались. Вместо них в летнее время жили в травяных шалашах (*vis' айран*), а главным образом в палатках.

До начала XX в., точнее до развития широких торговых связей, жилые помещения карагинцев освещались жирниками, в которых горел рыбий жир или жир морских млекопитающих.⁸⁴

Внутреннее устройство юрты оседлых карагинцев описано Лессепсом. На нарах в юрте люди спали, ели и работали. Посуда их состояла из деревянных и берестяных сосудов.⁸⁵ Для хранения сыпучих продуктов (орехи, ягоды, корни и т. п.) плели из морской осоки (*ктувэю*) мешки, корзины. В основу плетения закладывали прядево от старых сетей, а вокруг оплетали его стеблями осоки.⁸⁶

Одежда карагинцев изготовлялась из шкур оленей, диких баранов, а некоторые виды одежды и обуви шились из шкур и кож тюленей, мездровую сторону которых обязательно красили корой ольхи.⁸⁷

Шкуры выделывали при помощи кремневых и каменных скребков, применяя их при обработке шкуры в определенной последовательности. «Скребок кремневый, — записал в своем дневнике И. Вознесенский, — по-укински называется *аутапленан*', скребница каменная по-укински называется *хвопленан*' — сею скоблят после кремневой терки, ибо она тупая и более шкуру мягчит, чем очищает, тогда как кремневым скребком первоначально очищают кожу от жил, остающихся на коже во время снятия, скоблят же шкуры сухие».⁸⁸

Некоторые кухлянки (парки) украшали подзором, который по-укински назывался *уаннесенпын*, а сама такая кухлянка — *милэгитъан*. Простая кухлянка без подзора называлась *итъан*. Видимо, сами формы рисунка упавана (подзора) у карагинцев чем-то существенно отличались, в частности, от рисунка упаванов алюторцев. Это следует из того, что И. Вознесенский «заказал некоему Ворошилову (торговцу, — И. В.) привезти из алюторских селений шахматных упаванов».⁸⁹

Моржовые шкуры, которыми обтягивали остовы больших байдар, выделывали с применением икры лососевых пород рыбы и толченого листа (иглол) кедровника.⁹⁰

Интересно, что еще в самом начале XX в. в домашнем обиходе карагинцев находили применение древние орудия. «Из орудий каменного века, — замечает В. Г. Богораз, — сохранились, кроме молотка для дробления костей, еще другие — *тылэн'а* —

⁷⁹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 5, 8, 18.

⁸⁰ Barret-Hamilton G. E. H. and Jones H. O. A visit to Karaginski Island, с. 288.

⁸¹ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 462.

⁸² Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 38 и 40.

⁸³ Крамаренко Г. А. Путешествие на Камчатку. . . , с. 274.

⁸⁴ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 20.

⁸⁵ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 25.

⁸⁶ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 8 об.

⁸⁷ Там же, тетр. 8, л. 16 об.

⁸⁸ Там же, тетр. 9, л. 5.

⁸⁹ Там же, д. 5, л. 17.

⁹⁰ Там же, д. 3, тетр. 3, л. 24.

песты каменные или роговые для растирания кипрея на плоском камне, скребки для шкур, костяные чесалки для крапивы». ⁹¹

Как сообщали Баррет-Хамильтон и Джонес, карагинцы «были большей частью одеты в одежды из шкур северных оленей мехом во внутрь, все их одежды спускались не ниже колен». Как правило, верхняя одежда имела капюшон, но некоторые коряки уже носили кепки. ⁹² Среди карагинцев встретились и такие, у которых была и другая верхняя европейская одежда: рубашки, штаны, пиджаки. ⁹³

Обычаи и культы карагинцев. О культурно-бытовых особенностях карагинцев XVIII—XIX вв. имеются лишь отдельные замечания, касающиеся некоторых сторон их быта, культов и обычаев. Эти краткие и разнопредметные заметки не дают возможности систематизировать содержащийся в них материал и тем более делать на их основе какие-то обобщения. Однако следует их привести, чтобы дополнить характеристику этнических особенностей карагинцев.

С. П. Крашенинников оставил специальные заметки «О укинских иноземцах», в которых сообщает ряд интересных наблюдений, единственных для первой половины XVIII в. об этих коряках. К укинцам он относил население, жившее в острожках: Озерное, Ука, Русаково и Хайлюля.

«Язык имеют от камчатского, — писал Крашенинников, — мало разнствующий, большая часть камчатских слов в нем находится, живут в таких же юртах, в каких и камчадалы, ⁹⁴ и нравы и поведения камчатские». «Свадьба, родины и похороны отправляются у них по камчатскому обычаю». ⁹⁵ И в то же время Крашенинников замечает, что в отличие от женщин-ительменов женщины «Озерной и на Уке-реке лица и руки вышитые имеют», ⁹⁶ т. е. татуированные.

Говоря о строгости семейных нравов коряков, И. Вознесенский отметил, что «корякские замужние женщины никогда не носят хорошего платья снаружи, а всегда под грязною и грубою паркою или кухлянкою, лица и рук не моют для того, чтоб не поправиться чужим, кроме мужей своих, которые, впрочем, из опасной ревности этого сами желают от них и требуют». ⁹⁷ Из брачных обычаев карагинцев В. Г. Богораз отметил отработку

⁹¹ Там же, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 39. Необходимо заметить, что такие «чесалки» употреблялись не только для расчесывания стеблей крапивы, но и стеблей морской осоки, из которой плели циновки, делали мешки и т. п.

⁹² Barret-Hamilton G. E. H. and Jones H. O. A visit to Karaginski Island. . . , с. 288.

⁹³ Там же, с. 291.

⁹⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 724. В другом месте, выделяя укинское наречие, Крашенинников называет его языком «сидячих коряк» (с. 461).

⁹⁵ Там же, с. 725.

⁹⁶ Там же, с. 702.

⁹⁷ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 4, л. 383.

за жену «3—4 года друг у друга». ⁹⁸ И строгие семейные нравы, и отработка за жену — все это было характерно не только для карагинцев, но вообще для всех коряков.

Больше всего внимания С. П. Крашенинников уделил праздникам, культам укинцев и обычаям, связанным с ними. «Празднуют один раз в год осенью, а продолжается их праздник через целые 4 недели». Во время праздника «от всякой ествы бросают они в огонь помаленьку горелой сопке на жертву, ей же и перво-промышленную рыбу в дар приносят». ⁹⁹

Крашенинников отметил, что карагинцы «имеют у себя шаманов с бубнами, которые у них вместо лекарей служат, ибо они никаких трав от болезней не употребляют». В качестве мер, способствующих выздоровлению, шаман «либо велит собаку убить врагам (вредоносные существа, носители болезни чело-века, — И. В.) на жертву, либо, над прутьями пошептав, поставить велит, собак на жертву колют они копьём или ножом в бок . . . а заколов, иные с мясом кожу, а иные одну голову на шесте втыкают, лицом к горелой сопке». ¹⁰⁰

По наблюдениям Крашенинникова, укинские шаманы «особливого платья не имеют». Ему удалось видеть, как шаман камлал, а затем разговаривать с ним. При этом тот сообщил Крашенинникову интересные подробности, иллюстрирующие некоторые детали корякского шаманства. Так, он сказал, «что враги к нему приходят иные малые, иные большие, иные из горелой сопки, а иные из моря. Морские богаче сопшных, платье носят из травы, шелковник называемый, которая в реках растёт, сопш-ные обгорелые, иные о полубоке, иные безрукие, очень нехорошие. Он-де их видит, будто во сне, ибо-де, как они к нему придут, то-де его мучат. . . ». ¹⁰¹

Интересны совпадающие наблюдения С. П. Крашенинникова и И. Вознесенского относительно своеобразных «жертвенных» мест карагинцев. Крашенинников отметил, что на одном из урочищ по р. Русаковой есть «знатное» место «Ункалак (Каменный враг), о котором коряки объявляют, что живет в том месте враг Ункалак, которому должно приносить на жертву камень, кто впервые мимо того места ни пройдет, ежели благополучно пройти пожелает; в противном же случае делается от того врага бедствие. И понеже все приносящие жертву мечут камень в одну кучу, то их поныне превеликая груда набросана». ¹⁰²

И. Вознесенский видел такое место между селениями Дранка и Ивашка. «Каменный столб, где прежде клали камчадалы (коряки, — И. В.) камни, *Гуйкалэк* — «Кучи каменные», *калэк* — «болван» или «идол», *гуйээн* — «камень». Все означает «каменный

⁹⁸ Там же, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 40.

⁹⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 724.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, с. 132.

идол'.¹⁰³ Такие жертвенные места называются *тинтынутэнут*. О них помнят и могут указать, где они находятся, местные жители и в настоящее время. Около с. Карага было несколько таких мест, в частности, выше старого селения был камень, который называется *Малват*. Это жертвенное место, к которому прохожий должен был бросить камень.

Представляет интерес вопрос: почему приносились в жертву камни? Сами коряки на него не могли дать никакого ответа. Очевидно, эта традиция была древней и первоначальные поводы принесения в «жертву» камней уже давно забыты, остались в сознании лишь едва уловимые связи этих приношений с промыслами. Нет ли связи этих жертвенных камней с каменными орудиями? Такое предположение, возможно, не лишено оснований. Дело в том, что на жертвенных местах *аппапил* и *ыллаапил* у коряков как раз было принято приносить в жертву и орудия охоты (наконечники стрел, копий и т. п.).¹⁰⁴ Может быть, камни служили заменителями подлинных каменных орудий, т. е. приобрели вотивный характер.

Как было отмечено выше, карагинцы несли в своей культуре и быту заметные черты влияния ительменов. Это влияние проникло глубоко и в некоторые стороны идеологии, в частности в религиозные представления. К числу таких заимствований должен быть отнесен ряд особенностей осеннего благодарственного праздника, который называется карагинцами *ангыт* или *хололо*. Интересно, что первое название значит 'праздник' вообще, всякий, а второе — не что иное, как приветственное восклицание, которое употребляется только на этом празднике и произносится присутствующими на празднике как приветствие и как поощрительное восклицание во время плясок-пантомим и других церемоний. Сам факт отсутствия специального названия этого праздника как бы подтверждает его инородное происхождение. Однако было бы неосмотрительно и просто неверно все ритуалы, всю процедуру и атрибутику этого праздника рассматривать как чистое заимствование от ительменов. В этом празднике синтезированы и корякские и ительменские элементы общей идеи благодарственных осенних праздников, которые отмечались аборигенами Камчатки и Чукотки после многотрудных летних промыслов (охоты, рыболовства и собирательства). Карагинцы как бы дополнили свой праздник добавлениями из представлений, некоторых обрядов, которые были распространены среди ближайших ительменов.

Чтобы составить более полное представление об этом празднике у карагинцев, дадим сначала его составные элементы, никем ранее не описанные. В конце 20-х годов мне удалось быть сви-

детелем этого праздника, ежегодно проводившегося в с. Карага. Личные наблюдения, дополнительные сведения и разъяснения, полученные от карагинцев, дают хотя и не исчерпывающее, но все же достаточно полное представление об этом празднике.¹⁰⁵

Жители почти каждого дома с. Карага поочередно устраивали осенний благодарственный праздник, проведение которого началось с октябрьского новолуния и могло продолжаться с перерывами вплоть до декабря.

Празднующий дом готовился заблаговременно, заранее объявляли о дне проведения праздника. С утра назначенного дня домохозяйка и женщины других домов, обычно родственницы, начинали готовить праздничное блюдо — толкушу (*тылк'ытыл*).¹⁰⁶ Мужчины — соседи, родственники — с утра ехали в лес, где они заготавливали березовые чурки для «вертушек» (*тэлытэл* — род деревянного пропеллера), их изготовлялось столько, сколько было мужчин в доме, включая и мальчиков; рубили березовые прутья по два на каждую «вертушку», для обряда «перетягивания», березовые палки для дротиков (5 шт.), березовые чурочки для изготовления фигурок (5 шт.) *эффэв'* (деревянные скульптуры, изображающие «громовые» существа), ольховые чурки для вырезывания масок (2—4 шт.). Прибывшие из леса мужчины должны были бороться с хозяевами дома, что представляло собой чисто условный акт. Побороть должны прибывшие, а не хозяева.

В течение дня гости заходили в дом устроителей праздника. Хозяева приветствовали их возгласом *хололо!* Прибывшие отвечали так же: *хололо!*

По-настоящему праздник начинался в сумерки. К этому времени уже приходили гости со всего поселка, в основном парни и молодые мужчины, женщины и девушки. Под звуки бубна (бубнов), девушки и женщины, одетые в расшитые тонкокожие кухлянки (*вылгэтьан*), начинали пляску, которая представляла собой ритмичные подъемы на носки с последующим перенесением пятки то вправо, то влево. В такт с этими движениями происходило раскачивание торса также то вправо, то влево. Иногда все это сопровождалось пластическими движениями рук, головы и так называемым «горлохрипением» (*к'ариг'айн'этык*). Последнее было весьма выразительным изображением быстро бегущих запыхавшихся оленей или уставших от быстрого бега собак. Движения головы и туловища с одновременным движением рук как бы повторяли движения оказавшегося на льду или на суше тюленя.

¹⁰⁵ Описание этого праздника и отдельных его элементов были составлены жителями с. Карага в 1957 г. Степаном Ивановичем Суздаковым и в 1965 г. Николаем Ивановичем Наяновым. Пользуясь случаем, приношу этим товарищам искреннюю благодарность за оказанную мне помощь в изучении данного вопроса.

¹⁰⁶ Особое блюдо из ягод (шикши), икры и жира морских животных, смешанных в определенных пропорциях.

¹⁰³ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 4, тетр. 5, л. 335.

¹⁰⁴ В до в и н И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение. — Сб. МАЭ, т. XXVII, 1971.

«Горлохraphение» сменялось другим бодрым и веселым напевом: о-ча, о-ча-ча, о-ча, о-ча-ча! Одновременно менялась поза пляшущих, они выпрямлялись, как бы отдыхали. Затем опять склонялись и все повторялось снова. Такие пляски-пантомимы продолжались без перерыва всю ночь, на протяжении всего праздника. Мужчины с вечера вырезывали «вертушки», маски, *эффэв*¹⁰⁷ и делали дротики.

Во время этого праздника полагалось выполнить несколько обрядов в определенной последовательности. Первым совершалось жертвоприношение через домашний очаг (*милгэйивэтын* — «поделиться через огонь»). Делалось это так. Двое мужчин (хозяин и ближайший родственник) садились друг против друга около дверцы железной печки. Они имелись во всех домах карагинцев и служили основным источником тепла. На голове у них были надеты малахай (зимние шапки) задом наперед. Брели в руки по несколько березовых прутьев (заранее приготовленных), сгибали их в пучок и связывали «священной» травой *лаутэн*¹⁰⁸ (род осоки, заготовленной летом, расчесанной костяным гребнем, просушенной и представляющей собой мягкие волокна). К таким связкам добавляли немного заячьей шерсти, кусочки нерпичьего жира и немного толкуши. Все это называлось *к'амай-ирьын* — «пища, еда» (буквально — «наполнение блюда»). Жертвенная пища ставилась на шкуру нерпы. Первыми бросали связки в огонь. При этом говорили: «На, вверху находящийся (*Гырголалтын*), тебе, чтобы мы хорошо жили, не болели!». Повернувшись лицом к морю, хозяева начинали жертвоприношение *Атгаёлайтын*¹⁰⁹, т. е. находящемуся в море далеко от берега. «На, покровитель морской охоты (*Ивинилтын*), чтобы мы удачно охотились на морских зверей и чтобы с охотниками не приключилось несчастий на море». Затем шкуру с жертвенной пищей разворачивали на 180°, «лицом» к суше, также поворачивались и мужчины и начинали жертвоприношение *Явалкэна*, т. е. всему тому, что находилось на суше, в стороне от моря, в первую очередь примечательным горам, «священным» камням и т. п. Некоторые начинали жертвоприношение, обращаясь в первую очередь к суше. «На, *Малват* (жертвенный камень, находившийся выше с. Карага), чтобы мы весело жили, благополучно ездили (передвигались)!». «На, *Хэ'ыв'калак* (буквально — «каменный идол», камень, находившийся на пути от с. Карага к бухте Осора), чтобы мы не болели, чтобы путники внезапно не начинали болеть!». С аналогичными жертвами через домашний очаг обращались к горам: *Кытгым* (Соболь, на левом берегу устья р. Караги), *Кэнгын'эй* (Горелая гора, к северу от с. Карага), *Какку-кымтын* и другим местам.

Таким способом карагинцы как бы задабривали все существа, от которых, по их представлениям, зависели удачные промыслы на море, на суше, здоровье и вообще благополучие в жизни.

Следующим обрядом было «перетягивание» (*харривирин'ситык*: *харрив* — «путь», *вин'ситык* — «отнимать друг у друга») березовых прутьев. Два или несколько мужчин-гостей делились на две равные группы. Одни оставались в помещении, другие выходили в сени. Брели за концы березовый прут (около 2.5 м длины) и, упираясь ногами в порог двери, старались перетянуть друг друга. Обычай требует, чтобы победила та группа, которая находится внутри дома. Эти прутья, по определению коряков, — символ благополучной жизни, счастья семьи, поэтому они должны быть втянуты в дом. Противоборствующая сторона являлась как бы выразителем тех недобрых сил, которые всегда подстерегали коряка и хотели проникнуть в его жилище. Но борьба с ними приводила к победе добрых начал. Они втягивали прут в жилище, уже освобожденный от бремени всего плохого, что оставалось за порогом дома. Таким образом, обеспечивалась «чистота» жилища, куда не могли проникнуть вредоносные существа.

Наиболее яркой частью праздника, в которой участвовали все мужчины, был *тэлытэл* — «вертушка» (табл. I, 1). Из березы делалось подобие пропеллера с двумя отверстиями посередине. Длина *тэлытэл* около 30 см, ширина 6—8 см. Вертушку красили поперечными полосами соком брусники или шипши и углем. В отверстия в два ряда пропускался нерпичий или лахтажий ремень, длиной около 4—6 м (в два ряда). Одна пара концов ремня прочно укреплялась в стене сеней (через прорубленное отверстие), другая — закреплялась на палке (рукоятке). На середине находилась «вертушка». Один из участников праздника брался за палку-рукоятку и тянул сначала на себя (упираясь в порог ногами), потом отпускал; в результате таких движений «вертушка» начинала вращаться то в правую, то в левую стороны. Чем сильнее и чаще натягивался ремень, тем быстрее крутилась «вертушка». При этом она издавала жужжащий звук. Под поощрительные возгласы присутствующих (*к'нанок*, *к'нанок*!) мужчины, сменяя друг друга, тянули за рукоятку все сильнее и быстрее. Иногда это делали вдвоем. Наконец ремень рвался. Тогда все присутствующие мужчины бросались к ремню, начиналась борьба за ремень. Каждый отрезал себе столько, сколько успевал захватить (намотав на руку).

Маленькие вертушки (15—20 см длиной) вместо ремня с веревками, сплетенными из травы *лаутэн*¹¹⁰, тянули мальчики, подражая во всем старшим.

После этого начиналась церемония с внесением специально для праздника сделанных деревянных фигур — *эффэв*¹¹¹. Совершение этого обряда связано с почитанием грома и молнии, с охотой на морских млекопитающих. По представлениям коряков, гром и молния дают материал для каменных (обсидиановых) орудий

¹⁰⁷ Не каждая семья совершала этот обряд. Видимо, только те семьи, которые не потеряли связи со своим ительменским прошлым.

а *эффэв* во время грозы «летают». Сама форма *эффэв* напоминает наконечники стрел. (табл. III, 3). Их всегда делалось пять: два — женского и три — мужского. Они составляли две пары (мужа и жену) и одинокого мужчину. Каждый из *эффэв* имел собственное имя. *Эффэв* мужчины назывались: 1) *Кигигысьняк'у* — старший из «громов», самый сильный (основа этого слова *кигигы* — «гром»); 2) *Кигигылъын* — «гром издающий»; 3) *К'ункилыкълъын* — «однокровный», от *кивл* — вся кровь какого-нибудь живого существа (например, кровь оленя, собранная в желудок, называется *кивл*), *к'ун* словообразующий префикс со значением — «один», «единственный», «одинокый».

Эффэв женского пола имели следующие имена: 4) *Кигигылъын'эв* — буквально «грома жена»; 5) *Мулык'тын'эв* (жена *Кигигысьняк'у*), от *мулы* — «кровь» и *к'т* — основа со значением «прочный», «крепкий», *н'эв* — основа слова «женщина», «жена».

Как видно, персонажи *эффэв* обязаны своим происхождением грому, отсюда их имена. Важно отметить здесь также и то, что обидиан на карагинском диалекте называется *кигигылъавыт* — «громовой скребок». Таким образом, его происхождение связывается с громом.

Эффэв вносятся в дом только вечером. Перед тем как они окажутся в помещении, в дверях дома натягивают шкуру молодого лахтака или нерпы. В эту шкуру молодые люди бросают пять заостренных с одного конца березовых палок, острия которых предварительно обжигались на костре. Палки эти и по форме и по величине напоминают дротики; длина их около 1.5 м, а толщина 2 см. Бросают их с такой силой, чтобы пробить острием шкуру, т. е. «убить морского зверя». Только после того, как шкура пробита, *эффэв* начинают перебрасывать через открытую дверь внутрь помещения, где их ловит хозяин дома или кто-нибудь из ближайших родственников. После того как переброска *эффэв* в помещение заканчивалась, имитировался дождь плодородия. Из сеней в комнату бросали ягоды (шикшу, бруснику) и кедровые орехи. В этом можно усмотреть очевидную последовательную связь явлений природы, которая и изображалась в ряде действий — гром, который послал наконечники, затем дождь, следствием которого и было появление (урожай) ягод и орехов.

Заполучив таким путем *эффэв*, хозяин устраивает их на постель (*айкол*), которой служит шкура только что «добытого» морского зверя. Для *эффэв* ставился отдельный жирник, отдельная посуда с угощением толкушей и березовая веточка, которая должна была изображать жильё. Затем начинались приготовления *эффэв* в дорогу. В помещение они поступали в голом виде. Только в верхней части, изображавшей голову, соком ягод были обозначены глаза, нос и рот.

Для всех *эффэв* из травы *лаутэн* хозяева плели шапочки, рукавицы. Для *эффэв* мужчин делали широкие лыжи-голицы (хотя называются они *пантатэгув*, что буквально значит «камусные лыжи», т. е. подбитые камусами); деревянные копыя (*пойгув*). Для *эффэв* женщин делали *уттигув* — «лапки» (ступательные лыжи), *нафнафув* — мешки-корзинки, сплетенные из травы, которые носят на спине, где они поддерживались при помощи широкого ремня, надеваемого на лоб.

Пока *эффэв* «гостят» в течение ночи, молодые люди должны трижды произвести кражу продуктов где-нибудь у соседей. Два-три молодых человека забирались к кому-нибудь из соседей в балаган, брали имевшееся там мясо, юколу и приносили в дом, где проводился праздник. Эти продукты считались принадлежащими *эффэв*. Их угощали, давая им по маленькому кусочку, а все остальное поедали присутствующие. Эти кражи не преследовались и не наказывались.

Перед отправлением *эффэв* к себе домой (т. е. в огонь) всех присутствующих начинают угощать рыбой (*инэнэръувик*). Делалось это так. Хозяин дома и один из гостей садятся друг против друга у кастрюли с отварной рыбой, которая ставится посередине помещения. На головах у них малахаи, надетые задом наперед. Сначала они по очереди вызывают *эффэв* (называя их по имени) и приглашают их отвесть рыбы. Первым начинает хозяин: *Кигигылъын, к'ивиниг, к'артуги!* («Гром, подойди, отведай рыбы!»). После того как вызваны по аналогичной формуле все пять *эффэв*, мужчины, исполняющие обряд, меняются местами, надевают правильно малахаи и начинают вызывать сначала живущих в этом доме, а затем всех присутствующих отвесть рыбы. После церемонии угощения рыбой *эффэв* «отправляют в дорогу». Хозяин берет их вместе с приготовленными для них предметами и бросает в горящую печь. На этом обряд с *эффэв* заканчивается. И о них вспоминают только летом, когда начинается ход рыбы. Каждая семья, совершившая во время праздника обряд *эффэв*, сжигает на костре, где-нибудь в лесу, пять горбуш (трех самцов и двух самок) в дар каждому из *эффэв*.

Продолжением праздника служат пантомимы, при этом действующие лица выступают в деревянных масках (*уллау* — «деревянное лицо») (табл. I, 3). Их делалось столько, сколько в данном доме проживало взрослых, составляющих семью. Если одна семья, изготавливались две маски — мужская и женская, если две — соответственно четыре и т. д. Маски обязательно делались из ольхи. Держатся они на лице при помощи веревочек, сплетенных из травы *лаутэн* и продернутых в отверстия с боков маски. Одежда, головные уборы на маскированных вывертываются наизнанку, чтобы их не узнали. Обычно мужчина надевает женское платье и женскую маску, а женщина — все мужское. Оба они с посохами. Войдя в помещение, маски изображают бытовые сцены из жизни поселка, иногда довольно откровенного содержа-

ния. Все это сопровождается шумным весельем, смехом всех присутствующих, которые пытаются отгадать, кто же скрывается под масками.

Перед уходом из дома маскированные «очищают» весь дом при помощи посохов от злых существ *нин'виту*. Начиная с дальних углов, они идут по направлению к выходу, размахивая своими посохами, как бы выгоняя на улицу кого-то.

Маски делаются по толкованиям коряков-карагинцев для того, чтобы в доме не осталось злых существ, приносящих несчастья семье. Таким образом, пантомимы в масках несут в себе и развлекательный и «рациональный» элементы, как вообще почти все церемонии и обряды, исполняемые на этом празднике.

Следующим по порядку исполнялся обряд с деревянными охранителями — *калаткок* (от слова *калак* — «охранитель»). *Каллак* — тоже вырезанная из березового прута с двумя отростками стилизованная фигурка человека. Туловище заканчивается весьма условным обозначением головы, раздвоение веток изображает ноги. На туловище, в том месте, где должна быть шея, делалась повязка из заплетенной в косичку травы *лаутэн'*. Исполняющий этот обряд надевает кухлянку, берет в руки по «охранителю» и начинает петь и плясать. В результате напряженных движений и пения он в конце концов приходит в состояние иступления (*йурх'айн'эк* — «петь дурным голосом») и начинает ногами «охранителей» ударять по полу, потом отбрасывать их от себя. Кто-нибудь из присутствующих подхватывает их и начинает в свою очередь также петь и плясать. Коряки уверяли меня, что, пока «охранители» еще «горячие», можно быстро прийти в состояние иступления (физической усталости, напряжения нервов, потери контроля над собой и т. п.). Если не объявляется желающих продолжить, то исполнение обряда обрывается на втором, третьем человеке. В чем суть и назначение этого обряда — установить не удалось.

Далее следует обряд с женским охранителем *к'усуын* (*к'усуыгтук* — «совершать обряд» с *К'усуын*) — «детей охраняющий» (табл. I, 4). Это деревянная (из березы) фигурка, 20—25 см длиной, изображающая беременную женщину, на спине у которой вырезана фигурка ребенка. *К'усуын* — принадлежность домохозяйки, хранилась она в мешке, там же, где находились швейные принадлежности хозяйки. *К'усуын* способствует благополучному протеканию беременности и родов, в то же время охраняет детей дома от болезней. Весь обряд с *К'усуын* совершает женщина. Она надевает кухлянку, подпоясывается, накидывает на голову капюшон кухлянки и кладет *к'усуын* за пазуху. Потом она ходит вокруг, внутри помещения и поет. Затем она начинает из-за ворота кухлянки показывать (высовывать) *к'усуын*. Кто-нибудь из присутствующих женщин выхватывает у нее фигурку, а исполняющая обряд выражает огорчение, пла-

чет об утрате. Наконец она успокаивается и на этом прекращается обряд, который призван подтвердить привязанность хозяйки к своей *к'усуын* и веру в ее силу.

Очередная церемония этого праздника — обряд с капюшоном (*хэглэмгыткун*). Он устраивался для мальчика, который впервые добыл какую-нибудь птицу или зверя. Неважно, что добыл начинающий охотник, важно то, что он становился добытчиком. Это и отмечалось в первую очередь.

Из травы *лаутэн'* плели подобие капюшона (*лымн'ылым*). Если мальчик убил чайку, то в капюшон вплетали ее перья и на верху прикрепляли клюв, если — зайца, то вплеталась шерсть и привязывался кончик носа зайца.

Исполняющий обряд надевает капюшон из травы на голову и начинает ходить вокруг и петь, а затем исполняет пляску-пантомиму — подражает характерным движениям добытой им птицы или зверя, а также издаваемым им звукам. После этого он снимает капюшон и надевает его на кого-нибудь из мужчин. Тот обязан хозяину капюшона подарить весной добытую им птицу или зверя.

Близким по форме к предыдущему является следующий обряд с постелью (*ророткок* — «исполнять обряд с постелью»). Обычно его выполняет мужчина молодой семьи. Он накрывает свою голову шкурой бурого медведя, тюленя, которая служит им постелью. На шкуру кладут траву (*лаутэн'*) и шерсть зайца. Исполняющий обряд начинает ходить вокруг, петь, стараясь возбудить себя и прийти в необычное состояние (*йургэвык*). Если начавший не может ввести себя в состояние необходимого возбуждения, то «постель» (шкуру) передает другому, тот в свою очередь может передать ее следующему. Кто-нибудь из них наконец доводит себя до такого состояния, что начинает иступленно кричать и плясать. Затем он со своей ношей, которая якобы руководит им, подходит к той части нар, где лежала эта «постель», и кладет ее на место. Этот обряд обеспечивал благополучие молодой семьи.

Одним из последних на празднике исполнялся обряд с березой (*ил'туыл*). В дом вносится березка вместе с ветками и привязывается травой *лаутэн'* к деревянному столбу, находящемуся посередине дома. Исполняют этот обряд желающие. Держа в левой руке пучок травы *лаутэн'*, а правой придерживаясь за березу, они начинают ходить вокруг с пением. Под звуки песни пляшут. И в этом обряде исполняющие стараются довести себя до крайне нервного и физического возбуждения, переходящего в иступление. Назначение обряда мне неизвестно.

В некоторых домах праздник начинался состязанием молодых людей, которое называлось *кылтылын* — «привязанный». Около дома хозяин прочно устанавливал высокую березу (до 10 м высоты). Нижнюю часть ее, примерно на высоте 2.5 м, обливали водой, и она покрывалась тонким слоем льда, а на вершине помещали

приз (ойпъюй): свиток нерпичьего или лахтажьего ремня, шкуру лахтака или нерпы. Задача состояла в том, чтобы, поднявшись на руках по жерди, снять приз.

Кончался праздник к утру. Все атрибуты: *тэлытэл* ('вертушки'), *калакав* ('охранителей'), *уллау* ('маски') нужно было до восхода солнца унести в лес и положить в укромное место. Их не просто собирали и уносили, а готовили к этому. Например, в дырочки вертушек продергивали кусочки ремня, маскам, *калакам* дарили праздничное угощение — толкушу; прорези глаз (чтобы не видели) и рта масок наполняли мусором из щелей пола и т. п.

Таковы основные церемонии и обряды, которыми сопровождался осенний благодарственный праздник карагинцев. Не устраивали «полного» со всеми обрядами праздника только те семьи, которые не сумели добыть какого-нибудь морского зверя.

В числе описанных выше церемоний и обрядов карагинцев имеется ряд таких, которые и по форме и по содержанию совпадают с ительменскими, что служит несомненным свидетельством заимствования их коряками. Может возникнуть вопрос, а почему они не заимствованы, наоборот, ительменами от коряков. Церемонии и обряды, о которых пойдет речь, бытовали в той или иной форме, с теми или иными подробностями и деталями у всех ительменов, тогда как среди коряков они встречались лишь у тех, которые жили на границе с ительменами. К числу таких общих карагинско-ительменских черт следует в первую очередь отнести *эффэв* и весь комплекс обрядов и представлений, связанных с ними. Более того, видимо, и само слово *эффэв* (мн. ч. *эффэв*) тоже ительменского происхождения.¹⁰⁸

С. П. Крашенинников оставил три описания осеннего праздника ительменов, которые ему удалось наблюдать в разных местах (на западном побережье и в долине р. Камчатки). Из его наблюдений обращают на себя внимание следующие факты. Идентично оказывается основная идея *эффэв* как порождение грома. Ительмены острожка Шванолом (находившегося выше Нижне-Камчатска) называли *эффэв* *камучючи*, их также изготавливали в день праздника из березы, за которой ездили в лес, над ними ставили «два березовых прута». *Камучючей* ительмены «за врагов почитают, от которых гром делается», — писал Крашенинников. По окончании праздника их также сжигали перед рассветом.¹⁰⁹ Сюда же следует отнести «кормление» *эффэв*; приго-

¹⁰⁸ С. Н. Стебницкий (Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова, с. 161, 166), исследуя корякские языковые материалы С. П. Крашенинникова, в частности карагинского диалекта, пришел к заключению, что наличие фонемы *ф* в карагинском диалекте — результат ительменского влияния. Представляется вероятным происхождение карагинского названия *эффэв* от ительменского слова *уфай*, которым сопровождался обряд, связанный с идолом *пома* (см.: Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 425—426).

¹⁰⁹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, с. 414.

товление и надевание им на голову «травяных колпаков»,¹¹⁰ обряд угощения *эффэв* и присутствующих вареной рыбой.¹¹¹ Хотя Крашенинников и не составил описания *эффэв*, но отдельные его замечания говорят о том, что и по форме они у коряков были, видимо, такие же, как и у ительменов, — «вростроголовые маленькие болванчики».¹¹²

Стеллер также отметил у ительменов западного побережья Камчатки ряд элементов праздника, которые встречаются у коряков-карагинцев. К ним относится обряд перетягивания березового прута, с обязательной победой той стороны, которая находилась внутри юрты. У них был также «идол — бог грома», сделанный из березы; его «кормили», а затем сжигали, как *эффэв*.¹¹³ Карагинский приветственный возглас, применяющийся только во время этого праздника, — *хололо!* — есть корякская адаптация ительменского приветственного возгласа, употреблявшегося на празднике: *алулу!* (у северных ительменов) и *алалалай!* (у южных). Совпадает и такая подробность, как исполнение на празднике развлекательно-спортивного обряда с «вертушкой». Вот как описывает эту деталь праздника у северных ительменов С. П. Крашенинников: «Сегодня поутру в 8 часов протянули через юрту веревку кропивную, вдвое согнутую, которая привязана была к столбу, а за концы ее держали два мужика, между веревкою привязали вертушку, *кыжиам* по их называемую, которая на середине с обеих сторон кругла, как яблоко, а концы оба стесаны, как доска, тонко. Веревку мужики тянули, а вертушка вертелась и по тех пор тянули, пока порвалась веревка, которую в куски мужики резали и по себе делили, а вертушку прячут они в балаган».¹¹⁴ Жертвоприношение горам и представление о «горных богах — *камули*», которые «живут на высоких, особенно же дымящихся и огнедыщащих горах»,¹¹⁵ вполне сопоставимо с жертвоприношениями карагинцев Горящей горе (*Кэнгын'эй*) и др. Конечно, совпадает не все, но и того, что есть, кажется, достаточно, чтобы убедиться в ительменском происхождении описанной части благодарственного праздника карагинцев.

Итак, в этнической истории коряков восточного побережья Камчатки ительмены оставили хорошо прослеживаемые следы своего влияния.

Обращаясь к анализу обрядов и церемоний праздника *хололо*, нетрудно заметить, что все они могут быть, хотя и с известной долей условности, разделены на церемониально-обрядовые и спор-

¹¹⁰ Там же, с. 418, 584.

¹¹¹ Там же, с. 586.

¹¹² Там же, с. 427.

¹¹³ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 414—415.

¹¹⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 415.

¹¹⁵ Там же, с. 408.

тивно-увеселительные. К первым относятся жертвоприношения морю и суше, часть действий с *эффэв'* (изображение охоты, имитация «дождя плодородия», снаряжение *эффэв'*, кормление и сжигание их), охранители (*калакав'*), женский охранитель детей (*кэусын*), обряды с капюшоном, с постелью, с березой, проводы в лес атрибутов праздника. Ко вторым относятся пляски-пантомимы, длящиеся на протяжении всего праздника и исполняемые только женщинами, вертушка (*тэлытэл*), представления (пантомимы) в масках, взятие приза со столба. Впрочем, строгое разграничение между первыми и вторыми установить порой довольно трудно, так как почти в каждом обряде есть и те и другие элементы, за исключением, может быть, собственно жертвоприношений.

Обряды и развлечения на празднике в основном отражают древние мифологические представления охотников о взаимосвязях человека с природой, неверные представления о причинно-следственных связях в природе. Охота и ее детали — вот содержание всей изобразительной стороны праздника. Пляски-пантомимы показывают то загнанных длительным преследованием оленей («горлохрипение»), то передают характерные движения тюленей на льду, на лежбище (пляска-пантомима «нерпа») и т. п. Изображение коллективной охоты на нерпу (5 дротиков, которые бросают в шкуру тюленя) при помощи деревянных дротиков с обожженными остриями, вероятно, есть отражение далекого прошлого, когда такие дротики применялись в качестве орудий. Вбрасывание *эффэв'* в помещение — изображение падения «громовых стрел», непременно снаряжения древнего охотника. Наконец, обряд с капюшоном — это выражение общественного признания (посвящения молодого охотника), принесшего первую добычу и поделившего ее со своими сородичами. В этом обряде подчеркнута важность охоты, с которой начиналось вступление в полноправную жизнь мальчика, признание его членом охотничьего коллектива. Все очень ясно и просто. Мальчик исполняет пляску-пантомиму в шапке из травы, на которой имеются части добычи (зверя или птицы), символизирующие как бы саму добычу. Чтобы дополнить реальное сходство этих остатков с добытым зверем или птицей, во время пляски он изображает наиболее выразительные, наиболее общие и типичные движения, свойственные данному зверю или птице. Это сходство усиливается еще больше, доводится до однозначного восприятия присутствующими имитацией звуков, характерных для данного вида животных или птиц. Затем мальчик снимает этот убор с головы и набрасывает на кого-нибудь из присутствующих мужчин. Этим жестом он как бы делится своей добычей и за это получает (в следующем охотничьем сезоне) отдарок в виде зверя или птицы от того, кому он подарил символ своей добычи. Этим актом как бы закрепляются юридически права и обязанности молодого охотника: получать часть добычи других и делиться своей добычей

с сородичами. По такому стандарту разыгрывается эта сцена во всех случаях обряда с капюшоном. Отступления лишь в мало-значущих деталях.

В сумме этих обрядов нет места шаману и его действиям. Праздник в целом можно рассматривать как действия в лицах, иллюстрирующие отдельные эпизоды мифов, отображающих охотничий быт древних предков коряков и ительменов. Вероятно, прав был Крашенинников, когда по свежим впечатлениям от встреч с ительменами и карагинцами писал: «Главное основание веры их утверждается на древних преданиях, которые наблюдают они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение».¹¹⁶ Еще более верным и точным представляется его следующее заключение: «О боге рассуждают они, что он ни щастию, ни нищастию их не бывает причиною, но все зависит от человека».¹¹⁷ Интересно также и то, что ни в одном обряде этого праздника никак не отмечается добыча рыбы.

Итак, сходство обрядов, связанных с осенним благодарственным праздником карагинцев, с обрядами, отправлявшимися ительменами при таком же празднике, совершенно очевидно, оно свидетельствует о давних и глубоких связях этих народностей.

Колониальная политика самодержавия. Еще в первой половине XVIII в. восточное побережье Камчатки на север вплоть до с. Карага было включено в сферу административного подчинения первоначально Нижне-Камчатскому острогу, позднее Камчатской округе, затем Петропавловскому уезду. Таким образом, карагинцы оказались под влиянием колониальной политики самодержавия. Вскоре они были обложены ясаком и несли другие повинности. В 40-х годах XVIII в. началась их христианизация. К концу XVIII в. были уже окрещены и жители Карагинского острова миссионером Лазаревым (1794 г.).

Христианизация носила поверхностный характер, так как догмы христианства были мало или совершенно неясны корякам как по своим идеям, так и потому, что коряки не знали русского, а миссионеры их языка. Однако систематическое вдалбливание христианского смирения и повиновения имело определенный успех.

Христианизация, вернее вся система колониальной политики самодержавия, оказала отрицательное влияние на психологию коряков. Вместе с христианизацией и зачатками просвещения началось преследование и искоренение собственно корякских культов, обычаев и в первую очередь таких, за которыми видели «иноверческие и идолопоклонские» религиозные представления. Все это разъедало и постепенно обедняло исконную культуру, быт, ломало традиционные обычаи, устои и одновременно способствовало упрочению скрытности, замкнутости, появлению

¹¹⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 409.

¹¹⁷ Там же.

двойственности в поведении коряков. Они усвоили внешние отправления христианской религии (обряды, некоторые праздники), но по существу оставались теми же «иноверцами», хотя признаки приверженности к старым обычаям были малозаметны и тщательно скрывались ими. Вот почему, казалось, такой опытный исследователь-полевик, каким был В. Г. Богораз, не нашел ничего самобытного у карагинцев. В его дневнике с записями, сделанными в Караге, находим: «Страшно запуган, робкий народ. Говорят по-русски мало. Порядочно человека два, да кое-как человека два, остальные совсем нет, хотя грамотные есть. Никаких старых верований, по-видимому, не помнят, и даже сказок. Даже для коллекции, почти ничего нет». Несколько ниже он снова с отчаянием замечает: «Обходил всю деревню и нигде не мог доспроситься сказок... Нрав жителей очень напоминает уже юкагиров».¹¹⁸ Это последнее сравнение свидетельствовало о том, что карагинцы выглядели такими же забытыми и беззащитными, какими видел В. Г. Богораз юкагиров на Колыме в конце XIX в.

Интересно и весьма показательно то, что с установлением Советской власти, когда были прекращены всякие преследования самобытных форм культуры, у карагинцев, как и у других народов нашей страны, в открытую стали проявляться те национальные черты культуры, которые ранее преследовались. Это обстоятельство и дало возможность наблюдать осенний благодарственный праздник карагинцев со всеми его атрибутами в 20-х годах нашего века. Это же обстоятельство дало возможность записать от коряков-карагинцев значительное количество фольклорных текстов в 50-х годах (Н. А. Богдановой) и позднее. Этническое самосознание карагинцев существует по настоящее время, хотя многие стороны прошлой культуры уже давно не могут служить их современным духовным запросам и потому забываются или уже забылись совсем.

Далее на север, за с. Карага, по восточному берегу Камчатского перешейка находились поселки коряков-алюторцев. Первые сведения о них относятся к концу XVII в. Если верить В. Атласову, то он первый встретился с алюторцами. «И русские люди, — сообщал он в известной «скаске», — у них преже его Володимерова с товарищи приезду никто не бывали».¹ В этом же документе Атласов со свойственной ему определенностью и лаконичностью сообщал, что алюторцы имеют «язык и во всем подобие коряцкое».

В начале XVIII в. уже сложилось довольно отчетливое представление об алюторцах, расположении их острожков. Среди алюторских поселений в начале XVIII в. отличался своей величиной, местоположением, независимым правом его обитателей «Большой острог, он же словет и посад»,² как отмечал в 1704 г. камчатский приказчик В. Колесов. Он же сообщил первые сведения, правда не совсем отчетливые, о количестве алюторских острожков, которых он насчитывал девять.³ Среди них Колесов называет острожек на р. Ильпыре как последнее поселение алюторцев. «А от них, ильпеев, — сообщал он, — живут по острогам и по юртам ясачные коряцкие иноземцы».⁴ В 1712 г. приказчик В. Севастьянов Ильпырский острог за ослушание «его жителей» весь разорил.⁵ Он же сообщил, что на «Тымлатской реке живут неприятельские алюторские иноземцы».⁶ Поскольку здесь же упоминание о байдарах, можно думать, что речь идет о прибрежном с. Тымлат, которое затем не упоминается до начала XIX в. В 1714 г. в одном из столкновений камчатских казаков при содействии алюторцев — жителей с. Култушное был полностью уничтожен «Большой алюторский острог». С тех пор он так и не был восстановлен.

¹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. — Сб. арх. материалов, Л., 1935, с. 31.

² В настоящее время это место на устье р. Авья называют Зеленый холм. Следы поселения хорошо заметны как на холме, так и вокруг него.

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 51 об.

⁴ Там же, л. 53.

⁵ Там же, л. 158.

⁶ Там же, л. 157.

Рассказывая о «сухопутных и водяных сообщениях» на Камчатке, Т. И. Шмалев дал границы расселения разных подразделений коряков по состоянию на последнюю треть XVIII в. Не только границы, но названия населенных пунктов, лежащих на путях передвижения по Камчатке, расстояния между ними, количество в них юрт, семей, характеристику основных занятий и т. п. Его сведения наиболее достоверны, так как он всю свою службу, свыше 40 лет, провел в Охотско-Камчатском крае. Объездил этот край. Известно, что он был активным корреспондентом Г. Ф. Миллера, портфели которого содержат весьма солидные рукописи Т. И. Шмалева по истории крайнего северо-востока Сибири.⁷

«От реки Караги, — писал Т. И. Шмалев, — до первого Олюторского острожка, называемого по их наречию Ильпир, расстояния 150 верст... в том острожке живут олюторцы... второй в 10 верстах от первого называется Говонки... третий Вывн... четвертый Тиллечи... пятый Култушное... Во всех пяти острожках олюторцы».⁸ Из этого перечня Шмалева видно, что он не называет ряда олюторских селений, которые известны по другим, особенно более поздним источникам. Так, он не говорит о селениях Тымлат, Кичига, Алют, Ветвей. Вполне допустимо, что к моменту составления им перечня поселков олюторцев ни на р. Тымлате, ни на р. Кичиге не было постоянного оседлого населения олюторцев. Что касается с. Ветвей, то оно как постоянное поселение возникло, видимо, только в самом конце XVIII в. Так, Лессепс, пересекавший Камчатский перешеек в 1787 г. от мыса Говын до Пусторецка (на западном берегу Камчатки), также не называет этих селений. Возможно, что и с. Алют тоже в это время не было населенным, зато с. Култушное оказалось, по данным Шмалева, самым большим из всех олюторских поселков («семей с 70»).

Алюторцы же обитали на о. Верхотурова, но, по-видимому, эпизодически. В 1705 г. там был корякский острожек.⁹ Во второй половине 20-х годов XIX в. Ф. П. Литке на северо-западном мысу острова видел кресты, балаганы и развалины юрт.¹⁰ Следы обитания, и довольно продолжительного, удалось наблюдать на этом мысу и автору данных строк во время посещения о. Верхотурова в 1954 г. Помимо остатков землянок, там было обнаружено большое количество остатков каменных и костяных орудий.

⁷ Бакланова Н. А. и Андреев А. И. Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках. — В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири, ч. 1. М.—Л., 1937, с. 554—556; Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Исторический очерк. Магадан, 1958.

⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 22—23.

⁹ Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана. М., 1938, с. 195.

¹⁰ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». 1826—1829. Изд. 2. М., 1948, с. 196.

До недавнего времени о. Верхотурова служил местом охоты алюторцев на морских зверей (сивучей и моржей).

По данным 1829 г., исходившим от начальника Камчатки, алюторцами считали жителей селений «Кичига, Вывенка, Тилички, Ветвейское, Култушное, Алюторское».¹¹ Здесь также нет ряда селений, названия которых появляются позднее, — это Тымлат, Анапка и некоторые другие. В этом же документе, который сопровождается картой Камчатки, указан район расселения кочевых коряков-алюторцев. Это первое указание на наличие особой группы оленеводов-алюторцев. В том же деле на л. 220 с теми же цифровыми данными, что и на отмеченной выше карте (число жилищ, число мужчин и женщин), указывается не одно, а два селения Олюторских (1-е и 2-е).

По учетным данным камчатской администрации 1836 г., числились селения Ветвей, Култушное, 1-е и 2-е Олюторское, Тилички, Вывнык, Кичига и, кроме того, «оленные коряки» в урочищах Ветвея и Олюторских селений.¹² Те же данные о расселении алюторцев были на Камчатке и в 1840,¹³ и в 1848 г. Такие селения, как Анапка и некоторые другие, по-прежнему не назывались. В 1835 г. появилось сообщение о «тымлатском острожке».

К. Дитмар считал алюторцами все прибрежное население коряков восточного побережья Камчатки «почти до устья Анадыря». Он называет те же селения, которые упоминались в официальных данных 30—40-х годов. Кроме того, к алюторцам он относил также жителей селений Пахача, Апука, Хатырка.¹⁴

С. Хаилино впервые упоминается лишь А. А. Ресиным в 1885 г.¹⁵ По итогам переписи 1897 г., алюторцы учтены от поселка Кичига на юге до Олюторского острожка на севере.¹⁶

В зиму 1900/01 г. В. Г. Богораз посетил почти все населенные пункты алюторцев. По данным В. Йохельсона, который пользовался сведениями В. Г. Богораза, алюторцы были зарегистрированы в селениях Тымлат, Кичига, Вывнык, Тилички, Култушное, Олюторское, Ветвей.¹⁷ И перепись 1897 г., и данные В. Г. Богораза дают достаточно подробные сведения не только об оседлых, но и о кочевых алюторцах.

Сведения о расселении алюторцев более чем за 200 лет свидетельствуют о том, что с первого знакомства с ними русских они рассматривались как особое подразделение коряков, что за это

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 168, л. 145 (карта).

¹² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 5 и 6.

¹³ Там же, оп. 1, д. 249, л. 66 и 70.

¹⁴ Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6, с. 62.

¹⁵ Ресин А. А. Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, с. 28.

¹⁶ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. СПб., 1912, с. 901.

¹⁷ Jochelson W. The Koryak, p. II. Leiden—N. Y., 1908, с. 442.

время никаких существенных изменений границ их расселения не произошло. В то же время прослеживается некоторое увеличение оседлых поселений аллюторцев, частью в XVIII в., когда появилось с. Ветвей, и в XIX в., когда было зарегистрировано с. Тымлат.

В пределах указанных границ издавна обитала группа коряков, считавшая себя одним этническим и языковым подразделением. К ним же относились и оленеводы с малочисленными стадами, кочевавшие в непосредственной близости от моря и находившиеся в тесных родственных связях с оседлыми аллюторцами. Если границы расселения аллюторцев за последние 200 лет представляются относительно стабильными, то места оседлых поселений были не всегда неизменными. Так, в XVIII в. называются селения на мысе Ильпыр и на мысе Говын, а с 20-х годов XIX в. они уже не упоминаются. Почему эти пункты оказались нежилыми, остается не совсем ясно. Известно, что в 1828 г. был неуров рыбы, население голодало особенно сильно по «укинскому и ветвейскому берегам».¹⁸ Это обстоятельство, возможно, и вынудило обитателей названных мест переселиться в другие, соседние селения. Может быть, эпидемии оспы опустошили эти населенные пункты.

Название аллюторцы происходит, очевидно, от названия одного из их селений, расположенного на северном берегу залива Корфа, — с. Аллот (на картах с. Олюторское). От этого названия образовано корякское слово *аллуталь* (мн. ч.) — аллюторцы, *аллутальын* (ед. ч.) — аллюторец. Коряки-олленеводы (чавчумены) и коряки других подразделений называли их также *аллуталь*, *аллуталь*. Сами себя аллюторцы обычно называли *нымыль* — «жители», «поселяне», иногда, когда нужны были более точные сведения, то по названию своего поселка. Например, *вывыныль* — вывенцы и т. п.¹⁹

Есть несколько объяснений происхождения названия аллюторцы. С. П. Крашенинников первый попытался это сделать. Говоря об отношениях между оленными и оседлыми коряками, он заметил: «Оленные коряки всех их (оседлых коряков, — И. В.) называли своими холопами, а особливо олюторов: ибо олюторы — испорченное имя из коряцкого *аллотклаул*, что значит холопа. Да и сами сидячие коряки почти от того не отрываются».²⁰

В аллюторском и других диалектах корякского языка нет основы аллот со значением «холоп», «батрак». Вообще этот корень слова имеется только в названии с. Аллот и производных от него.

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 168, л. 130.

¹⁹ Стебницкий С. Н. Нымыланы-аллюторцы. (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков). — Сов. этнография, 1938, № 1, с. 130.

²⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 450.

Основа (корень) *аллот*, по-видимому, происходит от эскимосского слова *alutora* — «заколдованное место».²¹ Такое на первый взгляд странное название селения вполне возможно. В топонимике северо-востока Сибири встречаются аналогичные названия. Так, п-ов Тайгонос (в северо-западной части Охотского моря) получил свое название от корякского *тайн'ылот* — «запретная, греховная земля», от основы *тайн'* (*нытайн'к'эн* — «запретный», «греховный») и *нутэ/нота* — («земля»)²².

Происхождение названия аллюторского селения от эскимосского слова вполне вероятно, так как по всему восточному побережью Камчатки, не говоря о Чукотке, следы эскимосской топонимики весьма очевидны.²³ Итак, в основе названия аллюторцев оказалось эскимосское название определенного места, может быть названия эскимосского селения. По численности аллюторцы превосходили другие оседлые подразделения коряков. Определенные данные о их количестве появляются лишь в середине XVIII в. В результате третьей ревизии (1761—1767 гг.) их было зарегистрировано «6 родов» — 279 душ мужского пола. Следовательно, всего их было 800—850 чел. Четвертая ревизия, состоявшаяся в 80-х годах XVIII в., дает уже меньшую цифру — 215 ясачных плательщиков. Уменьшение произошло в результате «оспенного поветрия» 1768—1769 гг., когда умерло 48 плательщиков ясака.²⁴ К тому же времени (середина 70-х годов) относятся данные Т. И. Шмалева. Хотя они приблизительны, но в какой-то мере отражают численность аллюторцев. По его сведениям, в острожке Ильпыр было 30 семей, в Говынском — «до 50 семей», в Вывенском — «семей до 30», в Тиличикском — «семей с 25» и в Култушинском — «семей с 70».²⁵ Т. И. Шмалев имел в виду обычные семьи. В другом месте он же сообщал, что в 1769 г. аллюторцев, ясачных плательщиков, было 218 чел.²⁶ Следовательно, всего их было около 650 чел. Пятая ревизия отметила 246 плательщиков ясака, а всего 824 чел., шестая — 228 и седьмая также 228 плательщиков ясака.²⁷ По данным седьмой ревизии, аллюторцев было 260 мужчин и 238 женщин, всего 498 чел.

²¹ Dictionary of the west Greenland eskimo language. By Schultz-Lorentzen. Copenhagen, 1927.

²² Аналогичные названия встречаются и в других местах. Так, один из притоков р. Ваямпольки называется *Тайнгиваям* — «Грешная река». Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 48 об.

²³ Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. — Сибирский этнографический сб., III, М.—Л., 1961.

²⁴ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 150—151; Кабузан В. М., Троицкий С. М. 1) Движение населения Сибири в XVIII в. — В кн.: Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962, с. 155; 2) Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 37.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 22—23.

²⁶ Там же, л. 34.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 58, л. 122.

В 1819 г. в с. Говын было 57, в Тилички 21, в Култушном 68, в 1-м и 2-м Олюторском 59, в Вывенке 23,²⁸ т. е. всего 228 ясачных плательщиков.

По данным начальника Камчатки А. В. Голенищева, в 1829 г. едва ли не впервые были собраны сведения об общем количестве хозяйств («домов», имелись в виду, конечно, землянки, так как домов у аляуторцев тогда еще не было) в каждом селении и числе населения в них мужского и женского пола (см. табл. 2).

Таблица 2
Численность мужского и женского населения,
а также жилищ в селениях аляуторцев в 1829 г.

Селение	Количество жилищ	Число мужчин	Число женщин
Кичига	6	56	51
Вывенка	4	30	39
Тилички	2	25	19
Ветвей	3	19	17
Култушное	11	69	61
Олюторское	8	60	44
Всего	34	259	231

Примечание. См.: ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 168, л. 145.

Здесь же впервые указывается количество юрт и численность «коленных коряк... расположенных по Ветвейскому берегу в 7 юртах: мужчин — 49, женщин — 19».²⁹ Таким образом, по этим данным, общее количество оседлых аляуторцев в 1825 г. составляло 490 чел. и кочевых 68, всего же 558 чел. Вряд ли эти цифры точны. Совершенно очевидно несоответствие количества женщин числу мужчин у оленеводов-аляуторцев (19 и 49). Явно занижена цифра женщин.³⁰

Сомнительны и данные о женщинах-аляуторках 1836 г. Во всех аляуторских селениях насчитывалось 226 мужчин и только 157 женщин.³¹ Более точны сведения 1840 г. Тогда было зарегистрировано 276 мужчин и 240 женщин. Кроме того, «кочующих

²⁸ Там же, л. 328. То же количество ясачных аляуторцев сообщает и В. Вагин на 1820 г. (Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1821 г., т. 2. СПб., 1872, с. 43).

²⁹ Там же, л. 149.

³⁰ Несоответствие этих данных подтверждается сведениями А. Сгибнева (Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 8, с. 37), которые были получены им из какого-то другого источника, видимо более верного. По его данным, в 1835 г. всего аляуторцев насчитывалось 607 чел.

³¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 26—27.

около Ветвей и аляуторских селений» 41 чел. мужского пола и 44 женского,³² а всего 604 чел.

По данным 1848 г., также составленным начальником Камчатки, численность оседлых аляуторцев несколько повысилась: мужчин 280, женщин 270, но зато сократилось число «коряков, кочующих около Ветвей и аляуторских селений»: мужчин 34 и женщин 30.³³ Следовательно, всех аляуторцев тогда насчитывалось 614 чел.

В 1859 г. общая численность аляуторцев, проживающих в тех же населенных пунктах, составляла уже 679 чел.³⁴ В 1894 г. аляуторцев числилось только 507 чел., из них ясачных было 148.³⁵

По переписи 1897 г., в 63 хозяйствах оседлых аляуторцев в селениях Кичига, Вывнык, Тилички, Култушное, Олюторское, Ветвей было зарегистрировано 623 чел. Однако перепись 1897 г. учитывала коряков по административным родам. Поэтому оказалось, что к оседлому роду аляуторцев был приписан и 81 оленевод, к Култушинскому 149, к Тиличскому 8, к Вывенскому 14, к Кичигинскому 63, а всего 315 чел.³⁶ Таким образом, общее число аляуторцев, по переписи 1897 г., составило 938 чел. Несколько иные, но в общем близкие к этим данным дает В. Йохельсон. Сведения В. Г. Богораза, к сожалению, не носят систематического характера, однако они свидетельствуют о сокращении численности аляуторцев в результате эпидемии кори, распространившейся по северу Камчатки в 1900 г. Вместе с тем Богораз отметил, что в с. Рекинники, в его бытность, жило 72 аляуторца и, кроме того, 25 аляуторцев кочевали в окрестностях Пусторецка. Это одно из первых упоминаний о том, что с. Рекинники в основном населено аляуторцами.³⁷

Важно отметить то обстоятельство, что численность аляуторцев на протяжении двух веков колебалась. Возможно, что учет населения в XVIII, да и в начале XIX в. был далеко не полным. Весьма вероятно, что часть населения, обитавшего в глубине перешейки, особенно кочевых, не учитывалась, так как могла скрываться от обложения ясаком. Поэтому, как было показано выше, общее количество аляуторцев находилось на уровне 600—700 чел. и ниже.

Некоторые исследователи считали с. Хаилино, расположенное в верхнем течении р. Вывенки, не аляуторским по составу населения (ни в XIX в., когда оно возникло, ни позднее). В. Г. Бо-

³² Там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

³³ Выписка из письма начальника Камчатки г. Машина к неременному секретарю Вольного экономического общества. — Труды Вольного экономического общества за 1848 г., ч. II, СПб., 1848, с. 109—110.

³⁴ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 442—443.

³⁵ С л ю н и н И. В. Охотско-Камчатский край, т. II. СПб., 1900, табл. VI.

³⁶ Патканов С. Статистические данные... т. III, с. 901.

³⁷ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 442.

горазд жителей этого селения относил к апукинцам и, видимо, не без оснований. «Хаилино, Пахача и некоторые юрты Апуки, писал он, — составляют одно общество. Стало быть, Хаилино вовсе не алюторское селение, как я писал раньше. Жители этих трех селений разговаривают на языке, близком к языку оленных коряков».³⁸

Жители с. Хаилино и в 1955 г. по языку и родственным связям принадлежали к апукинцам (в основном к жителям с. Пахача).

Основные черты материального производства и материальной культуры алюторцев. Коряки-алюторцы на протяжении прослеживаемой по письменным памятникам их истории вели комплексное хозяйство, в котором сочетались сухопутная охота, рыболовство, морской зверобойный промысел. В середине XVIII в., как сообщал Т. И. Шмалев, «пропитание их (жителей мыса Говын, — И. В.) состоит ловлею в тундре оленей, тож морскою рыбою, а паче выкидными морскими зверьми: китами, моржами и нерпами».³⁹ В другом замечании того же автора относительно товаров, поставляемых алюторцами с. Вывнык, также подчеркивается комплексный характер их производства: «Товары от них идут: кость, зубья моржовые, лисицы и кожи оленей, и шитое из кож платье, парки».⁴⁰

На рубеже XIX в. начинает формироваться оленеводство алюторцев. В этом проявились зачатки специализации в отдельных отраслях хозяйства. Но все же большая часть алюторцев создавала основы своего жизненного благополучия за счет морского зверобойного промысла, рыболовства и охоты. Необходимо сразу же оговорить, что собственно пастушеского оленеводства таких размеров, какие встречаем у коряков-чавчуменов, у алюторцев никогда не было, они не имели таких больших стад, поэтому не могли существовать только за счет оленеводства и вынуждены были заниматься рыболовством, морским зверобойным промыслом и сухопутной охотой почти в тех же размерах, что и оседлые алюторцы. Это же обстоятельство определило и их местообитание; в течение всего года они не удалялись со своими стадами далеко от мест рыбного и морского промыслов.

В какой-то мере можно говорить и о зачатках специализации в области морского зверобойного промысла, а также в области рыболовства и сухопутной охоты. Во многом все определялось тем, где жила та или иная группа алюторцев. Наиболее компактно они жили по берегам залива Корфа. Одни селения были расположены прямо на берегу моря: Вывнык, на мысе Говын, на мысе Олюторском (*Атвал*). Жители селений, находившихся далее на юге (Анапка, Кичига и Тымлат), сочетали рыболовство с морским

зверобойным промыслом и сухопутной охотой. Те алюторцы, которые жили по берегам залива Корфа (селения Тиличики, Култушное, Алют), занимались рыболовством и морским зверобойным промыслом. Эти две отрасли занятий давали основные источники средств к существованию. С. Ветвей, расположенное в среднем течении р. Вывенки, появилось в результате перехода на оседлость оленеводов (чавчуменов), к которым подселились алюторцы и затем ассимилировали их. Жители этого селения занимались главным образом рыболовством, сухопутной охотой и в то же время они были тесно связаны с оленеводами и оленеводством. Многие из них имели своих оленей.

Следует заметить, что значение разных видов промыслов не всегда было постоянным, оно менялось на протяжении XVIII—XX вв. При этом общая тенденция развития шла в направлении усиления роли отдельных отраслей хозяйственных занятий (хозяйственная специализация) и в то же время — сокращения значения других. Так, в XVIII—XIX вв. сокращалось значение сухопутной охоты на парнокопытных в результате постепенной и все сокращавшейся численности мигрирующих диких оленей. В то же время постепенно нарастало количество оленеводов и домашних оленей на перешейке, что привело в конце концов к почти полному исчезновению диких оленей. Как известно, между этими явлениями существует прямая зависимость. Чем больше в данном месте домашних оленей и оленеводов, тем меньше диких оленей.

С начала XX в. быстро начало развиваться рыболовство. Рыба стала предметом продажи русским и японским рыбопромышленникам. На территории расселения алюторцев появились рыбалки и рыбозасольные участки.

Пушная охота почти в равной мере была развита среди всех алюторцев. Это устойчивый и постоянный вид промысла, занятие, которое подстигивалось ясачным обложением и широким спросом пушнины на рынке.

Таковы общие замечания относительно характера материального производства алюторцев на протяжении XVIII—начала XX в. К этому следует только добавить, что и к ним постепенно начало проникать животноводство. У некоторых из них появились лошади, которых они использовали для верховой езды и перевозки выюков.⁴¹ Однако ни огородничеством, ни разведением крупного рогатого скота, как это было у карагинцев и палланцев, алюторцы не занимались.

Оленеводство. Как уже было отмечено выше, оленеводство алюторцев входило составной частью в комплекс их хозяйственных занятий.

Если считать, что приведенные выше статистические данные о движении численности алюторцев относительно верны, то из

⁴¹ В 1914 г. только в с. Олюторка было 2 лошади (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 925, л. 12).

³⁸ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 69 об.

³⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 22.

⁴⁰ Там же.

них можно сделать вывод о постепенном увеличении количества аллюторцев-оленоводов. Напомним, что в 1836 г. «в урочищах Ветвей и аллюторских селениях» было 24 ясачных оленивода,⁴² следовательно, всего около 80 чел., а в 1897 г. уже более 300 чел.⁴³ Отмеченные сведения перекликаются и согласуются в известной мере с историческими преданиями аллюторцев.⁴⁴

В исторических преданиях, записанных мной, прослеживается несколько путей обзаведения оленями аллюторцев. Один из них — насильственный захват оленей и имущества чавчуменов; другой — вступление в родственные связи с олениводами-чавчуменами и, пожалуй, наиболее распространенный путь — приобретение оленей путем обмена продуктов морского зверобойного промысла и товаров русского производства на живых оленей. Последний путь обзаведения аллюторцев оленями становится общераспространенным и почти единственным по крайней мере с середины XVIII в., т. е. со времени повсеместного умиротворения коряков.

Был еще один источник пополнения аллюторцев-олениводо, который действовал до 90-х годов XIX в. Это переселение из северо-западных районов Гижигинского уезда, в основном олениводо-бедняков, которые в поисках других источников существования, и прежде всего рыбы, начиная с 20-х годов XIX в., перекочевывали в пределы Камчатки, ее восточного и западного побережий.

В 1890 г. тигильским частным командиром М. Юшиным был составлен «Посемейный список оленных коряк и чукчей Гижигинского округа, кочующих с давних лет и по настоящее время в Петропавловском округе, с показанием им лет от рода, а также о времени перекочевки из Гижиги в Петропавловский округ и о количестве имеемых оленей. Апреля 5 дня 1890 г.». Согласно этого списка, во второй половине XIX в. переселились и были приняты в «общественники Кичигинского селения» 11 хозяйств. Среди них было 2 хозяйства безоленных, 2 — Осипа Варганова, имевшего 2000 оленей, и Алексея Варганова — 3000 оленей, остальные 7 хозяйств имели от 14 до 400 оленей. Всего поселилось около Кичиги 57 чел. (30 мужчин и 27 женщин). В те же годы обосновались около с. Култушное и стали «общественниками» этого селения 5 хозяйств (22 чел. — 12 мужчин и 10 женщин), которые имели всего 340 оленей; к с. Тилички оказались приписанными 2 хозяйства в составе 11 чел. (6 мужчин и 5 женщин), которым принадлежало всего лишь 42 оленя. Влились в состав Вывныковского общества 4 хозяйства, состоящие из 19 чел. (11 мужчин и 8 женщин), у которых было 60 оленей, и к Олюторскому было приписано одно хозяйство (7 чел. — 3 мужчины и 4 женщины), которое имело 250 оленей.⁴⁵

Небезынтересны и следующие подробности. Первые переселенцы около с. Кичига появились в 1874 г. — одно хозяйство, в 1888 г. — 3, 1889 г. — 3, в 1890 г. — 4; около с. Култушное первые бедняки-олениводы появились в 1860 г. — одно хозяйство, в 1887 г. — 1, в 1889 г. — 3; около с. Тилички в 1889 г. — 2 хозяйства; около с. Вывнык в 1889 г. — 4 хозяйства; около с. Олюторское в 1889 г. — одно хозяйство.

Почти все переселенцы были крещеными коряками, которые имели русские имена, фамилии. Это обстоятельство помогает нам определить дальнейшую этническую судьбу в прошлом чавчуменов.

Среди переселившихся из Гижиги были Чечулины, Кирилловы, Варгановы, Баранниковы, Верецагины и др. Интересно для нашего исследования то, что Чечулины, Варгановы уже в начале XX в. появились среди оседлых кичигинцев, и даже карагинцев. Кроме того, они оказались в составе *рамкыкэна*, т. е. олениводо-аллюторцев. Не менее интересно и важно то, что все они уже утратили чавчуменский диалект коряцкого языка и говорили на диалекте аллюторских коряков, считали себя аллюторцами. Видимо, новая этническая среда с ее специфической экономикой, основанной на комплексном ведении хозяйства, полностью поглотила пришельцев, которые на протяжении жизни двух-трех поколений окончательно ассимилировались с аборигенами (аллюторцами). Именно производственно-хозяйственные основы жизни аллюторцев способствовали и духовной ассимиляции пришельцев. Вот какой представилась В. Г. Богоразу жизнь аллюторца — владельца оленей: «В состав Кичигинского общества, как вообще по всем коряцким острожкам этого моря (т. е. побережья Берингова моря, — И. В.), входят оленные, всего 12 лагерей, и жителей в них больше, чем оседлых. Это, действительно, один народ. Они брачатся между собой, промышляют рыбу вместе. Меня, например, повезет завтра на собаках в сущности оленный богатый, у него 40 важенков, но дети его с кочевниками, а он с женой зимует здесь (с. Кичига, — И. В.), у него и собаки есть».⁴⁶

«У аллюторцев, кажется, все полуоленные»,⁴⁷ — записал в другом месте своего дневника В. Г. Богораз. И действительно, многие оседлые аллюторцы имели по несколько голов оленей, которые выпасались в стадах аллюторцев-олениводо. Конечно, десяток оленей не решал вопроса о переходе к олениводству, но в трудную годину жизни они выручали. По данным 1914 г., у жителей всех аллюторских селений были олени (нет сведений только о с. Кичига). Так, жители с. Култушное имели 103 оленя, с. Тилички 185, с. Олюторское 242, с. Вывнык 87, с. Ветвей

⁴² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 6.

⁴³ Патканов С. Статистические данные. . . , т. III, с. 899.

⁴⁴ См.: Стебницкий С. Н. Нымыланы-аллюторцы, с. 129—145.

⁴⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 3, л. 5—7.

⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 38.

⁴⁷ Там же, л. 45.

66 оленей.⁴⁸ Были ли олени у всех оседлых аляуторцев, сказать трудно, так как данные касаются селений в целом.

Охота. Объектами сухопутной охоты аляуторцев служили дикие олени, горные бараны, медведи и, по-видимому, в небольшом количестве лоси. Все эти млекопитающиеся давали в первую очередь продукты питания и материал для одежды, обуви, постельных принадлежностей, частично материал для жилища, жир для освещения (вытопленный из костей оленей), а кости и рога служили материалом для орудий охоты и их частей (наконечников стрел, дротиков, копий, ножей и т. п.), для изготовления некоторых предметов быта: гребней для расчесывания крапивы и осоки (из которых затем сучили нитки и плели веревки для сетей), ложек, рукояток для мужских и женских ножей и т. п. (табл. III, 7, 8). Сопутствующей сезонной охотой была охота на зайцев, куропаток и водоплавающую дичь.

Однако сухопутная охота аляуторцев, особенно оседлых, на протяжении последних двух-двух с половиной веков постепенно все сокращалась и сокращалась. К началу XX в. ее значение и удельный вес в хозяйстве аляуторцев почти сошло на нет.

Прежде на Камчатском перешейке водилось два вида диких оленей: мигрирующие (проходные) и так называемые местные (стоялые). Мигрирующие дикие олени ранней весной проходили на север, а осенью шли на юг. Местные дикие олени на лето уходили в горы, в распадки, где сохранялся снег, а осенью спускались с гор в заросли леса, в долины рек. Аляуторцы охотились и за теми и за другими оленями. «Тиличинцы, култушинцы, аляуторцы и вывенцы, когда начинался ход мигрирующих диких оленей по этой местности, начинали на оленьих тропах в лесу — а эт о прибрежные заросли — ставить ременные петли. Петли пров ерялись каждый день. Иногда попадало по 5 оленей в сутки».⁴⁹

Охотились на оленей и при помощи лука со стрелами, о чем очень много указаний содержится в фольклоре аляуторцев. Об этом же говорят остатки орудий охоты на жертвенных местах (аппаил).⁵⁰

Большие стада диких оленей, которые водились в северной части Камчатского полуострова, естественно, вызвали желание объяснить источники такого изобилия, а также закономерности сезонного появления и исчезновения диких оленей. Среди коряков-аляуторцев, как и среди других коряков и чукчей, было распространено представление, будто мигрирующие дикие олени спускаются из-за облаков по крутой высокой горе. «В северной стороне, где, как говорят, находится Белое море, будто имеется высокая гора, в небо уперлась своей вершиной та гора. Вокруг ее по склонам расположены уступы подобно резьбе винта. Дикие

олени облачные (небесные) спускаются по той горе. А когда они уходят на север, обратно, то они поднимаются по этой горе. И тропы по ней расположены вокруг подобно резьбе на винте. Та гора называется *Ылк'апкалин'э* (буквально — 'гвоздь-бозда-гора')».⁵¹

К началу XX в. почти полностью исчезли дикие олени с территории расселения аляуторцев, что вызвало ряд изменений в направленности их хозяйственных занятий и некоторые изменения в расселении. Большее значение приобрели морской зверобойный промысел и рыболовство, а сами аляуторцы начали переселяться ближе к устьям рек. Так, с. Култушное (Илир) переместилось с верховий реки сначала в низовья, а затем к устью. То же произошло и с частью населения Вывенки, Кичиги и др.

Камчатка всегда славилась изобилием бурых медведей. Они здесь находили много корма, особенно в период нереста лососевых пород рыб, которые заходили в реки полуострова для икрометания. Медведи ловили их на мелких перекатах. После нереста рыба гибла, и берега рек покрывались их трупами, давая огромное количество пищи разного рода хищникам, птицам и т. п.

Охота на медведей была почти регулярным занятием населения, особенно в летне-осеннее время. Не случайно на жертвенных местах наряду с черепами диких оленей имеются большие скопления черепов медведей. По сведениям С. П. Крашенинникова, «оляуторы для промыслу медведей сыскивают такие деревья, у которых верхушки кривы: на излучине привешивают они крепкую петлю, а за петлю какую-нибудь упадь, которую медведь, доставая, попадает в петлю или головою или передними лапами».⁵² Это, конечно, не единственный способ добычи медведей аляуторцами. Судя по их рассказам, они охотились на медведей с копьями, с луком и стрелами, позднее замененными огнестрельным оружием. Им также был известен способ добычи при помощи толстой доски, в которую набивались железные острия с зубцами. Такие доски с остриями, обращенными вверх, устанавливались на медвежьих тропах. Этот безжалостный, но верный и безопасный для охотника способ добычи медведей проник к аляуторцам вместе с распространением среди них железа скорее всего во второй половине XVIII в. Охота на медведей давала мясо и хорошие теплые шкуры, использовавшиеся как постель. Коряки охотно заменяли в этом назначении оленьи шкуры медвежьими, так как последние обладали какими-то свойствами, при которых якобы исчезали нательные паразиты.

Вот как рассказывают коряки о своих промыслах на суше: «Где много рыбы, там много следов медведей. На этих местах ставят ременные петли, так чтобы медведь не смог перекусить петлю или порвать ее лапой. Попад в петлю, медведь остается

⁴⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 925, л. 12.

⁴⁹ Из текстов, записанных автором у аляуторцев в 1955 г.

⁵⁰ В до в и И. С. Жертвенные места каряков и их историко-этнографическое значение. — Сб. МАЭ, т. XXVII, 1971.

⁵¹ Из текстов, записанных автором у аляуторцев в 1955 г.

⁵² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 248.

живым, но уйти не может. Охотник добывает его копьём, так как медведя, попавшего в петлю, убивать из ружья нельзя, грех, рассердятся медведи. Кроме того, на медведя ставили большой черкан, ставили самострелы. Самострелы использовали зимой, ставили их на лисиц и на других зверей, а вот диких оленей убивали только из обычного лука.

Для охоты на горностаю делали «отверстия», ставили пасти. Пасти ставили и на зайцев. Ловили их и петлями. Петли закреплялись на согнутом напружиненном дереве. Зимой, с наступлением длинных дней, ставили петли на куропаток. Их делали из разного материала: из крапивных ниток, из китовых жил, из волокон китового уса. Некоторые делали петли из рыбьей кожи, это был лучший материал для петель. Весной на берегах реки ставили петли на куликов, но их делали уже из конского волоса.⁵³

Зимой, во время охоты скрадом на оленей, лисиц, на голову, чтобы не быть замеченными, надевали специальный капюшон, сшитый из шкурки зайца, *милулымгын* ('заячий капюшон').

Из пушных зверей аллюторцы охотились преимущественно на лисиц. Волки, росوماхи, выдры добывались единицами. В XVIII—XIX вв. ясак вносили лисицами (оседлыми), а оленевода — пыжиками, так как пушной охотой они почти совершенно не занимались. По данным Камчатского приморского управления, в 1836 г. внесли ясак аллюторские коряки лисицами и пыжиками в таких размерах (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Число аллюторцев, ясачных плательщиков, в 1836 г.
и количество вносимого ими ясака

Селение	Число ясачных плательщиков	Сдано в ясак (шт.)	
		лисиц	пыжиков
Кичига	22	12	40
Вывнык	16	16	—
Тилички	15	14	4
Ветвей	11	11	—
Култушное	31	5	104
1-е и 2-е Аллюторское	24	1	92

Примечание. См.: ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 4.
Лисицы оценивались по 10 р., а пыжик по 1 р. 25 к.

Как показывают данные табл. 3, пушная охота у аллюторцев была развита относительно слабо. Из 22 взрослых мужчин с. Кичига только 12 чел. могли добыть лисиц для взноса ясака, из 31 охотника с. Култушное — только 5 и т. п. Видимо, осенний промысел диких оленей давал хорошие результаты, если обла-

⁵³ Из полевых записей автора.

гавшиеся ясаком охотнее соглашались внести 4 пыжика вместо одной лисицы.

Орудия охоты и морского зверобойного промысла. У аллюторцев, как и у других коряков, орудия охоты и морского зверобойного промысла отличались по своему устройству и использованию.

Для сухопутной охоты и в качестве оружия войны в XVII—XVIII вв. они применяли луки и стрелы, копыя, пращи. В качестве защитной военной одежды использовали куяки. «Орудия у этих людей лук, стрелы и пращи, которыми они бросают камни», — писал Н. Витзен.⁵⁴ В 1709 г. сообщалось, что аллюторские «иноземцы с луками и с копиями в куяках на ходу напали. . .».⁵⁵ «Оружие их, как у коряк, пращи, луки, стрелы и копыя».⁵⁶ Пращи как орудие охоты применялись еще в XIX в. А. Ресин видел на о. Верхотурова, где «тучи уток (мормонов) составляли пока единственный предмет продовольствия собравшихся здесь инородцев», что мальчики «охотились за ними, стреляя в стаю из пращей».⁵⁷

Лук и стрелы были основным орудием охоты. Наконечники стрел отличались разнообразием форм и несколькими способами крепления к древку (табл. II, 1). Менее разнообразными представляются наконечники копий (обсидиановые, костяные и железные). Уже В. Атласов в конце XVIII в. отметил: «А ружье у них (аллюторцев, — И. В.), луки и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново — ножей и палем и копий — иного они ничего у нас не берут».⁵⁸

В памяти современных аллюторцев сохранилось представление о луках и стрелах. «Луки делали листовичные и березовые. Стрелы делали из березы, наконечники из рога оленей (быков), обсидиановые (*кигигылъотэна*) и другие из зубов. Стрелы оснащали перьями с крыльев орлана или лебедя. Некоторые делали древко как бы с вырезами-гребешками в виде наклеенных перьев».⁵⁹

Колесов в 1704 г. видел у аллюторцев «лучников и копейщиков». С. П. Крашенинников отметил у коряков специальные военные доспехи и особое оружие: «Коряцкие куяки, которые одни из мелких продолговатых косточек сшивают ремнями, и их так называемые костяные троерогие чекуши, которые насаживают они на долгие ратовища, и в военное время употребляют»⁶⁰ (табл. II, 6, 7).

⁵⁴ Витзен Н. Северная и Восточная Таттария. Пер. В. Г. Трисман с голл., издание 1703. — Архив ИЭ, к. V, оп. 1, д. 131, с. 671.

⁵⁵ Памятники сибирской истории XVIII в., т. I. СПб., 1882, с. 410.

⁵⁶ Шафрановская Т. К. Народы Камчатки и прилегающих островов (Известия 1770 года). — Страны и народы Востока, вып. VI. М., 1968, с. 66.

⁵⁷ Ресин А. А. Очерки инородцев. . . , с. 28.

⁵⁸ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 26.

⁵⁹ Из полевых записей автора.

⁶⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 382.

Троерогие чекуши, о которых упоминает Крашенинников,⁶¹ были у аляуторцев. Ими они пользовались только как оружием.

Чекуша — на аляуторском диалекте *гыг'син* — представляла собой древко длиной «в ручную сажень», на одном конце которого имелось утолщение, в него вставлялось под прямым углом к древку несколько костяных (из моржового клыка) острий. Этим орудием пользовались как палицей и как копьем, так как в вершине утолщения древка крепилось костяное острие. Эти орудия похожи на чекуши ительменов, которые видел Крашенинников.⁶²

В качестве оружия и орудия при охоте аляуторцы использовали железные ножи до двух футов длины, «они их привязывают к поясу, вкладывают в ножны».⁶³

Широко были распространены самострелы разных размеров и разной убойной силы. Одни из них ставились на медведей (*ырынпын*), другие на лисиц, на мелких зверей. Также широко применялись черканы, в том числе на медведей (*алинп'араа*), пасти и пегли. Последние ставились на зайцев, горностаев.

Наибольший успех и быстрое распространение получило огнестрельное оружие. В 1708 г. аляуторцы из Ильпырского острожка «почали из огненного оружия стрелять».⁶⁴

В 1714 г. А. Петров сообщал, находясь у Олюторского острога, что «олютора, не допустя до острогу. . . пищальной стрельбою от щитов отбили».⁶⁵ В начале XIX в. огнестрельное оружие было уже повсеместно распространено среди аляуторских коряков. К се-

редине века оно имелось почти у всех взрослых мужчин (см. табл. 4).

В XVII—XVIII вв. едва ли не основными орудиями охоты на морских млекопитающих были копы и всевозможные сети. Если копьем и гарпуном пользовались на лежбищах, в том числе и на льдинах, то в открытой воде аляуторцы широко применяли ременные сети, которыми ловили лахтаков и нерп. В 1840 г. «лахтажьи и нерпичьи сети» были зарегистрированы во всех населенных пунктах аляуторцев, пользовались такими сетями и в начале XX в.

Морской зверобойный промысел. В водах залива Корфа, около мысов Говын, Ильпыр и в их окрестностях водились в большом количестве ластоногие: тюлени (акиба, крылатка, лахтак), моржи (на о. Верхотурова, на мысе Ильпыр и в других местах). В летне-осеннее время тюлени далеко поднимались вверх по рекам и на песчаных берегах выходили на лежбище. Около мыса Олюторского (Атвал) близко к берегу подходили киты.

По рассказам современных аляуторцев, у них были метательные гарпуны *такрыпуйгын* (буквально — 'метательное копье') с отделяющимся костяным наконечником *в'амах*, но не поворотного типа. Этот наконечник отделялся от гнезда на конце древка и имел соответствующее отверстие для крепления линия. Острие наконечника имело форму треугольника, концы основания которого составляли две бородки (*кылгырук*). Современные гарпуны такого кого типа сделаны железные и имеют дополнительные бородки (жальца) на стержне (табл. II, 4). Небольшой гарпунчик поворотного типа на нерпу нам удалось видеть один раз. Его железный наконечник был прикреплен на заклепку к железному стержню, который служил одновременно и насадом. К нижнему концу стержня были прикреплены с двух сторон при помощи заклепки костяные полоски для утолщения основания стержня. На стержне имелось отверстие для линия (табл. II, 5).

Весной, еще до подхода лососевых пород рыб, и осенью, после хода рыбы, аляуторцы предпринимали специальные охотничьи экспедиции для добычи морских млекопитающих. Охотники, составлявшие байдарные общины, направлялись к мысу Говын. Отсюда они выходили на байдарах в море к плавающим льдам, на которых находили отдыхающих моржей. У берегов этого мыса ставили сети на лахтаков, белух и китов.

На мысе Говын было несколько промысловых участков: *Ассир*, *Укайактан* и *Иы'арталк'ын* ('кривая скала'). Здесь ставили сети на лахтаков. Владельцами сетей были отдельные охотники. Сети могли быть разной длины (от 3 до 20 «маховых сажень»), но одинаковой ширины, и имели ячеи равной величины. Кто-нибудь ставил свою сеть первой от берега, к ней привязывали вторую, затем третью и так связывались сети всех участников промысла. Если в сеть попадал тюлень, то было видно, кому он принадлежит, так как к верхней тетиве сети привязывался деревянный знак собственности (*окакалак*) (табл. II, 2, 3). Если тюлень попадал в две сети,

Таблица 4

Число аляуторцев, ясачных плательщиков, и наличие у них огнестрельного оружия в 1836 и 1840 гг.

Селение	Число ясачных		Количество огнестрельного оружия	
	1836	1840	1836	1840
Кичига	22	22	16	21
Вывнык	16	16	16	20
Тилички	15	15	10	11
Ветвей	11	11	8	6
Култушное	31	31	30	45
1-е, 2-е Олюторское . .	24	24	24	26

Примечание. 1836 г. ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27-28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 249, л. 65-70.

⁶¹ О них упоминается в ряде документов XVIII в. Например: ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 25 об.

⁶² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 404.

⁶³ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной Сибири, чч. I—III. М., 1801, ч. II, с. 41.

⁶⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 157 об.

⁶⁵ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II. СПб., 1885, с. 77.

связанные друг с другом, то того тюленя делили хозяева этих сетей поровну. Существовал промысел и при помощи огнестрельного оружия, а при охоте на лежбищах пользовались копьями. Так, около устья притока *Ыппываям* речки *Тапэлик* было постоянное лежбище нерп, где их добывали жители с. Ветвей.

Жители Вывенки промышляли тюленей около своего селения или ехали на о. Верхотурова, где добывали моржей, лахтаков и сивучей.

С мыса Говын предпринимались выезды в море, где охотились на моржей. Завидев зверя на льдине, охотники осторожно, стараясь не шуметь, подходили к ней, высаживались и затем начинали колоть моржей копьями, стремясь отрезать им путь к воде. «Сначала кололи моржей с большими клыками, а затем уже всех подряд. Освежевав на льдине моржей, их грузили на байдары и плыли к берегу. Жир укладывали в мешки, спитые из шкур тюленей. Моржовое мясо без костей нарезали кусками, которые в свою очередь надрезали в ряде мест, и так развешивали для провяливания под балаганом. Мясо с костями употребляли сразу же в пищу».⁶⁶

В 1885 г. А. А. Ресин встретил на берегу бухты Ложных вестей Карагинского острова «35 туземцев под тремя опрокинутыми байдарками и в двух палатках из дрилы», которые прибыли для промысла моржей. «На низкой береговой полосе (о. Верхотурова) было такое же становище коряк».⁶⁷ Их было около 30 чел., все — аляutorцы.

Как сообщал К. Дитмар, аляutorцы в середине XIX в. посещали Карагинский остров «ради очень добычливого боя моржей».⁶⁸ Еще в последней четверти XIX в. моржи выходили на лежбища в местах расселения аляutorцев. Так, летом 1879 г. на лежбище у мыса Ильпыр жители селений Илир, Вывнык и Кичига добыли несколько моржей. Охотились они с копьями.⁶⁹

Однако к концу XIX в. моржи выходили на лежбища лишь на Карагинский остров. Как писал И. В. Слюнин, посетивший Камчатку в 1897 г., жители селений Тымлат, Карага, Олаторка и Вывнык приходили на байдарках на о. Карагинский для промысла моржей.⁷⁰

К началу XX в. американские китобойи истребили моржей в этой части Берингова моря и лежбища совершенно опустели. И неудивительно. Хищничество иностранных браконьеров около берегов Камчатки в середине XIX в. приняло бедственные размеры. В 60-х годах американские китоловы устраивали специальные экспедиции на о. Карагинский для избиения моржей, от которых

брали только клыки. «Лежбища острова были покрыты сплошь трупами животных».⁷¹ «В 1878 г., — писал Н. В. Слюнин, — на Карагинский остров специально за промыслом моржей приходил на шхуне американец Пратт с довольно многочисленной командой, которая вместе с нанятыми инородцами с. Карагинского на мысе Семенова (на косе) добыла 1500 моржей. Вся эта масса трупов была оставлена на месте, издавая сильное зловоние. . . зверь уменьшился на лежбищах, не переставая, однако, привлекать хищников. Еще в 90-х годах около острова, по рассказам населения Караги, промышляло ежегодно несколько американских шхун».⁷² Как известно, лежбища, даже загрязненные остатками промысла, моржи посещали неохотно, а на лежбища с гниющими трупами вообще не выходили. В итоге полувекового, совершенно бесконтрольного истребления на лежбищах и в прибрежных водах Камчатки моржей они почти исчезли. В результате морской зверобойный промысел местного населения пришел в упадок, сократились источники питания, не стало материала для изготовления байдар.

В 80-х годах XIX в. аляutorцы еще занимались охотой на моржей, тюленей, но в их жизнь прочно вошло рыболовство. «Летнее время, — писал А. Ресин, — все население проводит на рыбных промыслах, в балаганах у берега моря и устья своей реки. Часть же населения в то же время охотится на морского зверя, главным образом моржа, затем на нерпу. Для этого они переходят на своих байдарках преимущественно на острова Карагинский и Верхотурский».⁷³

К началу XX в. аляutorцы, как и карагинцы, должны были перейти почти полностью на питание рыбой. В Кичиге и других аляutorских селениях, писал В. Г. Богораз, «почти перестали убивать моржей. Здесь, впрочем, весной на льду колют моржей, но у них не стало байдар, ибо у них нет совсем лахтаков (т. е. шкур, которыми обтягивали байдары, — И. В.)».⁷⁴

В XVIII и XIX вв. аляutorцы занимались добычей китов. Ловили их при помощи тех же сетей, которые ставились на тюленей. Такой промысел практиковался только у мыса Аталык. Этот промысел скорее носил не специальный, а попутный, случайный характер. Так по крайней мере говорили сами коряки. Вот как они описывали этот промысел: «После того как установят сети на тюленей, охотники собирались на берегу в ожидании времени для осмотра сетей. Иногда киты, которые подходили близко к берегу, запутывались в этих сетях. Тогда охотники быстро спаривали две байдары и направлялись к месту, где находился попавший в сети кит. Его добывали копьями с каменными наконечниками, стараясь проколоть желудок. Китовый жир и китовое мясо не делили,

⁷¹ Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902, с. 364.

⁷² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 608.

⁷³ Ресин А. А. Очерки инородцев. . . , с. 42—43.

⁷⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 71.

⁶⁶ Из полевых записей автора.

⁶⁷ Ресин А. А. Очерки инородцев. . . , с. 28.

⁶⁸ Дитмар К. Поездка и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг., ч. I. СПб., 1901, с. 573.

⁶⁹ Из текстов, записанных автором у аляutorцев в 1955 г.

⁷⁰ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I. СПб., 1900, с. 158.

снимали кто сколько мог, тому то и принадлежало. Делили китовый ус. Первый пай (одна сторона челюсти) китового уса доставался тем, в чьи сети попал кит. Второй пай (другая сторона челюсти) делили между собой все остальные охотники. Затем каждый для себя доставал кости кита. Китовое мясо развозили по своим поселкам, где его развешивали для провяливания на балаганах. Китовый жир хранили в бурдюках (*мытк'ыначын*), сделанных из снятых «чулком» лахтажных и нерпичьих шкур». ⁷⁵

О китовом промысле алеуторцев в начале XVIII в. оставили почти одинаковые сведения Г. Стеллер ⁷⁶ и С. П. Крашенинников, ⁷⁷ которые в общих чертах совпадают с данным выше описанием.

Г. Стеллер, кроме того, сообщал, что из китовой кожи алеуторцы изготовляли подошвы, ⁷⁸ китовым усом они «спивают свои байдары и вяжут из него (конечно, из волокон, — *И. В.*) сети для ловли рыбы, лисиц, а также делают ведра для воды». ⁷⁹

Рыболовство. Одна из замечательных природных особенностей восточного побережья Камчатки состояла в том, что с весны до осени с моря в реки шли огромные косяки разных видов лососевых рыб. Первыми появлялись гольцы, за ними нерка, чавыча, затем кета, горбуша, кижуч, кунжа. В феврале—марте подходили к берегам моря и заходили в заливы косяки корюшки, наваги. В апреле—мае воды океана у берегов «кипели» от несметного количества сельди, подходившей для икрометания. Почти повсеместно в прибрежных водах водилась камбала, а чуть подальше на банках добывалась треска и палтус. В реках, кроме того, водились пресноводные рыбы: налим, хариус и др. Жители этих мест имели свежую рыбу почти в течение всего года.

Алеуторцы практиковали несколько способов заготовки рыбы впрок. Самым распространенным способом была заготовка юколы, кроме того, квасили рыбу в ямах, замораживали и с начала XX в. немного подсаживали.

По данным Камчатского приморского управления 1836 г., жители селений алеуторцев в общей сложности поймали 42 000 лососевых рыб. ⁸⁰ (Учитывалась только заготовленная юкола).

По сведениям того же Приморского управления в 1840 г., в тех же селениях было заготовлено 51 000 юколы. ⁸¹ На 46 жителей с. Тилички в 1836 г. было заготовлено 8000 юколы, т. е. в среднем по 173 шт. на человека, в то время как на 48 чел. кичигинцев было добыто 18 000, т. е. 375 шт. на человека. В разных селениях улов мог быть разным. Но цифра 375 шт. в среднем на одного человека соответствует примерно тому минимуму запаса юколы, ко-

торый считался необходимым, чтобы обеспечить себя питанием в течение зимы в 20-х годах нашего века. При этом имелось в виду, что дополнительно будут использоваться мясо и жир тюленей, оленья мясo и другие продукты.

Чем ближе к нашему времени, тем больше обнаруживается значение рыболовства в экономической жизни алеуторцев. Будучи в Кичиге, В. Г. Богараз пометил в своем дневнике: «Рыбы много. Нерп мало, жиру совсем нет. Оленей в этой стороне мало, мясa совсем мало». ⁸² Из этих замечаний можно сделать заключение, что к началу нашего века рыболовство превратилось в основной источник существования алеуторцев.

В. Г. Богараз счел нужным оставить в своем дневнике такую заключительную запись: «В сущности коряки все больше поречане, чем поморяне. За исключением жителей Пенжинской губы, все они ихтиофаги». ⁸³

Жители побережья моря и бухт рыбачили и зимой, они добывали навагу, корюшку и (сигов). Эта зимняя добыча рыбы продолжалась в течение пяти месяцев. Ловили рыбу винтелями. Иногда в винтель с рыбой попадали и тюлени. ⁸⁴

Основным видом рыбных продуктов, заготавливавшихся на зиму, была, как отмечалось выше, юкола. Интересно, что алеуторцы, перед тем как переработать рыбу на юколу, в течение двух суток держали ее в воде, так как считали, что юкола из такой рыбы получается более вкусная и хорошо провяливается.

Если шло много рыбы и ее не успевали обрабатывать и убирать, тогда делали из нее «кислую». Для этого копали большие ямы (1.5×1.5×1.5 м), покрывали их жердями, затем сверху настилали толстый слой травы, а в середине делали отверстие такой величины, чтобы в него могла пройти одна рыба. Когда наполняли ямы рыбой до краев, отверстие плотно замызгивали глиной. Затем покрывали яму толстым слоем прутьев, сверху клали тяжелые бревна, по концам их прижимали вилкообразными сучьями, которые вколачивали в землю. Делалось это для того, чтобы собаки, лисицы и другие звери не смогли проделать отверстия в яму. Такие ямы вскрывались обычно ранней весной.

Орудия и средства рыболовства. В основном орудия рыболовства алеуторцев состояли из сетей и небольших неводов, которые до начала XX в. они вязали из крапивных нитей. В более раннее время использовали и нити из сухожилий оленя, китовых жил. Алеуторцы «отчасти добывают и рыбу, — сообщалось в 1770 г., — сделанными из китовых жил сетями». ⁸⁵

По статистическим данным 1836 г., жители с. Кичига имели 4 сети редких, вероятно для добычи лососевых, и «9 частых

⁷⁵ Из полевых записей автора.

⁷⁶ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 126.

⁷⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 292.

⁷⁸ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 125.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27—28.

⁸¹ Там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

⁸² Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 37 об.

⁸³ Там же, л. 74.

⁸⁴ Из текстов, записанных автором у алеуторцев в 1955 г.

⁸⁵ Шафрановская Т. К. Народы Камчатки. . . , с. 66.

неводо». ⁸⁶ В 1840 г. у тех же кичигинцев была 21 сеть. ⁸⁷ Никаких других орудий рыболовства у них не зарегистрировано.

«Рыбу ловят сетками из ниток, сученных из крапивы, — сообщил А. А. Ресин. — Сетка имеет вид мешка (?) сажень в 5 длины по открытой стороне и около одной сажени глубины; один край верхней стороны мешка в одном месте прикреплен к оконечности длинной жерди, которая здесь поддерживается на воде пузырем. Таким образом, дальний конец мешка жердью отталкивается от берега, а верхний край его открытой стороны поддерживается поплавками на поверхности воды; к ближнему концу мешка прикреплен ремень, который держит в руках другой рыболов. Оба рыболова медленно идут по берегу вниз по течению реки, и рыба, которая в это время подымается вверх, попадает в мешок. . .». ⁸⁸ Алюторцы даже не применяли при ловле рыбы лодки, что несомненно свидетельствует о неразвитости орудий лова.

В 1900 г. В. Г. Богораз, будучи в с. Вывнык, отметил: «Рыбу промышленяют сетками или запорами. Сетки толкают шестом с берега и потом вытягивают веревкой. Сети из крапивы. До Алюторки крапива везде есть. Запоры делают только на узких речках». ⁸⁹

Запоры ставились так. В реку на определенном расстоянии друг от друга вколачивались кольца. Между ними устанавливались «крылья» в виде решетки из тонких жердей, привязанных к вертикальным стойкам «веревками» из лыка. В просветах между крыльями ставились большие «морды» (ловушки на рыбу) с «окнами» в верхней части. Через эти отверстия крючьями вытаскивали попавшую в «морду» рыбу.

Запоры были давно известным способом рыбной добычи не только в верхнем и среднем течении рек, где они были менее полноводны, но и в низовьях. Так, в 1840 г. было зарегистрировано 4 запора на Ветвее и один — на р. Олюторке. ⁹⁰

Ловили рыбу сетями и мариками. Изготовление сетей из крапивы было очень трудоемким делом. Заготовленные стебли крапивы высушивали, затем мочили и потом снова сушили, после чего расчесывали гребнями, освобождая от костры. Из полученных волокон руками сучили нитки. Чтобы заготовить необходимое количество крапивы и сплести из нее нужное количество ниток, а затем связать невод «в пятьдесят маховых сажень» требовалось около двух лет работы одной семьи. На изготовление ставных сетей шло значительно меньше времени. Сети из крапивных ниток были недолговечны. Они выходили из строя уже на второй год пользования ими. Невода (закидники) обычно делались объединенными усилиями 2—3 семей близких родственников. Из каждого улова неводом семьи,

участники промысла, брали рыбы столько, сколько ее члены успевали обработать — нарезать и развесить на вешала.

С развитием промышленного рыболовства по восточному побережью Камчатки сети из крапивы уступили место сетям и неводам из привозной дели.

Алюторцы широко пользовались общераспространенным по всему Северо-Востоку рыболовным орудием — мариком (*кыйэжый*), устроенным следующим образом. На конце длинного шеста (4—5 м) делается продольный пазок в 5—7 см длины, а на самый конец шеста надевается костяное или железное кольцо или он просто обматывается проволокой. В пазок шеста вставляется конец крючка, острие которого обращено вперед и находится почти вровень с кольцом шеста. Крючок обычно кованый или делается из толстой проволоки. Острие его затачивается, а другой конец квадратной формы вставляется в пазок на конце шеста. Между острием крючка и его концом, вставленным в пазок шеста, делается петля или просто отверстие, в которое пропускается и завязывается ремень. Другой конец этого ремня (его длина 0.5—0.7 м) прочно привязывается к шесту. Рыбак опускает конец шеста в воду так, чтобы крючок, находящийся в пазке шеста, был обращен к поверхности воды. Затем он подводит острие крючка, которое направлено вперед, к животу проходящей кеты и резким движением вонзает в нее крючок. При этом конец его выскакивает из пазка и крючок с пронзенной им рыбой повисает на ремне (табл. II, 8).

Средства передвижения по воде. До начала XX в. средством передвижения по морю алюторцам служили байдары. В прошлом они были весьма вместительными, но в конце XIX в. таких размеров байдар, какие упоминаются в XVIII в., уже не было. В 1704 г. алюторцы сделали для камчатского приказчика Колесова три байдары «кожаные, из морских нерпичьих кож, длиною сажень по 5, и по 6, и по 7, а поперек в сажень с уключинами, а тех же кож в такую байдару походит по 10 и по 12, а поднимает такая байдара человек по 40». ⁹¹

Г. Стеллер также отметил наличие больших многоместных байдар у коряков восточного побережья Камчатки. ⁹² Помимо байдар, алюторцы имели для плавания по рекам долбленные челноки — баты. Чтобы придать им большую устойчивость на воде, их сплавляли попарно. Батами пользовались при переездах семей вместе с имуществом из одного места на реке в другое, для перевозки заготовленной юколы и т. п.

Как правило, в хозяйстве алюторцев были и байдары, и баты, что хорошо прослеживается, по данным 1836 и 1840 гг. Так, в 1836 г. в семи селениях алюторцев было 13 байдар и 10 батов, ⁹³ в 1840 г. — 23 байдары и 4 бата. ⁹⁴ Имелись у них и

⁸⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27—28.

⁸⁷ Там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

⁸⁸ Ресин А. А. Очерки инородцев. . . , с. 43—44.

⁸⁹ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 67.

⁹⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 249, л. 45—70.

⁹¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 50.

⁹² Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 139.

⁹³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27—28.

⁹⁴ Там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

одноместные байдарки. «При охоте на морских зверей, — писал А. Ресин, — употребляются маленькие байдарки. Остов около одной и несколько более одной сажени длины и состоит из двух продольных тоненьких деревянных брусьев, служащих верхними краями байдарки, и одного такого же, служащего ей килем. Все эти бруски стянуты вместе концами под острым углом; от киля к верхним краям идут деревянные же тоненькие распорки; несколько таких же укрепляется и между верхними краями. Весь этот остов обтягивается со всех сторон моржовой и нерпичьей шкурой, а наверху посередине оставляется небольшое круглое отверстие и в нем помещается сидение для одного человека. Гребут одним веслом, с лопастями на обеих его концах».⁹⁵

Большие байдары «имеют от пяти до восьми сажен длины и имеют сравнительно узкую корму и широкий развалистый нос, в них сделано несколько скамеек для сидения, поднимают такие байдары до 40 человек или от 150 до 200 пудов».⁹⁶ Судя по форме, байдара аляutorцев была такого же типа, который был распространен у коряков побережья Пенжинской губы.

К началу XX в. в связи с общим упадком морского зверобойного промысла сократилось и количество байдар. Если в с. Кичига в 1836 г. было 2 байдары, в 1840 — 4, то в 1900 г., как отметил В. Г. Богораз, «у них не стало байдар, ибо у них нет совсем лахтаков».⁹⁷ «На берегу Тихого океана у коряк, — писал В. Г. Богораз, — байдары очень редки; поэтому зверя морского не гоняют. Колют нерпушек у берега, ходят (по воде, — И. В.) в долбленках, хуже стружка гораздо, но в двойных долбленках (т. е. спаренных, — И. В.), даже *ан'к'ал'ят* (приморские коряки, — И. В.) парят только малые байдарки».⁹⁸ (Табл. II, 10).

Средства передвижения по суше. У аляutorцев, как и у других коряков, было два вида сухопутного транспорта: езда на собаках и на оленях. Первый вид был широко распространен как среди оседлых, так и среди оленеводов (*рамкыкэна*). Последние пользовались собаками почти в такой же мере, как и оседлые. Олений транспорт они использовали лишь тогда, когда нужно было перекочевать с одного места на другое или проехать к стойбищу оленевода. Все работы по перевозке продуктов с берега моря, реки и стойбища, доставка дров, осмотр капканов и других ловушек производились на собачьих упряжках.

Собаки как транспортное животное были у аляutorцев издавна. Однако количество упряжных собак в прошлом было меньше. Об этом говорят данные первой половины XIX в., из которых сле-

дует, что далеко не все взрослые мужчины-охотники имели свои упряжки (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5
Количество ездовых собак у аляutorцев

Селение	Количество ездовых собак		
	1836 г.	1840 г.	1914 г.
Кичига	43	30	Нет данных
Вывнык	40	50	80
Тилички	30	24	144
Ветвей	30	15	83
Култушное	100	40	295
1-е и 2-е Олюторское	60	60	295

П р и м е ч а н и е. 1936 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, л. 27—28; 1840 г. — там же, ф. 1007, оп. 1, л. 249, л. 65—70; 1914 г. — там же, ф. 702, оп. 1, л. 925, л. 12.

Транспортное значение собак в XX в. возросло в несколько раз по сравнению с первой половиной XIX в. Для лучшего скольжения нарт по весеннему талому снегу полозья подбивали китовыми костями,⁹⁹ а полозья оленьих нарт — китовым усом. И тот и другой материал обладал такими свойствами, при которых талый снег не прилипал к полозьям. Для ходьбы по снегу и по льду аляutorцы использовали ступательные лыжи общераспространенного типа на всем северо-востоке Сибири.

Поселения, жилые и хозяйственные постройки. Поселки аляutorцев в XVII—XIX вв. обычно располагались по берегам рек, на возвышенных местах, откуда хорошо просматривались окрестности. В то же время была типична разбросанность малочисленных поселений, обычно состоявших из двух-трех полуземлянок, находившихся по соседству. Однако уже в XIX в. заметно проявляется стремление к селению. В начале XX в. эта тенденция нашла еще более отчетливое выражение. Такой характер расселения определялся хозяйственными занятиями: сокращением значения сухопутной охоты и постепенным увеличением роли и значения рыболовства. Аляutorцы и раньше иногда создавали более многочисленные компактные поселения. Так, в конце XVII и первой половины XVIII в., когда нередко были военные столкновения, возникали относительно большие и хорошо укрепленные поселения. Следы таких «острожков» прослеживаются по настоящее время. Они были почти около всех современных селений аляutorцев.

⁹⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 107.

⁹⁵ Р е с и н А. А. Очерки инородцев. . . , с. 43.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, л. 115, л. 71.

⁹⁸ Там же, л. 74. Некоторое представление об аляutorской байдаре дает фотография, изображающая летнее селение коряков в заливе Корфа, где под балаганом находится остов байдары. См.: У н т е р б е р г е р П. Ф. Примурский край. 1906—1910 гг. СПб., 1912, между с. 282 и 283.

С. П. Крашенинников, говоря о камчатских острожках, отмечает, что укрепления их появились с приходом казаков на Камчатку «и укреплены были оные земляным валом или палисадником, как у сидячих коряк в севере и поныне укрепляются».¹⁰⁰

В 1709 г. Ильпырский острог «ильпей начали накрепко укреплять». Основательно укрепленным в 1714 г. оказался «Большой острог» на устье р. Авьи. Он был обнесен земляным валом.¹⁰¹ Такого же типа остроги были на месте селений Култушное, Вывнык и др. Однако основная часть населения жила за пределами острога, рядом с ним. При этом юрты-землянки стояли близко одна около другой, что также вызывалось необходимостью обороны. Такие остроги правильнее было бы называть городищами, так как несколько землянок находилось внутри площадки, обнесенной со всех сторон дерево-земляным валом. Городища имели входные ворота.

По рассказам местных жителей, городище на устье р. Култушной (Илир) было окружено стеной из вертикально вбитых в землю бревен, а с внутренней стороны обнесено второй стеной из бревен, положенных горизонтально; кроме того, между бревенчатыми стенами была насыпана земля. В одной из стен были ворота. В стенах оставались отверстия — бойницы (*рыткйульгу* — 'место стрельня'). Внутри городища находились жилища, следы которых хорошо заметны и теперь, а вокруг — юрты-землянки, которые соединялись с городищем подземными ходами, замаскированными сверху землей и дерном. При появлении врагов население собиралось внутри городища.

В 1769 г. в одном из писем Г. Ф. Миллеру Т. И. Шмалев сообщал, что аляutorцы «жительство свое имеют на отъёмных местах и высоких крутых горах, где бы имелись невыходные каменные утесы, а оттуда к их острожкам на помянутые горы или отпрыдыши имеются всходы и те сходы зимою уливают водою, а летом укрепляют инако валами земляными. . . юрты земляные, между юртами подземные ходы».¹⁰²

Единственным видом жилища оседлых аляutorцев на протяжении XVII—XIX вв. были юрты-полуземлянки (*мылгыран* — буквально 'дерновое жилище'). Они состояли как бы из трех частей: основания с вертикальными стенами в форме неправильного восьмиугольника, свода-кровли в виде усеченного конуса и наружного щита-раструба (заслона), напоминающего собой огромную воронку. Этот раструб на аляutorском диалекте называется *вуйвэлк'ын*.

Юрты-полуземлянки имели два входа, летний и зимний. Летний вход представлял собой длинный коридор (5—6 м), располо-

женный наполовину в земле с постепенно спускающимся склоном к двери, ведущей непосредственно в юрту. Эти входы, как правило, были обращены либо к реке, либо к берегу моря. Зимний вход устраивался в виде квадратного отверстия в центре кровли юрты (*тынуск'ын*). Это отверстие служило также дымоходом и световым проемом.

Входили в юрту зимой и выходили по бревенчатой лестнице (*гытыйгыт*).¹⁰³ Вокруг стен располагались спальные полога (полог называется *айак'йун* — буквально 'вместилище жирника' — светильника).

Юрты-полуземлянки служили коллективным жилищем для ближайших родственников (большой патриархальной семьи). В среднем в первой половине XIX в. в одной юрте-полуземлянке проживало 22—25 чел., т. е. 3—5 семей (см. табл. 6).

Таблица 6

Число жителей и количество юрт в селения аляutorцев за разные годы

Селение	1829	1936	1840	1844	1865	1866
Кичига	$\frac{107}{6}$	$\frac{48}{7}$	$\frac{93}{4}$	$\frac{122}{10}$	$\frac{173}{8}$	$\frac{180}{8}$
Вывнык	$\frac{69}{4}$	$\frac{58}{3}$	$\frac{66}{3}$	$\frac{65}{4}$	$\frac{115}{7}$	$\frac{116}{7}$
Тилички	$\frac{44}{2}$	$\frac{46}{3}$	$\frac{41}{3}$	$\frac{35}{3}$	$\frac{53}{3}$	$\frac{57}{3}$
Ветвей	$\frac{36}{3}$	$\frac{21}{1}$	$\frac{26}{1}$	$\frac{16}{2}$	$\frac{24}{4}$	$\frac{24}{4}$
Култушное	$\frac{130}{11}$	$\frac{116}{15}$	$\frac{186}{10}$	$\frac{61}{6}$	$\frac{169}{13}$	$\frac{178}{13}$
1-е и 2-е Олюторское	$\frac{104}{8}$	$\frac{84}{9}$	$\frac{108}{8}$	$\frac{79}{7}$	$\frac{146}{10}$	$\frac{149}{10}$

Примечание. В числителе — число жителей, в знаменателе — количество юрт. 1829 г. — ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 168, л. 136; 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27—28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70; 1844 г. — там же, ф. 1011, оп. 1, д. 155, л. 107; 1865 г. — там же, д. 540, л. 89; 1866 г. — там же, л. 89 об.

К началу XX в. размеры юрт-полуземлянок уменьшились. Они, как правило, уже служили жилищем отдельной, обычной семьи. В. Г. Богораз, будучи в Кичиге, отметил: «Юрты плохи, гораздо хуже каменцев, где юрты велики».¹⁰⁴ Статистические данные, собранные им тогда же, наглядно иллюстрируют это

¹⁰⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 373—374.

¹⁰¹ В 1742 г. Я. Линденау писал, что Олюторский, Култушный и «прочие коряцкие остроги почти все вкруги имеют округ себя рвы и земляные валы» (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 103, л. 10).

¹⁰² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 23.

¹⁰³ Довольно подробное описание полуземлянки аляutorцев дает П. Ф. Унтербергер в работе «Приамурский край» (с. 300).

¹⁰⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 37 об.

положение. В 1900 г. в с. Кичига было 9 юрт-полуземлянок, разбросанных в разных местах по берегу р. *Кичигикинзэм*. «На северном устье 2 юрты, в одной 10 чел., в другой — 15 чел. (2 семьи); чуть выше по реке — 1 юрта: 13 чел.; еще выше — 1 юрта: 9 чел.; на южном устье 4 юрты, в 1-й — 9 чел., во 2-й — 14 чел., в 3-й — 25 (две семьи), в 4-й — 7 чел.». ¹⁰⁵ По данным 1898 г., в Кичиге было 170 жителей и 15 юрт-полуземлянок, в с. Вывнык — 102 жителя и 8 юрт, в с. Култушное — 144 чел. и 12 юрт, в с. Олюторское — 101 чел. и 11 юрт-полуземлянок. ¹⁰⁶ Эти данные подтверждают сокращение числа обитателей в одной юрте по сравнению с данными первой половины XIX в. (табл. II, 9).

Как видно, в XIX в. среди алюторцев, как и среди карагинцев, появились *якорран* 'якутское жилище'. Это, как мы уже указывали, тоже полуземлянка, имевшая вход только через коридор и окна. В. Г. Богораз в с. Вывнык видел *якорран*. ¹⁰⁷

Внутри всех видов полуземлянок находился костер, вокруг которого стояли плоские большие камни (*палав'е'у*). Во время топки в течение дня они нагревались. К ночи накопившуюся около них золу отгребали, и камни постепенно отдавали свое тепло.

Для освещения пользовались каменными или глиняными плошками, в которые наливался жир морских животных, а вместо фитиля использовался черный мох (*мигымиз*). Спали головой к костру, положив в изголовье круглое бревно — *умуссут* (буквально — 'толстое дерево'). Постелью служили шкуры оленей, медведей, горных баранов.

На летниках, на месте рыбной ловли, алюторцы сооружали палаша *асаран* или *виъэран* ('травяное жилище'). *Асаран* — палаткообразный палаш со входом в наклонной стене. На деревянную обрешетку клали маты (*айиткыр*), связанные из травы, а сверху — еще траву. *Виъэран* — конусообразное летнее жилище, с одинаковой длины жердями, которые составляли остов. Покрывался такой палаш также матами, специально сплетенными для этого. Укладывались они, начиная снизу, параллельно земле, вокруг остова. Каждый следующий ряд одним краем накладывался на предыдущий и т. д. Верхнее отверстие прикрывалось куском дерна.

С конца XIX в. повсеместное распространение среди алюторцев получили палатки, готовые и сшитые из плотной ткани. В конце концов палатки вытеснили все виды местных «травяных» летних жилищ. По сведениям П. Ф. Унтербергера, «коряки живут летом в легких деревянных сарайчиках или палатках». ¹⁰⁸

¹⁰⁵ Там же, л. 90 об.

¹⁰⁶ Там же, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 29 и 30.

¹⁰⁷ Там же, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 66 об.

¹⁰⁸ Унтербергер П. Ф. Приамурский край, с. 300. Между страницами 282—283, 302—303 имеются фотографии, на которых видны палатки коряков.

Летние жилища уже предназначались только для одной семьи. В качестве временного жилья во время дальних переездов по морю пользовались байдарками. Их обязательно выносили на берег и опрокидывали вверх дном для просушки, а под байдарой располагались люди.

Непременным дополнением внешнего вида алюторского поселка были так называемые балаганы, или юкольники (*мамин'а*). Это конусообразные сооружения на столбах, предназначавшиеся для хранения продуктов летнего заготовления (юколы, сушеного мяса) и некоторых хозяйственных предметов, в частности запасов шкур и т. п. На уровне 1.5—1.8 м под балаганом на тех же столбах делались полати с редким настилом. Летом на них хранились нарты, зимой — остовы байдар.

Балаганов в селениях было много больше, чем землянок. Каждая семья обычно имела свой балаган-юкольник. Соотношение количества балаганов и юрт приведено в табл. 7.

Таблица 7
Количество юрт и балаганов, по данным 1836 и 1840 гг.

Селение	1836		1840	
	количество юрт	количество балаганов	количество юрт	количество балаганов
Кичига	7	19	4	21
Вывнык	3	8	3	7
Тиличики	3	5	3	8
Ветвей	1	4	1	2
Култушное	15	30	10	45
1-е и 2-е Олюторское	9	24	8	26

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 27—28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

Жилища алюторцев-оленьеводов *раран'а* (*ратамран*) ничем не отличались ни по устройству, ни по материалу, из которого они делались, от жилищ коряков-чавчуенов. При этом размеры шатров зависели от количества пологов, которые устанавливались под одним шатром. У оленьеводов-алюторцев в одной *раран'а* жило также по нескольку семей, каждая из которых занимала особый полог. Полога их делались мехом наружу. Обогревались и освещались они жирниками, в которых горела ворвань.

Покрышка шатра (*рэтэм*) шилась из шкур оленей, специально для этого выделенных. Летние и зимние покрышки шатров, как и полога, были особые. Обычно под одним шатром устанавливалось три полога. Справа от входа стоял полог хозяина, старшего, два других полога располагались так: один — против входа и второй — с левой стороны. Эти полога называли *урасикинэт айа-*

кйут — 'молодых людей полога'. При бережном обращении полог служил 6—7 лет, после чего передавался для летнего пользования, а для зимы шился новый. По данным 1829 г., в 7 юртах кочующих аляutorцев проживало 68 чел.;¹⁰⁹ по данным 1840 г., в тех же 7 юртах было зарегистрировано 85 чел.,¹¹⁰ т. е. в среднем по 9—12 чел. в юрте.

Утварь и другие предметы домашнего обихода. Домашняя утварь аляutorцев была почти той же, что и у других оседлых коряков.

До конца XVII—начала XVIII в. пищу они готовили в глиняной посуде (*р'акукан'а* — 'глиняный котел') с конусообразной формой днища. Котлы такого типа устанавливались на каменное основание и промазывались с боков глиной. Огонь разводился под днищем котла. Конусообразное днище имело большую площадь нагрева, чем плоскодонное. Глиняной плоскодонной посуды у аляutorцев не было. Она появилась лишь с приходом русских. Были котлы и переносные. С внутренней стороны они имели петли *ку-кайан'к'ыйак'* ('котельная петля'), за которые привязывалась ременная ручка котла. Вероятно, эти котлы аляutorцев были айноско-ительменского типа (с внутренними ушками).

К столу горячая пища подавалась на деревянном блюде (*к'аман'а*). Излюбленную пищу коряков — толкшу готовили в специальном деревянном корытце *тылк'атк'аман'а* ('корытце для толкши'). В повседневном обиходе аляutorцев были каменные ступы *илн'ув'э'ын*. Это плоские, овальной формы камни диаметром 20—30 см, с круглым углублением в 4—8 см посередине (табл. III, 1, 2). В них дробили мороженое мясо, кости для выварки из них жира, размягчали юколу, растирали коренья, съедобные травы (кипрей) и т. п. Все это делалось при помощи песта *тпан'а*. Песты изготавливались из галечника, песчаника или моржового клыка с овальной и утолщенной книзу рабочей частью. Длина песта 12—15 см (табл. I, 2). Они были в обиходе аляutorцев еще в начале XX в. В. Г. Богораз приобрел в с. Кичига «два песта, которыми толкут кипрей, очень древнего вида».¹¹¹

Для переноски и хранения сыпучих продуктов служили плетеные сумки, мешки-корзинки: *маньв'* — плетенная из крапивных ниток сумка, или заплечный мешок, который женщины носили при помощи широкого ремня (*р'эчимтилн'ын*), надеваемого на лоб; *лалыган* — короткий мешок с широким дном, сплетенный из крапивных ниток, в котором хранили заготовленные на зиму ягоды; *иррусгын* — маленькая, плетенная из травы корзинка (мешок) для сбора ягод; *тини'ган'авитын* — плетенная из травы коробочка для хранения вышивальных принадлежностей и материалов. Все эти мешки и коробки украшались узорами синего и красного цвета, которые делались во время плетения. Синюю краску ва-

рили из цветов ириса (*коккокотын*), а красную — из ягод брусники. В них окрашивали крапивные нити.

Для хранения жидких продуктов аляutorцы использовали мочевые пузыри тюленей, моржей и кишки китов. «Кишки (китов, — И. В.) чистят, — писал Крашенинников, — начисто, и наливают жиром. . . ибо они другой посуды не имеют».¹¹² Пожалуй, это не совсем так. Г. Стеллер, отмечая широкое применение в быту аляutorцев китового уса, писал, что из целого китового уса делали «ведра для воды».¹¹³ По всей видимости, он имел в виду такие же сосуды, какие из китового уса делали эскимосы. Круглое деревянное днище плотно огибалось китовым усом, который затем сшивался и образовывал стенки сосудов.¹¹⁴

В обиходе у женщин были каменные (из сланца) ножи — *пакул* (табл. III, 4). Позднее они были заменены металлическими *пылвынты-пакул* — 'железный женский нож', напоминавшими по форме каменные ножи. Материал, из которого делались каменные *пакул*, назывался *агариматув'э'ын* и добывался в ближайших горах. Кроме каменных, были и костяные ножи, которыми пользовались для выкраивания узоров. Интересно, что такие костяные и каменные женские ножи были в употреблении еще в начале нашего века. В. Г. Богораз в с. Тымлат приобрел «три ножа для выкраивания узоров, два костяных и один каменный — *таинпакул*».¹¹⁵

Корякские женщины имели две специального назначения доски: одна — для выделывания на ней шкур и кож (*инаньилн'ын*) и другая — кроильная доска (*аваньилн'ын* или просто *илн'ын*). Доски эти делались из тополя.

Кожи выделывались при помощи каменных скребков (*ав'ыт*), которые изготавливались из разного материала и нескольких форм в зависимости от назначения скребка. Кремневые с круто, почти вертикально оббитой рабочей частью служили для очистки мездры от остатков мяса, пленок, а скребки из гальки использовались для размягчения кожи, они как бы выполняли функцию мялки. Кроме того, большими галечниковыми скребками обрабатывали тонкие шкурки, которые нужно было только размягчить (зайца, выпорotka, лисицы, евражки и др.). Такие скребки не вставлялись в деревянную рукоятку, их держали в руке (табл. III, 5, 6).

Шпальные иглы до конца XVIII в. делались из голennых костей оленя. Они считались более прочными, чем иглы из птичьих костей, их можно было сделать тонкими и ровными путем обточки на бруске. Наперстки изготавливались из моржовых клыков. Они представляли собой костяное кольцо около 1.5 см шириной, с углублениями по всей внешней поверхности для головки иголки.

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 168, л. 149.

¹¹⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 249, л. 70.

¹¹¹ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 38.

¹¹² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 292.

¹¹³ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 126.

¹¹⁴ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., 1947, с. 93.

¹¹⁵ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 66.

Для спивания покрывок байдар и других изделий из кож морских животных вытачивали прочные иголки, но они были обязательно тоньше нитки, с тем чтобы через отверстие, проделанное иглой, не проникала вода. Нитки в свою очередь густо смазывали жиром морских животных.

У женщин был набор игл, каждая из которых имела свое назначение. *Титин'а* — игла вообще; *омти* — большая игла, для шитья прочных материалов; *так'ати* — трехгранная игла, для шитья одежды из оленьих кож; *кытвилти* — обычная, круглая игла; *к'ати* — маленькая игла для вышивания. Иглы хранились в специальном игольнике-трубке (*вэсинтийолгын*), в которую вкладывался кусочек замши с наколотыми в ней иглами. К игольнику привязывался и наперсток. Нитки для шитья делались либо из жил оленя (*рыттыт*), либо из жил кита (*йун'йурыттыт*), либо из китового уса (*в'ив'тырыттыт*).

Одежда. Самые ранние сведения об одежде аляуторцев относятся к концу XVII в. В. Атласов в 1696 г. отметил, что аляуторцы добывают «лисиц себе на одежду», а соболей не промышляют, «потому что в соболях они ничего не знают».¹¹⁶ Это замечание не совсем верно, о чем свидетельствуют сводные данные о сборе ясака на северо-востоке Сибири в 1701 г. В этом документе перечисляются полученные в уплату ясака предметы одежды и, в частности, указывается: «без рукав парченко соболье иноземческое, коряцкое пошение»¹¹⁷ и «четыре одежды короткие собольи иноземческие, названием аляуторские коряцкие».¹¹⁸

В 1704 г. «с аляуторских мужиков» было получено 17 соболей.¹¹⁹ Следовательно, аляуторские коряки для одежды использовали и лисьи и собольи шкурки, что несомненно свидетельствует о существовании у них пушного промысла специально для обеспечения себя хорошим теплым материалом.

Однако не следует преувеличивать значение пушного промысла для одежды. Т. Шмалев (1769 г.) уже отметил, что от коряков-аляуторцев (вывенцев) в числе предлагаемых ими товаров идут «лисицы и кожи оленьи и шитье из кож платье-парки».¹²⁰ Он уже не упоминает одежды из лисьих и собольих шкур, скорее всего потому, что эта пушнина не только нужна была для взноса ясака, но она приобрела товарное значение в обмене с русскими и поэтому аляуторцы предпочтительнее обменивали пушнину на товары русского производства. «Платье у них, — сообщал об аляуторцах А. Брилль, — мужеска и женска пола парки одноманерные из оленьих, перпичьих, птичьих и еврашечьих кож».¹²¹ И в этом,

правда, весьма обобщенном известии отсутствует указание на одежды из шкур пушных зверей.

Основным видом одежды оседлых аляуторцев в конце XIX — начале XX в. была одежда, сшитая из оленьих шкур, однако она не отличалась от общераспространенных среди коряков кухлянок (двойных и одинарных),¹²² меховых зимних (у мужчин) и летних из шкур тюленей штанов, шапок-малахаев и различных, предназначенных для разных сезонов торбас. В это время среди оседлых аляуторцев уже начала распространяться одежда русского производства, в первую очередь мужская: штаны, рубахи, пиджаки и головные уборы. Женская одежда состояла из *каркар* — комбинезона из оленьей кожи (замши) и легкой кухлянки.

Несколько отличной была одежда охотников, отправлявшихся на морскую охоту. Их брюки и торбаса шились из тюленьей кожи с таким расчетом, чтобы они не пропускали воду, а сверху короткой кухлянки надевался *уканчи* — «дождевик». В прошлом они делались из моржовых кишек. Однако в связи с уничтожением моржей оседлые аляуторцы стали использовать *уканчи* такого же образца, каким пользовались оленеводы, т. е. из сделанных особым способом кож оленей. Чтобы оленья кожа стала непромокаемой, ее обрабатывали следующим образом. Со шкуры только что убитого (в июле—августе) старого оленя вытеревливали догола шерсть. Затем шкуру растягивали при помощи колышков над землей мездрой вверх. Когда кожа высохла, ее сочно промазывали жиром морских животных, после чего растягивали в яранге над костром, где она постепенно просыхала и вместе с тем коптилась. Так получалась непромокаемая кожа, из которой и шились *уканчи* и летние кухлянки, а также штаны, мешки для хранения запасов одежды (у оленеводов).

Все народы Северо-Востока имели разнообразную обувь, хорошо приспособленную к разным сезонам года. Обувь аляуторцев может быть разделена на шитую из оленьих камусов и из кож тюленей и оленьей замши. Первый вид обуви использовался в холодные, но сухие сезоны года, второй — в весенне-летне-осенний период, когда было тепло и сыро.

Панта'плаку — зимние торбаса с голенищем до колен, сшитые из оленьих камусов. Подошва делалась из шкуры лахтака. Кроме того, на ноги надевались меховые носки (*пам'ят* — «чажи»), сшитые из шкуры оленя; *к'оймаплаку* — зимние торбаса и штаны, сшитые вместе из оленьих камусов. *Ив'лыплаку* — мужские зимние торбаса с голенищем выше колен, сшитые из камусов оленя.

Женская зимняя обувь отличалась меньшим разнообразием. Женщины носили торбаса до колен, сшитые также из оленьих камусов.

¹²² «Одежда их — кухлянка из оленьих шкур. Летом же многие заменяют кухлянку дымлениной, которая еще называется комлейкой, делается из выделанной оленьей шкуры, без шерсти», — писал А. Ресин (Очерки инородцев..., с. 38).

¹¹⁶ Колониальная политика царизма на Камчатке..., с. 26.

¹¹⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 51—52 об.

¹¹⁸ Там же, л. 57—58 об.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ ПГАДА, ф. 199, оп. 2, л. 539, т. I, тетр. 13, л. 22.

¹²¹ Шафрановская Т. К. Народы Камчатки..., с. 65.

Кыргынув'и — летние торбаса, шились из оленьих кож (мужские и женские). Но нередко только головки торбас были из оленьей кожи, а голенища делались уже из кожи тюленя. *Сув'ариу'и* — торбаса летние из дымленины, т. е. из оленьей непромокаемой кожи, с подстриженным мехом. Иногда для шитья *сув'ариу'и* использовались отслужившие свой срок шкуры из летней покрывки шатра. *Супливи* — тапочки, сшитые из шкуры оленя с остриженным мехом и окрашенной в черный или коричневый цвет мездровой стороной. Головки, голенища и подошвы мужских промысловых торбасов шились из тюленьих кож, хорошо пропитанных жиром. Такая обувь не пропускала воду. Окрашивались эти кожи в темный цвет.

Алюторцы любили украшать свою одежду и носить украшения на руках, голове. Женские летние кухлянки, торбаса украшались узкими ремешками, окрашенными в коричневый цвет, которые назывались *тикак'*. Сверх кухлянок женщины носили пояса *кыл-лиллритилн'ын*, урашенные бисером. На голову надевали ремешок, на который нашивались разноцветные бусинки, бисер. На руках алюторок были кольца *тылгымынгыксае* и браслеты *мынгыксае*, в ушах сережки, вернее подвески, *виллюлн'ын* — 'жилная нитка', на которой нанизаны разноцветные и разной величины бусинки и бисер.

Праздники, игры и другие развлечения. Праздники алюторцев (*ангыт*) организовывались и проводились отдельными патриархальными семьями, жителями одного жилища, т. е. ближайшими родственниками. Жители селения приходили на праздник как гости. Культовая часть этих праздников касалась только членов данной семьи, их ближайших родственников. *Ангыт* алюторцев содержали как бы два основных начала: развлекательное и культовое. Развлекательная часть праздника состояла из плясок-пантомим под аккомпанемент бубна, представлений в масках и состязаний. Культовая часть праздника содержала в основном жертвоприношения.

Были у алюторцев и специальные благодарственные служения *мн'ин*, во время которых пользовались бубном как инструментом, способствующим сближению людей с доброжелательными существами. Одним из обрядов, которым сопровождался *мн'ин*, было жертвоприношение по обещанию. Как правило, такое жертвоприношение было кровавым. Приносили в жертву собаку.

Осенний праздник алюторцев имеет несколько названий: *милангытыткугырн'ын* — 'праздник морского зверя', *мимылгангыт* — 'тюлений (собственно, лахтажий) праздник'. Начинаясь он в ноябрьское новолуние (*гытгайэлгын*). Устраивала этот праздник каждая семья, в которой были охотники, добывшие много тюленей. В древние времена будто бы этот праздник был коллективным и устраивался в связи с добычей кита. Но со временем люди стали довольствоваться для устройства праздника и добычей тюленей, тем более что на китов уже давно не охотились.

С. П. Крашенинников отметил в своем описании несомненно коллективный характер праздника алюторцев, который они устраивали перед началом весеннего промысла на море: «Когда весною присплет время удобное к китовому промыслу и алюторцы впервые сети свои выносят, тогда бывает у них самый большой праздник, который отправляется с шаманством и с церемониями в земляной юрте; тогда колют они собак при битве в бубны, а после накладывают велико судно толкушами, ставят оное перед жупаном (выход боковой у земляных юрт), приносят деревянного кита из балагану с ужасным криком и закрывают юрту, чтоб свету ничего не видно было. Между тем как шаманы деревянного кита из юрты вон вынесут, то все закричат вдруг, кит ушел в море, выходят из юрты, а шаманы и следы его на толкуше кажут, будто по ней ушел он жупаном».¹²³

Праздник длился один день и ночь. Началом праздника считалось приготовление женщинами толкуши (*тылк'ытыл*) — праздничного блюда, которым угощали всех пришедших на праздник. Пляски продолжались в течение всего праздника и составляли основной вид развлечения. Плясали девушки и женщины, к ним присоединялись дети. Мужчины, члены данной семьи, делали *талиэ* — 'вертушки' такого же типа, как и у коряков-карагинцев. Мужская половина гостей была занята с *талиэ*. Это было предметом их развлечений. В то же время происходило благодарственное жертвоприношение хозяином (старшим) жилища. В огонь костра он бросал прутки и кусочки жира морских животных. Количество прутиков соответствовало количеству добытых тюленей. При этом он произносил: «Это, Морской хозяин (*Ы'ттыуэлэтыгит*), тебе мы даем хорошие прутки и жир. Иногда, когда на морского зверя охотимся, можем добыть нужное количество тюленей. В этом году хорошо ты дал нам морских зверей, с запасом (с излишком) мы добыли тюленей».¹²⁴

Через огонь хозяин как бы возвращал добытых тюленей «Морскому хозяину». В представлении алюторцев *Ы'ттыуэлэтылгын* — Морской хозяин (это их перевод) — существо мужского пола, человекообразное, но похожее на моржа. Как видно, суть этого праздника заключалась в выражении радости людей, которые обеспечили себя продуктами питания, освещением на предстоящую долгую и суровую зиму. Это в то же самое время — выражение благодарности тому «существу» (моржеподобному), которое будто бы покровительствовало людям, направляя в их сети морских зверей.

В основном развлекательный характер на этом празднике носили и представления в масках. Они могли быть на самые разнообразные темы, выбор которых зависел от тех, кто выступал.

¹²³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 292.

¹²⁴ Из полевых записей автора.

Содержание представления импровизировалось тут же на празднике.

По нашим данным, делались две маски (*уллаун* — 'деревянное лицо'): одна изображала мужское лицо, другая — женское. Мужчина надевал женскую одежду и женскую маску, женщина соответственно — все мужское. Чтобы их не узнали по одежде, ее выворачивали наизнанку. «Маски» шли в соседнюю юрту, где они представляли путем плясок-пантомим короткие бытовые сценки из жизни коряков. Раскрытие сюжета сопровождалось нарочито усиленными комическими действиями, что возбуждало зрителей, создавало атмосферу неподдельного веселья. Если в первой юрте не могли узнать, кто скрывается под масками, то ряженные шли в следующую. Как только правильно назывались имена маскированных, они снимали маски и представление заканчивалось. Присутствующие в юрте (хозяева) должны были одарить ряженных. Им давали шкурки выпоротков, рукавицы, шапки, кусок хорошего мяса и т. п. Все это ряженные забирали и уносили домой. Рано утром маски относили в тундру, где оставляли их в укромном месте.

В. Г. Богораз отметил несколько иной характер представлений в масках. «По алюторским острожкам, — записал он в дневнике, — и даже по стойбищам (оленоводов, — *И. В.*) алюторцев везде делают маски. Здесь ходят человек десять и больше, дети и взрослые, не только надевают маски на лицо, но изменяют даже одежду, чтобы их не узнали. Ходят *туръалытк* (с выпадением первого снега, — *И. В.*) или намного раньше, вечер, два или три. Придя в юрту, пляшут, что кому нужно (из пляшущих, — *И. В.*), тот вешает на веревке деревянное изображение (предмета, который он хочет получить, — *И. В.*): сахар, ножик, браслет или даже оленя или собаку. На другой день давший, разузнав, кому он дал, берет маску, отправляется в ту юрту и также просит отдарить. Если же у кого нечего дать или жалко просимой вещи, он просто говорит: эло! (выражение отказа, — *И. В.*). Очевидно, эта игра, а не обряд религиозный».¹²⁵

В сообщении В. Г. Богораза следует обратить внимание на два факта. Во-первых, что маски делают повсюду и даже в стойбищах оленоводов. Во-вторых, на большую группу участников представления (10 чел.) в масках (среди них и дети), что является, видимо, осложнением развития представлений в масках и несомненно свидетельствует об утере связи этих представлений с «религиозной обрядностью».

Раньше, когда алюторцы были более связаны с промыслами в тундре, благодарственные праздники устраивались отдельными патриархальными семьями и по случаю добычи медведя, дикого оленя или горного барана. Непременным сопровождением и таких праздников было приготовление толкуши. При этом если добывали медведя, то толкушу делали из рыбы и ягод шикши,

т. е. тех продуктов, которыми питался летом медведь. Если добывали дикого оленя, то толкушу приготавливали с добавлением обязательно мякоти пучек, якобы любимой пищи оленей.

Прежде устраивали праздник *кэн'ынтуангыт* — 'праздник выхода медведя из берлоги'. Это праздник весны, оживления природы после зимних холодов и вместе с тем — праздник надежды на охотничий успех, который так нужен был алюторцам в это время года.

Помимо праздников, алюторцы устраивали коллективные развлечения и в другие, свободные от хозяйственных занятий дни. Это были игры, физические упражнения и состязания. Все они в конечном счете были направлены на то, чтобы развивать в людях силу, упорство в достижении цели, ловкость, проворство, выдержку и другие качества, нужные людям, живущим за счет промыслов.

Зимой в тихую погоду играли в мяч (*к'аплугыр'ын*). Оболочку мяча в форме шара шили из лобовых частей шкуры оленя. Набивали мяч оленьей шерстью. В игре принимали участие только мужчины. Они образовывали большой круг и ногами били по мячу так, чтобы он летел вверх, но не за пределы круга. Игра состояла в том, чтобы не допустить падения мяча на землю. Тот, кто не успевал вовремя ударить по мячу и по его вине мяч падал на землю, выбывал из игры.

Подпрыгивание на шкуре (*к'ултапин'куситгыр'ын*) — нечто, напоминающее современные соревнования в прыжках на батуте. Вместо сетки у алюторцев использовалась шкура моржа. По краям ее делались прорезы, через которые пропускался прочный ремень. Несколько человек брались руками за этот ремень по кругу шкуры и поднимали ее на уровень рук. Кто-нибудь из молодых людей становился на середину шкуры. Под возгласы «ток! ток!» держащие за ремни опускали шкуру до земли, а затем одновременно подбрасывали вверх. Находившийся на ней человек взлетал и затем должен был опуститься на шкуру ногами. Искусство прыгуна состояло в том, чтобы как можно дольше прыгать на шкуре и не упасть. Эта игра-состязание устраивалась и зимой и летом.

Состязание в прыгании через ремень (*гилн'ыпин'куситгыр'ын*) заключалось в следующем. Брели длинный ремень. Два человека, по одному на каждый конец, начинали крутить его. Желавшие принять участие в этой игре быстро подбегали к середине ремня и начинали подпрыгивать на месте так, чтобы не зацепить проходящего под ногами ремня. Выигрывал тот, кто дольше всех прыгал, не зацепившись за ремень.

При состязании в стрельбе из лука (*ин'ариситгыр'ынн агы'ра*) на расстояние до 100—150 шагов кто-нибудь из собравшихся ставил свой нож (втыкал в землю). Надо было попасть стрелой в рукоятку ножа. Стреляли все, кто хотел. Иногда ставили рукавицы и даже шапки. Это состязание не предусматривало призов, скорее всего это была тренировка в стрельбе из лука.

¹²⁵ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 103 об.

У аляutorцев практиковались также состязания в пешем беге (*к'лавсилат*) с призами, состязание в беге на собачьих упряжках (*ы'т'ыл'гыт'алат*), бега на оленьих упряжках (*к'ура та и'талат*), борьба (*тин'тин'латкыт*). Однако в отличие от других состязаний при борьбе никогда не назначались призы сильнейшему.

Весьма распространено среди молодежи, детей и женщин было выплетание различных фигур из бесконечной нити на пальцах рук (*йуут*). Выплетались фигурки весьма условного вида: заяц, юрта кочевника, фигуры двух людей и др. Игра *йуут* встречается у всех народностей севера-востока Сибири. В начале XX в., как заметил В. Г. Богораз, «все коряки от Тиличиков (по восточному берегу Камчатки, — И. В.) заплетают *йуут* точно так же, как чукчи». ¹²⁶

Мужчины-аляutorцы играли в особые шашки (*сукым*). Доска для этой игры имела 81 квадрат, 9×9. Шашки по 9 с каждой стороны устанавливались в два ряда на белом поле. Ходить можно было только по белым квадратам. Фигурки шашек были двух родов: одни изображали женщин, другие — мужчин. Эта игра забыта уже совершенно. Сохранились о ней весьма отрывочные данные.

Разнообразными и оживленными были игры детей-аляutorцев. Все они в той или иной мере повторяли производственную деятельность и быт взрослых и вместе с тем готовили детей к тем занятиям и работам, которые со временем им предстояло выполнять. Игры эти физически упражняли и закаляли детей, особенно мальчиков.

Любимыми играми детей были: *к'ура силлаткы* — 'играть в оленей', на которых нападают волки; *гыут кулаткы* — 'бросать камни пращей' в пролетающих чаек, куликов и т. п.; *патвасиллаткы* — 'играть в куклы'; *кым'усиллаткы* — 'выкладывать из мелких камешков' на песке фигуры, напоминающие в плане жилище коряков; *тин'кусиллаткы* — 'прыгать с разбега' от определенной черты, кто дальше; *валысиллаткы* — 'играть в воронов'; *тит-касиллаткы* — 'играть в прятки'; *касуксиллаткы* — 'играть в пяташки', и др. Как видно, все эти игры возникли и сложились из быта аляutorцев.

Резьба по кости и дереву. Одной из замечательных особенностей аляutorцев прошлого было их искусство резьбы по кости, по всей видимости унаследованное ими от своих предшественников на побережье моря — эскимосов. К сожалению, от этих занятий почти не сохранилось никаких предметных остатков. Существуют лишь письменные свидетельства. А. Ресин, посетивший некоторые из поселков аляutorцев в конце XIX в., отметил, что клыки моржей «или идут в продажу, или употребляются на различные изделия». «Они весьма искусны в изготовлении различных изделий из моржовой кости и рога горного барана, выделявая из них трубки,

игрушки, ложки, ковши и т. п.». ¹²⁷ По сведениям К. Дитмара, в его время аляutorцы славились собственными изделиями. «В Камчатке весьма известны и в большом употреблении щеголевато спшитые и вышитые дорожные мешки, называемые калауш, преимущественно из красивых шкур морских тюленей; также разные резные вещи из моржовых зубов, как-то: трубки, маленькие чашки, ложки, поясные застёжки и разные разности, наконец, игрушки, которые в особенности проявляют изобретательность этого народа». ¹²⁸ Отдельные находки на прежних поселениях подтверждают сказанное. Некоторые образцы их изделий опубликованы в работе Н. В. Слюнина. ¹²⁹ С уничтожением моржей исчез основной материал — моржовые клыки, а вместе с этим заглохло и забылось аляutorцами искусство резьбы по кости.

Черты общественного строя аляutorцев. Основной производственной и общественной ячейкой аляutorцев в прошлом (XVII—XIX вв.) была патриархальная община, которая, постепенно разрушаясь, дожила до начала XX в. Патриархальная община объединяла ближайших родственников (отца, его женатых сыновей, внуков). Судя по данным XVIII в., такая община объединяла до 10 и более семей. Патриархальные общины жили в одной большой полуземлянке, по крайней мере в зимнее время года. Для морского зверобойного промысла община имела одну большую байдару, гребцами и охотниками на которой были ее члены. Каждая община самостоятельно решала производственно-хозяйственные и другие вопросы. Имела особый культ своих предков, свое место в селении. Промысловые угодья сухопутной и морской охоты, рыболовные участки принадлежали всем жителям данного селения или группе селений аляutorцев, где они могли ловить рыбу и охотиться на равных основаниях.

Связи между отдельными семейными общинами были менее прочны, чем внутри общины. В исторических документах зафиксированы факты совместного участия нескольких патриархальных общин на охоте и во время военных столкновений. Однако такие объединения носили временный характер. При этом сохранялась полная независимость каждой общины. Она могла с согласия других общин присоединиться к ним и в то же время, даже без предубеждения, прервать свое участие в любом деле.

Следующим звеном общественной организации аляutorцев было селение, объединявшее несколько патриархальных общин, как правило, связанных между собой и узами родства и свойства. Жители одного селения сообща охотились на китов, моржей. Совместно оборонялись, все вместе строили оборонительные сооружения.

Более высокой ступенью объединения аляutorцев были выступления одновременно нескольких селений в целях нападения на со-

¹²⁷ Ресин А. Очерки инородцев... с. 42—43.

¹²⁸ Дитмер К. О коряках... с. 62.

¹²⁹ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 658.

седей. В одном из исторических повествований, относящихся к концу XVII, возможно к самому началу XVIII в., рассказывается о том, как култушинский (с. Илир) старшина по имени *Апкавки* предложил старшинам селений Алют и Вывнык совместно напасть на жителей о. Карагинского. Этот объединенный поход был совершен, и жители острова разбиты. На протяжении первой половины XVIII в. русские дважды строили Олюторский острог на р. Вывенке. И оба раза эти остроги уничтожались алюторцами. При этом довольно многочисленные гарнизоны русских (около 100 чел.) подолгу сидели в осаде и в конце концов вынуждены были покидать острог. Алюторцы тут же их сжигали. Совместные объединенные отряды алюторцев довольно дружно защищались на всей территории их расселения.

Так, в 1709 г. «на Тымлацкой реке илюторских иноземцев в собрании было двадцать байдар».¹³⁰ Ни в одном из алюторских селений такого количества байдар не было. Да и в документе прямо говорится: «в собрании», т. е. съехались, собрались вместе алюторцы северных селений.

Наивысшим проявлением общественной организованности алюторцев как части корякского этноса было их участие совместно с другими подразделениями коряков в борьбе против политики угнетения царизмом, что проявилось наиболее остро в первой половине XVIII в.

В XIX в., особенно во второй его половине, производственное и общественное значение патриархальной общины заметно ослабло. Ее разъедало увеличение частной собственности на орудия и средства охоты, рыболовства. Шло быстрое обособление отдельной семьи как при добыче средств к существованию, так и в общественной жизни. Положение человека больше измерялось не силой и ловкостью, а наличием у него хорошего оружия, хорошей упряжки собак, прочных сетей и т. п.

Такому направлению развития общественных отношений алюторцев способствовало несколько факторов. Во-первых, падение промыслов, по своей природе носивших общинный характер (охота на диких оленей, промысел китов), во-вторых, переход в основном к таким промыслам, которые успешно можно было вести членам одной обычной семьи — охота с огнестрельным оружием на тюленей, рыболовство, пушная охота; в-третьих, усиление стремления к обзаведению домашними оленями, с самого начала ставшими собственностью того, кто их приобрел.

Случай, с очевидной наглядностью характеризующий, как далеко зашло у алюторцев развитие собственности, произошел в 80-х годах XIX в. Двоюродные братья поссорились из-за добытого моржа. В результате ссоры двое из братьев были убиты своим же двоюродным братом. Причиной этого драматического

конфликта было желание забрать большого моржа, никаких других поводов не было.¹³¹

Имущественное неравенство у оседлых алюторцев в конце XIX в. проступало довольно отчетливо. А. Ресин заметил, что «среди инородцев уже образовались свои купцы-кулаки». Несколькими ниже он подробнее остановился на этом вопросе. «Среди самих коряк уже появились купцы... доверенные русских купцов, с которыми эти непосредственно и имеют дело. Во время торговли шхуны все меха оказались в руках нескольких таких торговцев, а другие если и принимали участие в торговле, то уже после них и продавали преимущественно что-нибудь из своего скарба: выпоротки, ремни из нерпичьих шкур, старые кухлянки, старые торбасы, унты и т. п.».¹³² Эта характеристика нарождавшейся социальной верхушки подтверждается и сведениями начала XX в. Как писал В. Г. Богораз, у старосты с. Вывнык «большой табун оленей, он торгует и богат».¹³³

У алюторцев известно и многоженство, которое было порождено не только обычаем левирата, но и другими причинами, в частности отсутствием детей от первой жены, экономическим положением мужчины. Наиболее типичным было наличие двух жен (*лымыльын*), реже трех (*н'ронн'авн'ылъын*) и как исключение четырех жен. «У старосты с. Вывнык *Тын'ака* было три жены, а четвертую он отправил назад (к родителям). У них мужчина может отказаться от жены. Каждая жена *Тын'ака* имела особый полог».¹³⁴ За жену алюторцы отработывали, как и другие коряки. Однако в их обрядах сватовства были отличия, например, от каменцев. Жених становился мужем в жилище тестя. При этом тесть помогал будущему зятю при «хватании» овладеть невестой.¹³⁵ Для образовавшейся семьи ставился особый полог со всеми бытовыми принадлежностями обособленного хозяйства (котлы, чайники, жирник, снаряд для добывания огня трением и др.).

У алюторцев весьма строго соблюдалась супружеская верность и целомудрие девушек. За этим следили и родители и братья. Нарушение супружеской верности, вступление в связь с мужчиной до замужества строго наказывались, вплоть до убийства обоих нарушителей этих неписаных законов нравственности. В конце XIX в. два брата из с. Вывнык узнали, что их сестра тайно встречается с жителем с. Тилички. Старший брат поручил младшему убить сестру, что тот и исполнил, а затем они вместе отправились в с. Тилички, чтобы убить и соблазнителя. Такие строгости бытовали до 20-х годов XX в. В 1921 г. житель с. Олюторское установил, что его жена находится в тайной связи с жителем с. Хаи-

¹³¹ Вдовин И. С. О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 20—22.

¹³² Ресин А. А. Очерки инородцев..., с. 29—44.

¹³³ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 66 об.

¹³⁴ Там же, л. 77.

¹³⁵ Там же, л. 70.

¹³⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 157 об.

лино. Муж обратился к старосте своего селения и, по существовавшему обычаю, объявил, что он убьет и жену и ее любовника. Однако староста не разрешил вызвать священный традицией приговор мужа. Он предложил вызвать старосту с. Хаилино, виновника и двух его братьев. В назначенное время хаилинцы прибыли. В присутствии всех жителей с. Олюторское староста объявил о случившемся и предложил выслушать мнение братьев виновного. Они признали тяжесть нарушений обычаев их братом, но просили ожидаемый в таких случаях приговор заменить наказанием — публичной поркой и виновника, и виновницы. С этим согласились все, в том числе и обманутый муж. Староста допросил виновников. Поскольку они запирались, их связали, разложили и пустили в ход сухие лахтажи ремни. В роли исполнителя наказания выступал обманутый муж. Он осуществлял свое право. В конце концов виновные признались в содеянном. Они поплались общественным позором, а наказание было настолько жестоким, что оба потеряли сознание. Жена осталась жить со своим мужем. Почему в данном случае, по старым обычаям, смертный приговор был заменен наказанием? Возможно, уже действовали новые веяния, законы, охранявшие личность, запрещающие «самосуд»? Быть может, потому, что у виновника были сильные братья, а обманутый не имел таких родственников. Не случайно староста вызвал их, советовался с ними. Этим он предотвратил возможное осложнение отношений между братьями виновного и пострадавшим. В ходе наказания один из братьев вырвал плоть из рук мужа и даже пригрозил ему, что, если он продолжит наказание, будет бит сам. Как видно, здесь действовало и право сильного.

В бытовых рассказах аллюторцев о прошлой жизни мотив — право на стороне имущего и сильного — звучит довольно определенно. При этом понятие сильный всегда синонимично понятию имущий, а понятие слабый — понятию бедный. «Прежде, кто был сильным, тот и жил хорошо, а кто слабый, бедный — жил плохо. Когда приезжал сильный человек, за ним ухаживали, старались угостить лучшим, что он ни просил, все ему давали. Когда приезжали бедные, слабые, на них даже не смотрели».¹³⁶

По образу и подобию других народов Сибири, у которых действительно существовало родовое деление, со времени обложения аллюторцев ясаком их делили на роды. При этом роды именовались по населенным пунктам. Так, среди аллюторцев появились следующие роды: Ветвейский, Култушинский, Олюторский, Тиличикский, Вывыковский, Кичигинский (более раннее название Татольский) и род кочующих «в урочищах Ветвея и Олюторских селений».¹³⁷ Однако уже тогда было очевидно, что вообще никакого родового устройства у коряков нет. «Корякские роды, — сообщалось в записке к проекту положения об инородцах, — созданы ис-

кусственно, распоряжением местной власти, в интересах облегчения управления инородцами и главным образом в целях успешности взимания ясака. У коряков нет ни родов, ни племенной связи, они не создали своей общественной организации и единственной социальной единицей у них служит семья».¹³⁸ Чиновник, составлявший эту записку, правильно оценил состояние общественного строя коряков, прежде всего в той части, где он отрицает у них наличие родового и племенного устройства. Что касается утверждения, будто коряки не создали «своей общественной организации», следует заметить, что царизм всячески культивировал насаждение своих старост. При этих условиях и шло постепенное отмирание общественных институтов, существовавших среди коряков до присоединения их к России. Вместе с этим актом было положено начало постепенного забвения старых форм общественного строя и замены их такими организационно-административными формами, какие находили более удобными для себя чиновники, стоявшие во главе управления Камчаткой. Однако, как было показано выше, аллюторцы сохраняли еще многие черты старого общественного устройства, опиравшегося на патриархально-общинные начала. В новых условиях политической жизни старое общественное устройство не могло развиваться, так как оно уже не отвечало социально-экономическому состоянию развития аллюторцев и их политическому положению в Российской империи.

Религиозные представления и культы аллюторских коряков. Эти представления и культы аллюторцев, как и коряков других подразделений, вытекали из исторически развившегося мировоззрения, соответствовавшего состоянию их материального производства и общественных отношений.

В основе религиозных представлений коряков лежала наиболее ранняя форма дуализма, сводящего все процессы в окружающей природе и положение в ней человека к борьбе двух противоположных начал: добра, проявлявшегося в благополучии человека, в равновесии всех явлений природы, света (солнце, день, восточная и южная страны света — источники тепла и жизни, откуда шли звери, летели птицы и т. п.), на одном полюсе и зла, причиняющего человеку болезни, голод, смерть, природе — гибель животных, извержения вулканов, затмения и т. п., дающего мрак (ночь, луна, север и запад — страны мрака, холода, стороны, где обитали после смерти люди), — на другом.

Благополучие обеспечивали благожелательные существа. Это существа в виде предков, «хозяев» моря, рек, гор, диких оленей и т. п. Все они человекоподобны или просто люди. Так, «хозяин» моря выглядел наполовину человеком, наполовину моржом, «хозяин» диких оленей *Писеусън* — маленький человечек, который всегда сидел на холке быка дикого оленя и т. п. К ним можно обращаться за помощью, они покровительствуют, помогают че-

¹³⁶ Из текстов, записанных автором у аллюторцев в 1955 г.
¹³⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 4.

¹³⁸ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 44.

ловеку, отзываются на его просьбы. Но их нужно содержать, благодарить, давать им дары в виде жертвоприношений, кровавых и бескровных, им нужно возвращать для восстановления то, что они дали (например, тюленей — в виде отдельных костей этого животного или нижней челюсти).

Некоторые из благожелательных существ (*калаку*) в виде деревянных, каменных условно человекообразных изваяний имелись в жилищах коряков. Это материальные «помощники» с материальными запросами. Они едят и пьют. Однако, если при обращении к ним за содействием они не давали ожидаемых результатов, их не кормили, их просто могли выбросить. Такие отношения человека к *калаку*, которых он сам делает, служит лишним подтверждением известной власти человека над этими доброжелательными существами. Он не раб их прихотей, их возможностей, хотя его благополучие и зависит в какой-то мере от них. В этих противоречивых отношениях человека с доброжелательными существами проявилось сознание независимости человека, сознание своей собственной силы как основы материального благополучия, которое достигалось главным образом в результате непосредственных (человеческих) усилий в борьбе за жизнь. Интересно, что само слово «жертвоприношение» — *инэвтгырн'ын* — весьма близко по звучанию и корню слова «победа» — *инаватгырн'ын*.

Злые начала несли *нин'виту*, *камаку*. *Нин'виту* — вредные существа, вся деятельность которых направлена к тому, чтобы уничтожить человека, он предмет их «охоты». *Нин'виту* несут болезни и, наконец, смерть человеку. *Камак* — вредоносное существо, в природе это жук. Он живет в земле. Человеку непосредственно он не приносит вреда. Но он может создавать землетрясения, извергать дым и лаву из вулканов, поэтому есть *н'экамаку* — «горные камаки». Они ходят под землей в образе мамонта — *рынькамак* («рогатый камак»).

Проявление деятельности этих существ человек видел в разных несчастьях, неудачах. С этими существами нужно было бороться. Их можно было одолеть, отпугнуть огнем, оружием, обмануть, запутать следы и скрыться от их преследований. Им иногда приносились только кровавые жертвы, которые бросались обязательно на землю и обязательно головой в сторону северо-запада. На землю потому, что эти существа жили под землей и в «темной» стороне. Их светилom, которое противостояло в природе солнцу, была луна, северо-запад — сторона их обитания. Юго-восток соответственно — сторона обитания добрых, благожелательных существ. У аляutorцев нет слов для выражения понятия душа, дух. Верным представляется наблюдение Г. Стеллера, разделявшееся С. Крашенинниковым, о том, что «нет у них в языке слова дух, ибо они не имеют о том и понятия, так как и о величестве божии и непостижимой его премудрости».¹³⁹

¹³⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 407.

Проявлением религиозных представлений у аляutorцев были различные культы. На первом месте был культ предков, которые покровительствовали своим потомкам в их повседневных хозяйственных занятиях и других жизненных делах. Внешним выражением этого культа служили жертвенные места, имевшиеся около каждого населенного пункта. Причем их могло быть несколько. По-видимому, каждая патриархальная семья имела свое жертвенное место, своих предков-покровителей. Одни из них, вероятно, более древнего происхождения, другие — более позднего. Первые назывались *ыллаапил* — «бабушка», вторые — *аппапил* — «дедушка». В каждом населенном пункте имелись устные предания о предке или предках — патронах жителей данного селения. В этих преданиях содержались главным образом морально-этические и производственные наставления, вытекавшие из норм жизни патриархально-семейной общины. При этом никаких отличий культа бабушек от культа дедушек в настоящее время установить уже нельзя, они однотипны.

На таких жертвенных местах встречаются лобные кости оленей, медведей, морских млекопитающих: моржей, тюленей и других животных, а также кости птиц. Наряду с остатками промысловых животных тут же в большом количестве имеются наконечники стрел, копий, ножи (каменные, костяные и железные), патроны, остатки женских украшений (бусы, бисер), многочисленные следы костров, разводимых в разных местах жертвенного места. К *аппапил* и *ыллаапил* обращались за помощью и содействием как мужчины, так и женщины во всех трудных случаях жизни.¹⁴⁰

Другим, также распространенным культом являлось поклонение «хозяевам» на тропах, около скал, гор, на мысах рек и моря, на перевалах. Эти жертвенные места назывались *тинтыннутэнут* — от качественной основы *тинты* — обладающий такими свойствами, которые могут нести человеку добро и зло (все зависело от отношения человека к «хозяину» данного места) и именной основы *нутэнут* — «земля». «Хозяева» были добры и благожелательны, к человеку только в том случае, если он, проходя, приносил и клал им установленный традицией предмет. Обычно это камешки, веточки, иногда продукты, щепотка табаку и даже выпущенная стрела или заряженный патрон. В целом, по представлению аляutorцев, эти существа сильны и в их власти было дать или не дать удачу прохожему.

Этот культ в отличие от культа предков *аппапил* и *ыллаапил* был культом без симпатий к объекту, носил какой-то обязательный характер и то только в тех случаях, когда люди оказывались случайно около такого места. Специального, заранее намеченного жертвоприношения на *тинтыннутэнут* не было.

¹⁴⁰ Подробнее об этом см.: Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение. — Сб. МАЭ, XXVII, Л., 1971.

Особый культ составлял *Ыттыулетылъын* — существо, будто бы обитавшее в море и обеспечивающее удачные промыслы людей на море. Ему приносились особые жертвы (как об этом уже сообщалось выше) во время осенних благодарственных праздников.

Обычно люди были не в состоянии вести успешную борьбу со злыми существами, поэтому они прибегали к помощи шаманов (*ан'ан'ылъу*), которые при содействии своих помощников преодолевали злые козны вредоносных существ и тем спасали людей. В качестве «помощников» у шаманов, а ими часто были и женщины, выступали животные и птицы. Вот что рассказывается в одном предании коряков, относящемся к событиям начала XVIII в. На холме *Пэлотыткын*, где находился укрепленный острожек аллюторцев, коряки долгое время находились в осаде. Наконец часть из них бежала из острожка, часть погибла при сражении, осталась в живых шаманка по имени *Ивпитан'ав*. Захватившие острожек якобы решили сжечь *Ивпитан'ав*. Она сама бросилась в приготовленный костер, но при этом у нее из рта вылетела куропатка и выбежала лисица — ее помощники.

Шаманский дар передавался по наследству от шамана или шаманки своим детям, но никакой «школы» шаманства у аллюторцев не было, не было и непосредственной передачи этого дара. Происходило все якобы следующим образом. Когда умирал шаман, его *йесасгыр'у* — «жизненные силы» (дыхание и пульсирующая кровь) отделялись от тела и находились где-то в тундре до тех пор, пока дети шамана не приходили в зрелый возраст. После того «жизненные силы» шамана-отца «садились» (*вагаллаткыт*) на кого-нибудь из его детей.

У аллюторцев, как например и у чукчей, были и превращенные шаманы. Мужчины, превращенные в женщину-шаманку, надевали женское платье. Это были те мужчины, мать которых была шаманка, а «жизненные силы» ее «сели» на сына. Если «жизненные силы» шамана-отца после его смерти вселялись в дочь, то она становилась шаманом-мужчиной и на время камлания надевала мужскую одежду.

Общераспространенными были семейные охранители, имевшиеся в каждой семье, ведущей свое хозяйство. Это *гысгын* — деревянный снаряд для добывания огня и *калаку*. Последние представляли собой обрезанную ветку (12—15 см длины), от середины которой отходили два равнобедренные расположенных отростка (ноги). Оба охранителя имели прямое отношение к предкам, они как бы олицетворяли их в этой материальной форме.

Христианизация, а вместе с ней преследование и вытравливание прежних культов, обрядов и связанных с ними атрибутов имела определенный успех. По крайней мере внешние аллюторцы восприняли православие с его обычаями и обрядами. А по существу они оставались почти теми же «язычниками», каким были и прежде. Для радикальных изменений религиозного сознания у них не было ни материальных, ни культурно-политических предпосылок. Само-

державие ничего не сделало для приобщения их к культуре высокоразвитых народов с классовым общественным строем и соответствующей идеологией. Поэтому православие аллюторцев было чисто внешним, насильственно прививаемым, а потому непрочным.

Интересно в этой связи сопоставить некоторые наблюдения 1900 г. с наблюдениями 30-х годов. В. Г. Богораз отметил, что в с. Кичига «покойников уже не жгут, а хоронят» и что «идолов (очевидно, *калак*, — И. В.) они уже не имеют, а употребляют иконы».¹⁴¹ Однако с установлением Советской власти, с утверждением советских принципов национальной политики и аллюторцы и даже карагинцы снова начали сжигать покойников, в жилищах оказались семейные охранители, а иконы исчезли. Старые обычаи и представления оказались весьма стойкими.

Христианизация и школа. Христианизация аллюторцев началась еще в середине XVIII в. «В 1758 г., — писал А. С. Сгибнев, — камчатская духовная миссия получила название проповеднической свиты и занималась распространением христианства преимущественно среди аллюторцев».¹⁴² Каковы были успехи христианизации коряков вообще, и в том числе аллюторцев, отметил через сто лет многоопытный в таких делах миссионер И. Вениаминов: «Грубая душа коряка остается закрытой для христианского учения».¹⁴³ Усилия миссионеров и в последующие годы также не имели успеха. До революции русское население насчитывалось единицами, и то это были торговцы, урядники, священник. Церковно-приходская школа в с. Тилички (Иосафовском),¹⁴⁴ открытая после 1905 г., была единственной на территории расселения аллюторцев. Успехи ее в деле распространения просвещения были более чем скромными. Всего несколько коряков из с. Тилички выучилось читать и писать. В 1914 г. при корфовской (так стала называться бывшая тиличская) школе был открыт приют для детей коряков (сирот). Содержался он на средства Камчатского братства, а главным образом на пожертвования коряков, которые на содержание детей приюта «давали по 25 связок юколы». В 1915 г. в корфовской церковноприходской школе «обучалось 36 коряков».¹⁴⁵ Большинство из них были приютские дети.

Итак коряки-аллюторцы в ряде черт производственно-хозяйственной деятельности, в быту, в обычаях, в языке заметно отличались от своих южных соседей-карагинцев и других подразделений оседлых коряков, не говоря уже об оленеводах (чавчувенах). На упрочение их этнического обособления в свое время оказали заметное культурное и языковое влияние эскимосы. Подробнее эти вопросы рассматриваются ниже.

¹⁴¹ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 37.

¹⁴² Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. № 5, с. 82.

¹⁴³ Слюнин С. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 392.

¹⁴⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 51.

¹⁴⁵ Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916, с. 143.

Глава IV

КОРЯКИ-АПУКИНЦЫ

Материалы о коряках-апукинцах весьма скудны. Часть побережья Берингова моря, которую занимают апукинцы, очень редко посещалась в прошлом даже административными лицами.

Сухопутная дорога, связывающая Камчатку с Анадырем, проходила минуя апукинцев. Таким образом, они оставались в стороне даже от случайных наблюдателей. Из ученых, и то проездом, был у них в марте 1901 г. В. Г. Богораз. В 1928 г. на устье р. Апуки был некоторое время (до установления санного пути) С. Н. Стебницкий.¹ В 1927 г. проездом, а в 1954 г. со специальным поручением кратковременно находился среди апукинцев автор этих строк. Наиболее подробные сведения о них и их языке изложены в подготовленной к печати С. Н. Стебницким статье «Апукинский диалект коряцкого языка».² И это все. Очень мало материалов об апукинцах содержится в архивах и в публикациях архивных документов. Поэтому предлагаемый очерк носит предварительный характер.

Сведения о расселении и численности апукинцев были случайными и, конечно, неполными и неточными. Лишь в материалах 6-й ревизии (1803—1807 гг.) содержатся сведения об «апукинских и хатырских инородцах, в числе 166 человек, не плативших до того времени ясака».³

Материальная и духовная культура апукинцев почти не изучены. Мало что известно об их этническом развитии и этнических связях. Несколько лучше обстоит дело с изучением их языка. Эта работа в основном выполнена С. Н. Стебницким. Некоторыми материалами, главным образом лексическими, располагает автор этой работы. Языковые материалы в сочетании с историческими сведениями все же дают повод и основания для некоторых предварительных заключений.

На побережье Берингова моря, к северу от алуторцев, живут коряки-апукинцы. Ближайшее их селение от последнего селения алуторцев находится на расстоянии почти 300 км. Побережье

моря на всем этом пространстве представляет собой суровые обрывистые скалы, круто спускающиеся к морю. Эта часть побережья почти недоступна для передвижения по суше ни зимой, ни летом. Связь апукинцев с алуторцами осуществлялась в летнее время по тропам, которые проходили вдоль рек Вывныка и Пахачи. Верхние притоки этих рек подходят весьма близко друг к другу. По этому же пути проходили и зимние дороги, связывавшие эти два подразделения коряков.

Название апукинцы встречается уже в документах конца XVII в. одновременно с упоминанием р. Апуки. В 1693 г. к апукинцам ходил из Анадырского острога Лука Морозко, который обложил ясаком «оленных опутцких коряк».⁴ Упоминания об этой группе коряков имеются в ясачных книгах Анадырского острога за 1699, 1700, 1704 гг. Интересно то, что уже тогда назывались оленные и сидячие «апукинские коряки». В 1715 г. А. Сургутский «был на Апуке и Покаче реках у оленных и сидячих коряк ясачных для рыбных и всяких кормов».⁵ Эти свидетельства говорят о том, что уже тогда часть апукинцев вела оседлый образ жизни.

В этой связи уместно напомнить высказывание С. П. Крашенинникова, который считал, что «апукинских и катырских коряк пешими сделали» чукчи, напав на них в 1738 и 1739 гг., когда и захватили у них всех их оленей.⁶ Это замечание С. П. Крашенинникова легло в основу утверждений С. Н. Стебницкого,⁷ считавшего также, что до названного нападения чукчей апукинцы были оленеводами. Еще определеннее представлял себе образование этой группы В. Г. Богораз: «На нижнем течении реки Опуки, близко к чукотско-коряцкой границе, обитает коряцкая группа, которая говорит особым диалектом оленных коряков, но оленей не имеет, существует рыболовством. По их преданиям, их оленьи стада были отогнаны чукчами пять поколений назад, тотчас же после отступления русских из Анадырского края».⁸ Если следовать за В. Г. Богоразом, то произошло все это после 1771 г., т. е. после ликвидации Анадырского острога.

Однако документы показывают, что эти утверждения неверны. Очевидно, разделение на оленных и оседлых в районе рек Апуки и Пахачи существовало давно. В 1704 г. упоминаются коряки-оленеводы на р. Апуке,⁹ в 1715 г. на реках Пахаче¹⁰ и Апуке.¹¹ По сведениям, имевшимся в Гижигинской крепости в 1774 г.,

⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 321; Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 4, с. 70.

⁵ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II. СПб., 1885, с. 118.
⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 688.

⁷ Архив ИЭ, к. II, оп. 1, № 222, с. 3.
⁸ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I. Л., 1934, с. XXIII.

⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 51.
¹⁰ Там же, л. 235.

¹¹ Там же, л. 255; ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 47.

¹ Стебницкий С. Н. У коряков на Камчатке. М., 1931.

² Архив ИЭ, к. II, оп. 1, № 222.

³ Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 8, с. 36.

оседлые апукинские коряки «жительство имеют по Пахаче в трех, по Апуке рекам в трех же жилах (т. е. населенных пунктах, — И. В.)». ¹² В 1777 г. уже определенно указывается на апукских и пахачинских «пеших коряк острожки». ¹³

Первое описание этой части побережья Берингова моря было сделано только в 1885 г. штурманом Ф. Геком, плававшим здесь на шхуне «Сибирь». ¹⁴ Не очень часто эти берега посещались и китобоями.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что и кэрэков относили к апукинцам, называя их «хатырцы». Как сообщал Т. Шмалев: «От Култушного в Катырский нос (Яйолский камень — Лисий нос) до р. Пахачи 230 верст, жительство пахачинцы или катырцы. От Пахачи до Апуки 40 верст, жительство катырцы . . . от Апуки до Кавачи 15 верст, живут катырцы . . . от Кавачи до Вайманты 30 верст, жительство катырцы». ¹⁵ Как он полагал, от Вайманты и до границ расселения оседлых чукчей жили «катырцы», т. е. коряки-апукинцы, а на самом деле здесь были уже поселения кэрэков.

Коряки на реках Апуке, Пахаче и Каваче называются в документах под 1777 г., ¹⁶ в 1791, ¹⁷ 1810, ¹⁸ 1812, 1829, ¹⁹ 1832 гг. ²⁰ Последующие данные о расселении апукинцев, и притом довольно обстоятельные, дала перепись 1897 г. и материалы путешествия В. Г. Богораза в 1901 г. через территорию их расселения.

В 1897 г. коряки-апукинцы были зарегистрированы, помимо селений Апука, Пахача и Кавача, еще в с. Кавача на р. Опухе. Упоминание двух поселков Кавача — плод какого-то недоразумения. В. Г. Богораз на основе языковых и других данных относил к апукинцам и коряков с. Хаилино (на р. Ветвее). «Хаилино, Пахача и некоторые юрты Апуки, — писал он, — составляют одно общество». Жители «этих трех селений разговаривают на языке, близком к языку оленных коряков». ²¹ По данным 1912 г., апукинцами считали жителей на реках Каваче, Пахаче и Апуке. ²²

Итак, коряки-апукинцы заселяли побережье моря от устья р. Пахачи на юге до устья р. Кавачи на севере. Вместе с тем оседлые и кочевые хозяйства апукинцев были также расположены

и по течению рек Пахачи, Апуки и Вывенки. Отдельные землянки апукинцев находились в 60—70 км от устья. Видимо, апукинцы положили основание оседлому поселку Хаилино, расположенному в верхнем течении р. Вывенки. Территория, занимаемая ими на протяжении обозреваемого времени, оставалась без изменения лишь применительно к оседлым поселениям. Что касается оленеводов, то они в течение XVIII—XIX вв. были оттеснены, частично ассимилированы пришедшими сюда чукчами. ²³

В пределах названных границ численность апукинцев стала более или менее проявляться лишь во второй половине XVIII в. Некоторые сведения о их количестве сообщались и в более раннее время. Б. О. Долгих, пользуясь расчетными данными на конец XVII—начало XVIII в., определил численность апукинцев в 640 чел. ²⁴

По данным Т. И. Шмалева (70-е годы XVIII в.), пахачинцев было «семей с сорок», собственно апукинцев, т. е. живших на р. Апуке, «семей с двадцать» и на Каваче-реке — «семей с двадцать». ²⁵ Таким образом, получается, что оседлых апукинцев было максимум 80 семей, или примерно около 400 чел. Однако эти цифры весьма приблизительны. Больше, видимо, соответствуют действительности цифры, относящиеся к 1774 г. Согласно этим данным, «на реках Пахаче коряк платящих и неплатящих 16, на Апуке — 13, на Каваче — 11, на Тапатаге — 13. Всего 53 человека». ²⁶ Следовательно, в это время численность апукинцев была около 200 чел.

В 1790 г. пахачинцев — ясачных плательщиков — было зарегистрировано 15 чел., апукинцев 37, кавачинцев 12. ²⁷ Можно предполагать опять-таки, что всего их было не более 200 чел.

В 1791 г. эту часть побережья посетил гижигинский земский исправник А. Лаксман, который в Пахаче зарегистрировал 15 плательщиков ясака, в Апуке 38 и в Каваче 12. ²⁸ По его данным, общая численность апукинцев была примерно той же, что и по сведениям 1790 г. Эта цифра, пожалуй, наиболее верная применительно к концу XVIII в. По именной ведомости канцелярии гижигинского уездного земского комиссара, составленной в 1810 г., «Апукинского рода сидячих коряк всего 77 душ, сидячих 2-го рода атаюльцев ²⁹ — 74 души, Кавачинского рода пеших коряк — 44 души». Итого 195 чел. По данным 6-й ревизии, апукинцев

¹² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50.

¹³ Там же, л. 42 об.

¹⁴ Р е с и н А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 24.

¹⁶ К о с в е н М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке. — Сибирский этнографический сб., IV, М., 1962, с. 286.

¹⁷ Г у р в и ч И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1968, с. 110.

¹⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1084, оп. 4, д. 39, л. 51—57.

¹⁹ Г у р в и ч И. С. Этническая история северо-востока Сибири, с. 184 и 187.

²⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1076, оп. 3, д. 413, л. 11—14.

²¹ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 69 об.

²² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 3133, оп. 1, д. 92, л. 55.

²³ В д о в и н И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, с. 61—71.

²⁴ Д о л г и х Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 560.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 24.

²⁶ Там же, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50; К о с в е н М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке, с. 287.

²⁷ Г у р в и ч И. С. Этническая история северо-востока Сибири, с. 111.

²⁸ Там же, с. 110.

²⁹ Правильнее *аттайолу*, т. е. передние, или носовые, так называли иногда часть апукских коряков.

насчитывалось 42, кавачинцев 21 ясачный плательщик³⁰ (пахачинцы были причислены к апукинцам). По этим данным, общая численность апукинцев была также около 200 чел.³¹ По данным 7-й ревизии 1832 г.: «Пахачинского рода было 30 и Кавачинского 23 плательщика», всего населения около 160 чел. По статистическим данным Гижигинского округа в 1894 г., всего апукинцев насчитывалось уже только 152 чел.³²

Все предыдущие данные существенно расходятся с итогами переписи 1897 г. Основная причина, видимо, в том, что сведения до переписи были неполными. В 1897 г. в с. Пахача было всего населения 71 чел., в с. Апука 47, в с. Кавача (на р. Апуке) 120, на р. Каваче 10, в с. Хаилино 93 чел. Таким образом, в конце XIX в. апукинцев было 341 чел.³³

Интересны сведения В. Г. Богораза (1901 г.): «На Пахаче живут в 4 местах: повыше (устья, — И. В.) 3, потом еще 3, потом 2, потом 1 юрта». ³⁴ Около 90 чел. «На Апуке то же 9 юрт», — отмечал В. Г. Богораз, где было также около 90 чел. В Хаилино было 6 юрт, в 5 из них жило 67 чел. В поселке на устье р. Кавачи была одна юрта с населением в 20 чел. В. Г. Богораз к апукинцам же относил жителей селений Тапатагын (в 40 верстах от Кавачи), Вайментагын, Тапан. Каждый из этих поселков состоял из одной юрты-полуземлянки, а количество жителей не превышало 25 чел. С. Мечивнон имело 3 юрты. Численность его населения В. Г. Богораз не указывает.³⁵ Таким образом, по данным В. Г. Богораза, которые приводит В. Иохельсон, число апукинцев в 1901 г. было примерно 400 чел. (Некоторое расхождение с данными переписи 1897 г. объясняется приблизительно определений Богоразом количества населения, а также отнесением к апукинцам жителей поселков, расположенных к северу от Кавачи). По другим сведениям, правда более поздним, жители этих поселков уже считались не апукинцами, а кэрэками.³⁶

Согласно переписи Камчатской губернии 1912 г., апукинцев оседлых и «кочующих по р. Пахаче и р. Апуке» насчитывалось 451 чел. Оседлых считалось 33 семьи с общей численностью 157 чел., а кочующих — 63 семьи с общим числом (считая и чукчей) 326 чел.³⁷ Несомненно, что перепись 1897 г. и опросные сведения В. Г. Богораза причисляли к апукинцам и кочевых малооленных коряков, которые жили в основном по берегам рек Апуки и Пахачи.

³⁰ Г у р в и ч И. С. Этническая история северо-востока Сибири, с. 184.

³¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1084, оп. 4, д. 39, л. 56—57.

³² С л ю н и н Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. VI.

³³ П а т к а н о в С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. СПб., 1912, с. 900—901.

³⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 69 об.—71.

³⁵ Там же.

³⁶ Н. Б. Ш н а к е н б у р г. Нымыланы-кэрэки. — Сов. Север, 1939, № 3.

³⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 3133, оп. 1, д. 92, л. 55.

Из приведенных выше данных следует, что численность оседлых апукинцев на протяжении XVIII—начала XX в. ввиду неполноты сведений установить точно невозможно. Колебания числа оседлых отмечались в пределах между 150—200 чел.

Еще более сложен вопрос об апукинцах-оленоводах. В XVIII в. их число явно уменьшилось вследствие нападения чукчей и вызванных этим обстоятельством переселений их на юг. В то же время долины рек Апуки и Пахачи постепенно заселялись чукчами, а затем и эвенками. Апукинцы оказались в окружении нового этнического соседства.

Подобно представителям других подразделений коряков, апукинцы сознают свое отличие как от оседлых, так и от кочевых коряков. Однако называли они себя по месту жительства. Лишь специальные вопросы побуждали, например, пахачинцев признавать, что они с апукинцами один народ. Примерно такое же понимание было и у других коряков.

Никаких материалов о языке апукинцев до советского периода не было. В свое время В. Г. Богораз отметил: «Очевидно, это наречие примыкает к оленному, а не к аллоторскому. В сущности оно отличается только протяжным произношением».³⁸

Начало изучения апукинского диалекта было положено С. Н. Стебнидким.

К числу особенностей апукинского диалекта следует отнести прослеживаемые в нем элементы особой женской лексики, вернее употреблявшихся в языке женщин некоторых слов и форм, которые не применялись в речи мужчинами. Например: ³⁹

Значение	Мужское произношение	Женское произношение
два	н'ыййэк'	н'иччах
двое	н'ыечгаё	н'ычыйгата
дыра	ав'в'ыйн'ын	к'ып'юк'ып
здравствуй	амто	ма
сестра	чакыгат	чакук

Уже эти немногие примеры дают повод думать, что среди женщин-апукинцев были представители какой-то другой этнической среды, видимо кэрэков. Удивительно то, что такие языковые особенности прочно закрепились среди женской половины апукинцев.

* *
*

Судя по контурам жилищ, сохраняющимся до настоящего времени на правом возвышенном берегу устья р. Апуки, а также по культурным остаткам, люди на побережье, т. е. оседлые оби-

³⁸ Архив Института востоковедения, АН СССР, ф. 23, д. 11, л. 11.

³⁹ По материалам автора, собранным в 1954 г.

татели, были здесь не только в XVII в., когда впервые они упоминаются в документах, а значительно раньше. Много следов древнего обитания находится на том месте, где были построены здания торговой фактории, жилые дома. Здесь повсюду видны следы ранней деятельности человека: каменные отщепы и сколки, остатки керамики, орудий и других предметов, которые изготовлялись из камня и кости. Тут же на правой стороне было культовое место, вокруг которого в беспорядке лежат черепа моржей, а также кость кита, не так давно еще стоявшая на этом месте. Судя по историческим преданиям аляуторцев и современных апукинцев, предшественниками последних на Апуке и далее на север, на Каваче, были айваны, т. е. эскимосы.

Из исторических преданий коряков следует, что эскимосов вытеснили из окрестностей побережья около устья р. Апуки аляуторцы, которые и составили в свое время основу населения этой части побережья Берингова моря. Вот что рассказывает по этому поводу в одном из преданий, записанных у аляуторцев.

«На р. Апуке жили эскимосы, несколько маленьких поселочков. Потом туда прибыли жители с мыса Ильпырского. Река Апука — рыбная, всю зиму много рыбы. Кроме того, в этом месте зимой тепло, тут добывали много гольцов». Учитывая удобства этого места, ильпырцы решили «отнять устье Апуки у эскимосов» и начали переселяться туда. Противостоять ильпырцам эскимосы не могли, так как их было меньше, чем коряков. В первую же зиму часть эскимосов покинула Апуку, уехав на собаках на север. Затем и остальные также были вынуждены оставить эти места. Погрузив все свое имущество на байдары, уехали они на север. «Так было захвачено аляуторцами побережье около устьев рек Пахачи и Апуки».⁴⁰

Дальнейшее развитие бывших аляуторцев на новом месте осложнилось в XVIII в. связями с коряками-оленеводами, которые раньше осваивали долины этих рек и, по-видимому, были также связаны в летнее время с побережьем моря. Разграбление чукчами оленей заставило бывших оленеводов искать другие источники средств существования, т. е. перейти к охоте, рыболовству и оседлости. Так как бывших оленеводов на Пахаче и Апуке оказалось больше, чем оседлых аляуторцев, они постепенно ассимилировали последних, однако не без обратного воздействия. Произошло скрещение двух диалектов и их носителей (аляуторцев и чавчуменов) с преобладанием языка оленеводов, в результате чего и сложился апукинский диалект корякского языка.⁴¹

Апукинцы были на этом месте относительно давними обитателями. Их постоянное местожительство на устье р. Апуки и в других местах (реки Пахача и Кавача) есть несомненное доказатель-

ство преимущественного занятия их морским зверобойным промыслом и рыболовством. Об этом же говорит и характер биологических остатков на жертвенном месте (черепа моржей). С. Н. Стебницкий также полагал, что апукинский диалект сложился в результате скрещения аляуторского с чавчуменским, но исторические условия и время его образования он трактовал иначе.

Итак, очевидно, что какая-то часть апукинцев издавна проживала на берегу моря и соответственно весь уклад их жизни определялся морским промыслом и рыболовством. По сведениям середины XVIII в., пахачинцы и апукинцы «моржей морских добывают в море ремennыми сетями довольно». «Промысел их: лисицы, волки, олени, морские звери, киты, нерпы».⁴²

В другом известии уже 70-х годов XVIII в. сообщалось, что живут они в земляных юртах, «питаются добываемыми из рек рыбами — чавычей, красною, горбушею и вахнею, також и добываемыми из моря нерпами и уловливаемою птицею, утками, и затем кореньями и ягодами».⁴³

И. Анкудинов в 1777 г. сообщал о промыслах апукинцев: «В устьях рек Пахачи и Апуки есть губы, в коих рыбы нярки, чавычи, кеты, горбуши, вахни довольно, и морского зверя нерпы промышляют пешие коряки с Кавачинской губы . . . На Пахаче и Апуке в осеннее время промышляют неводами мальму, харьюсов, а на Апуке и белой рыбы конька довольно».⁴⁴

Таким образом, апукинцы занимались комплексом промыслов как сухопутных, так и морских. Занимались они и рыболовством, и охотой на птиц, и сборианием корней съедобных растений, ягод. Некоторые из жителей поречья имели своих оленей, правда в небольшом количестве. Помимо оседлых апукинцев, были здесь и коряки-оленеводы, которые появлялись на берегах Апуки и Пахачи в весеннее время. Они приходили сюда от Гижиги на летний период. В 1762 г. в верховьях р. Апуки находились оленевод Лехтея со стадом в 500 голов, коряк-оленеводе Кававгигин со стадом в 700 голов и т. п.⁴⁵

В. Г. Богораз отметил на Апуке только оседлых коряков, которые оленей не имели и существовали, как он писал, рыболовством. Оленеводами в то время, постоянно обитающими в этом месте, были только чукчи.

Апукинцы еще в XVIII в. занимались охотой на пушных зверей: соболей и лисиц. Соболи «белые», как их называл В. Атласов, водились по р. Апуке. В 1715 г. коряки-апукинцы вносили ясак в Анадырский острог лисицами и соболями.

⁴² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 24.

⁴³ Там же, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 51. См. также: Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке, с. 286.

⁴⁴ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке, с. 289.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9.

⁴⁰ По материалам автора, собранным в 1955 г.

⁴¹ С. Н. Стебницкий. Апукинский диалект корякского языка. — Архив ИЭ, к. II, оп. 1, № 222.

Жили оседлые апукинцы в полуземлянках общего для коряков типа. «Земляные юрты» апукинцев упоминаются как в ранних, так и в поздних документах и описаниях; они просуществовали у них как основной тип жилища почти до 30-х годов XX в.

Полуземлянки апукинцев имели длинный тунелеобразный вход, обращенный выходом к морю или к берегу реки. Жилища эти были коллективными. По сведениям В. Г. Богораза, в одной юрте на р. Апуке жило 4 семьи (20 чел.),⁴⁶ но были уже и такие, в которых жило по 1—2 семьи, например, в с. Хаилино в одной юрте жило 6 чел., в другой 9, а в юрте рядом уже 17 чел. (3 семьи).⁴⁷ Вообще на Апуке и Пахаче во всех зимних юртах жило по 3—5 семей. Здесь, видимо, больше сохранялись черты старого патриархально-общинного уклада.

Подобно своим южным соседям-алюторцам, апукинцы, по крайней мере в XVIII в., имели укрепленные острожки (городища). Такие острожки были и на Апуке, и на Пахаче.⁴⁸ На устье р. Апуки, на правом возвышенном берегу, до настоящего времени сохраняются следы такого острожка, обнесенного земляным валом. Это городище имело округлую, несколько вытянутую форму, площадью около 250 м². Внутри за стенами вала находились две полуземлянки, расположенные почти вплотную одна к другой. Насколько прочны были острожки апукинцев, можно судить по тому, что они давали полную возможность их обитателям укрыться и спастись от нашествия чукотских отрядов.

«Земляные юрты» апукинцев по конструкции, размерам были общими для всех оседлых коряков побережья Берингова моря. По сведениям А. А. Ресина, эти жилища были коллективными и больших размеров — «4 или 5 сажен в диаметре».⁴⁹

Основным средством передвижения по морю, вообще по воде, Ресин называет байдарки и байдары. По суше в зимнее время для передвижений апукинцы использовали собачьи упряжки. Для пешей ходьбы по снегу — ступательные лыжи (лапки).

Ведущим хозяйственным занятием оседлых апукинцев на побережье моря был все же морской зверобойный промысел. Бесспорным свидетельством этого служат наличие у них в прошлом развитого искусства резьбы по кости, основным материалом для которого служил моржовый клык. Об этом говорят источники, разные по времени своего происхождения. По данным 70-х годов XVIII в., жители р. Пахачи «из зуба моржового так чисто вырезают всякие статульки и курьезные вещи», что было признано вполне достойным послать некоторые из предметов их изготовления в «Санкт-Петербургскую кунсткамеру». В 1767, а затем в 1769 гг. изделия из моржового клыка, приобретенные у апу-

кинцев, были направлены в столицу.⁵⁰ Тот же источник особо отмечает, что жители с. Апука «из кости вырезают так предивно и чисто без всякого инструменту не точию какие диковинные штуки, но и цепочки мелкие, ниже склеивая или чем привязывая на сколь долог зуб зверя моржа».⁵¹

Использование моржовых клыков апукинцами в качестве материала для создания резной скульптуры отметил и А. Ресин.⁵² Интересно в его сообщении то, что апукинцы из клыка моржа изготавливали помимо предметов искусства (игрушки), и предметы бытового назначения (трубки, ложки, ковши и т. п.). Этот факт следует рассматривать как доказательство давней традиции у апукинцев использовать моржовые клыки в качестве материала при изготовлении предметов быта. А это в свою очередь говорит о том, что такого материала было достаточно, что изготовителям хорошо были известны его свойства и они хорошо умели его обрабатывать. Все это вместе взятое служит признаком многолетнего применения моржового клыка апукинцами и, следовательно, давнего их занятия морским зверобойным промыслом, в частности охотой на моржей. Если в 70-х годах XVIII в. они уже умели изготавливать разные предметы из клыка моржа, которые по своим формам, замыслам и отделке вызвали удивление и направлялись в кунсткамеру, то никак нельзя допустить, что лишь в 30-х годах того же века они превратились из кочевников-оленоводо в оседлых и стали заниматься морскими промыслами, как о том писали в свое время Крашенинников, Стеллер, а затем повторяли и другие авторы.

Думается, что создать и развить оригинальные формы искусства резьбы по моржовой кости за какие-нибудь 30 лет практически невозможно. Да это и не подтверждается даже самыми поверхностными, беглыми наблюдениями археологических памятников, имеющих на устье р. Апуки (остатки старых поселений, жертвенное место).

В. Ихельсон также отметил ряд моментов, свидетельствующих о развитом у апукинцев морском зверобойном промысле, что нашло яркое отражение в их искусстве резьбы по кости.⁵³

Некоторые характерные черты материальной культуры прошлого у апукинцев продолжали бытовать еще в 50-х годах нашего века. Они прослеживались в одежде и обуви, в устройствах зимних и летних жилищ, в надворных постройках, в средствах рыболовства и т. п. (табл. IV, 1).

Вместо прежних полуземлянок с входом через отверстие в кровле появились наземные жилища, основу которых состав-

⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 73.

⁴⁷ Там же, л. 100.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 538, т. II, тетр. 9, л. 42.

⁴⁹ Ресин А. А. Очерк инородцев... , с. 37.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, ч. I, тетр. 13, л. 24.

⁵¹ Там же.

⁵² Ресин А. А. Очерк инородцев... , с. 42.

⁵³ Jochelson W. The Koryak, p. II. Leiden—N. Y., 1908, с. 658, рис. 175, а, б; Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I. Фотографии изделий из кости у апукинцев.

лял деревянный каркас. Стены и потолок его покрывались сначала травой или матами, сплетенными из травы, затем обкладывались толстым слоем (до 80 см) дерна. В плане землянка выглядела в виде удлинённого квадрата, размерами 3,5—4×5—6 м. Боковые продольные стены имели наклон внутрь (12—15°). К одной из них сбоку пристраивался такой же дерево-земляной тамбур. В поперечной стене, а иногда еще и в боковой были окна. Пол земляной. Отопление — железная печь или плита. Около окна стоял стол, по бокам которого вдоль продольных стен находились нары или кровати (табл. IV, 6).

Даже общественные дома (сельсовет, правление колхоза) были построены по тому же образцу. Они отличались только своими размерами, количеством окон, наличием деревянного пола и т. п.

Для лета апукинцы сооружали небольшие сферической формы деревянные каркасы с зимним *йэтэм* — 'покрышка шатра'. Покрывались каркасы левой мездровой стороной наружу, заметно закоптившейся от костра (табл. IV, 2, 3).

Некоторые апукинцы строили из досок сарайчики с окнами и железными печами (обычно сделанными из железных бочек) с дверью без тамбура. В таких жилищах они проводили лето.

Здесь мы наблюдаем ту же традицию переходить на лето из землянок в другие помещения, что и у аляutorцев. При этом, если в землянках зимой проживало по 2—3 семьи, в летнее время каждая из них устраивала себе отдельное жилье. Некоторые жили летом в юрте (*яан'а*). Это были оленеводы, которые к тому времени перешли на оседлость, но не отвыкли еще от своего старого жилища.

Наряду с традиционными и модернизированными у апукинцев тогда уже строились обычные срубные деревянные дома.

Из надворных построек следует отметить традиционные балаганы. Они очень маленьких размеров и не идут ни в какое сравнение с балаганами коряков-аляutorцев, тем более паланцев или карагинцев (табл. IV, 4, 5).

Из орудий рыболовства широко применялись сети, которые ставились с берега.

Традиционная одежда из шкур оленей использовалась преимущественно пожилыми апукинцами — мужчинами и женщинами, тогда как молодежь уже стремилась носить привозную одежду и обувь.⁵⁴

Несколько иной представляется материальная культура оседлых апукинцев, которые жили в среднем и верхнем течении рек Пахачи, Апуки и Вывенки (Хаилино). Они мало или почти совсем не были связаны с морским зверобойным промыслом. Жили главным образом за счет рыболовства, охоты на диких оленей и горных баранов и, кроме того, сами были связаны с оленеводством, имели

небольшое количество оленей. В 1934 г. все олени, принадлежавшие оседлым апукинцам, были объединены в одно стадо, которое насчитывало 550 оленей.⁵⁵

Для передвижения по воде апукинцы использовали долбленные лодки (баты), для передвижения по суше — собак, а в прошлом, видимо, и оленей.

По опросным данным, собранным в наше время, эти коряки значительно смешались с чукчами, которые проникли в эти места и поселились тут со своими стадами во второй половине XVIII в. Кроме того, эта часть апукинцев, в частности на Пахаче и Ветвее, вошли в соприкосновение с эвенками, поселившимися здесь в XIX в. Какова степень влияния чукчей и эвенков на эту группу апукинцев, сказать пока ничего нельзя.

В материальной культуре приморские апукинцы, как видно, ничем не отличаются от своих южных собратьев, живущих на побережье Берингова моря. Об этом говорят те авторы, которые наблюдали их и могли сравнивать с соседями (А. Ресин, С. Н. Стебницкий). Не отметил никаких специфических особенностей материальной культуры апукинцев и В. Г. Богораз. Что же касается некоторых сторон духовной культуры, то в этом отношении они существенно отличаются не только от аляutorцев, но и от камчатцев и ближе примыкают к корякам-чавчуенам, а по некоторым элементам — к оседлым чукчам и сибирским эскимосам. Так, по свидетельству В. Г. Богораза, апукинцы, подобно чавчуенам, не имели и не использовали во время праздников масок.⁵⁶ Вместе с тем и на Пахаче и на Апуке они насаживали на колья принесенных в жертву собак.⁵⁷ Покойников сжигали.⁵⁸ Подобно эскимосам и оседлым чукчам, они отмечали праздник спуска байдары на воду, но не устраивали осеннего благодарственного праздника, как это делали аляutorцы и карагинцы. Интересна следующая заметка в дневнике В. Г. Богораза: «Крещеных здесь нет, но язычество слабо. Ни шаманов, ни шаманства, ни камаков, на лестнице нет изображений, и я ни за что не мог найти ни одного калака (домашний охранитель, — И. В.)».⁵⁹ Хотя Богораз и пишет что шаманства у них нет, в другом месте своего дневника он сообщает весьма примечательный для коряков факт. В одном из бедных коряцких стойбищ на Апуке Богораз «видел у коряка шаманский костюм, т. е., собственно, употребляемый им при шаманстве. Костюм, т. е. две плохие кулашки с ремешками кисточками, на верхней, на спине подвешены две медные человеческие фигурки, вырезанные из куска чайника».⁶⁰ Это, пожалуй, единственный случай, когда говорится о некоторых

⁵⁵ Архив ИЭ, к. II, оп. 1, № 222, с. 11.

⁵⁶ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 74.

⁵⁷ Там же, л. 71.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, л. 74.

⁶⁰ Там же, л. 73.

⁵⁴ По материалам поездки автора к корякам в 1954 г.

специальных атрибутов одежды у коряков, которая использовалась только во время «шаманения». И этот случай зарегистрирован у апукинцев. На отличие «церемонии жертвоприношения» апукинцев обратил внимание Н. Н. Беретти.⁶¹

Таковы данные об апукинцах, которыми мы располагаем. Их уединенная жизнь способствовала обособлению их в языковом отношении и, как видно, развитию некоторых культурно-бытовых особенностей. Образование апукинцев произошло в результате скрещения алюторцев, эскимосов, чавчуменов, и кэрэков. Так представляются основные истоки, из которых складывалось это подразделение коряков.

Глава V КОРЯКИ-ПАЛАНЦЫ

Охотское побережье Камчатского полуострова от р. Подкагирной на севере до р. Тигиля на юге — территория обитания оседлых коряков-паланцев.

В первой четверти XVIII в. на р. Тигиле находился стык оседлых коряков с ительменами. И река носила два названия: ительменское — *Кыгыл* (из этого названия произошло русское Тигиль) и корякское — *Мырымрат*, или *Марамрат*.¹

По-видимому, было совершенно очевидным физическое и языковое смещение населения, жившего по берегам р. Тигиля. Об этом весьма выразительно писал С. П. Крашенинников: «Тигильские сидячие коряки, так же как и укинские, больше имеют сходства в языке с северными камчадалами, нежели с оленными коряками».²

От р. Тигиля до р. Подкагирной издавна жили оседлые коряки, как правило, по берегам рек и на их устьях.

На реках Тигиле, Палане и некоторых других находилось по несколько населенных пунктов. «По Тигилю, — писал Крашенинников, — корякских острожков довольно». В общей сложности, по его сведениям, их было 9.³ Если судить по названиям, то не все эти острожки были корякскими; таковы Мыжолг, Кохта, Шипин. Однако Крашенинников всех жителей р. Тигиля называет коряками. Семь острожков было расположено по берегам р. Паланы и ее притокам и т. д. Подробно расселение паланцев в XVIII в. описано С. П. Крашенинниковым, а данные о них же, относящиеся к концу XVII в., опубликованы в работе И. И. Огрызко.⁴ В ряде других источников, более позднего происхождения, упоминаются острожки оседлых коряков, которые также относят к паланцам: на р. Шаманке (между р. Лесной и острож-

¹ *Мырымрат* может быть переведено как 'место, где имеются морские млекопитающие', 'добытые морские животные'.

² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Л., 1949, с. 113.

³ Там же, с. 113 — 114.

⁴ Эти данные С. П. Крашенинникова, дополненные сведениями из архивов и систематизированные, опубликованы в работе И. И. Огрызко «Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII века» (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 222, Л., 1961).

⁶¹ Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929, с. 37—38.

ком Подкагин), у устья р. Волка и р. Пустой (Пусторецкий острожек). В расселении и этого подразделения коряков заметна тенденция к сселению, к образованию более крупных населенных пунктов, как правило, расположенных ближе к морю. На протяжении второй половины XVIII и XIX в. таким путем исчезли многие мелкие острожки по Тигилю и Палане.

По данным конца 70-х годов XVIII в., паланцы жили на реках Пустой (7 семей), на Волке (7 семей), на Подкагирной (8 семей), на Шаманке (8 семей), на Лесной (10 семей), на Кинкиле («семей с 8»), на Палане в 3 острожках («семей с 30»), на урочищах Пяти братьев (6 семей), на Кахтане (10 семей в трех острожках), на Ваямполке («семей до 40»).⁵ Эти сведения наиболее полно отражают картину расселения паланцев, которые тогда занимали побережье Камчатского полуострова протяженностью свыше 400 км. На этом пространстве в 1775 г. находилось 14 населенных пунктов (острожков) коряков.

Участник Северо-Восточной экспедиции И. Биллингса Елистратов в 1787 г. отметил поселения паланцев на тех же местах.⁶

В 40-х годах XIX в. в результате сселения, а также, возможно, по причине распространения эпидемических заболеваний количество населенных пунктов паланцев сократилось. Так, в «Ведомости о числе людей мужского и женского пола в Камчатской области состоящих», составленной в 1836 г., называются лишь следующие острожки паланцев: Ваямпольский, Кахтанский, Паланский, Кинкильский, Лесновский, Подкагирский и Пусторецкий.⁷ В Тигиле уже значится по этой ведомости только русское население.

И. Вознесенский в 1846 г. зарегистрировал те же 7 селений паланцев.⁸ При этом он отметил особо, что жители «Пусторецка и Подкагирного говорят одним языком, коряцким, паланского наречия».⁹

Весьма определенно о расселении этого подразделения коряков высказался К. Дитмар. Паланцы, как он назвал эту группу, при нем «жили в 7 селениях, названия которых от севера к югу суть: Пусторецк, Подкагирное, Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана и Ваямполка. Все эти селения лежат близ моря и при устьях рек тех же названий».¹⁰ Далее Дитмар замечает: «При описании этого племени должно по степени развития отделить два северных

селения от пяти южных, которые от первых значительно отличаются по образу жизни. В Пусторецке и Подкагирном — тот же образ жизни, как у каменцев и паренцев. Те же земляные юрты, одежда, общая всем корякам, и тот же род охоты на суше и на море . . . Язык, одинаковый со всеми паланцами».¹¹ Это весьма существенное добавление, которое дает нам основание причислять жителей этих двух селений к паланцам.¹²

К этому же времени (начало 60-х годов XIX в.) произошли дальнейшие изменения в характере расселения паланцев. Все они в основном переселились ближе к берегу моря. Постоянных острожков в среднем и верхнем течении Паланы, Кахтаны и Ваямполки уже не стало. Впрочем, известная подвижность паланцев сохранилась. По данным переписи 1897 г., оказалось уже 8 селений паланцев, появился «выселок Ургинский».¹³

В. Иохельсон отметил те же населенные пункты паланцев, кроме названного С. Паткановым Ургинского выселка и Подкагирного. Не причислял он к этой группе и жителей Пусторецка. В последней своей работе, неопубликованной, он назвал паланцами только жителей пяти селений: Ваямполка, Кахтана, Палана, Кинкиль и Лесная.¹⁴

В. Г. Богораз, считая паланцами также жителей Пусторецка и Подкагирного присоединил к своим сведениям данные о коряках, которые оказались в с. Оманино. Как он писал, из 11 хозяйств этого селения «3 переведены из сидячих коряк из Кинкиля и Ваямполки».¹⁵

С. Н. Стебнецкий к паланцам относил так же, как и В. И. Иохельсон, жителей селений Лесная (*Вэммлен*), Кинкиль (*Кинкилатун*), Палана (*К'ыч'эт*), Кахтана (*К'актыннон*), Ваямполка (*Ваямпыл'ан*). Впрочем, в его делении жители Подкагирного и Пусторецка не отнесены ни к какому из языковых подразделений оседлых коряков.

Из изложенных выше материалов о паланцах следует, что с начала XVIII в. произошли заметные изменения в расселении этой группы коряков. Сократилось количество населенных пунктов, укрупнились оставшиеся из них, все население сместилось ближе к берегу моря. Отмеченные изменения явились результатом экономического развития паланцев, которое шло по пути все большего вовлечения их хозяйств в товарно-рыночные отношения вследствие нарастания связи их экономики, быта с торговлей,

⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 11—12.

⁶ Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 гг. — Записки гидрографического департамента морского министерства, ч. X, СПб., 1852, с. 140.

⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 26—27.

⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 18, л. 1.

⁹ Там же, д. 4, тетр. 5, л. 334.

¹⁰ Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6, с. 60.

¹¹ Там же.

¹² К этому следует добавить еще одно весьма авторитетное замечание В. Г. Богораза, который писал, что по особенностям языка «паланцы довольно близко совпадают с подкагирцами» (Богораз-Тан В. Г. Паланцы и укинцы. — Этнография, 1928, № 1, с. 118).

¹³ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. СПб., 1912, с. 916.

¹⁴ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 33.

¹⁵ Там же, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 46.

которая концентрировалась на побережье, с усилением значения рыбного промысла.

Интересно проследить движение численности паланцев за это же время. Согласно самым ранним сведениям которые были собраны С. П. Крашенинниковым, в 40-х годах XVIII в. ясачных паланцев было 371.¹⁶ Следовательно, всего их было около 1100 чел. Последующие данные 1762 г. учитывали население мужского пола. При этом паланцев мужского пола оказалось 438 чел.¹⁷ Общее их число следует считать 780—900 чел. В 1775 г., по сведениям Т. И. Шмалева, паланцев было всего 124 семьи, т. е. около 600 чел.¹⁸ Такое резкое сокращение за 12 лет численности паланцев произошло в результате эпидемии оспы 1768—1769 гг. Четвертая ревизия 1782 г. зарегистрировала уже только 221 паланца мужского пола.¹⁹ Следовательно, к этому времени число их сократилось до 450 чел. В первой половине XIX в. их численность несколько увеличилась. Но болезни, и в частности эпидемия «гнилой горячки» 1800 г., делали свое дело. По данным 1836 г., всего паланцев числилось 565 чел.²⁰ Правда, эта цифра кажется заниженной за счет неправильных сведений о женском населении. Вряд ли могло быть так, чтобы женщин было наполовину меньше, чем мужчин. Например в с. Подкагирное значилось 25 мужчин и только 15 женщин, в с. Лесная — 61 мужчина и 30 женщин и т. п. Впрочем, и по другой ведомости, составленной тогда же, а именно «Ведомость о числе душ инородцев по переписи, бывшей в последнее время на предмет переобложения инородцев ясаком» оказалось подлежащих обложению паланцев всего лишь 161 чел.²¹ Отсюда можно полагать, что их было около 350 чел. И все же первая цифра — 565 чел. — представляется нам более правильной.

В 1846 г. (данные И. Вознесенского) в 7 селениях паланцев числилось всего «обывателей» 323 чел., а количество хозяйств только 52.²² В какой мере эти цифры достоверны, судить трудно. Однако они кардинально расходятся со сведениями К. Дитмара, который также пользовался официальными источниками. Коли-

чество паланцев обоего пола в начале 1853 г., писал Дитмар, «простиралось до 872 душ».²³

Довольно устойчивым оказалось число паланцев в конце XIX — начале XX в. Так, в 1880 г. их считалось 895 чел., в 1890 г. — 933 чел.²⁴ Эта цифра с небольшими колебаниями сохранилась на протяжении 1891—1897 гг., что можно проследить по данным табл. 8.

Таблица 8

Изменение численности паланцев с 1891 по 1897 г.

Селение	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Лесная	219	213	223	233	248	248	180
Кинкиль	138	150	142	135	138	132	133
Палана	208	211	222	249	218	211	203
Кахтана	264	265	251	249	269	244	235
Ваямполка	127	131	129	134	132	130	135
Пусторецк	—	—	—	—	4	—	46
Подкагирное	—	—	—	52	—	—	36
Всего	956	970	967	1052	1009	965	968

Примечание. Данные за 1891—1896 г. — Слюнин Н. В. Охотско-камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II; 1897 г. — С. Патканов. Статистические данные..., с. 900, 916. Прочерк означает отсутствие данных о числе жителей.

В 1901 г. (данные В. Г. Богораза) число паланцев было около 750 чел. Убыль населения по сравнению с концом XIX в. объясняется эпидемией кори, в результате которой умерло, по сообщению В. Г. Богораза, в Ваямполке 26 чел., в Кахтане 36, в Кинкиле 42 чел. и т. д. Перепись 1926 г. зарегистрировала 980 коряков-паланцев, включая жителей (60 чел.) Пусторецка и Подкагирного.²⁵ Таким образом, численность паланцев в конце XIX — первой четверти XX в. стабилизировалась. На протяжении этого времени она в основном держалась на уровне, близком к 900—1000 чел.

²³ Дитмар К. О коряках. . . , с. 60. Эта цифра кажется завышенной при сопоставлении ее со сведениями того же автора, которые имеются в его другой книге «Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг.» (ч. I. СПб., 1901, с. 491—499), где сообщаются данные о населении 4 поселков, кроме Ваямполки, Подкагирного и Пусторецка. В первых четырех, наиболее населенных, насчитывалось всего 562 чел.

²⁴ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II. СПб., 1900, прил. 6, табл. III.

²⁵ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929, с. 176.

¹⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 513.
¹⁷ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 35, 37.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 11—12.

¹⁹ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири. . . , с. 35—37.

²⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 26—27. Те же цифры приводятся в другом источнике: Азбучный список местечкам, селениям Камчатской области, 1836 (там же, оп. 2, д. 37, л. 7—8).

²¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 4—5. По данным 1838 г., «число душ, положенных в ясак в 7 селениях паланцев», составляло также 116 чел. (там же, оп. 2, д. 57, л. 47).

²² Список трактовым селениям в Камчатке с показанием по последней ревизии числа домов и числа обывателей. — Архив АН СССР, ф. 53, д. 18, л. 1.

Сами себя паланцы называли, как и другие подразделения оседлых коряков, *нмыльу* — 'жители селений', т. е. оседлые. Так же называли оседлых коряков и оленеводы. Подкагирцы «сами себя с паланцами, — писал В. Г. Богораз, — называют *нмыльу*, что значит 'жители', или *ан'к'альу*, что значит 'поморяне'. Гижигинские коряки называют их *цетлалъу*, что значит 'низовские'.²⁶ Вместе с тем на Камчатке и в XVIII и XIX вв. было принято называть оседлых коряков, которые административно были подчинены Петропавловску-Камчатскому, камчадалами. Так называли коряков-караганцев, так же паланцев. Этим названием пользовались в старое время и сами паланцы. В. Г. Богораз отметил, что «здесьнее население называет себя камчадалами (Лесная и другие селения на юг), а коряками — только оленных». ²⁷ Однако в советское время это название применительно к корякам отпало.

Одновременно с общим названием и самоназванием *нмыльу* бытовали другие, частные, образованные от названия селения и обозначающие лишь принадлежность по происхождению к такому-то селению.

Хозяйственные занятия и материальная культура паланцев. Более или менее подробных сведений о хозяйственных занятиях паланцев в XVII—XVIII вв. нет. Имеются лишь некоторые общие замечания по этому вопросу. С. П. Крашенинников, обобщая свои наблюдения и сведения, которые он получал от информантов, отметил, что оседлые коряки занимаются рыболовством, морским промыслом, охотой на копытных и пушных зверей. Несколько подробнее охарактеризовал хозяйственные занятия паланцев Т. Шмалев. Все промыслы коряков он делил на два вида: промыслы водяные (рыболовство и морская охота) и промыслы сухопутные (охота на парнокопытных и пушных зверей). Его сведения дают достаточно полное представление о хозяйственных занятиях паланцев. На р. Пустой они питались рыбой (ке-той), нерпами, кроме того, добывали диких оленей, медведей и лисиц. Жители р. Волка уже, видимо, меньше были связаны с морским промыслом. Они питались рыбой, ягодами и дикими оленями. На р. Подкагирной, как он отмечал, «рыбы было мало». Жившие здесь коряки кормились преимущественно мясом и жиром нерп и дикими оленями. На р. Шаманке коряки «питаются нерпой, — писал он, — и выкидными китами, ягодами, черемшой, кореньев довольно». Добывали они «соболей (лес, березник есть), лисиц, диких оленей, медведей, выдр». Ниже увидим, чем дальше на юг, тем больше значение в жизни коряков имело собирательство дикорастущих трав, кореньев и ягод. На р. Лесной и на море добывали рыбу, нерп, китов, охотились также на диких оленей, медведей, лисиц, соболей. На р. Кинкиле «рыбы мало, коряки

питаются нерпою и морской рыбою уйком». Промышляли лисиц и диких оленей, «и то мало», отметил Т. Шмалев, зато собирали «довольно ягод». На р. Палане «рыбы предовольно». Питаются коряки «рыбою и травю сладкою, кореньями и ягодами». Промыслы у них «соболы, лисицы, выдры и дикие олени». Коряки на реках Пятибратной и Кахтане имели такие же промыслы, как и на р. Ваямполке, где «рыбы предовольно», пропитание имели «рыбой, травами сладкими и черемшой, ягодами и разными кореньями». Добывали они также диких оленей, а из пушных зверей — «соболей, лисиц, волков, медведей, выдр, горностаев». ²⁸

Из перечня этих сведений следует отметить, что наряду с такими занятиями, как рыболовство, охота на морских млекопитающих и пушных зверей, почти повсеместно практиковалась охота на диких оленей. Паланцам она была необходима как источник не только дополнительного питания, но главным образом, потому, что она давала шкуры — материал для одежды, обуви, частей жилища (полога). Лессепс отметил, что в «Пусторецке и округи оного очень много диких оленей». Он оставил и описание охоты на них. «Способ ловить оленей, — писал он, — не менее надежен, как и удобен. Они (паланцы, — И. В.) обносят изгородью некоторое пространство земли, оставляя в оной несколько отверстий, в сих узких проходах ставят свои сети или петли; после того расходятся в разные стороны и гоняют оленей в сии сети; сии животные, убегая от них, бросаются в оные и бывают останавливаемыми за шею или за рога. Но всегда очень много уходит, разрывая снурки или разламывая загородки, однако же двадцать или тридцать человек, ходившие на ловлю, добывают в один раз более шестидесяти оленей». ²⁹

Этот вид промысла в конце XIX в. потерял свою былую хозяйственную значимость. Так, в 1891 г. всеми коряками-паланцами было добыто только 3 диких оленя, в 1892 г. — ни одного, в 1893 г. — 46, в 1894 г. — 5, в 1895 г. — 20, в 1896 г. — 13. Горных баранов добывалось еще меньше. С 1891 по 1894 г. не было убито ни одного, в 1895 г. — 42, в 1896 г. — 15. ³⁰

Перепись 1926 г. не зарегистрировала ни одного случая добычи паланцами диких оленей. Лишь 4 горных барана были убиты жителями Подкагирного. Таким образом, охота на парнокопытных практически прекратилась.

Пушная охота занимала особое место. Она была обязательной, так как нужно было вносить ясак пушниной. Кроме того, уже в конце XVII в. пушнина приобрела для паланцев товарное значение. Поэтому этот вид промысла не прекращался. В 1836 г. паланцы вносили ясак соболями и лисицами. Жители же Подкагирного — только лисицами, а Пусторецка — лисицами и 1 ясак

²⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 11—12.

²⁹ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, чч. I—III. М., 1801, ч. II, с. 57.

³⁰ С л ю н и н Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II.

²⁶ Богораз-Тан В. Г. Паланцы и укинцы, с. 118.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 41 об.

пыжиками. Таким образом, все мужчины-паланцы должны были заниматься охотой на пушных зверей. Этот вывод подтверждается и наличием соответствующих орудий промысла (см. табл. 9).

Таблица 9

Количество ружей и сеток на соболя у паланцев в 1836 и 1840 гг. (в шт.)

Селение	Количество ружей		Количество сетей на соболя	
	1836	1840	1836	1840
Пусторецк	5	13	—	—
Подкагирное	—	12	—	1
Лесная	25	18	6	6
Кинкиль	30	27	27	27
Палана	30	25	18	25
Кахтана	30	30	21	20
Ваямполка	19	15	19	12
	139	140	91	91

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 26, 27; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 153, л. 66—67.

Как бы ни колебалось количество ружей и сеток на соболя по годам, в целом остается устойчивым соотношение между количеством ружей и числом взрослых мужчин-охотников.

Устойчивость пушного промысла у паланцев четко прослеживается, если сравнить данные учета конца XIX и конца первой четверти XX в. (табл. 10).

Таблица 10

Количество добытых пушных зверей в 1891—1896 гг. и в 1925 г. (в шт.)

Звери	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1925
Соболи	20	—	26	38	33	19	—
Лисицы	128	147	40	81	96	119	943
Выдры	3	6	2	1	10	5	2
Медведи	5	19	3	4	20	21	1
Волки	—	2	—	2	1	1	6

Примечание. Данные за 1891—1896 гг. взяты из работы Н. В. Слюнина «Охотско-Камчатский край», а за 1925 г. — из кн. «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края».

Как показывают данные табл. 10, к 1925 г. прекратилась охота на соболя, что объясняется запуском на него по всей Камчатке. В то же время резко увеличилась добыча лисиц. Этот вид промысла в XX в. получил очень широкое распространение и явился основным источником товарной продукции оседлых паланцев.

Рыболовство. Как отмечалось выше, рыболовство занимало одно из первых мест в продовольственном балансе паланцев, о чем можно судить по данным табл. 11.

Таблица 11

Рыболовный инвентарь и количество добытой рыбы в 1836 и в 1840 гг. (в шт.)

Селение	1836					1840			
	баты	сети	редкие	небольшие частые	запory	добыто рыбы	баты	сети	запory
Пусторецк	7	—	—	—	—	3700	—	—	—
Подкагирное	—	—	—	—	—	—	1	2	2
Лесная	12	7	6	12	20000	6	4	18	1000
Кинкиль	—	5	7	40	13000	20	20	20	1000
Палана	—	18	18	—	46000	2	5	20	40000
Кахтана	19	—	20	38	30000	25	7	25	5000
Ваямполка	27	—	4	28	24000	12	4	13	5000
Всего	65	30	55	118			66	42	98

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 26 и 27; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 153, л. 66—67.

Как следует из табл. 11, основным способом добычи рыбы были запоры. Данные табл. 11 дают некоторое представление о колебаниях в добыче рыбы, что обнаруживается при сопоставлении данных 1836 и 1840 гг. Эти цифры подтверждают замечание Т. Шмалева о том, что в реках Палане, Кахтане и Ваямполке «рыбы предовольно».

В 1847—1848 гг. И. Вознесенский объехал большинство селений паланцев, начиная от с. Лесная. Касаясь рыболовства, он отметил, что на «тигильской стороне (т. е. на западном побережье Камчатки) запасают рыбу уёк для корма собакам»,³¹ хотя в реки входит довольно много и рыбы «красной, хайко, горбуши, кижуча, чавычи, гольцов»,³² особенно в р. Кинкиль.

Паланцы ловили рыбу «на летниках, куда переезжали с Петрова дня», т. е. с 29 июня по ст. ст. Из заметок И. Вознесенского следует, что занимались рыбной ловлей и в верховьях рек, оче-

³¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 3, л. 12.

³² Там же, д. 4, тетр. 5, л. 334.

видно, уже в осеннее время: «... на Палане-реке ниже порога ловят рыбу сачками, красной рыбы много».³³ Интересные дополнения относительно приемов и орудий ловли рыбы дал К. Дитмар, писавший об устройстве запоров и мордах.³⁴ О постепенном повышении хозяйственного значения рыболовства у паланцев свидетельствуют статистические данные за ряд лет до конца XIX в. Сопоставление их со сведениями 1836 и 1840 гг. обнаруживает увеличение добычи рыбы. Табл. 12 показывает не только количество добывавшейся рыбы паланцами, но и способы ее заготовки для хранения зимой.

Таблица 12

Количество рыбы, добывавшейся паланцами, и виды ее заготовок с 1891 по 1896 г. (в шт.)

Селение	1891		1892		1893		1894		1895		1896	
	юкола	кислая	юкола	кислая	юкола	кислая	юкола	кости	юкола	кости	юкола	кости
Лесная	70000	6000	70000	5000	1880	—	19000	4000	7150	—	7150	—
Кинкиль	70000	1200	15000	5000	5000	—	29000	450	7150	—	50100	2000
Палана	90000	500	60288	10000	20000	2000	21000	12000	61430	10100	115000	36000
Кахтана	75000	1600	45000	20000	12000	3000	68000	2000	30000	4400	81000	72000
Ваямполка	30000	15000	12000	8000	13600	12000	30000	15000	12500	11600	65000	—

Примечание. Данные взяты из работы Н. В. Слюнина «Охотско-Камчатский край», т. II, с. 116—133.

Почти во всех селениях паланцев до 1894 г. заготавливалось большое количество «кислой» рыбы. Из нее варили для собак, при нужде ею питались и люди. «Костями» назывались вырезанные при приготовлении юколы голова и позвоночник рыбы с остатками на нем мяса. «Кости» сушились, как и юкола, и шли исключительно на корм собакам.

Кроме юколы, кислой и костей, с 1894 г. отмечена заготовка соленой и свежемороженой рыбы. Но засолка рыбы паланцами едва начинала применяться, и то лишь в с. Палана.

В начале XX в. рыболовство прочно заняло первое место среди прочих хозяйственных занятий паланцев.

Морской зверобойный промысел. Источники дают некоторое представление о состоянии морского зверобойного промысла и его оснащении (см. табл. 13).

Как видно из табл. 13, одним из основных орудий добычи тюленей служили ременные сети. На лежбищах пользовались гарпунами.

Морской зверобойный промысел был больше развит в районе рек Пустой и Подкагирной. Этому сопутствовали благоприятные природно-географические условия. В устьях рек Подкагирной

и Пустой находятся острова, которые служили лежбищами для тюленей. «На правой стороне от устья *Подкагирная*, — писал И. Вознесенский, — есть три небольших каменистых острова: один — подле нашего берега, а два — подалее в море, верстах в 6 от берега. На островах этих очень много бывает лахтаков и нерпы... Пусторецких островов два... на оных довольно бывает лахтаков».³⁵

Интересные подробности морского зверобойного промысла паланцев отметил К. Дитмар.³⁶ Табл. 14 дает представление о количестве добывавшихся нерп паланцами в конце XIX в.

Если сопоставить данные табл. 14 с данными 1926 г., то окажется, что в прошлом морской зверобойный промысел был развит слабо. На рубеже XX в. В. Г. Богораз отметил, что лесновские коряки «ходят на байдарах за нерпами до Подкагирной, а на юг дальше Тигиля до мыса *Амлён*». Вот как описал он промысел жителей Ваямполки. У них было две байдары. Однако «сей год (1900, — И. В.) байдарами не добывали лахтаков по льду. Добывали сетями. Перетягивают реку *Воткартон* (которая пала в одно

Таблица 13

Количество байдар и сетей для ловли тюленей в 1840 г. (в шт.)

Селение	Байдары	Сети на тюленей
Пусторецк	6	46
Подкагирное	1	—
Лесная	3	8
Кинкиль	2	6
Палана	4	10
Кахтана	2	20
Ваямполка	2	—
	20	90

Примечание. См.: ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 153, л. 66—67.

Таблица 14

Добыча паланцами нерп в 1891—1896 гг. (в шт.)

Селение	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Лесная	45	—	24	27	45	15
Кинкиль	14	—	—	—	20	51
Палана	25	42	18	46	84	125
Кахтана	25	10	24	65	29	57
Ваямполка	15	20	35	31	13	65

Примечание. Данные взяты из работы Н. В. Слюнина «Охотско-Камчатский край», т. II, прил. 6, табл. II. Под нерпами подразумевались тюлени вообще.

устье с рекой *Ваямполкавая*) на устье через, а сверху здесь лежбище, потом тюлени застревают в сетях... Всего 34 сети у них, и каждая по пяти сажень, и то не хватает через реку. По-видимому,

³³ Там же, д. 3, тетр. 11, л. 11.

³⁴ Дитмар К. О коряках... с. 60.

³⁵ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 4, тетр. 5, л. 333—334.

³⁶ Дитмар К. О коряках... с. 60.

Добыча паланцами тюленей в 1926 г. (в шт.)

Селение	Число хозяйств, занимающихся морским промыслом	Нерпы, лахтаков, ларги	Акибы
Пусторецк . . .	2	58	9
Подкагирное . .	1	41	—
Лесная	31	277	150
Кинкиль	24	94	83
Палана	17	69	5
Кахтана	36	259	—
Ваямполка . . .	19	44	48

Примечание. См.: Итоги переписи северных окраин Дальнего восточного края, с. 48 и 54.

эти сети преимущественно на лахтаков, судя по величине ячей. Но сети лыковые, а кули у них у редких ременные и то рвутся. Такие же точно промысла и в Тигиле, но там снасти лучше, все из русских веревок». ³⁷

Из этого сообщения можно сделать несколько выводов относительно характера морского промысла паланцев. Во-первых, что они охотились (хотя и не всегда) с байдар среди плавающих льдов. Во-вторых, что они широко практиковали перегораживание рек специальными сетями, когда выше по течению находились лежбища тюленей. Этот способ, видимо, был наиболее добычливым, но его применение требовало участия большого числа людей. И, наконец, здесь мы встречаемся с таким же способом соединения индивидуальных орудий лова (сетей), как это было у алюторцев при промысле китов. И здесь добыча принадлежит тому, в чью сеть она попала.

В. Г. Богораз отметил важные детали, связанные с распределением добычи при охоте с байдары. Охота эта велась коллективно. Так, на Кахтане было 4 байдары, «в каждой байдаре ходит 9 человек, *аттвэтынвильтан* (буквально — 'байдарный хозяин', — И. В.), как у чукоч, получает первую кожу, остальные разрезаются по подошвам между всеми (очевидно, гребцами, — И. В.). Такой же точно порядок и в других селениях. Мясо и жир вообще делятся поровну». ³⁸ Следует, однако, напомнить, что не у всех паланцев морской промысел имел одинаковое хозяйственное значение. К. Б. Шавров верно заметил, что, «начиная с Кинкиля, далее к северу все большее значение имеет морская охота на тюленей (нерпу, лахтака, акибу)». ³⁹

Данные о добыче паланцами морских млекопитающих за сезон 1926 г. приведены в табл. 15.

Как показывают данные табл. 15, наиболее интенсивно, учитывая количество хозяйств в селениях, занимались морским зверобойным промыслом жители северных селений: Лесная, Пусторецк и Подкагирное, Кахтана.

Оленеводство. Есть сведения, что паланцы имели домашних оленей. У жителей Пусторецка и Подкагирного в 1836 г. значится по 200 оленей, а у лесновцев 100. В 1840 г. в Пусторецке 500, а Подкагирном и в Лесной по 100 оленей. Конечно, эти данные приблизительны. Важно, однако, то, что часть паланцев имела своих оленей. ⁴⁰ То же подтвердил К. Дитмар: «В таких селениях (Пусторецк и Подкагирное, — И. В.), встречаются небольшие оленьи стада, что у оседлых коряков редкость». ⁴¹

³⁷ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 43—44.

³⁸ Там же.

³⁹ Шавров К. Б. О населении северной части полуострова Камчатки. Хабаровск, 1927, с. 12.

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 5, л. 334.

⁴¹ Дитмар К. О коряках. . . , с. 60.

По данным И. Вознесенского, олени были и у лесновских коряков: «Верстах в десяти от Кинкиля кочуют лесновские коряки — 3 юрты. Оленей не больше как 150».

Вознесенский отличал оленеводов паланцев от собственно оленеводов (чавчуменов). Он оставил очень интересные зарисовки быта и состояния лесновских оленеводов. Весьма любопытным является то обстоятельство, что в упомянутом Вознесенским стойбище собрались представители трех этнических подразделений: паланцы, алюторцы и чукчи. «Лесновские крещенные коряки-камчадалы, — писал Вознесенский в своем дневнике 1848 г., — живут в одной юрте и не лучше бродячих коряк, в другой юрте помещается с семьей глухой и весьма пожилой чукча, перекочевавший сюда из своей родины с давних лет, в третьей юрте обитает алюторское племя из Кичигинского острожка. Все живут равно бедно. . . Чукча весьма беден, оленей у него 4 штуки, а у алюторцев — несколько десятков». Внешние черты быта таких коряков были сходны с чертами быта оленеводов. «Юрты, — отмечал Вознесенский, — покрыты оленьими шкурами, на юрте вокруг лежат длинные нарты, либо аргызы, в юртах они ничего не держат, кроме постелей оленьих и посуды. Внутри юрты посередине горит огонь, а вокруг полога, разделяющие семьи. Во всем простота. Мужчины и женщины в платье одного покрой-формы: различие лишь в шароварах, кои у женщин широкие, а у мужчин узкие. Маленьких детей одевают или, так сказать, зашивают вокруг в теплую оленью шкуру. На локтях у некоторых ребятишек в виде мешка или вторая пара глухих рукавов, это для того, если у ребенка озябнут пальцы, то он опускает руки в эти глухие рукава. Для испражнений клапан, который придерживается поясом. Замечательны в юрте огромной величины медные котлы, в коих варят общий суп и тают снег — вместо воды. В юрте, где обитает чукча, я увидел в первый раз, что кости оленей не бросают. Так теперь одна слепая девка разбивала на

камне каменным пестом грудю костей, избивая их в совершенную мягкость, потом кости эти варят для пищи, вываривая сало».⁴² Тут же И. Вознесенский увидел впервые, как варили содержимое желудка оленя (маняло).

Это пока единственное описание жилища, некоторых предметов быта, одежды приморских оленных коряков-паланцев первой половины XIX в.

В статистических сводках Н. В. Слюнина за 1891—1896 гг. имеются данные о наличии оленей у лесовских коряков.⁴³

В. Г. Богораз также отметил у паланцев оленеводство, причем не только у северных, но и у южных. В своих записях он поместил, что у жителя Ваямполки «имелось 5 оленей, они выпасались на Лесной». У одного из паланцев было 6, у другого 10 оленей.⁴⁴

Перепись 1926/27 г. дает более определенные сведения по этому вопросу. «Жители северных селений (Лесная, Подкагирное, Рекинники и др.). — писал Шавров, — часто имеют своих оленей по несколько голов в хозяйстве . . . *Номеллен* (т. е. оседлый житель, — И. В.), имеющий оленей больше 100—200 голов, становится уже *номеллёрэмку* — кочевником. . . По западному берегу *номеллёрэмку* кочуют по рекам Лесной с притоками, Шаманке, Пустой с притоками, Подкагирной . . .».⁴⁵ И далее он отметил, что в районе рек Лесной, Шаманки было 8 юрт, *Подкагэрэмку* — 6 юрт.

Таким образом, среди паланцев имелось 14 оленеводческих хозяйств *номеллёрэмку*, т. е. оленеводов из оседлых. В их стадах выпасались олени, принадлежавшие оседлым корякам. Перепись 1926/27 г. отметила 21 хозяйство жителей с. Лесная, которые имели своих оленей. По данным той же переписи, паланцам принадлежало 1118 голов оленей.⁴⁶ Очевидно, и здесь складывался тот же тип хозяйственных занятий, что и на восточном побережье Камчатки у алыторцев и карагинцев, которые так же стремились обзавестись своими оленями.

Животноводство и огородничество. В южных селениях паланцев уже в начале XIX в. появилось животноводство (разведение крупного рогатого скота и лошадей) и огородничество. Эти занятия следует рассматривать как новые, возникшие под влиянием и при помощи русских. Они получили заметное распространение в основном в XIX в. Животноводство носило весьма примитивный характер. Доились коровы лишь летом, когда был хороший корм. В течение зимы они содержались большую часть времени под открытым небом. Сена заготавливалось мало. Все это не благоприятствовало успешному развитию этой отрасли животноводства,

но тем не менее она существовала и медленно, но все же прививалась и распространялась среди паланцев. Одновременно с коровами началось разведение паланцами и лошадей. С содержанием их было проще. Круглый год они находились на подножном корму. Использовались лошади лишь в летне-осеннее время под верховую езду и под вьюки, главным образом охотниками, когда они отправлялись в горы на промыслы.

Наглядное представление о животноводстве паланцев в первой половине XIX в. дает табл. 16.

Т а б л и ц а 16
Животноводство паланцев в 1836 и 1840 гг.

Селение	1836		1840	
	коровы	лошади	коровы	лошади
Пусторецк	—	—	—	—
Подкагирное	—	—	—	1
Лесная	3	—	2	12
Кинкиль	6	6	4	4
Палана	15	9	25	5
Кахтана	15	2	19	3
Ваямполка	11	1	10	2
Всего	50	18	60	27

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ ф. 1007, оп. 4, л. 27, л. 28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 153, л. 66—67.

Цифры табл. 16 свидетельствуют об определенной тенденции увеличения количества коров и лошадей и, следовательно, о закреплении этого хозяйственного занятия.

Животноводство у паланцев отмечал и И. Вознесенский. Так, в Ваямполке в 1847 г. было 5 коров и 6 лошадей.⁴⁷ К. Дитмар писал о паланцах, что «у них заметно начало разведения лошадей и рогатого скота, а также они стараются о произращении овощей (картофеля, капусты, свеклы), но без большого успеха».⁴⁸

По данным Камчатского областного управления, развитие животноводства у паланцев с 1891 по 1896 г. протекало следующим образом. (табл. 17).

Цифровые данные В. Г. Богораз подтверждают стойкость данного занятия. По его сведениям, у жителей с. Лесная было 12 коров и 42 лошади, с. Кинкиль соответственно 19 и 13, с. Палана 21 и 11, из них у коряков 16 и 5, с. Кахтана 5 и 5, с. Ваямполка 13 и 8.

⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 5, л. 325.

⁴⁸ Д и т м а р К. О коряках. . . , с. 60.

⁴² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 5, л. 1—3.

⁴³ Н. В. С л ю н и н. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II.

⁴⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 94, 92.

⁴⁵ Ш а в р о в К. Б. О населении северной части полуострова Камчатка, с. 12—13.

⁴⁶ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края, с. 52.

Таблица 17

Развитие животноводства у паланцев в 1891—1896 гг. (в шт.)

Селение	1891		1892		1893		1894		1895		1896	
	коровы	лошади	коровы	лошади	коровы	лошади	коровы	лошади	коровы	лошади	коровы	лошади
Лесная	2	25	2	20	2	23	2	22	2	27	2	27
Кинкиль	4	11	—	—	6	14	8	13	11	16	13	13
Палана	11	7	6	11	13	11	—	15	19	10	21	7
Кахтана	10	15	8	17	8	18	7	17	—	30	3	11
Ваямполка	15	12	7	13	4	13	11	9	13	11	14	7

Примечание. См.: Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II.

Однако он же отметил, что огородничество приживается очень плохо, практически его нет. Так, не было огородов у жителей с. Кинкиль, в Ваямполке в 1900 г. «ничего не сеяли», а лесоводы «сажали обществом 3 пуда картофеля, собрали пудов 5».⁴⁹

По переписи 1926/27 г. жители с. Лесная уже имели 25 лошадей и 64 коровы, с. Кинкиль соответственно 20 и 20, с. Палана 22 и 42, с. Кахтана 25 и 35, с. Ваямполка 9 и 9. Практически у всех паланцев были уже огороды, где сажали преимущественно картофель.

Таким образом, животноводство и огородничество прочно вошли в быт и материальное производство паланцев. Все это заметно отличало паланцев от других подразделений коряков.

Средства передвижения. Паланцы использовали те же средства передвижения по воде и суше, что и другие подразделения оседлых коряков. Наиболее распространенным видом зимнего транспорта у них были собаки. Невозможно установить число ездовых собак у паланцев в конце XVII—начале XVIII в., так как никаких цифровых данных нет. Более или менее надежные статистические сведения имеются для первой половины и конца XIX в., а также для начала XX в. Сопоставление этих данных поможет понять роль и значение этого вида транспорта у паланцев (табл. 18).

Из данных табл. 18 следует, что в XX в. резко увеличилось число ездовых собак. Одним из благоприятных условий размножения собак служит прочная кормовая база. Очевидно, паланцы имели возможность содержать такое количество собак и находить им нужное хозяйственное применение. Надо сказать, что успехи пушной охоты, в частности на лисицу зависели во многом от хорошего транспорта, при помощи которого охотник мог расставлять капканы на большом расстоянии от селения и своевре-

⁴⁹ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 92.

Таблица 18

Развитие собаководства у паланцев в XIX и начале XX в. (в шт.)

Селение	Количество собак					
	1836 г.	1840 г.	1891 г.	1896 г.	1926 г.	
					всего	в том числе ездовых
Пусторецк	20	25	?	?	52	45
Подкагирное	20	40	?	?	47	44
Лесная	75	65	41	92	475	317
Кинкиль	75	40	40	80	280	162
Палана	160	100	77	100	719	557
Кахтана	100	60	60	157	585	399
Ваямполка	70	70	70	175	355	256

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 153, л. 66—67; 1891, 1896 гг. — Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II; 1926 г. — Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края, с. 46 и 52.

менно осматривать их. Кроме того, в то время собаки были единственным видом зимнего транспорта на Камчатке. На них перевозили грузы, пассажиров, почту. Вместе с тем в первую четверть XX в. увеличилась добыча рыбы, средства добычи стали более доступными местному населению, более совершенными, следовательно, добыча необходимого количества рыбы, в том числе для содержания большого числа собак, стала делом более легким, чем это было прежде.

В XX в. и упряж и нарты паланцев были общего северо-восточного типа. Для передвижений по снегу они использовали лыжи, подклеенные шкурой нерпы или камасами оленя. Обычно такими лыжами пользовались на охоте, особенно в лесу. Для ходьбы по убойному снегу и льду, а также по крутым склонам гор паланцы применяли «лапки» — ступательные лыжи, которые у них так же назывались *валыгегыт* — «вороньи лапы». «За промыслом в лес ходят в зимнее время на лыжах и лапках, — писали геодезисты о паланцах в конце XVIII в., — в отдаленные места ездят на собаках».⁵⁰

Для передвижения по воде паланцы имели большие многоместные байдары и каяки, а также деревянные баты. От начала XVIII в. имеются лишь общие указания о наличии байдар у паланцев. Относительно XIX в. есть статистические сведения о средствах передвижения по воде. Данные первой половины XIX в. интересно сопоставляются с данными 1926 г. (табл. 19).

Если данные первой половины XIX в. верны то в первой четверти XX в. можно констатировать заметное увеличение числа батов — основного средства передвижения при рыбной

⁵⁰ Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова, с. 145.

Таблица 19

Количество байдар и батов у паланцев в первой половине XIX и начале XX в. (в шт.)

Селение	1836 г.		1840 г.		1926 г.	
	байдары	баты	байдары	баты	байдары	баты
Пусторецк . . .	—	7	(6) ?	—	1	1
Подкагирное . .	—	—	1	1	—	—
Лесная	—	12	3	6	5	45
Кинкиль	3	—	2	20	4	16
Палана	5	—	4	2	2	58
Кахтана	2	19	2	25	4	43
Ваямполка . . .	—	27	2	12	—	24

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 4007, оп. 4, д. 27, л. 28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 153, л. 66—67; 1926 г. — Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края, с. 45 и 50.

ловле на реке. Эти данные в определенной степени согласуются с данными о добыче рыбы.

И. Вознесенский писал в своем дневнике: «Здесь жители имеют байдары лахтачные и байдарки, обтягивают их лахтаками». ⁵¹ Он первый отметил наличие у паланцев байдарок и вместе с тем оставил пока единственное описание такой байдарки, которую он видел в с. Кинкиль. «Длина по килю — 15 четвертей, ширина в люке — 5 четвертей, окружность люка — 12 четвертей, глубина — 1 $\frac{1}{2}$ четверти. Бакены острые. Корма круглее и шире; нос — острее. Скреплен китовым усом». ⁵² При сопоставлении данных того же И. Вознесенского о карагинской однолючной байдарке оказывается, что паланская байдарка была несколько иного вида. Она была короче и отличалась по внешним очертаниям, имела несколько закругленный кормовой бакен и более широкий, чем носовой. Уже эти сведения дают основания думать о различии форм и размеров однолючных байдарок паланцев и карагинцев.

Некоторое представление об устройстве и внешнем виде больших байдар находим у Г. Крамаренко, ⁵³ который поместил фотографию байдары. Она имела острый нос и полукруглую корму. Как видно, конструктивно байдары паланцев отличались от байдар их северных соседей — коряков побережья Пенжинской губы. О размерах больших байдар можно судить потому, что «ходят на них 9 человек, 8 сидят на гребях, девятый на руле».

Жилые и хозяйственные постройки. В конце XVII—начале XVIII в. жилые и хозяйственные постройки паланцев ничем принципиально не отличались от жилых и хозяйственных построек

других подразделений оседлых коряков, исключая коряков побережья Пенжинской губы. Не изменились они и к концу XVIII в. «Живут в зимнее время в юртах, — сообщали Ушаков и Елистратов, — углубленных несколько в землю и осыпанных ею, с имеющимся наверху вместо окна и дверей отверстием, куда по представленной внутри лестнице входят и выходят, а под лестницей раскладывают огонь и тем нагревают юрту. Летом живут на балаганах, поставленных на столбах, от земли вышиною на полторы и на две сажени, делая площадь, вымощивая карбасником, которую по самой середине той площади обставляют четверовидно тонкими жердями, сводя их кверху остро, подобно пирамиде; кроют травой, а иногда и скалою . . . а делают их столько, сколько семей находится; когда ж случится летом холодный и сырой воздух собираются в сделанные на земле, осыпанные ею ж, подобно юрте, с разницею тою, что с одной стороны, подобно дверям, делают лазею, похожую на штольню, длиною сажени две, а вышиною в аршин, в которой проходить человек может сторбясь, на коленях и называют оную барабарою, в ней кладут огонь. В зимних юртах и барабарах, в ночное время употребляют для света сделанные из камня, похожие на небольшие корытца, налитые китовым или нерпичьим или прочих морских зверей жиром и к одному краю корытца в жир кладут мох и зажигают. По семьям имеют пологи пестроватые из китайек да из набойчатых платков и каждый с своим семейством помещается». ⁵⁴

Авторы отметили ряд особенностей устройства жилых и хозяйственных построек паланцев. Летние наземные юрты-барабары были у ительменов. Видимо, у паланцев собственных материалов для пологов не было, коль скоро для этих целей они использовали уже в XVIII в. привозные ткани. Их балаганы имели четырехгранную пирамидную форму, подобно ительменским, соединялись между собой переходами.

Типичными для паланцев были небольшие зимние поселения острожки, состоящие самое большое из трех полуземлянок и соответствующего количеству обычных семей балаганов. Кроме того, они имели «летники» — летние поселения, в которых сооружали «малые юрты», или «земляные барабары», что, по-видимому, одно и то же. ⁵⁵ Следовательно, основными видами жилых построек паланцев были юрты и земляные барабары, а единственной хозяйственной и иногда и жилой постройкой служил балаган на высоких сваях.

Острожки паланцев также строились на возвышенных местах, откуда был широкий обзор окрестностей, с учетом естественных препятствий доступа к ним. Чаще они обносились специальными деревянными стенами или земляными валами, или тем и другим

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 5, л. 21.

⁵² Там же, д. 3, тетр. 11, л. 8.

⁵³ Крамаренко Г. А. Путешествие на Камчатку и обследование ее в рыболовном отношении в 1907 г. — Изв. РГО, 1908, т. XIV, вып. 5, с. 260.

⁵⁴ Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова с. 142—143.

⁵⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 113.

Однако уже во второй половине XVIII в. паланцы начали строить избы по образцу русских, которые они видели в Тигиле. Этому немало способствовало и повуждение, исходившее от администрации Тигильской крепости.⁵⁸ Как правило, первыми обзаводились избами старосты. В их обязанности входило принимать всех проезжих. Постепенно начали строить себе избы и рядовые коряки. В начале XIX в. дома уже имелись, правда по одному-два, в каждом из южных селений паланцев. Они начали также строить амбары и даже бани. Табл. 20 характеризует изменения жилых и хозяйственных построек у паланцев на протяжении почти целого столетия (1836—1926 гг.). Не всегда имеющиеся

Т а б л и ц а 20
Жилые и хозяйственные постройки паланцев в XIX и начале XX в.
(в шт.)

Селение	1836 г.			1840 г.				1896 г.			1926 г.						
	юрты-полу-землянки	дома	балаганы	юрты-полу-землянки	дома	балаганы	амбары	бани	дома	нежилые строения	землянки	деревянные юрты	дома	амбары	сарай	юнкольники	котлики
Пусторецк	—	—	—	4	—	10	—	—	—	—	—	2	—	—	—	5	—
Подкагарное	—	—	—	3	—	6	3	—	—	—	2	—	—	—	—	4	—
Лесная	4	2	49	4	—	40	—	—	20	1	—	—	32	14	7	91	—
Кинкиль	8	1	48	7	3	50	4	—	12	1	—	—	24	22	7	32	—
Палана	11	1	80	13	1	47	6	—	21	2	—	5	47	38	19	88	14
Кахтана	6	1	50	7	2	70	—	—	31	3	—	—	41	36	18	64	8
Ваямполка	4	1	30	3	1	25	—	—	15	19	—	15	9	11	2	32	1

Примечание. 1836 г. — ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 28; 1840 г. — там же, оп. 1, д. 153, л. 66—67; 1896 г. — Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II; 1926 г. — Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края, с. 44 и 50.

в этой таблице данные сопоставимы, но тем не менее они весьма показательны.

Из данных табл. 20 следует, что замена полуземлянок и деревянных юрт домами в начале XX в. почти завершилась. Кроме

⁵⁶ Там же, с. 147.

57 Там же.

⁵⁸ Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., ч. 1. СПб., 1901, с. 495.

К. Дитмар делит паланцев на две группы — северную и южную. Первых, т. е. жителей селений Пусторецк и Подкагирное, по образу жизни он сближает с каменцами и паренцами. У них «те же земляные юрты, одежда, общая всем корякам, и тот же род охоты на суше и на море». И в то же время он выделил жителей пяти южных селений, которые «все живут в порядочных избах с окнами, печами и трубами».⁵⁹ Эти данные противоречат сведениям о жилых сооружениях паланцев 1926 г., по которым оказывается, что в южных селениях (Палана и Ваямполка) были зарегистрированы деревянные юрты. Очевидно, это *якорран* — 'якутские дома', 'якутские юрты', которые имели и окна, и печи, и трубы. Однако их деревянные стены снаружи были обложены дерном. Дитмар и их относил к домам. В. Г. Богораз строго различал собственно рубленые дома и *якорран*, которые он видел в Ваямполке.⁶⁰ Он отметил бедность паланцев, при этом записал в своем дневнике, что «в домах окна из рыбьих шкур, собственно из юкольных, спшитых вместе, на ночь заставляют их ставнями».⁶¹

Надо сказать, что камчатская администрация предпринимала некоторые шаги к улучшению благоустройства домов, в которых жили старосты (тойоны). В 1842 г. начальник Камчатского приморского управления предписал отпустить амининскому тойону «3 фунта 60 золотников» слюды для окон его дома.⁶² Рядовые жители не могли получить слюды. Их жилища оставались неблагоустроенными. В 1907 г. Г. А. Крамаренко писал, побывав в с. Лесная: «Избы наполнены дымом, окна вместо стекол затянуты рыбьей кожей».⁶³

Вместе с тем паланцы имели и свои бани по-черному. В. Г. Богораз отметил, что он «уже трижды мылся в бане у коряков». Это нововведение было, пожалуй, тогда только у паланцев и у каргинцев.

Одежда, домашняя утварь. Одежда паланцев в конце XVII—начале XVIII в. ничем заметно не отличалась от одежды других оседлых коряков. Однако позднее, уже в конце XVIII в., судя по имеющимся, правда, отрывочным сведениям, их одежда начала претерпевать некоторые изменения, в основном сводящиеся к постепенному распространению среди них одежды из тканей. «Платье как мужской, так и женской пол,— сообщали Ушаков и Елистратов, — в зимнее время носят из оленьих, бараньих и собачьих кож, называемое по их парки и кухлянки, которые опушивают росамахами и собачьими лапами, редко выдрой, но весьма

⁵⁹ К. Д и т м а р. О коряках. . ., с. 59.

60 Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 45.

61 Там же, л. 42.

⁶² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 20, л. 13.

⁶³ Крамаренко Г. А. Путешествие на Камчатку. . . , с. 268.

узко; а в летнее время имеют камлеи из оленьих, дубленых опаренных (т. е. без шерсти, — И. В.) кож».⁶⁴

Те же авторы отметили, что в связи с приездом в селение паланцев кого-нибудь «из россиян женщины лучшее свое платье, подобное русскому, фанзовые и холщевые рубахи, юбки и душегрейки камчатые и китайчатые, по большей части цветные, надевают, головы ж повязывают тальянскими и шелковыми платками».⁶⁵ Несомненно это замечание относится только к южным паланцам.

К началу XX в. южная группа паланцев подверглась значительному влиянию русских. «Материальная культура укинцев с паланцами, — писал В. Г. Богораз, — действительно, носит следы обрусения, и в этом отношении совпадает и с хайрюзовскими камчадалами, и с более южными камчадалами, утратившими свой язык».⁶⁶ В основном паланцы сохраняли традиционными лишь верхнюю одежду и обувь, тогда как летняя их одежда во многом была заимствована от русских.

Домашняя утварь паланцев не отличалась разнообразием предметов. Обстановки в доме практически не было никакой. Даже у старосты с. Кинкиль был только «самовар и чашка одна без ушка».⁶⁷

Непременными предметами домашнего обихода паланцев издавна были изделия из травы, плетеные циновки, мешки, корзины. Видимо, в этом производстве их женщины достигли большого мастерства. Плетение из травы было одним из постоянных зимних занятий женщин.⁶⁸ Из посланных для иркутского губернского музея вещей в 1843 г. названы «корзина большая, коврик, корзина маленькая», при этом сделана приписка: «... делаются из травы преимущественно по паланскому берегу».⁶⁹

По мнению коряков-карагинцев, плетенные из травы изделия паланцев отличались от изделий карагинцев тем, что узоры на их корзинах располагались более разреженно, чем на изделиях карагинцев.

Черты общественного строя. У паланцев мы встречаемся с тем же характером социальных отношений, при которых основу экономической и общественной жизни составляла большая патриархально-семейная община. Но уже в первой половине XVIII в. было заметно значительное разрушение патриархально-общинных отношений. Судя по сведениям С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера, наибольшее выражение общности у таких патриархальных семей, помимо родственных связей, состояло в коллек-

тивном сооружении зимних жилищ и совместном в них проживании. Однако внутри такого жилища малая семья жила отдельно в пологе, вела свое особое хозяйство. Последнее обстоятельство наиболее ярко проступало в летнее время, когда каждая малая семья жила в своем балагане, сама была обязана заниматься заготовлением рыбных и других запасов продовольствия на зиму. И в то же время существовали коллективные виды производства, которые требовали участия всех членов большой патриархально-семейной общины. Это охота на морских млекопитающих, изготовление байдары. Отсюда соответственно коллективное распределение результатов охоты, коллективное владение средством передвижения по морю — байдарой. Общими патриархально-семейными были культы, празднества, обряды, совместная защита своих угодий, жилищ и т. п. Ряд таких общинных начал сохранился до XX в. «Ясак платят, — писал В. Г. Богораз, — кто добудет, тот и дает, на будущей год другой; счетов между ними нет. Бедняков содержат обществом и даже избушки им строят обществом же».⁷⁰

В данных примерах коллективные начала выходили за рамки патриархально-семейной общины, они охватывали жителей селений, которые, как правило, находились в той или иной степени родства между собой. И все же эти примеры не дают оснований преувеличивать жизненность общинных традиций. Тот же В. Г. Богораз уже отмечал, что «коряки-промышленники (т. е. те, для которых пушная охота была одним из главных источников существования) никогда ничего не давали» для уплаты ясака, а на морском промысле хозяин байдары, как и у чукчей, получал первую шкуру, остальные шкуры добытых животных делились на части между участниками охоты. Правда, мясо и жир получали поровну.⁷¹

В одном из исторических преданий, которое называется «Паланцы», записанных мной у алыторцев, рассказывается, как два брата-силачи из с. Кахтана не допускали никого из своих соплеменников для участия в разделке и дележе выброшенного морем кита. Они все хотели забрать себе. Но появились из с. Палана две сестры-силачки, которые прогнали их и предоставили возможность всем жителям воспользоваться мясом и жиром кита, кто сколько успеет нарезать. В этом предании, которое содержит совершенно реальную основу, сталкиваются как бы две традиции, две противоположных тенденции социального развития. Старая, поддерживаемая женщинами — героинями рассказа, защищающими равное право всех на выброшенного морем кита, и новая — нарождающаяся, согласно которой право остается на стороне сильных. Последняя не считается с общинными и родственными началами. По существу в этом рассказе выражена

⁶⁴ Западный берег Камчатки по описаниям Ушакова и Елистратова, с. 145.

⁶⁵ Там же, с. 141.

⁶⁶ Богораз-Тан. В. Г. Паланцы и укинцы, с. 118.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, л. 115, л. 42—43.

⁶⁸ Там же, л. 45.

⁶⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 22, л. 16.

⁷⁰ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 44.

⁷¹ Там же.

борьба между отживающими, но еще встречающими поддержку народа социальными традициями и нарождающимися новыми, которые грубо нарушают старый общественный быт. Следовательно, новые общественные традиции сложились, хотя еще не всегда победа остается за ними. Примечательно также то, что носителями прошлых социальных традиций в большей мере выступают женщины, а новых — мужчины. Все это — свидетельства разрушения общинных устоев быта паланцев.

Культы и праздники паланцев. Самые ранние и в то же время наиболее подробные сведения о культах, праздниках и обычаях паланцев сообщили уже упоминавшиеся геодезисты XVIII в. По их наблюдениям, «бога на своем законе почитают, именуя его хозяином всего видимого света, и в благодарность за все посылаемые блага приносят жертвы». Жертвоприношения составляли основные культовые отправления, которые применялись во всех сколько-нибудь важных случаях жизни. «Жертвоприношения бывают ради следующих причин: 1) испрашивание хороших промыслов, 2) в браках, чтоб иметь любовь со своею женою, 3) в возблагодарение за хороший промысел, 4) о больных». Эти жертвоприношения основывались на представлении, будто «бог — всего доброго правитель и все им подает, что они не имеют, и зато одолженными себя считают, делать возблагодарение жертвами чистых скотов». Однако жертвоприношения делались не только в «возблагодарение» «всего доброго правителю». Были и другие существа — коварные, которые преследовали людей и наносили им вред. От них также можно было избавиться лишь путем жертвоприношений: «... в болезнях о находящихся мнят, что за грехи свои мучатся от дьявола, которых ближние родники дьяволу жертву дают, убиванием хороших собак».⁷²

Таким образом, выявляется присущее корякам того времени представление о двух началах — добром и злом, которые окружают человека при жизни. Вот как выглядели эти жертвоприношения по описанию Елистратова: «В Подкагорском (очевидно, Подкагирском, — И. В.) острожке случилось нечто, похожее жертвоприношению. По неминуемой нужде пропитания, требовано было от тамошнего тайона кормов, который принес только что убитых лахтакнов, урезав по небольшой частице. На спрос, на что они ему надобны, сказал, что часть из них бросит в море, чтобы оно более таковых производило, а остальное положит на тот камень, где они убыты, для того чтоб более выходили». Сложнее были жертвоприношения, видимо, *appanil* — «старик», т. е. предку, который был покровителем своего потомства, помогал ему в промыслах. «Сему ж подобное, — сообщал далее Елистратов, — жертвоприношение при речке Шаманке: на одном очень высоком камне поставлено премножество оленных и диких баранов

рогов, а в середине их медвежьих и собольих голов лобовые части, под которыми и вокруг премножество как костяных, так и каменных и железных стрел. Что это значит и для чего? Ни от кого уведомиться не могли».⁷³

Были у паланцев своеобразные жертвоприношения стрелами, адресованными определенным местам, видимо, находящимся на тропах. «К утесам или камням настреливают стрелки, для того чтобы он тот утес мог пройти или проехать безвредно; а стреляя, говорит: старик, помилуй, не сделай мне вреда, моим оленям и моим собакам».⁷⁴ В данном случае, имелись, очевидно, в виду «хозяева» определенных мест, которых также нужно было задобрить, чтобы благополучно проследовать по данному месту и дальше.

Довольно обстоятельно охарактеризовал Елистратов представления паланцев о смерти и загробной жизни. Они «веруют и в то, что умирающих от них души, по сметри имеют житие в небе». В отличие от других подразделений оседлых коряков паланцы не сжигали покойников, по крайней мере во второй половине XVIII в. Возможно, что применявшиеся у них способы захоронения явились следствием распространения среди них христианства. «Умерших, если не при церкви, то при жилье, летним временем закапывают в землю, а зимой отвозят в лес и заваливают валежником, так чтобы птице достать было не можно».⁷⁵ Самыми достойными видами смерти паланцы считали либо быть «убитым оружием», или «умертвить самим себя». Такие люди обретали «блаженную жизнь» на том свете «и тамо живут родами, имея множество хороших белых оленей».⁷⁶ Это представление и служило поводом для изгововления специальной одежды из белых шкур олений, в которую одевали покойника.

Общераспространенное у народов северо-востока Сибири и у других представление о том, что умершие могут возвращаться к своим прямым потомкам в виде новорожденных, было известно и паланцам. «Имена дают родящимся на воспоминание прежде бывших в их роде именитых предков; а сие делают для того, чтобы возвратился тот из умерших».⁷⁷

Представления паланцев о боге — творце и благодателе были навеяны им христианством. Однако идеи христианства не вошли органически в систему их исконных представлений. Они бытовали у них параллельно со своим традиционным мировоззрением.

Дважды в год паланцы устраивали праздники, посвящены они были: первый «когда промышлять начинают китов», и второй — «по промысле кита». И в том и в другом случае непременной принадлежностью праздника была фигура кита, сделанная, очевидно, из дерева и «оббитая травой тоншичем». Эту фигуру

⁷³ Там же, с. 140.

⁷⁴ Там же, с. 151.

⁷⁵ Там же, с. 144.

⁷⁶ Там же, с. 147.

⁷⁷ Там же, с. 154.

⁷² Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова, с. 146—148.

и домашних «идолов» угощали жиром и мясом кита. Кроме того, на улице, недалеко от жилища, «мясо с жиром втыкают на острые сваи». По окончании праздника фигуру «кита выбрасывают из юрты».

Некоторые из обычаев, описанных Елистратовым, отличались от обычаев других коряков. Так, отец вместе с женихом «идет в дом невесты, взяв в подарки копыя, нож большой и малой, несколько табаку и мохоморов, а иногда и водки... кладет все оное отцу невесты». Если подарки были приняты, то, значит, отец невесты согласен. После этого жених оставался отрабатывать. В то же время Елистратов писал, что «при свадьбах никаких церемоний не имеют, а как с женихову сторону уведомленность будет, что невестины родители и она не препятствуют, то приходя берет ее и венчается в церкви или в юрте священником; когда же одного нет, то приводит домой и живут, как будто всегда жили». Очевидно, традиционные обычаи под воздействием христианизации уже начали заменяться новыми, русскими.

Язык паланцев. Одним из наиболее заметных признаков, дающих основание выделять паланцев как особое подразделение коряков, был язык. Эту особенность отметил еще С. П. Крашенинников, называя их «тигильские сидячие коряки». В дальнейшем степень языковых связей внутри паланского подразделения коряков и в то же время его обособленность отмечались более подробно, чем это сделал Крашенинников. И. Вознесенский, записывавший некоторые сведения о языке коряков, отметил, что «жители Пусторецкие и Подкагирские говорят одним языком коряцким паланского наречия». ⁷⁸ Он вместе с тем отметил близость паланского диалекта к карагинскому: «... слова ваямпольские камчадалские одинаковы с карагинскими и укинскими». ⁷⁹ К. Дитмар, писавший о некоторых отличиях в образе жизни северных паланцев (селения Пусторецк, Подкагирное) по сравнению с южными, в то же время подчеркнул, что язык у них «одинаковый со всеми паланцами». ⁸⁰ Такое же распространение паланского диалекта отмечал и В. Г. Богораз. ⁸¹ С. Н. Стебницкий нашел, что паланский диалект по характеру своего консонантизма относится к диалектам, характеризующимся наличием звуков *p* и *m* там, где в чавчувенском диалекте *y*. В области же вокализма этот диалект отличается сохранением гармонии гласных. По этому признаку С. Н. Стебницкий относил его к *э*-кающим диалектам коряцкого языка. Одна из причин нарушения закона гармонии гласных — контакты и языковые заимствования. Паланцы входили в контакт лишь с ительменами, язык которых, как видно, не оказал заметного влияния на язык паланцев. «Никаких заим-

ствований из камчадалского языка здесь нет», ⁸² — писал В. Г. Богораз о паланском диалекте.

Наличие особого паланского диалекта считается общепризнанным, хотя изучен он явно недостаточно. С. Н. Стебницкий справедливо проявлял осторожность в своих выводах: «По-видимому, при более детальном этнографическом и более глубоком лингвистическом изучении *нымыланов* большую часть рассматриваемых диалектов придется признать просто говорами *нымыланского языка*». ⁸³ В свое время и В. Г. Богораз не видел глубокой разницы между паланским и диалектами восточного побережья Камчатки, «Ваямполька — последний острожек сидячих коряк. Я нарочно стал здесь делать записи по языку, но он почти не отличается существенно от наречия до Кичиги (с юга, — И. В.). По-видимому, оба берега камчатских коряков искони были в сообщении между собой и составляют один народ». ⁸⁴

Политика самодержавия. Уже к началу XVIII в. паланцы частично были обложены ясаком. Тогда они находились в ведении Нижне-Камчатского острога. «На Лесной, Кинкиле и Палане реках живут коряки, — писал С. П. Крашенинников, — и яsak платят повольно». ⁸⁵ В конце 40-х годов XVIII в. был основан Тигильский острог, в 35 км от устья р. Тигиля. Построен он был в 1752 г. и представлял довольно солидное сооружение размером 50×25 сажен. «Крепость огорожена лежащим забором, затем шел земляной вал, подле вала стоячий полисад, затем ров шириной 12 и глубиной 6 фут, а перед ним рогатки. По четырем углам батареи. Два въезда. Внутри строений: церковь, колокольня, казармы, амбары, командирский дом, пороховой погреб, торговые казенные лавки — 2, баня». ⁸⁶

Сооружение острога, наличие в нем гарнизона поставило паланцев в положение регулярных плательщиков ясака. Во второй половине XVIII в. они окончательно смирились со своим новым положением и безропотно несли все тяготы, связанные с ясачным обложением и несением других повинностей. Довольно скоро Тигильская крепость утратила свое военное значение, что вынуждены были признать в Министерстве внутренних дел. В 1810 г. особый Комитет по рассмотрению правил об образовании области Камчатской, Охотской и Якутской пришел к заключению, что «нет никакой надобности содержать команду в Тигиле, кроме малого только числа казаков, для отправления береговой почты из Камчатки». ⁸⁷ В 1829 г. начальник Камчатки уже писал о том,

⁸² Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 45.

⁸³ Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов *нымыланского* (коряцкого) языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937, с. 286.

⁸⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, л. 115, л. 44.

⁸⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 609.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. 1, тетр. 1-а, л. 21 об.

⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 347, л. 54—55.

⁷⁸ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 4, тетр. 5, л. 334.

⁷⁹ Там же, л. 326.

⁸⁰ К. Дитмар. О коряках... с. 59.

⁸¹ Богораз-Тан В. Г. Паланцы и укинцы, с. 118.

что «Тигильская крепость ныне ничем не соответствует своему названию... она не имеет ни укреплений, ни орудий», и поэтому следует Тигиль называть не крепостью, а селением.⁸⁸ За все время своего существования Тигильская крепость ни разу никем не была осаждаема. Ясак паланцы вносили шкурками соболей, лисиц и пыжиками. В 1836 г. числилось 116 паланцев, плательщиков ясака (включая жителей Пусторецка и Подкагирного). Они должны были внести 27 соболей, 88 лисиц и 4 пыжика.⁸⁹

К началу XX в. паланцы обеднели, были в долгах. По данным В. Г. Богораза, жители с. Кахтана «берут в казне свинец, порох, очень немного соли и совсем не берут муки. Сей год, например, брали 30 фунтов пороху, 2 пуда свинцу. Общее количество долгу у них совершенно неизвестно. Все они должны в казну какие-то недоимки. Кроме ясаку, с них взыскивается пожарный сбор, губернские, земские и страховые сборы и недоимки. Сборы таковы: первый год — 7 соболей и 12 р. 70 к. деньгами, второй год — 8 соболей, 13 красных лисиц, 1 сиводушка, всего на 228 р.». В таком же положении были жители Ваямпольки: «...есть у них и недоимки (112 р.), есть общественные долги купцам, которые принимают в их погашение даже юколой и кислой рыбой».⁹⁰

Помимо материального обнищания, паланцы были угнетены духовно. Их духовным порабощением систематически занималась православная церковь. Церкви были построены еще в начале XIX в. в Палане, Лесной и других селениях, а христианизация была завершена еще в XVIII в. Поэтому русификация их началась также рано. К началу XX в. «от с. Лесная на юг уже не было корякских имен, только русские». Все национальное, самобытное в их духовной культуре настоятельно вытравливалось. Поэтому В. Г. Богораз отмечал «влияние насильственного начальственного обрусения» и связанных с ним особой скрытности населения, боязливости, неуверенности. Так, о жителях Кахтаны он писал: «У коряков не осталось ни корякского, нет и настоящего русского». Они даже называли себя так, как их — камчатские чиновники, т. е. «камчадалы», а «коряками — только оленных». В другом месте он заметил: «Поразительно полное отсутствие сказок, я сулил даже водку, но никто ничего, действительно, не знает». Настолько была глубока забитость и боязнь, что они даже не осмеливались признаться, что у них есть сказки. Интересно то, что с установлением Советской власти, когда было ликвидировано всякое угнетение пробудилось, у них и самосознание, и чувство собственного достоинства, появились опять сказки, ожили другие жанры фольклора, возродились свои собственные корякские имена наряду с русскими и т. п.

⁸⁸ Там же, ф. 1264, оп. 1, д. 168, ч. III, л. 139.

⁸⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 4—5.

⁹⁰ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 93—94.

Глава VI

ОСЕДЛЫЕ КОРЯКИ ПОБЕРЕЖЬЯ ПЕНЖИНСКОЙ ГУБЫ

От последнего северного селения паланцев (Пусторецка) до ближайшего селения коряков побережья Пенжинской губы находилось пустынное пространство протяженностью около 400 км. Со стороны Охотска коряков побережья Пенжинской губы отделял гористый п-ов Тайгонос.

На побережье Пенжинской губы и по рекам, впадающим в нее, издавна обитали оседлые коряки, поселки их были сосредоточены группами в нескольких местах.

На северо-западном берегу п-ова Тайгонос жила группа итканских (*итканэльо*) коряков. Далее к северу от них, на расстоянии около 100 км, при впадении р. Парени (*Пойтываям*) обитала группа паренских (*пойтыльо*) коряков, а далее по северному побережью Пенжинской губы были расположены поселки коряков-каменцев (*вайкыньэльо*). Между итканцами, паренцами и каменцами имеются некоторые культурно-бытовые и языковые отличия. Но уже в самых ранних известиях все население побережья Пенжинской губы рассматривалось как единое, с определенными внешними признаками и особым языком.¹

Следует все же сказать, что специального изучения диалектов (говоров) этих групп коряков, кроме каменцев, не производилось.²

В XVII в. расселение коряков в районе побережья Пенжинской губы носило несколько иной характер. Тогда существовали поселки коряков, расположенные далеко от берега моря, в частности, в 1679 г. у устья р. Аклана находилось селение оседлых коряков. Никаких данных учета даже ясачного населения не было, поэтому установить число оседлых коряков в XVII в. почти невозможно.

В 1696 г. приказчик Анадырского острога М. Многогрешный обложил ясаком «Пенжины-реки пеших коряк сто человек».³ Где он был, в каких селениях, об этом в его отписке нет сведений.

¹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. — Сб. арх. материалов, Л., 1935, с. 31.

² Bogoras W. Chukchee. — Handbook of American Indian Languages, p. 2. Washington, 1922. В другой работе В. Г. Богораза (Koryak texts. — Publications of the American Ethnological Society, vol. IV, Leiden — N. Y., 1917) опубликовал один текст сказки на паренском диалекте.

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 32, л. 313 об.

В 1697 г. В. Атласов «на Пенжинке-реке в Акланском и в Каменском и в Усть-Пенжинском острожках неясачных пеших коряк человек ста с три и больше . . .»⁴ обложил ясаком, и полученные с них «лисицы красные» отправил в Якутск. В данном случае не было никаких преувеличений, так как нужно было отчитываться лисицами. Следовательно, в этих корякских селениях в общем можно полагать не менее 900 чел. всех возрастов обоого пола.

К началу XVIII в. сведения о коряках побережья Пенжинской губы уже более полные. В 1707 г. в «Акланском остроге ясачных иноземцев коряков пенжинских с 60, да около того острожку родников их человек с 20. . . Да подле тех же мирных коряков, на той же стороне Пенжины-реки на низ верстах в 5 острожек на Камени на утесе. . . А в том острожке живут. . . человек с 50. . . А от того острожку через Пенжину-реку в виду по левой стороне той реки Пенжины, на усть реки Таловки острожек. . . Косухин, а в нем человек с 30 и больше, да меж тех немирных острожков живут по юртам таких же немирных иноземцев человек с 40 и больше. . .»⁵ Таким образом, только по Аклану и р. Пенжине в 1707 г. было около 200 чел. оседлых коряков, подлежащих обложению ясаком. По-видимому, все население не превышало 600—700 чел.

В 1762 г. уже имелись сведения о всех населенных пунктах побережья Пенжинской губы и о количестве в них ясачных: в 1-м Паренском острожке 30 чел., во 2-м Паренском острожке 56, в Ягачинском 32, в Каменском 25, в Акланском 15, в Косухинском 9, в Жировом 20, в Итканском 27,⁶ а всего 214 чел. Общая численность коряков, следовательно, не достигала 800 чел.⁶

Несомненно более точными были данные 1766 г. (3-й ясачной ревизии), которые и были внесены в «Книгу окладных ясачных сборов» Гижигинской крепости. По этим данным оказалось: Паренских ясачных коряков в двух острожках 54 чел., в Ягачинском острожке 22, в Каменском 21, в Акланском 8, в Косухинском 8, в Жировом 9, в Итканском 22,⁷ т. е. 144 чел. Следовательно, всего оседлых коряков побережья Пенжинской губы, вероятно, было около 450 чел.

Более поздние сведения дают несколько иную картину. Населенные пункты остаются теми же самыми, но население в них начинает увеличиваться. Объясняется это отчасти тем, что с 70-х годов XVIII в. прекратились как внешние, так и внутренние столкновения коряков этой группы, что, естественно, положительно сказалось на простоте населения.

⁴ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 25.

⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 50, 51 об.

⁶ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 37.

⁷ Книга окладная ясачных сборов с оленных и пеших коряков 1767 г. — ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 18.

По данным Т. И. Шмалева от 1775 г., в Парени было семей до пятидесяти, в Тылхое «жительствоют коряки семей с 30», в Шестаковой «живущих никого нет», зато на р. Ягаче «семей до штидесяти», в Каменском «семей со сто», в Жировом «семей 20», в Косинковом (Косухинском) «семей 13». Таким образом, по сведениям Т. Шмалева, которому было подведомственно это население, здесь оказывалось около 280 семей.⁸

По учетным данным 1782 г. (5-я ясачная ревизия), оказалось: в 1-м Паренском острожке 24 чел., во 2-м Паренском острожке 42, в Ягачинском 28, в Каменском 25, в Акланском 14, в Косухинском 5, в Жировом 8, в Итканском 20,⁹ итого 166 чел. Общее число коряков в этих острожках следует считать близким к 500 чел.

Однако через два года число коряков опять заметно сократилось. По «Книге окладного ясачного сбора» Гижигинской крепости на 1784 г. их значилось: в 1-м Паренском острожке 32 чел., во 2-м Паренском 19, в Ягачинском 22, в Каменском 20, в Акланском 8, в Косухинском 7, в Жировом 9, в Итканском 20,¹⁰ всего 137 чел. Значит, общая численность коряков всех возрастов обоого пола была немногим более 400 чел.

Сведения от начала XIX в. отмечают меньшую численность коряков в этих острожках, чем их было в конце XVIII в. Так по «Именной ведомости канцелярии Гижигинского земского комиссара в 1810 г.», оседлых коряков мужского пола числилось: в 1-м Паренском роде 11 40 чел., во 2-м 99, в Ягачинском 57, в Акланском 23, в Каменском 26, в Косухинском 6, в Жировом 20, в Итканском 25, т. е. 296 чел. Следовательно, всего оседлого населения здесь было около 600 чел.¹²

На протяжении XIX в., видимо, было несколько случаев, когда оседлое население побережья Пенжинской губы сокращалось, а затем постепенно восстанавливалось. По весьма общим данным чуванца А. Дьячкова, который много раз бывал у этих коряков «лет 40—30 назад (т. е. в конце 40-х годов XIX в., — И. В.) оседлые коряки были многолюдными племенами, составляли семь селений, но лет 10 тому назад, два года сряду, существовал голод, и большая часть их погибла . . . некоторые селения почти пусты».¹³ В другом месте, возвращаясь снова к этому вопросу, он писал: «Оседлые коряки (имеет в виду коряков Пенжинской губы, — И. В.) жили большими поселениями, считались

⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 9—11.

⁹ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири. . . , с. 37.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 48, л. 4—6.

¹¹ И здесь было введено так называемое родовое управление, цель которого заключалась в более регулярном взимании ясака и податей, которые стали вноситься «родовыми старшинами».

¹² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1084, оп. 4, д. 39.

¹³ Дьячков Г. Анадырский край. — Зап. об-ва изучения Амурского края, т. II, Владивосток, 1893, с. 63.

самыми многочисленными из инородческих оседлых племен, но в начале нынешнего десятилетия много их вымерло от голода, продолжавшегося сряду три года, едва третья часть или четвертая часть спаслась от смерти».¹⁴ Так ли это? Перепись 1897 г. не подтверждает такого катастрофического сокращения их числа. Данные Дьячкова несомненно преувеличены. Что касается его сведений о численности коряков в середине XIX в., то, быть может, он прав. К. Дитмар, пользуясь официальными данными, полученными из Гижиги, считал, что «в начале 1852 года число мужского и женского пола простиралось до 235 душ».¹⁵ Если удвоить это число, т. е. приплюсовать возможное количество детей, то общее число этих коряков будет около 470 чел.

В 1897 г. 155 чел. итканцев жили в трех селениях на Итканском мысу: это Верхняя Иткана (*Нэнийигичун*), Средняя Иткана (*Осгичо*) и Нижняя Иткана (*Иткану*). Официально эти коряки составляли один Итканский род.

Паренцев в 1897 г. было зарегистрировано 247 чел., занимавших четыре селения: Парень, Куэль, Хаимчик, Тылхой. Официально они составляли два рода: 1-й Паренский и 2-й Паренский. Селения Парень, расположенное около 20 км от устья р. *Пойтузем*, и *Тылхой* были обитаемы только в зимнее время. На лето их жители переселялись в местечко Хаимчик, а некоторые семьи располагались в разных местах побережья Пенжинской губы. Постоянным местом обитания было с. Куэль, где коряки жили и зимой, и летом.

Каменцы, насчитывавшие 431 чел., проживали в 8 населенных пунктах. Все они были расположены на морском берегу: Микино (*Мэск'эн*), Шестаково (*Лен'лен'чан*), Ягача, Леваты, Ярнотек, Каменское (*Вайкынан*), Таловка (*Хэехен*) и Мамеч (*Мамэч*). Официально каменцы составляли три рода 1-й, 2-й и 3-й Каменские. Впрочем, в некоторых документах 3-й род иногда назывался Ягачинским. Кроме того, видимо эпизодически, каменцы обитали и в с. Рекинники. Так, в 1897 г. здесь зимовали три семьи каменцев.

Таким образом, общая численность коряков побережья Пенжинской губы в 1897 г. составляла 833 чел. Однако в 1900 г., когда разразилась эпидемия кори, число коряков сократилось на 16,5%, и уже материалы В. И. Иохельсона (1901 г.) дали такую картину: итканцев было 117 чел., умерло от кори 32; паренцев 210, умерли 24; каменцев 431, умерло 65 чел.¹⁶ Следовательно, всего коряков Пенжинской губы насчитывалось 659 чел., умерло от эпидемии кори 121 чел.

Несколько увеличилась численность данной группы коряков к 1912 г., когда, по результатам местной переписи, их оказалось 670 чел.¹⁷

Населенные пункты коряков Пенжинской губы были малочисленными. Типичным в этом отношении было расселение каменцев в 1901 г. Их селения насчитывали: Микино 28 чел., Шестаково — 18, Ягача — 21, Ярнотек — 22, Леваты — 24, Каменское — 162, Таловка — 42, Мамеч — 25 чел.

Общего самоназвания коряки побережья Пенжинской губы не имели. Коряки других подразделений и чукчи называли их по именам основных селений. Еще в XVIII в. с. Каменское было хорошо известно как одно из мест, где происходил обмен товаров, которые, с одной стороны, шли с северо-востока (от чукчей, эскимосов), а с другой — с Охотского побережья (от русских). Через Каменское пролегал древний путь обменных связей Севера с далеким Югом.¹⁸ Сами каменцы выступали посредниками в этом обмене и были хорошо известны под названием — *вайкынальо* на всем Северо-Востоке и на Камчатке.

Парень и паренцы упоминаются в документах XVII—XVIII вв. В XIX в. это селение и его жители прославились своими изделиями из железа (ножи, копыя, наконецники стрел, женские ножи, игольники, тесла, браслеты, кольца, части собачьей упряжи и т. п.), хорошо приспособленными к хозяйственно-бытовым и промысловым потребностям коренного населения Северо-Востока. Производственные успехи паренцев способствовали прочному сохранению за ними их самоназвания (*пойтальо*). Оно было хорошо известно и на Чукотке, и на Камчатке, и на Охотском побережье, куда оно проникало вместе с изделиями паренцев. Меньше знали итканцев (*этканэльо*). В сознании самих коряков и их соседей каменцы, паренцы и итканцы были коряками. Их материальная и духовная культура, несмотря на некоторые отличия, была в своей основе корякской и поэтому была близка и понятна другим подразделениям коряков. Они говорили на корякском языке, наиболее близком по своей морфологической структуре, по лексике, фонетике чавчувенскому диалекту, на котором говорили коряки-оленьеводы.¹⁹

Подводя итоги изучения расселения и движения численности оседлых коряков побережья Пенжинской губы за двести с лишним лет, можно сделать следующие выводы.

1. Характер расселения этой группы коряков на протяжении исследуемого времени не претерпел существенных изменений, главным образом потому, что у них сохранялся промысловый ук-

¹⁴ Там же, с. 93. Н. В. Слюнин (Охотско-Камчатский край, т. I. СПб., 1900, с. 448) сообщал, что коряки пережили голод в 1884—1886 гг.

¹⁵ Д и т м а р К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6, с. 57.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 20—23.

¹⁷ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 3133, оп. 1, д. 92, л. 55 об.

¹⁸ В д о в и н И. С. Торговые связи населения северо-востока Сибири и Аляски (до начала XX в.). — Летопись Севера, IV, М., 1964.

¹⁹ В о г о г а с W. Chukchee, с. 640; С т е б н и ц к и й С. Н. Фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937, с. 291.

лад жизни. Некоторое исключение составляют населенные пункты, находившиеся в отдалении от берега моря (Акланск). По мере сокращения значения в жизни этого населения промыслов парнокопытных животных и переключения его в основном на рыбный и морской зверобойный промыслы изменились и места их поселения, они перебазировались ближе к побережью моря.

2. Коряки побережья Пенжинской губы, хотя численно и сократились за этот период, однако почти полностью сохранили основные черты своей этнической самобытности (язык, культуру). Причина этой стойкости объясняется тем, что на территории расселения данной группы коряков не было пришлого населения, в том числе русских. Здесь очень слабо сказалась колониальная политика самодержавия, в частности, не получили распространение те каналы, по которым осуществлялась русификация. Эвены, юкагиры, чукчи, с которыми соприкасались эти коряки, также не оказали сколько-нибудь заметного влияния на их культуру, быт и язык.

Хозяйственные занятия коряков побережья Пенжинской губы в конце XVII—начале XVIII в. носили отчетливо выраженный характер комплексного сочетания морского зверобойного промысла с рыболовством. «А едят рыбу и всякого зверя и нерпу», — писал в 1697 г. В. Атласов. А о паренцах в первой половине XVIII в. сообщали: «Живут на одном месте, а питаются рыбою и морским всяким зверем».²⁰ Ту же опору на морской зверобойный промысел и рыболовство находили у них и позднее. К. Дитмар, проехавший по побережью Пенжинской губы в середине XIX в., писал: «Любимую добычу составляют дикий олень, каменный баран, медведь . . . впрочем, у них гораздо более развиты охота на морских зверей и рыбная ловля».²¹

Сухопутная охота и морской зверобойный промысел. Уже на конец XVII в. есть данные, которые свидетельствуют о пушном промысле у оседлых коряков побережья Пенжинской губы. В 1696 г., еще до похода В. Атласова, на р. Пенжине была обложена ясаком группа «пеших коряк» и с них было взято «вновь ясаку 2 соболя, 5 лисиц сиводущатых, 18 лисиц красных».²²

В 1697 г. В. Атласов «вновь» собрал ясак красными лисицами.²³ Вероятно, шкуры пушных зверей для собственных нужд коряки побережья Пенжинской губы не использовали. Тот же В. Атласов отметил, что «одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи».²⁴ Можно предполагать, что уже тогда пушнина через коряков-оленоводо-в, кочевавших южнее Анадыря, шла в обмен на

товары русского производства. Следовательно, можно определенно сказать, что пушная охота в конце XVII в. у этой группы оседлых коряков существовала.

На Парене, писал Т. Шмалев в 1774 г., «питаются рыбою и нерпою, промыслы звериные — лисицы и олени». У жителей селения, расположенного на устье р. Тылхой, пропитание состояло из рыбы кеты, «нерпы, а годами звериные промыслы оленей и лисиц». Коряки с. Ягача питались рыбой, нерпой, у них было также «премножество ягод, довольно звериных промыслов: лисицы, медведя, оленя». А жители самого большого острожка Каменского «пропитание имеют морскими китами и нерпою, добывают лисиц, оленей, ходят и за соболем по р. Пенжиной, а по Пенжиной рыбы много, довольно зверей сохатых и оленей, а по р. Аклану — соболей и сохатых». Коряки Косинкова острожка «питаются уйком, нерпою, ягодами».²⁵

Следовательно, повсеместно жители ловили рыбу, охотились на диких оленей, тюленей, меньше на медведей. А промыслом китов в основном занимались жители Каменского и примыкавших к нему более мелких селений. В 1778 г. «в Каменском, Ягачинском и Лыватах острожках коряки пешие упромышляли 22 кита, а как во оных же острожках и паренских нерп весною, называемых лахтаков, промышляли множество, к тому ж и рыбою было изобильно».²⁶ В 1779 г. коряки Каменского и Ягачинского острогов добыли в Пенжинской губе 25 китов, «а рыбы нимало не промыслили».²⁷ Паренцы и итканцы были в большей степени или даже в основном охотниками на тюленей.

Никаких описаний приемов охоты, практиковавшихся у этой группы коряков в XVII—XVIII вв., до нас не дошло. Они появились лишь в XIX в., хотя и не отличаются подробностями. К. Дитмар, например, писал так о морском промысле коряков в Пенжинской губе. Они имели байдары. Охотились на китов, белух, акиб, ларгу, лахтаков. «Охота на тюленей проводилась двояким образом: или подкрадываются к ним на берегу около камней и рифов и стреляют или ловят их крепкими, сплетенными из ремней сетями в устьях рек. Белух ловят также ремennыми сетями, кроме того, их бьют острогами и стреляют. Китов бьют острогами и ранят пулями».²⁸

Более интересное своими подробностями описание морского промысла обитателей берегов Пенжинской губы составил А. Дьячков. «Здесь, — писал он, — береговые коряки отправляются за промыслом в байдарках, при каждой из них «находилось несколько маленьких байдарок особой формы». «Эти маленькие промышленные байдарочки, припоровленные к ловле нерпы, тюленя, бе-

²⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10, д. 137, тетр. 3, л. 15. «Питаемся мы рыбою кетой да большими морскими китами и нерпою», — сообщали паренские коряки русским в 1709 г. (там же, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 165 об.).

²¹ Дитмар К. О коряках. . . , с. 57.

²² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 32, л. 313 об.

²³ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 25.

²⁴ Там же, с. 31.

²⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 8—11.

²⁶ Там же, д. 539, т. II, тетр. 1, л. 22 об.

²⁷ Там же, л. 30.

²⁸ Дитмар К. О коряках. . . , с. 57.

лухи и прочих. . . Коряки берут с собою несколько носков (гарпунов) и длинных ремней. Когда охотник завидит зверя на льдине или на воде, то пересаживается из большой байдары в маленькую, берет с собою орудие и ружье и, тихонько подплыв к зверю, стреляет из ружья или бросает в него носок. На заднем конце носка привязан длинный ремень, а на конце ремня — пузырь. Когда увязнет носок в животном, то его опускают с ремнем и пузырем на волю, когда раненый зверь умирает, то пузырь виден на поверхности воды и добычу достают посредством ремня».²⁹

Если К. Дитмар сообщает об охоте в осеннее время, когда тюлени входили в устья рек и выходили на лежбища, то описание А. Дьячкова касается весенней охоты коряков на море.

Подробно рассказывается о морском зверобойном промысле в разные сезоны года, характере и приемах охоты, средствах, орудиях, количестве добытых в течение 1900 г. морских животных коряками побережья Пенжинской губы в монографии В. Иохельсона.³⁰

Из всех названных описаний следует, что характер промысловых занятий коряков этой группы, по крайней мере за 50 лет XIX в., не изменился. Стало другим соотношение и экономическое значение разных отраслей промысловой деятельности коряков. Потеряла почти всякое значение охота на парнокопытных животных. По сравнению с концом XVIII в. резко сократился промысел китов. Как писал В. Иохельсон: «Этот промысел упал уже много лет назад». По его заключению, коряки не осмеливались выходить на китов в открытое море, где они еще водились. В 1900 г. они воспользовались двумя мертвыми китами, прибитыми к берегу, подраненными американскими китобоями.³¹ Поскольку сократился китобойный промысел, первостепенное значение в жизни коряков приобрело рыболовство. Иохельсон отметил, что жители селений Парень, Куэль, Иткана, Каменское «живут вообще почти на одной рыбе».³²

Основные приемы охоты на морских зверей у коряков побережья Пенжинской губы оставались без существенных изменений до коллективизации. Промысел начинался в мае, когда в связи с движением льда образовывались полыньи. В это время тюлени выходили на лед. Паренцы, крадучись, подплывали на своих каяках, реже на байдаре, к пловучей льдине или к береговому припою, где спали звери, стреляли из берданок или винчестеров. С таянием льдов звери уходили на летние лежбища в устье рек Пенжины, Таловки, в небольшие бухточки по побережью и

к о. Аппанил на р. Парени для окота. В этот период охота прекращалась и даже запрещалась. Начинался ход рыбы. В середине августа морской промысел возобновлялся и продолжался до октября.

Весенняя охота велась индивидуально, каждый охотник выезжал на своем каяке. Осенью она становилась коллективной. Работоспособные члены 2—3 семей соединялись на 1—2 байдарках, так как каждая из них требовала 7—12 гребцов, рулевого и 1—2 стрелков. Вся добыча делилась между участниками поровну, хозяин же байдары «получал еще на амортизацию байдары». Весной и осенью 1928/29 г. паренцы добыли: «лахтаков 413, акибы 75. Кроме огнестрельного оружия, они применяли ременные сети. В 1926 г. их было 26 шт. (332 кв. м.), а в 1928 г. — 32 шт. (439 кв. м.)».³³ На лежбищах зверя запрещалось бить из огнестрельного оружия. В этом несомненно выражалось желание сохранить лежбища.

Рыболовство. Ранние сведения о рыболовстве коряков этой группы указывают лишь на то, что рыба является одним из основных источников питания. Из сведений от XVIII—XIX вв. узнаем, что они, помимо лососевых (кеты), ловили уйка, сельдь, а зимой и ранней весной из-под льда — навагу. Однако основные рыбные запасы на зиму создавались из кеты. Из нее готовилось два вида продукта — юкола и так называемые кости. Юкола предназначалась для питания людей, кости — на корм собакам.

Не всегда лососевые породы рыб заходили с моря в реки Пенжинской губы. Бывали годы, когда рыбы почти не было. И население терпело серьезные лишения вплоть до голода, особенно если и морской зверобойный промысел оказывался неудачным. Еще в XVIII в. было зарегистрировано несколько случаев, когда коряки не могли создать никаких рыбных запасов на зиму. Такое положение их отмечалось в 1777, 1779 гг., когда «от реки Парени пришли коряки и объявили, что в Пенжинской губе рыбы весьма мало».³⁴ В течение лета и осени коряки кое-как преодолевали надвигающийся голод. Однако зимой 1779/80 г. население побережья Пенжинской губы переживало острый недостаток в продуктах питания. И если бы не помощь, оказанная русскими из Гижигинской крепости, последствия голода для коряков могли бы оказаться намного серьезнее. По данным Гижигинской крепости, в конце января 1780 г. «отправлено в Каменской острожек, за неимением у пеших коряк корму, добытой казенным неводом рыбы юколы 2600, костей 4800. В Паренский пеших коряк острожек отправлено . . . юколы 2400, костей 3500». В феврале «отправлено в коряцкие жилища на Иткану и Вачу . . . юколы 1300, костей 1000».³⁵ Помощь эта и позволила населению дожить до начала

²⁹ Дьячков Г. Анадырский край, с. 93—94.

³⁰ Jochelson W. The Koryak, p. I. Leiden—N. Y., 1905, с. 542—560.

³¹ Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 550.

³² Там же, с. 801.

³³ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 11—12.

³⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. II, тетр. 1, л. 29 об.

³⁵ Там же, л. 32.

нового сезона. Уже в марте в Пенжинской губе появились киты и сельдь.

Очень немного сведений о рыболовстве этих коряков в XIX в. Едва ли не самое обстоятельное описание приемов их рыболовства и средств, какими оно производилось, сообщил А. А. Прозоров: «Коряки, живут исключительно тем, что дает природа. С мая кета, ее промысляют здесь сетями сажень в 5 длины следующим образом: к одному концу тетивы привязывается камень, и этот конец вытаскивают длинным шестом в реку, а так как другой конец прикреплен на берегу, то сеть оказывается установленной под острым углом к течению реки, и, таким образом, вся рыба, идущая вдоль берега, неминуемо попадает в нее. Кета заготавливается впрок».³⁶ Этот прием добычи лососевых пород рыб считался одним из основных среди коренного населения побережий Берингова, Камчатского и Охотского морей. Им пользовались все коряки, чукчи, эскимосы, чуванцы, кэрэки.

По данным Иохельсона, коряки побережья Пенжинской губы не имели неводов. В основном рыба добывалась сетками, способом, который описан выше. Сети плелись из волокон крапивы. Каждая семья имела такую сеть. Помимо общераспространенных у всех коряков ставных сеток, вентерей, у коряков Пенжинского побережья было особое орудие — это так называемая ручная сеть — черпушка (*чолпын'а*). В профиль она была похожа на ящик с конусообразными стенками. Устроена она была так: к деревянной раме привязывалась сеть с глубоким провесом, к одной из сторон рамы прикреплялся длинный шест. Эту черпушку опускали в воду и быстро поднимали. Проходящая при этом над рамой рыба оказывалась внутри черпушки.³⁷ Другим отличительным орудием у этих коряков был сачок, которым они пользовались при ловле мелкой рыбки уйка. У В. Иохельсона он упоминается как сетчатый сачок. Описание устройства сачка (*чируч*) дал А. А. Прозоров. Он его называет обыкновенный сачок. «Глубина сетки около аршина и открытая ее сторона равна квадратному аршину. Насажены сачок на палку в 2.5—3 аршина».³⁸ Им просто черпали идущего очень густо уйка. Широко использовала эта группа коряков для добычи рыбы и марики.³⁹

Все перечисленные орудия добычи рыбы коряками побережья Пенжинской губы применялись до коллективизации, когда изменился характер орудий. «Рыбу ловят прядевыми сетками, — писал в 1928 г. Бауэрман, — и незначительное количество неводами и сачками-чалпами с конца июля и до самых холодов в сентябре как у летников, так и на р. Парени. Ловля производится

отдельными семьями. Иногда на неводах объединяется 2—3 родственных семьи».⁴⁰

Ввиду обилия рыбы (лососевых) и неразвитости орудий рыболовства занятие это носило индивидуальный, вернее семейный характер, но не общественный, как это было с некоторыми видами морского зверобойного промысла. Появление неводов положило начало объединению родственных семей на время промысла.

Зимой паренцы ловили навагу через проруби. Этот промысел продолжался до декабря.

Домашние ремесла. Коряки побережья Пенжинской губы прославились как искусные кузнецы, а их женщины как мастерицы по плетению всевозможных корзин, мешков, сумок и т. п. предметов бытового назначения. Они также были хорошо известны своим мастерством по изготовлению из оленьих шкур одежды и обуви, которые отличались не только прочностью, но умелым подбором шкур разных оттенков на кухлянках, камасов на торбасах, а также узорами упаванов, украшавших подола кухлянок. Даже в 20-х годах XX в. шитые изделия каменных коряков заметно отличались от шитых изделий других подразделений коряков. Каменца узнавали по его верхней одежде, по головному убору. Они всегда отличались каким-то своим рисунком, своими формами, добротным материалом.

Все эти виды ремесел еще не отделились от основных отраслей хозяйственных занятий. Домашние ремесла развивались в натуральном хозяйстве коряков, и поэтому в первую очередь и преимущественно обслуживали потребности их производства и их быта. Хозяйство оседлых коряков побережья Пенжинской губы еще в начале XX в. находилось на пути дальнейшего общественного разделения труда. У них ни одно ремесло еще не отделилось от основных занятий и не превратилось в самостоятельную обособленную отрасль общественного производства, а производители не стали еще ремесленниками. По существу их домашнее производство разных предметов бытового назначения нельзя еще называть ремеслом, кроме тех видов продукции, которые шли в большей своей части на рынок.

Однако не все отрасли домашнего ремесла коряков были одинаково связаны с хозяйством. Так, производство плетеных изделий из травы и волокон крапивы, сетей и других рыболовных снастей предназначалось для обслуживания своего хозяйства. И добыча сырья, и его обработка, и изготовление из него соответствующих изделий — все это делалось внутри каждого хозяйства руками его членов. Другое дело — кузнечное ремесло. Им занимались не все коряки. Корякские кузнецы изготавливали разные предметы уже преимущественно по заказам и для продажи. Но это производство целиком зависело от привозного материала — железа, которого сами они изготавливать не умели.

³⁶ Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края, с. 155.

³⁷ Jochelson W. The Koryak, p. I, рис. на с. 531.

³⁸ Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края, с. 226.

³⁹ Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 532—534.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 12.

Занимались этим ремеслом коряки лишь в свободное от главных хозяйственных занятий время. Кузнецы, так же как и другие коряки, занимались морским зверобойным промыслом и рыболовством, но они почти не охотились на пушного зверя, шкуры которых выменивали на свои железные изделия.⁴¹

Другим домашним ремесленным занятием, которое начало обсабливаться и стало обслуживать потребности рынка, было изготовление на продажу одежды, обуви, ковриков. Этим занимались главным образом женщины с. Каменское, однако опять-таки только в свободное от других хозяйственных дел время. Насколько данное домашнее ремесло было еще тесно связано с натуральным хозяйством производителей, видно из того, что все процессы производства, начиная от выделки шкур, заготовки красящих веществ, окраски шкур, их раскроя, питья, отделки и даже изготовления ниток из сухожилий оленя, — все это делалось членами одной семьи, часто одним и тем же человеком. У коряков не было никаких элементов кооперации в этих занятиях, разделения труда. Отсюда очень низкий уровень производительности труда, особенно в производстве одежды и обуви.

Плетение, шитье одежды и обуви берут свое начало в глубокой древности. Кузнечное ремесло появилось недавно, по-видимому лишь в XVIII в. Однако уже в документах XVIII в. имеются сведения о том, что коряки стволы ружей и другие металлические предметы, которые попадали к ним от русских, перековывали на наконечники для стрел и копий, делали ножи и т. п. Из этого можно сделать вывод, что с основными свойствами железа и техникой горячей его обработки они были знакомы.

Кузнечное ремесло паренцев, среди которых оно получило наибольшее распространение, стало регулярным их занятием, видимо, лишь в первой половине XIX в. Первые сведения об этом находим у Богородского: «Выделываемые паренцами ножи и копыя могут назваться щегольскими и превосходной доброты».⁴²

Более обстоятельно сообщил об этом ремесле К. Дитмар. Он писал, что «каменцы и паренцы особенно известны в этих краях своим искусством в кузнечном деле. Ножи, топоры, пилки, кольца для упряжки оленей и собак, пряжки из меди и железа. . . Ножи и копыя отличаются медною насечкой».⁴³ К этому следует добавить, что они ковали такие предметы и орудия труда, которые больше всего находили спрос среди окружающего населения. Например, тесла, заменявшие обычные топоры, перки для местных сверлильных приборов, женские ножи, игольники, украшения в виде железных и медных браслетов, колец, металлические наконечники к остолам и т. п. Многие из этих предметов созда-

вались таких форм и размеров, промышленного изготовления которых никогда не было. Кроме того, железные предметы копи-ровали привычные каменные и костяные формы предметов того же назначения, например женские ножи, тесла и др. Поэтому-то они находили очень широкий спрос и на Камчатском полуострове и на Чукотке.

Г. Майдель, посетивший с. Парень в 1869 г., дал описание техники кузнечного производства коряков и первый попытался установить истоки его происхождения. «Коряки очень успешно, — отмечал он, — промышленно здесь кузнечным ремеслом и выделывают очень хорошие вещи при помощи самого примитивного приспособления. Оно состоит из небольшого меха, лежащего на земле в яме; работник раздувает мех в то время, как хозяин, стоя в той же яме, обрабатывает железо несколькими молотками и другими самыми простыми инструментами на камне вместо наковальни. Выделываются преимущественно наконечники копий и ножи разных форм, цепи для собак. Самые искусные кузнецы находятся в Парени. Они очень долго и энергично куют клинки для ножей в полухолодном состоянии, точь-в-точь как якуты. Благодаря этой операции железо шлифуется очень хорошо, ножи получаются очень острые, почти никогда не зазубриваются и очень легко точатся. Этого достигают и якуты, но они не умеют украсить свои произведения, подобно корякам, латунью и медью. В железо врубаются вычурным узором глубокие линии, в которые вгоняются пластинки из меди и латуни, а затем вещи шлифуются».⁴⁴

Мы специально привели эту длинную выдержку, чтобы остановиться на двух моментах, а именно: на возможном решении вопроса о происхождении у коряков кузнечного дела и инкрустации металлических изделий. Как видно, и то, и другое имеет разные источники происхождения. Настойчивое сравнение Майделем кузнечных инструментов коряков с соответствующими орудиями и приемами обработки металла (в частности, при изготовлении ножей) у якутов дает некоторые основания полагать, что коряки позаимствовали кузнечное ремесло от якутов. На Охотском побережье якуты-переселенцы появились еще в XVIII в. Они-то и могли принести это искусство с собой и передать его корякам. С другой стороны, Майдель указывает, что коряки украшали узорами из латуни ножи и копыя, чего не делали якуты. Сопоставление корякских узоров с узорами на аналогичных нивхских изделиях, их общий характер заставляют предполагать, что низовья Амура были вторым источником, откуда пришло к корякам искусство инкрустации по металлу.

Вообще связь происхождения корякского кузнечного ремесла с Амуром прослеживается и в другом. В. Иохельсон заметил,

⁴¹ Дитмар К. О коряках. . . , с. 59.

⁴² Богородский. Медико-топографическое описание Гижигинской округи. — ЖМВД, 1853, ч. II, с. 112.

⁴³ Дитмар К. О коряках. . . , с. 59.

⁴⁴ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг., т. I. СПб., 1894, с. 235.

что паренские кузнецы делают желобки вдоль середины наконечников копий, что часто встречается на копьях в Приамурье. Кроме того, форма серег, сделанных корякскими кузнецами, способ их изготовления, «несомненно заимствованы коряками от амурских народностей через тунгусов Охотского побережья».⁴⁵

Развитию кузнечного ремесла коряков содействовала в дореволюционное время гижигинская администрация. Основанный в Гижиге еще в первой половине XIX в. государственный запасный магазин завозил специально для паренских коряков железо.⁴⁶

Состояние кузнечного ремесла у паренцев в начале XX в. подробно изложил В. Иохельсон. Он же опубликовал в своей работе образцы их изделий, а также описал устройство кузниц, инструменты, технику обработки железа, стали, меди и латуни, работу корякских кузнецов и т. п.⁴⁷

В начале XX в. кузнечное ремесло коряков продолжало развиваться. Если в XIX в. они работали в ямах, под открытым небом, на каменной наковальне, то в XX в. появились первые кузницы, металлические наковальни и т. п. Изменялся и социальный характер их ремесла. Они уже работали по заказам русских торговцев, которые снабжали их материалами, но в то же время часть производимых ими изделий они сами променивали олениводам. Посредническая роль главным образом русских торговцев еще не окончательно оторвала корякских кузнецов от их непосредственных связей с рынком. Вместе с тем закабаление их торговцами-посредниками уже давало себя знать. «Паренцы и куэльцы, — писал Иохельсон, — как представители труда беднее жителей Каменского, представителей торговли».⁴⁸ Очевидно, паренские кузнецы уже встали на путь превращения в ремесленников, которые работают только для рынка.

Орудия охоты и морского зверобойного промысла. Оружие. Орудия охоты на сухопутных животных у коряков побережья Пенжинского залива были такими же, как и у других коряков, и вообще они были однотипны орудиям, бытовавшим у всех народностей северо-востока Сибири, — луки, стрелы и копья.⁴⁹ Но уже в конце XVII в. «им надобны были железо, ножи и топоры и пальмы, потому что у них железо не родится». Это замечание В. Атласова характеризует существовавший тогда технический уровень их орудий охоты (и оружия), которые оснащались каменными и костяными наконечниками. В XVIII в. у них уже были не только железные ножи и наконечники стрел,⁵⁰ копий, но у некоторых появилось и огнестрельное оружие. В 1788 г.

в Каменском острожке Лессепс видел копья, луки и стрелы, а также ружья.⁵¹ Еще в середине XIX в. они пользовались луками и стрелами, которые однако вытеснялись огнестрельным оружием. Впрочем, как отметил К. Дитмар, «при охоте они пользуются сетями, луком и ружьями».⁵² Интересно замечание Дитмара о том, что коряки из китового уса «делают отличные луки».⁵³

Еще в начале XX в. у этой группы коряков находился в употреблении многообразный ассортимент ножей, имевших различное производственно-бытовое назначение. В. Иохельсон насчитал у них в обиходе 6 видов ножей.⁵⁴

Орудия морского зверобойного промысла, за исключением огнестрельного оружия, были особыми, их не использовали при охоте на суше. Это в первую очередь гарпуны, употреблявшиеся при охоте на китов, белух⁵⁵ и тюленей. На морских промыслах особенно широко применялись всевозможные ременные сети. На тюленей они ставились около устьев рек. Сетями ловили коряки не только тюленей, но и белух. «Сети для ловли морских зверей, — отмечал Дитмар, — плетутся из ремней, вырезанных из тюленьих шкур, и так искусно, что из одной большой шкуры получается около 40 сажен ремня шириною около одного дюйма».⁵⁶

По-видимому, приемы охоты на морских млекопитающих и основные орудия, которыми пользовались коряки при такого рода охоте, и к началу XX в. сохранились те же, что были в середине XIX в. Подробное описание этих орудий, их устройство, рисунки и фотографии помещены в работе В. Иохельсона.

Средства передвижения по воде. Оседлые коряки побережья Пенжинской губы были морскими охотниками и рыболовами, поэтому им были нужны надежные и разнообразные средства передвижения по воде. Для охоты и дальних передвижений по морю они имели байдары (*култэытыгыт*) и байдарки (*мато*). Для передвижений по рекам — долбленные из цельного дерева баты (*утытыгыт*).

В. Атласов дал первое описание их байдар. Он отметил, что пенжинские коряки вместо лодок используют байдары, спитые «из нерпичей кожи, в длину сажен 6, а поперек сажени 1 $\frac{1}{2}$ и в середине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичьего и жирового промысла».⁵⁷

На байдары коряков-пенжинцев обратил внимание и Лессепс, который увидел в Каменском острожке 20 байдар различной

⁴⁵ Jochelson W. The Koryak, p. I, c. 611.

⁴⁶ Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края, с. 144.

⁴⁷ Jochelson W. The Koryak, p. I, c. 619—621, 624—625.

⁴⁸ Там же, с. 618.

⁴⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 25.

⁵⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10, д. 137, л. 15.

⁵¹ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, чч. I—III. М., 1801, ч. II, с. 87.

⁵² Дитмар К. О коряках. . . , с. 57.

⁵³ Там же, с. 58.

⁵⁴ Jochelson W. The Koryak, p. I, c. 619—621, 677, рис. 34—37.

⁵⁵ Дитмар К. О коряках. . . , с. 58.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 32—33.

величины: «Я удивился их чрезвычайному пространству; многие из сих байдар могли поднимать от 25 до 30 человек». ⁵⁸

Судя по описанию и рисункам, помещенным в монографии В. Иохельсона, корякская байдар существенно отличалась по внешнему виду и конструкции от эскимосско-чукотской. Вместе с тем ряд ее деталей оказался весьма близким к байдарам алеутов. Учитывая важность сказанного для целей нашего исследования, приведем описание В. Иохельсона подробно: «Киль байдары из цельной длинной доски, загнутой к носу вроде санных полозьев; заканчивается он вилкой, через которую проходил лить гарпуна. Иногда эта вилка, на которой вырезано человеческое лицо, являющееся изображением покровителя байдары, делается из отдельного куска дерева и привязывается ремнями к загнутому переднему концу кия. На корме киль согнут под тупым или прямым углом». Этим не ограничиваются конструктивные отличия байдары. На корме и на носу она имела укрепленные полукруглые (в соответствии с профилем носа и кормы) доски, на корме такая доска служила сидением для рулевого, а на носу на ней находился гарпунщик. Кроме того, байдары этих коряков отличались своими пропорциями, отношением ширины их к длине. Так, самая большая байдар в Куэле имела 9 м длины и 2.5 м ширины, тогда как чукотская байдар — одна из больших — имела 11.5 м в длину и только 1.5 м в ширину. Причем наибольшая ширина корякской байдары приходилась не на середину, а ближе к корме. Носовая же часть у нее была немного уже кормовой, и нос немного выше кормы. На байдаре было 8—10 гребцов. Вместо уключин коряки применяли остроумное приспособление из ремней, которое, как отметил В. Иохельсон, встречается у центральных эскимосов. Весло вставлялось в две перекрещивающиеся ременные петли, привязанные к обводу борта. Чтобы весло не выскользнуло из петель, на нем делались два деревянных выступа с вырезами, в которые вкладывались петли: одна — в верхний вырез, а другая — в нижний. Весьма оригинальным было и парусное оснащение байдары, опять-таки отличающееся от чукотско-эскимосского. Парус коряков имел треугольную форму и делался из сшитых выделанных оленьих кож. Вместо мачты на борта (обводы) байдары ставились три длинных шеста, верхние концы их были связаны ремнем, продернутым через высверленные отверстия, а нижние концы двух шестов привязывались к шпангоутам байдары с одной стороны, а третий шест к шпангоуту — с другой стороны. Парус одной стороной во всю его длину пришивался к рее, которая свешивалась на крепком ремне с верха мачты-треноги. ⁵⁹

Кроме больших байдар коллективного пользования, коряки-пенжинцы имели одноместные байдарки (каяки) с люком для се-

дока. На промысел в море они отправлялись на больших байдарках, однако «при каждой большой байдаре имелось несколько байдарок». Применение их было довольно ограниченным. В них пересаживались из больших байдар лишь тогда, когда охотники замечали тюленей на льдине или на воде. ⁶⁰

По идее и основным конструктивным элементам эти байдарки коряков напоминают каяки эскимосов и алеутов. Однако по внешнему виду, мореходным качествам, оснащению они существенно отличались и от алеутских и от эскимосских. Корякский каяк (*мато*), как писал В. Иохельсон, короче западноэскимосского, круглое отверстие для седока занимало всю ширину каяка, нос и корма у него одинаковой формы. Само устройство деревянного остова также отличалось от эскимосско-алеутского. ⁶¹ Покрышка (чехол) каяка, как и байдары, делалась из кож лахтака. На каяк шло обычно две кожи. Длина каяка 2.7 м, наибольшая ширина 75 см. Для гребли коряки применяли «в некоторых селениях двухлопастное весло», а в Иткане и Парени «гребут двумя веслами с короткими рукоятками. Длина этих весел 41 см». Все необходимое вооружение охотник укладывал внутрь каяка: наконечники гарпунов, мешок с линем, метательную досочку, древко гарпуна, копьё и даже ружье. ⁶² Каяками коряки пользовались весной, когда нужно было подойти осторожно к льдине, на которой лежали тюлени. Кроме того, на таких каяках предпринималась коллективная охота на тюленей и по открытой воде. Группа охотников на каяках, вооруженная гарпунами, выходила в море. Обнаружив тюленя, его гнали и окружали. Вынырнувшего из воды тюленя загарпунивали и затем буксировали к берегу. ⁶³ Если корякам приходилось плыть вдоль берега моря или вверх по реке, они пускали по берегу собак, подпряженных к бичеве, соединенной одним концом с байдарой.

Еще в 1932 г. коряки побережья Пенжинской губы широко применяли и изготовляли как байдары, так и каяки. «Подготовка к зверобойному промыслу начинается с апреля. Ремонтируется остов байдары, попутно с устройством остова идет обработка шкур; когда шкуры обработаны, они размачиваются в горячей воде и натягиваются на остов байдары. Сперва покрывается нос остова и к прикрепленной ремнями шкуре двое мужчин примеривают следующую, ловкими и быстрыми движениями ножа обрезая неровные края шкур и плотно подгоняя их друг к другу. Скроенные шкуры сейчас же спиваются в нескольких местах двумя женщинами, а в это время к сшитым шкурам таким же образом прикраивается и прикрепляется следующая и т. д. Уже через 1—1½ часа остов байдары обтянут лахтаками. Тогда муж-

⁶⁰ Дьячков Г. Анадырский край, с. 93.

⁶¹ Подробное описание его см.: Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 539.

⁶² Там же.

⁶³ Jochelson W. The Koryak, p. II. Leiden—N. Y., 1908, с. 726.

⁵⁸ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 88.

⁵⁹ Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 534—537.

чины снимают их с остова и расстилают на снегу днищем вверх. На разостланные шкуры усаживаются 15—20 женщин и плотно сшивают их оленьими жилами. Через 5—6 часов работа окончена, шкуры сшиты и мужчины снова натягивают их на остов байдары и прикрепляют ремнями к краям остова. Затем байдару переворачивают на днище и к краям привязывают друг против друга две ременные петли — уключины. Размеры байдары приблизительно одинаковы — от 10 до 12 метров длины и от 2 до 3 метров ширины. Шкур лахтаков идет от 9 до 12 штук в зависимости от величины остова. Грузоподъемность байдары до 4,5 тонн. Кроме больших байдар, к весеннему промыслу готовят маленькие байдарки — *мато*, на которых охотники подкрадываются к спящему на льду зверю. . . Размеры мато 2—3 метра длины, и покрывается она всегда одним большим лахтаком. Наверху мато делается небольшое круглое отверстие — место для сидения охотника. К краям этого отверстия привязываются на ремнях с противоположных сторон небольшие лопатки — весла. Для охотника, едущего на мато, женщины шьют большую камлею и специальное белое покрывало, которое плотно обтягивает голову и покрывает весь корпус охотника, оставляя свободными руки». ⁶⁴

Следовательно, работы по изготовлению байдары были коллективными, с большим числом участников, особенно женщин.

Для передвижений по рекам, особенно мелководным, коряки-пенжинцы пользовались и в XX в. деревянными долблеными батами (*утытыгыт*). При перевозке запасов ююлы, имущества семьи их нередко спаривали, связывая параллельно на некотором расстоянии друг от друга. Получавшийся паром становился управляемым и устойчивым, такие паромы применялись коряками и в XVIII в. ⁶⁵ Если нужно было идти вверх по течению, то пользовались шестом. При переездах через реку и вниз по течению гребли двухлопастным веслом. Коряки-каменцы в тихую погоду выходили на своих батах в бухты на охоту за тюленями. ⁶⁶

Средства передвижения по суше. Для раннего периода знакомства русских с коряками побережья Пенжинской губы характерно отсутствие указаний на использование ими собак в упряжи. Вполне допустимо, что развитого ездового собаководства у них в XVII—начале XVIII в. еще не было. Не случайно в документах того времени этих коряков называли «пешими». В. Атласов сообщал, что они и его спутники встретили «на Пенжинне-реке в Акланском и в Каменском и в Усть-Пенжинском острожках неясных сидячих пеших коряк». ⁶⁷ Еще в 1749 г. отмечалось, что в Паренский и в Олюторский остроги «из Анадырска, как вперед, так и об-

ратно, обращаются на добрых оленях в два месяца, а у тех иноземцев оленей и собак не имеется». ⁶⁸

Уместно напомнить, что В. Иохельсон обратил внимание на то, что в корякской мифологии езда на оленях как признак богатства противопоставляется хождению пешком как признаку бедности, но не езде на собаках. Эти сведения из мифологии коряков отражают не только социальную сторону вопроса, а и историческую последовательность в использовании животных в транспортных целях. Несомненно, что езда на оленях предшествовала езде на собаках, так как появление оседлого образа жизни на побережье — явление относительно позднее. Это же подтверждает терминология, относящаяся к упряжному собаководству. Например, *уйатик* — «оленья легковая нарта», *гытгы'уйатик* — буквально «собако-оленья нарта». Совершенно очевидно, что второе название появилось позднее.

Вообще вопрос о том, было ли ездовое собаководство у народов Северо-Востока, в частности у коряков и чукчей, в XVII в. и раньше остается малоизученным. Однако археологические исследования в областях, близких к этому району, в том числе на побережье Охотского моря и на Чукотском полуострове, не дают никаких материальных свидетельств о наличии упряжного собаководства ранее конца пунукского времени, т. е. середины XVII в. Ничего не говорят о раннем развитии упряжного собаководства и археологические материалы с Американского Севера. Вопрос о времени появления упряжного собаководства довольно подробно был исследован М. Г. Левиным, который пришел к заключению, что упряжное собаководство Северной Америки еще очень молодо. ⁶⁹ К этому следует присоединить заключение С. И. Руденко относительно времени появления упряжного собаководства на Сибирском побережье Берингова моря. Близкая к современности стадия эскимосской культуры Берингова моря, пишет С. И. Руденко, начавшаяся с начала XVII в., характеризуется появлением «передвижения на собаках и вместе с ним нарт с плоскими костяными подполосками, вертлугами и блоками собачьей упряжки». ⁷⁰ Как видно, вообще лишь в XVII в. появился здесь этот комплекс принадлежностей собачьей упряжи. О находках следов упряжи собак в опубликованных археологических материалах с Охотского побережья, относящихся ко времени до XVII в., нет никаких данных. Очевидно, и сюда использование собак в упряжи пришло лишь в XVII в. Отсюда и тип упряжи, и устройство нарт. Подробно описал упряжь и устройство нарт у коряков побережья Пенжинский губы В. Иохельсон. ⁷¹

⁶⁸ Там же, с. 112.

⁶⁹ Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. — Сов. этнография, 1946, № 4, с. 89.

⁷⁰ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., 1947, с. 109.

⁷¹ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 502—524.

⁶⁴ ГАХК, ф. 683, оп. 7, д. 10, л. 75—76.

⁶⁵ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 44.

⁶⁶ Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 541.

⁶⁷ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 25.

Итак, основными видами средств передвижения по воде у коряков этой группы были байдары, каяки и баты. Именно они имели первостепенное значение в основных видах добывания средств к существованию. Что касается собак, то этот вид транспорта сравнительно недавнего происхождения. Он не был непосредственно связан с основными видами производства коряков. Судя по статистическим данным В. Йохельсона, даже в начале XX в. почти половина хозяйств коряков побережья Пенжинской губы имела от 2 до 8 ездовых собак, что свидетельствует о сравнительно слабом развитии производственного назначения ездового собаководства. «Семьи, — писал В. Йохельсон, — которые не могут делать больших запасов корма на зиму, обыкновенно держат мало собак. Почти все хозяйства, имеющие по 20 собак, т. е. по 2 упряжки, или ведут самостоятельную торговлю или служат приказчиками у русских купцов». ⁷² Собаки использовались в основном на подсобных работах в домашнем хозяйстве (подвозка дров, до- ставление с летников заготовленной там юколы, жиров и т. п.).

Поселения. Жилые и хозяйственные постройки. Вплоть до установления Советской власти у коряков побережья Пенжинской губы сохранялись архаичные формы жилищ, известные еще с XVII в. Не претерпело никаких принципиальных изменений и их расселение. К началу 20-х годов XX в. у них в основном сохранялись те же населенные пункты, которые были известны и в начале XVIII в. Основная форма их жилища — восьмиугольная в основании полуземлянка с оригинальным устройством на кровле — несомненное архитектурное достижение самих коряков.

Для исторического осмысления условий их жизни в XVII—XVIII вв. важно отметить, что жили коряки в острожках, т. е. в укрепленных дополнительных сооружениями селениях. Об этом писал Атласов, который все виденные у них селения называл острожками, об этом же говорится и в документах первой половины XVIII в. и даже позднее.

Сооружение укрепленных селений было распространено по побережью Пенжинской губы повсеместно. Нередко такое городище (селение) состояло как бы из двух частей. Собственно укрепленной части — острожка, и поселения — как бы посада. В случаях тревоги, прихода врагов все окружающее население собиралось в остроге. В документе от 1707 г. так описывается селение на р. Пенжине. «Острожек на камени на утесе земляной, а наверху ево тын стоячий к тому Пенжинскому морю близко. А в том острожке живут немирных иноземцев коряков же человек с 50, а временем набираются они от юртов в тот острожек и больше того числа, а в тое время, когда расходятся для кормов и промыслу, живут и меньше». ⁷³ Характеризуя далее расселение коряков, автор этого документа отмечает: «... по левую сторону той реки Пенжины,

на усть реки Таловки острожек. . . Косухин . . . да меж тех немирных острожков живут по юртам . . . коряки же». ⁷⁴

Таким образом, оказывается, что основным селением был острожек, вокруг которого в некотором отдалении были расположены отдельные юрты («живут по юртам»). Такой характер расселения определялся в первую очередь особенностями производственно-промысловой деятельности коряков и их социальной организацией. В каждой юрте жила патриархальная община, выступавшая производственно-хозяйственной и общественной единицей. Однако внешняя опасность заставляла эти общины объединяться, строить острожки, в которых они могли бы укрываться от противников.

Острожки были в основном укреплены земляными валами, а строились они с учетом топографических особенностей местности. Так острожек в устье р. Парени был выстроен на высоком крутом утесе, выступавшем прямо из моря, а со стороны суши он был защищен частоколом и земляным валом. ⁷⁵ Острожек Косухинский (или Косухин) «стоял не над рекою, а на камени над самым морем в отъемном месте», ⁷⁶ т. е. труднодоступном. Такого же типа был и самый большой Каменский острог. «Он заключал в себе великое число балаганов и 12 юрт, весьма пространных. На ограде, которою они были обнесены, стоят копыя, луки, стрелы, ружья, сии полисадники чаще и выше тех, которыми обгорожены камчадалские юрты». ⁷⁷

Во второй половине XVIII в. укрепления постепенно исчезают, отпадает их жизненная необходимость, однако тип жилища полуземлянка остается и, видимо, не претерпевает никаких существенных конструктивных изменений.

Из всех имеющихся описаний устройства жилища коряков побережья Пенжинской губы наиболее обстоятельными следует признать два — А. Дьячкова и В. Йохельсона. Описание А. Дьячкова не очень понятно, но чертеж, приложенный к нему дает довольно полное представление об этом типе жилища. ⁷⁸

В конце 20-х годов XX в. полуземлянки все еще оставались основным типом жилищ коряков побережья Пенжинской губы. ⁷⁹

Из хозяйственных построек у них были балаганы. Их устройство ничем принципиально не отличается от устройства балаганов у других коряков. Кроме балаганов, К. Бауэрман отметил у паренцев «укрытия для щенят и кузницы». ⁸⁰

Домашняя утварь. Одежда. Сведения XVII—XIX вв. о бытовой утвари коряков побережья Пенжинской губы почти отсутствуют. Известно только то, что в XVII—XVIII вв. они весьма

⁷² Jochelson W. The Koryak, p. I, c. 522.

⁷³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 50.

⁷⁴ Там же, л. 51 об.

⁷⁵ Jochelson W. The Koryak, p. II, c. 564.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 10.

⁷⁷ Лессеппово путешествие. . . , ч. II, c. 87.

⁷⁸ Дьячков Г. Анадырский край, Приложение.

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 6.

⁸⁰ Там же.

охотно заменили свою непрочную глиняную посуду на металлическую: медные и железные котлы для варки пищи, медные и железные сосуды для хранения воды. Ни в одном известном нам источнике даже начала XVIII в. не упоминается глиняная посуда.

Однако ряд предметов домашней утвари, бытование которых обуславливалось спецификой устройства жилища, продолжал существовать у них до недавнего времени. Пока коряки жили в полуставлянках и пользовались входом через отверстие в крыше, для доставки в жилище воды, а зимой льда и снега, у них применялись деревянные сосуды. Они делались из цельных отрезков дерева длиной в 70—80 см и диаметром около 20 см. Из дерева удалялись сердцевина и окружающая ее древесина и таким образом получался сосуд в виде полого цилиндра с дном. К нему прикреплялся с двух сторон широкий ремень, который корячка надевала на лоб, так что сосуд оказывался у нее за плечами. В такого же типа сосудах, но спитых из кожи морских млекопитающих, переносили куски жира, мяса и т. п. Для переноски ягод, собранных в тундре, корней и т. п., использовались сплетенные из травы и крапивы сумки, которые также носились за плечами при помощи широкого ремня, надевавшегося на лоб.⁸¹

Вся посуда для приготовления пищи начиная с XVIII в. у этой группы коряков была уже привозная, русская. С распространением в XIX в. среди них чая вся чайная посуда (чайники, чашки и блюда) была также русская. Из деревянных старинных предметов долго бытовали блюдца, на которые выкладывалось вареное мясо, юкола, травяные приправы и т. п. во время принятия пищи.

Перечень и описание предметов домашнего обихода этого подразделения коряков впервые дал В. Иохельсон.⁸² Почти не изменились предметы быта, например паренцев, и к 1928 г. У них все еще не было мебели, кроме столика на низких ножках. В пологе они сидели на корточках или на оленьих шкурах. Их посуда состояла из больших медных котлов для варки пищи, нескольких медных или эмалированных чайников, деревянной или жестяной бочки для воды, снега и льда, которая стояла у очага. Вода, снег, лед вносились в юрту в деревянных цилиндрической формы сосудах около аршина высотой способом, описанным выше.⁸³

Общий характер одежды, материал, из которого она шилась, как видно, не претерпели существенных изменений с конца XVII по начало XX в. «А одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи», — сообщал В. Атласов.⁸⁴ Все основные виды одежды этих коряков, как это следует и из других более поздних известий, шились из оленьих шкур и кож. В отличие от северных соседей — чукчей и эскимосов — коряки побережья Пенжинской губы не

делали себе одежды из шкур и кож тюленей. Даже дождевики они шили такие же, как и коряки-оленеводы, т. е. из особо приготовленной кожи оленя.

«Одежда, у них общая, корякская, — писал К. Дитмар, — лишь отличается несколько своим покроем и украшениями».⁸⁵ К сожалению, это интересное замечание не дополнено подробностями, которые охарактеризовали бы отличия в покрое и украшениях.

Одежда и обувь мужская, женская и детская довольно обстоятельно описаны в работе Н. В. Слюнина.⁸⁶ В ней же сообщается и об украшениях верхней одежды коряков и опубликованы образцы упаванов к кухлянкам.

В. Иохельсон подчеркивает общий для северо-востока Сибири характер одежды коряков побережья Пенжинской губы. Однако верхняя одежда пенжинцев — балахон (камлея — *кагав'лен*) отличалась от общих типов одежды коряков. Это кухлянка с капюшоном, однорядная, шитая мездровой стороной наружу, которая окрашивалась в темно-красный цвет, олений волос на внутренней стороне срезался. Кагагли надевались мужчинами зимой поверх кухлянок, предохраняя их мех от попадания на него снега.

Одежда оказалась наиболее устойчивой частью материальной культуры отдельных подразделений коряков. По одежде коряки узнавали, откуда прибыл гость. Материал, формы одежды летнего и зимнего назначения сохранялись, например, у паренцев долго. В 1928 г. одежда мужчин и женщин шилась исключительно из оленьих шкур. Белья они не носили. Мужчины надевали штаны мехом внутрь, ситцевую рубаху, а сверх нее «стакан» — двойную меховую длинную рубаху — мехом к телу и мехом наружу. Женщины вместо «стакана» носили одинарную кухлянку мехом внутрь, которая шилась с капюшоном. В дорогу зимой надевали поверх «стакана» спшитую из шкуры оленя мехом внутрь также с капюшоном, отороченным собачьим мехом, кагаглю, на нижние меховые штаны надевали вторые — или камусные, или из пыжика мехом наружу. Гладкая сторона верхней одежды отделялась пучками тоненьких ремешков, которые пришивались к кружкам из бисера.⁸⁷ Вся зимняя обувь — мужская, женская — шилась из камусов, подшивалась подошвами из шкуры лахтака.

Летняя обувь изготовлялась из дымленины, т. е. оленьих шкур, которые специально коптились над очагом, шерсть с них укорачивалась, срезалась ножами. Интересно, что паренцы не шили обуви полностью из шкур морских животных.

Головным убором служил малахай из оленьих шкур или камусов, внутри обшитый шкуркой выпоротка. Шились они из длин-

⁸¹ J o s c h e l s o n W. The Koryak, p. II, табл. XXX, XXXV.

⁸² Там же, с. 570—572.

⁸³ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 6.

⁸⁴ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 31.

⁸⁵ Д и т м а р К. О коряках. . . , с. 57.

⁸⁶ С л ю н и н Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 381—382, табл. XVIII.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 7.

ных белых и темных полос и имели оригинальный пестрый вид.

Черты общественного строя. Коряки побережья Пенжинской губы в силу исторически сложившихся обстоятельств, географической изолированности относительно слабо испытали влияние русского и иностранного капитала. На них меньше сказалась политика самодержавия, особенно в XIX—начале XX в. На территории расселения этих коряков не было ни церквей, ни школ, не жили среди них и русские. Их рыболовство и морской зверобойный промысел не были втянуты в товарно-рыночные отношения. Исключение составляли ворвань, часть шкур морских млекопитающих и ремни, вырезанные из них, которые шли, по давно сложившейся традиции, в обмен на продукты оленеводства. Лишь часть одежды из шкур оленей изготовлялась на продажу в Гижигу и другие места. Таким образом, здесь сохранялся в почти нетронутом виде натуральный характер хозяйства.

До 30-х годов нашего века у этой группы коряков бытовали архаические орудия охоты и рыболовства. Вместе с тем наблюдались элементы прошлого и в общественных формах сознания. У них больше, чем в других подразделениях оседлых коряков, наблюдалась территориальная замкнутость и сохранялись патриархальные устои в общественных отношениях и в семейном быту. В. Атласов эти отношения характеризовал так: «Начального человека они над собою не знают, а слушают, которой у них есть богатый мужик».⁸⁸ Говоря «о богатых мужиках», Атласов имел в виду несомненно старшин патриархально-семейных общин. Они были наиболее почтенными людьми, отвечали за всех членов своей общины перед пришельцами, они же руководили хозяйственной деятельностью, распоряжались имуществом общины и т. п. Поэтому и казались русским «богатыми мужиками».

Основу общественного строя этого подразделения коряков составляла патриархальная община, состоявшая из родителей и их женатых сыновей с детьми. Такая община, насчитывавшая несколько десятков человек, занимала одну полуземлянку, внутри которой каждая семья имела свое спальное помещение. Патриархальная община представляла собой производственную и общественную единицу.

Следующей ступенью социальной организации коряков побережья Пенжинской губы по восходящей линии было селение (в прошлом острожек), объединявшее, как правило, несколько родственных патриархальных общин. Селение представляло в меньшей мере также производственную и общественную единицу как бы более высокого порядка. Однако внутренняя связь патриархальных общин, составлявших селение, была менее прочной, чем спаянность членов отдельной патриархальной общины. Помимо производственных и общественных функций, которые объединяли членов

патриархальной общины, у них существовали и другие связующие начала — кровнородственные отношения, которые закреплялись связью духовной — единым культом предков — «основателей» данной общины.

Селение же в целом лишь отчасти являлось производственной и общественной единицей, в основном это было в большей мере объединение территориальное, о чем говорит полная юридическая независимость отдельных патриархальных общин. Они могли в любое время отделиться от данного селения, уйти из него, основать свое. Производственные связи членов патриархальных общин, составлявших селение, возникали лишь во время охоты на китообразных; духовные — в период отправления некоторых культов; бытовые связи проявлялись в родственных отношениях между общинами и, кроме того, их объединяла связь языковая — единый диалект или говор. У коряков побережья Пенжинской губы были три большие территориальные общины: паренцы — жители с. Парень и его ответвлений, итканцы — жители с. Иткана и близлежащей округи и, наконец, каменцы — оседлые жители р. Пенжины и поселков, расположенных как по этой реке, так и по другим рекам, впадающим в Пенжинскую губу справа и слева от устья р. Пенжины.

Каждая из этих общин-селений (итканцы, паренцы, каменцы) являлась вполне независимой этнолингвистической единицей, относительная замкнутость которой поддерживалась всем комплексом производственных, культурно-бытовых и социальных связей довольно прочно. Причем такое состояние этих общин-селений сохранялось до 30-х годов нашего века. «Это цельная, единая, самостоятельная группа»,⁸⁹ — писал К. Бауэрман в 1929 г. о паренцах. Объединяющее начало — общность территории, которая по побережью моря протянулась на 35 км и по течению всей р. Парени. Насколько замкнуты были паренцы, можно судить по таким данным. «Женского пришлого элемента в паренской группе немного, а мужчин только один из с. Микино».⁹⁰

Здесь мы имеем тот случай, когда консолидация соседних этнолингвистических подразделений только начиналась. Автономность каждого селения-общины и ее поддержание считалось нормой повседневной жизни. Следы этой этнолингвистической автономии сохранились и сейчас, например в языке.

Полнее и лучше изучена группа паренцев, главным образом в наше время в конце 20—начале 30-х годов. В этот период еще только начинало разворачиваться преобразование социально-экономических основ их жизни, быта и культуры. Поэтому сведения нашего времени во многом еще отражали состояние общественных отношений и культуры, прочно бытовавших у коряков-паренцев много ранее. Ряд весьма ценных выводов из них был сделан В. Ио-

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 12.

⁹⁰ Там же.

бельсоном. Многие его положения не потеряли своего научного значения и в настоящее время. В целом он верно подметил, что «организованных общественных единиц, объединенных верованиями или племенными отличиями, у коряков, по-видимому, не было. Социальной единицей была агнатическая семья. Впрочем, встречаются факты, как будто указывающие на зарождавшееся образование общественных групп, превосходящих пределы большой патриархальной семьи».⁹¹ И ниже Иохельсон останавливается на общинных началах, которые объединяли жителей одного селения: «В прежние времена селения приморских коряков были не только простыми территориальными группами, но союзами хозяйств, члены которых были связаны общинными правами и обязанностями. Таким образом, селение представляло собою не род, члены которого могли проследить свое происхождение от одного общего родоначальника, но являлось союзом родственных и дружеских семей с одним старшим во главе».⁹² Это важное наблюдение. Дело в том, что в каждом селении коряков побережья Пенжинской губы был человек, который считался «старшим» над всеми патриархальными общинами, входившими в состав данного селения. К. Бауэрман называет его *нымьёлгылын* — дословно это значит: *нымьёлгын* — 'место селения', *нымьёлгылын* — 'обитатель на месте селения', т. е. 'основатель', 'первый поселенец на данном месте'. Он обладал правами как бы распорядителя. Без его согласия никто не имел права поселиться здесь, а также промыслить зверя или ловить рыбу на территории, примыкавшей к селению. Звание *нымьёлгылын* было наследственным, оно переходило из поколения в поколение по мужской линии. Каждый *нымьёлгылын* обязан был поддерживать в селении культ предка — основателя данного селения. Вместе с тем каждая патриархальная община, проживавшая в определенном месте селения, в свою очередь чтит память основателя своей общины, который также назывался *нымьёлгылын*.

К. Бауэрман нашел у них 15 *нымьёлгын(ов)*, сохранявших свои личные имена, почитавшихся и имевших в его бытность реальных *нымьёлгылын(ов)*,⁹³ т. е. наследственных хранителей, распорядителей, старшин патриархальных общин, которые они возглавляли и представляли. Но интересна одна деталь. В селениях этих коряков не было общественных помещений такого типа, как кашины у эскимосов, даже в их мифах и исторических преданиях нет никаких намеков на существование общинных домов. В случаях необходимости старшины патриархальных общин собирались в юрте главного *нымьёлгылын(а)* селения, которым в Парени был старик Тутава (их духовный руководитель и шаман), а заменял его сын Читвингин.

⁹¹ Jochelson W. The Koryak, p. I, c. 762.

⁹² Там же, с. 763.

⁹³ Бауэрман К. Следы тотемистического родового устройства у паренских коряков. — Сов. Север, 1934, № 2, с. 78.

Но не у всех коряков этого подразделения оставались такими прочными патриархально-общинные связи, как у паренцев. Бауэрман отметил, что у каменцев многие *нымьёлгын(ы)* уже потеряли даже «свои названия по местности, не говоря уже о сохранении личных имен». В то же время «у итканских и микинских коряков *нымьёлгын(ы)* еще сохраняли свои личные имена».⁹⁴ В этой связи интересно сделать некоторые сопоставления. В конце XVIII в. в с. Парень было «9 юрт, семей до 50».⁹⁵ Каждая юрта — жилище одной патриархальной общины. Значит, их было тогда 9. Видимо, в результате филиации, а может быть, и приселения в начале XX в., судя по количеству *нымьёлгын(ов)*, там уже насчитывалось 15 общин, правда, числились и такие, в которых был всего один взрослый мужчина. Кроме того, Бауэрман привел 15 названий *нымьёлгын(ов)*, которые имелись на всей территории расселения паренцев, т. е. по существу разных селений. К. Бауэрман заглянул значительно глубже В. Иохельсона в сущность общественных отношений этой группы коряков: «Живут паренцы отдельными большими семьями (общинами, — И. В.), которые занимают одну юрту. Пологов в такой юрте всегда не менее 3—4, а то и больше, так как в одной юрте, как правило, живет большая семья, а подчас и две таких семьи. Во главе семьи стоял отец, а если он умер, то главой семьи становился старший в семье сын». Бауэрман подметил начатки разложения такой семейной общины. Бывали случаи, когда «большая семья», сильно разрастаясь, жила в 2—3 юртах. При этом «уже заметна некоторая самостоятельность, главным образом в хозяйстве, в заготовке рыбы, корма для собак и т. п.». Хотя имущество в «большой семье» считалось общим, однако «отец говорил: это мои собаки, это моя нарта, а это — сына». Но распорядителем всего имущества оставался еще отец».⁹⁶ Думается, что последнее могло осуществляться лишь в случаях общего согласия членов общины и уважения к опыту отца.

У коряков побережья Пенжинской губы существовал институт отработки за жену в хозяйстве будущего тестя. Отрабатывали от нескольких недель до нескольких лет. У них существовало также многоженство, однако его источником был преимущественно обычай левирата. В случаях развода дети, родившиеся в с. Парень, оставались с тем родителем, который был паренцем. Браки у них разрешались и внутри патриархальных общин между двоюродными братьями и сестрами. Однако возможно, что у паренцев, как это утверждал Бауэрман, браки между членами одной патриархальной общины («большой патриархальной семьи») не разрешались. Если это так, то данная особенность может служить еще одним признаком, отличающим паренцев от других подразделений коряков.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 8 об.

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 13.

Из сказанного выше следует, что в общественном строе оседлых коряков побережья Пенжинской губы сохранялось больше пережитков прошлого, чем в общественном строе какого-либо другого подразделения оседлых коряков.

В быту коряков побережья Пенжинской губы проявлялись черты, которые отличали их от других подразделений оседлых коряков. К сожалению, их обряды и обычаи изучены слабо. Однако имеющиеся отдельные данные представляются важными. В. Г. Богораз отметил отличительную особенность их обряда, связанного со сватовством: «У каменцев невеста приходит на ночь к жениху, закрыв лицо платком или кукулем кухлянки, и ложится с ним, но вся одежда у нее при этом плотно зашнурована».⁹⁷

Девочки-корячки выходили замуж 15—16 лет, нередко до наступления половой зрелости. После брака молодая чета оставалась жить «с родителями жениха или невесты». Если позволяла площадь, им отводилась половина юрты с отдельным пологом; если же юрта тесная, то молодым выделяли угол на нарах. Редко жених имел возможность сразу выстроить отдельную юрту.⁹⁸

Культы и верования. Известным отражением одной из форм общественного сознания коряков этого подразделения служили культы и верования. Их представления о явлениях природы, о причинно-следственных связях в природе, о связях человека с окружающей природой содержали много наивного, архаичного. И хотя основные идеи культов и верований у них были такими же, как у других подразделений коряков, однако значение, которое придавалось им в жизни, было более глубоким и широко распространенным. Внешнее проявление культов, верований, обрядности, связанной с ними, — все носило ярко выраженный и притом массовый характер.

О культах коряков побережья Пенжинской губы имеются довольно ранние сведения. Так, Ф. Х. Плениснер в 1763 г. писал, что паренские коряки «веруют киту морскому, а в жертву приносят стрелы костяные и железные».⁹⁹ Вряд ли они «веровали киту». Это было не что иное, как благодарственное жертвоприношение *аппанил* — покровителю данного селения или патриархальной общины по случаю удачного промысла кита. Подтверждение этому находим у В. Иохельсона: «Среди частей остовов раскопанных мною древних подземных жилищ коряков я нигде не нашел китовых ребер или челюстей, наоборот, кучи китовых челюстей, ребер и позвонков валялись на поверхности земли, вокруг деревянных идолов — покровителей селений — в качестве жертв этим идолам».¹⁰⁰ В данном случае В. Иохельсон идолом называет, по-видимому, *аппанил* — жертвенное место в селении, где стоял

деревянный столб, на наружном конце которого было вырезано лицо человека. Это покровитель, «защитник селения». Об этом же писалось и позднее, уже в наше время. Н. Н. Беретти, например, отмечал, что лучшие кости кита и черепа убитых медведей приносятся в жертву *аппанил*.¹⁰¹

С культами связаны верования в существование «владельцев» сухопутных и морских животных, полезных и нужных для человека, в добрые существа, покровительствующие человеку в его жизненных делах (предки — *аппанил*, *оттыкамак*), и вредоносные существа (*кала*), которые обитают под землей и наносят человеку только вред. За благодеяния человек должен приносить добрым существам жертвы, кровавые и бескровные, делиться с ними всем тем, что он добыл, так как эти существа, подобно человеку, едят и пьют. Иногда человек путем специальной жертвы откупался от домогательств вредоносных существ. Исходя из таких верований, у коряков этого подразделения были весьма широко развиты жертвоприношения, особенно кровавые. Самой уютной жертвой считали собаку. В одних случаях жертвоприношение производилось экспромтом в целях предотвращения гибели от надвигающейся опасности, например эпидемической болезни. Жертвы выполняли роль «задабривания». В других случаях предварительно давалось обещание доброжелательным к человеку существам принести жертву тогда, когда они помогут, например, благополучному исходу родов, добыть зверя или даже просто благополучно съездить куда-нибудь далеко. При этом обещались в жертву определенные собаки, зачастую самые лучшие. Этим человек как бы понуждал доброжелательные существа работать на него, интересовал их в получении хорошего вознаграждения. В этом есть элемент управления человеком благосклонными к нему существами, в прошлом тоже людьми, нуждающимися в продуктах и предметах земной жизни. Заколотая собака на земле оживала в другом мире.

Это — нерегулярные жертвоприношения, но были и регулярные, обязательные, связанные, например, с открытием летнего входа в юрте, со спуском байдары на воду. Вот как описывал их А. Дьячков: «В мае, когда открывают летний вход, коряк приносит в жертву несколько собак». Поводов для жертвоприношений было больше чем достаточно. «Если коряк убил кита, то в благодарность своему божеству, — отмечал тот же Дьячков, — он жертвует 10, а иногда и больше собак; перед выездом в дальнюю дорогу жертвует двумя или тремя собаками, придет обратно — и опять нужно поблагодарить своего бога жертвой за благополучное путешествие, женщина ли родит младенца, опять нужна жертва». Такое щедрое приношение в жертву собак, по мнению Дьяčkова, вызывало большой их расход, который далеко не возмещался есте-

⁹⁷ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 70.

⁹⁸ ГАХК, ф. 683, оп. 7, д. 10, л. 87.

⁹⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10, д. 137, тетр. 3.

¹⁰⁰ Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. СПб., 1908, с. 33.

¹⁰¹ Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929, с. 41—42.

ственным размножением, и поэтому коряк «постоянно покупает собак зимою, а летом он их убивает на жертву».¹⁰² В. Иохельсон отметил это же, в его работе опубликованы весьма выразительные фотографии, на которых изображена часть с. Каменское с жертвенными собаками на кольях вокруг жилищ.¹⁰³ Ни у одного подразделения коряков, ни у их ближайших соседей не было обычаев такого массового жертвоприношения собак, какое наблюдалось у оседлых коряков побережья Пенжинской губы.

Эти культы и верования, а также обычаи, связанные с ними, сохранялись вплоть до 30-х годов. Интересные данные с подробностями имеются в работах ряда авторов нашего времени.¹⁰⁴ Около одного из мест летнего промысла паренцев в 1928 г. «стоял их деревянный истукан Йолгэй, которому весной почти все паренцы убивали чуть ли не до 100 собак в жертву».¹⁰⁵

Были и еще некоторые культы у паренцев, которые не отмечены у других подразделений коряков. По подсчетам К. Бауэрмана, на р. Парени было «семь *аппапилай* — камней, сопок, которым они весной приносили в жертву собак, а проезжая мимо, считали своим долгом бросить в их сторону сухой травы *мынмат*, лемешины (жевательного табаку, — *И. В.*). Покидая весной зимники Гэльмо и Кальчюойто (названия частей с. Парень, расположенных по правую и по левую сторону реки, — *И. В.*), каждый паренец-домохозяин бросал на лед реки пучок той же самой травы».¹⁰⁶

Вероятно, идея названных культов и верований паренцев была той же, что и у других коряков, однако проявление и выражение их носило заметно иной характер. Весьма интересным представляется культ истукана Йолгэй, находившегося в местечке Хаимчик. Он уже не просто патриархально-общинный *аппапил*, покровитель одной патриархальной семьи (общины), а нечто большее, ему приносили жертвы все паренцы, кстати, на том месте, где они сообща охотились на китов. Общий промысел, общий культ общего покровителя и помощника в трудном и опасном занятии. Так, вероятно, следует понимать основную идею этого общинного жертвоприношения.

Видимо, те же представления существовали и у каменцев, но жертвоприношения у них носили несколько иной характер, иное оформление. Каждый хозяин считал своим долгом убить 2—3 собак, которых вешал на пестах над крышей юрты или же разбрасывал на берегу моря. С этой же целью каждый хозяин клал в юрте у очага *калак(у)* — небольшие деревянные фигурки, изо-

бражающие человека. Их клали на ольховые прутья, «чтобы легче было лежать, и украшали ремешками и корольками. Таких *калак(ов)* имел только тот, кто когда-либо спускал свою байдару в море». По словам коряков, *калак(у)*, сидя у очага, ожидают ухода байдары на промысел и возвращения ее обратно. К ним перед спуском байдары в море обращается хозяин с просьбой о помощи на охоте. Возвращаясь с удачного промысла, хозяин мажет им губы жиром и кровью убитого зверя. Такая жертва, по уверениям каменцев, обязательна. При этом они говорили: «...если убью и их не покормлю, то заболую, и совсем никогда больше ничего не добуду». Однако в случае неудачного промысла *калак(ов)* ничем не кормили, а убивали в определенное место в юрте. Перед осенним промыслом хозяин байдары снова клал *калак(ов)* к очагу с расчетом на благоприятный результат охоты.

Кроме домашних, индивидуальных *калак(ов)*, в каждом селении существовали общественные *калак(у)*, т. е. принадлежавшие всем жителям селения. Они назывались в Парени и Иткане, а также в Каменском — *оттыкамак*. Это были невысокие колья с грубо вырубленными лицами.

По мнению коряков, *оттыкамак* был очень сильным существом. Он мог радоваться при хорошей жертве и сердиться, когда его ударили. Ему приносили жертвы перед осенним и весенним промыслами на море. Каждый охотник, возвращаясь с промысла, считал своим долгом положить к его основанию или на него кусок нерпичьего жира.¹⁰⁷ Из этого описания можно сделать некоторые выводы.

В системе представлений коряков побережья Пенжинской губы *калак(у)* должны были, как и старики в семье, ждать у очага возвращения своих потомков с промысла. У карагинцев, паланцев, аляторцев, не говоря уже о коряках Охотского побережья, такого рода представления о повседневной связи «предков» с промыслом уже стерлись, они утратили для них свои функции постоянных покровителей и появлялись уже только во время благодарственных праздников и не так регулярно, как у коряков побережья Пенжинской губы. Вместе с тем в Пенжинской губе прослеживаются более определенные, строгие связи охотников с покровителями. *Калак(у)* имелись лишь у хозяев байдар, которыми всегда считались старшины (главы) патриархально-семейных общин. В их ведении находилось жертвоприношение предкам-покровителям, образ которых был воплощен в фигуре *калак(а)*. Они были хранителями *калак(ов)*, они выставляли и убивали их, они их «кормили».

Покровитель всех охотников, жителей селения, *оттыкамак* отличался удивительно жизненными человеческими переживаниями, ему были свойственны такие эмоции, как радость, раздражение. В перечисленных представлениях образ покровителя еще

¹⁰² Дьячков Г. Анадырский край, с. 62—63.

¹⁰³ Jochelson W. The Koryak, p. I, табл. VIII.

¹⁰⁴ Беретти Н. Н. Наш Крайний Северо-Восток, с. 37—42; Бауэрман К. Следы тотемистического родового устройства у паренских коряков, с. 73—78.

¹⁰⁵ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 448, л. 11.

¹⁰⁶ Там же, л. 12.

¹⁰⁷ ГАХК, ф. 683, оп. 7, д. 10, л. 77—78.

не абстрагировался от конкретной фигуры предка, имя которого он носил. Он не был ни мифическим героем, ни божеством.

Политика самодержавия. Политика самодержавия по отношению ко всем корякам была одинаковой. Однако на этническое развитие отдельных подразделений коряков политика самодержавия оказала разное влияние. Это определялось рядом причин. Например, коряки Охотского побережья, карагинцы, паланцы с конца XVII в. оказались под постоянным воздействием на них политики самодержавия еще и потому, что по территории их расселения проходили пути на Север. Другие подразделения оставались в стороне от таких путей, например апукинцы. Поэтому степень влияния и активности колониальной политики по отношению к тому или иному подразделению коряков не была одинаковой. Наиболее заметному воздействию самодержавия подвергались коряки побережья Пенжинской губы в течение XVIII в., первоначально из Анадырского острога, а затем и со стороны Охотска. Однако и в том и в другом случае они находились в большом отдалении от названных центров (600—800 км). Предпринимавшие неоднократно попытки обосноваться в непосредственной близости от названной группы коряков — на устье р. Аклана (1690, 1746 гг.) и на Пенжине (1704 г.) пресекались коряками. За это они жестоко наказывались. Например, в 1708 г. «Каменной и Косухина остроги за непокорство были разорены». ¹⁰⁸ В 1732 г. Д. Павлущий за «непокорство» «погромил коряков» Паренского острожка.

Основной формой выражения подданства был ясак. С конца XVII и до середины XVIII в. он поступал от коряков побережья Пенжинской губы неаккуратно и само обложение носило скорее номинальный характер. Как сообщалось в 1709 г., «преж сего плачивали они ясаку (это жители Каменского и Косухинского острожков, — *И. В.*) по 10 лисиц красных с острога и из-за того ясаку чинили много воровство и убийство русским людям и ясачным юкагирам». ¹⁰⁹

В 1752 г. была построена Гижигинская крепость, и коряки побережья Пенжинской губы были переданы из Анадырского острога в ведение Гижигинской крепости. С этого времени взимание с них ясака стало регулярным. Старшины («князцы») селений сами привозили ясак обычно шкурками лисиц. В конце XIX в. все коряки Гижигинской округи были обложены одинаковой суммой взноса, которая составляла 1 р. 15 к. с человека. ¹¹⁰ При этом ясак, вносимый натурой, оценивался в деньгах.

С основанием Гижигинской крепости усилилась христианизация. Уже в середине XVIII в. многие из коряков этого подразделения считались крещеными. Из Гижиги раз в год в Каменский

и другие острожки выезжал причт для отправления треб. Однако христианизация не оставила заметных следов ни в духовной жизни этих коряков, ни во внешнем ее проявлении. К ним даже не приписались русские имена и фамилии, чем обязательно сопровождалось крещение.

«Большая часть Гижигинской округи, — отмечал В. Иохельсон, — так и не поддавалась христианизации. Это явление можно отчасти приписать той твердости, с которой коряки держатся своих древних религиозных верований». ¹¹¹

Никаких форм школьного образования среди этого подразделения коряков в дореволюционное время налажено не было. «В мое время, — писал Иохельсон, — в Гижигинской округе школ не было». ¹¹² Незначительным было и влияние русской культуры вообще. Все русское население находилось в Гижиге и селениях, расположенных южнее, а среди коряков побережья Пенжинской губы их не было, если не считать эпизодически появлявшихся здесь русских и американских торговцев.

Существовавшая на протяжении более чем 200 лет обстановка изоляции, обособленности коряков побережья Пенжинской губы явилась причиной, способствовавшей сохранению здесь в наиболее чистом виде этнических, языковых и культурно-бытовых особенностей, которые оставались во многом у них до начала 30-х годов XX в.

¹⁰⁸ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II. СПб., 1885, с. 483.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 800.

¹¹¹ Там же, p. II, с. 807.

¹¹² Там же, с. 805.

Глава VII

КОРЯКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОХОТСКОГО МОРЯ

В XVII—XIX вв. на северо-западном побережье Охотского моря жили оседлые коряки. Их крайние северные поселения находились на р. Гижиге. По долинам рек, впадающих в эту часть Охотского моря, кочевали оленные коряки. Мы будем называть их коряками Охотского побережья.

Наиболее ранние сведения о них, сообщенные М. Стадухиным, относятся к 1651—1652 гг. Он прошел вдоль берега моря от Гижиги до Тауя.¹ Более подробные данные о них привел в 1658 г. служилый человек Ф. Чукичев, прошедший с р. Омолона на р. Чендон (юкагирское название р. Гижиги, которым пользовались в XVII—XVIII вв.).

По среднему течению Чендона жили оседлые коряки в двух острожках. Чукичев называет их по именам старшин, находившихся тогда во главе населения этих острожков. «Антуев острожек да Ченчюгин». Весной того же года Ф. Чукичев со своим отрядом «ходил в судах к морю . . . а поплаву до моря из Антуева острожку одне сутки». В устье р. Чендона (Гижиги) он нашел поселок оседлых коряков, в котором было 12 юрт. Осенью того же года Чукичев вторично ходил «к морю же на другую сторону» (очевидно, залива, в который впадает р. Гижига), где «погромил» коряцкий поселок, состоявший из 8 юрт.² В 1669 г. казачий десятник Иван Ермолин «был на Чендоне у моря и у Тайна Камени».³ По-видимому, на п-ове Тайгонос, который по-корякски называется *Тайн'ыно́т*. Здесь впервые говорится об оседлых коряках юго-западного побережья Тайгоноса. Таковы наиболее ранние сведения о северной границе расселения коряков Охотского побережья.

Несколько труднее установить их южную границу, а также те места на побережье, на которых они жили в XVII в. По мнению В. Иохельсона и соглашающегося с ним А. М. Золотарева, южной границей расселения коряков в XVII в. по Охотскому побережью служила Тауйская губа. Н. Н. Степанов, пользовавшийся неопу-

бликованными материалами XVII в. о населении Охотского побережья, не нашел подтверждений этим данным Иохельсона и Золотарева.⁴ Однако имеются документы, которые дают некоторые основания считать южной границей расселения коряков, по крайней мере в XVII в., р. Тауй. В 1669 г. в отписке из Охотска приказного Сосновского сообщалось о нападении на служилых людей на Тауе-реке, которые были посланы туда «для проведения коряков».⁵ Следовательно, тогда считали, что на р. Тауе живут коряки. В 1708 г. сообщалось, что «на Атаглане-реке близ Тауйского острогу жили староплатежные коряки».⁶

Эти данные как будто не оставляют сомнений в том, что южной границей расселения коряков здесь была р. Тауй. Однако в более поздних источниках упоминания о коряках около Тауйского острога исчезают, а южной границей их называют р. Яму, а чаще Сиглан (или Асиглан). Поскольку данные о южной границе коряков не очень определенны, правомерно предположить, что в XVII—начале XVIII в. она вообще была неустойчивой. Здесь шла борьба за эти места между коряками и эвенками. По всей вероятности, коряки на Тауе частично ассимилировались, частично покинули эти места, а некоторое число их могло быть уничтожено в этой неравной борьбе.

Материалы эвенского фольклора говорят о том, что в ранние времена коряки жили около берега моря вокруг п-ова Кони. Эти же предания эвенков повествуют и о том, что коряки на п-ове Кони были ими уничтожены, а места их обитания заняты.⁷

Между реками Тауем и Гижигой по побережью моря в XVII—начале XVIII в. жили только оседлые коряки, что можно проследить по соответствующим документам того времени.

В 1676 г. охотские служилые люди писали, что по рекам Оле и Яме живет много пеших коряков, а по р. Орера (по-видимому, Ояри) кочуют оленные коряки.⁸ Из сообщения сына боярского Петра Гуторова от 1712 г., который ходил «в коряцкую землю», оказывается, что оседлые коряки жили «по Иглилянцу меж Туманой (Туманской, — И. В.) и Яною реками».⁹ (Р. Яна впадает в Тауйскую губу немного севернее устья р. Тауя). Таким образом, и это известие подтверждает расселение оседлых коряков до устья р. Тауя.

В 1729 г. И. Остафьев с командой вышел на судне из Тауйского острога на Север «в коряцкую землю». В «Исигланской губе

⁴ Степанов Н. Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965, с. 134.

⁵ Колониальная политика царизма в Якутии. . . , с. 149.

⁶ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II. СПб., 1885, с. 487.

⁷ Новикова К. А. Эвенский фольклор. Магадан, 1958, с. 82—88.

⁸ ДАИ, т. V, СПб., 1853, с. 384—385.

⁹ Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 1. СПб., 1861, с. 13—14.

¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М., 1951, с. 157—158.

² ДАИ, т. IV, СПб., 1851, с. 147.

³ Колониальная политика царизма в Якутии в XVII в. Л., 1936, с. 147.

нашли староплатежных коряк». От Сиглана отряд следовал далее сухим путем, при этом Остафьев отметил следующие корякские острожки; на реках Яме, Тумане, Вилиге, Таватуме, Наяхане и Гижиге.¹⁰

Тунгусы, участники похода А. Шестакова, в 1730 г. называли ряд корякских острожков, через которые они проходили: «недошед до Туманы-реки», на Игиляне (вероятно, Вилиге), на Таватуме, на р. Тонниус, на Таватомском мысу, на р. Наяхане, на Вархаламском мысу, на Гижиге.¹¹

Пожалуй, наиболее достоверные сведения о расселении этих коряков в первой половине XVIII в. сообщал Я. Линденау, который в 1743 г. составил «Описание коряков, их нравов и обычаев». ¹² Он писал об Охотском побережье: «Урочища их расположены по рекам (начиная с юга, — И. В.) Сиглану — у залива *Янгвиночан*, где живут средние коряки, Яме, Тахтаяме, Тумане, Вилиге, Таватуме, Наяхане, Тайносиноу, Гижиге и на полуострове Тайгонос». ¹³ Линденау назвал одиннадцать пунктов, населенных коряками.

Расселению этой группы коряков уделил значительное внимание С. П. Крашенинников. Он называет меньшее количество оседлых корякских острожков, чем Я. Линденау, но сведения его важны, они дополняют Линденау. Так, он отметил: «Тайноцкий мыс . . . на сем мысу живет множество сидячих коряк, которые поныне ясаку не платят. В двух днях пешего хода от речки Ижиги (Гижиги, — И. В.) . . . небольшая речка Тойносова, над которою стоит коряцкий острожек Тойноским, по ней называемой». На р. Яме «немного пониже острога (основанного в 1739 г.) на острове имеют свои жилища ямские сидячие коряки». На берегу губы Ленгельваль «летом живут так называемые средние коряки». «Зимнее жилище средних коряков находится при губе Янгвиночун». «Недалеко от устья Асиглана (Сиглана, — И. В.) находится зимнее жилище средних коряк». Крашенинников считал, что и на речке Нукчан жили также оседлые коряки. При этом он писал, что хребет Нукчанунин, который находится в 30 км от берега моря, служил «границею между коряками и тунгусами или ламутками». ¹⁴ Не случайно Крашенинников заметил: «Тауй-река по-ламутски — Кутана-Амар». Можно предположить, что название Тауй (Тавуй) в основе своей было корякским.

Некоторые пропущенные почему-то С. П. Крашенинниковым корякские острожки называются другими авторами. Например, оседлые коряки на р. Наяхане упоминаются в 1747 г. Как писал

А. Шаховской, «из разных охотских дел, производившихся с 1742 по 1745 год», по р. Гижиге жили оседлые коряки.¹⁵

По данным Т. И. Шмалева от 1775 г., на р. Оле уже жили только тунгусы: «От Олы до р. Асиглану 114 верст, где живут коряки. . . От реки Асиглану до урочища, называемого средние коряки, — 77 верст. . . От средних коряк до реки Ямы 65 верст — живут на реке Яме коряки. . . От Ямы до реки Оппаны 125 верст. От Оппаны до реки Туманы — 20 верст, живут тут коряки. . . ». На р. Вилиге, как сообщал Шмалев в этом документе, «в прежние годы премногое число живали коряки, к которым приходили русские через Становой хребет, теперь они все разорены». ¹⁶ По его же данным, на территории, входившей в ведение Гижигинской крепости, было всего лишь три поселения оседлых коряков: «. . . над Гижигинскою и Гармандинскою губами и Туманский острог». ¹⁷

Процесс сокращения оседлых поселений коряков по Охотскому побережью подтверждается сведениями Лессепса, которые относятся к концу 80-х годов XVIII в. Лессепс отметил поселения оседлых коряков на реках Наяхане, Тумане в Среднем и Сигланском острогах. «Сигланский острог, — как особо отметил Лессепс, — есть последний острог страны корякской». ¹⁸ В 1810 г. Гагемейстер писал, что «коряки живут около Пенжинского моря до реки Ямы». ¹⁹

Оседлые коряки, обитавшие в Охотском округе и в южной части Гижигинского округа, на протяжении XVIII и первой половины XIX в. заметно сократились. Это явилось следствием нескольких причин, но одной из главных была быстрая утрата ими ряда национальных особенностей материальной и духовной культуры, а также языка. Уже в середине XIX в. И. Булычев писал, что коряки, живущие в небольшом числе, «собственно, в Охотском округе, совершенно отделились от единоплеменных им Гижигинских и прочих». ²⁰ Он называет только два острожка, в которых жили коряки: «Острожки Ямск и Тумана — суть единственные пограничные селения, занимаемые ими». ²¹ По итогам переписи 1897 г., в Охотском и Гижигинском округах (до р. Гижиги, считая с юга) оседлые коряки были зарегистрированы

¹⁵ Шаховский А. Известия о Гижигинской крепости. — Северный архив, ч. IV, СПб., 1822, с. 284, 297.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 2—3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, чч. I—III. М., 1801, ч. III, с. 10—11.

¹⁹ Гагемейстер [Ю. А.] Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810, с. 182.

²⁰ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири, ч. I. СПб., 1856, с. 83.

²¹ Там же, с. 208.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 247.

¹¹ Там же, л. 249.

¹² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6 (на нем. яз.).

¹³ Там же, л. 3.

¹⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 152—153.

в селениях Ямск, Туманское, Наяхан, один в с. Арман и 12 в г. Охотске.²²

Как уже отмечалось, кроме оседлых коряков, по восточной стороне Станового хребта, ближе к морю, кочевали оленные коряки, видимо тесно связанные в прошлом с оседлыми. Они не встречались южнее р. Сиглана. По данным 1774 г., оленные коряки кочевали по рекам Гижиге, Наяхане и Таватоме, «а в зимнее время около Гижигинской крепости».²³

Позднее оленные коряки остались только в бассейне р. Гижиги. По переписи 1897 г., кочевые коряки южнее р. Вархалаама уже не встречались. По р. Вархалааму кочевало 60 чел., а по р. Гижиге и ее притокам (Ахе, Харитоньевой) всего около 140 чел.²⁴ При этом численно эвены, появившиеся здесь, во много раз превосходили коряков. Так, на р. Гижиге жили 36 коряков и 161 эвен, а на Вархалааме — 60 коряков и 612 эвенов и т. д.²⁵ По данным местного учета 1912 г., на Вархалааме и Гижиге кочевых коряков уже не было. Здесь повсеместно обосновались эвены.²⁶

Одновременно с сокращением ареала расселения оседлых коряков на Охотском побережье шло сокращение их численности. В XVII—первой половине XVIII в. это было вызвано политикой самодержавия, которое стремилось подчинить коряков и обложить их ясаком, что нередко приводило к столкновениям с казаками, к гибели части населения.²⁷ В то же время шла борьба между коряками и эвенами. Последние упорно продвигались на побережье к устьям рек и в примыкавшие к ним районы, занимаемые ранее коряками.²⁸ Большие опустошения были также следствием эпидемических заболеваний, распространявшихся по всему северо-востоку Сибири. Со второй половины XVIII в., когда прекратились военные столкновения, усилились, стали расширяться другие процессы, способствовавшие сокращению численности коряков. Это в первую очередь постепенный, но все ускорявшийся процесс их ассимиляции эвенами, русскими, переселенцами-якутами. Утрате национальных черт этой группы коряков содействовала христианизация, насильственная русификация, весь комплекс политики самодержавия. На сокращение их численности продол-

жали влиять эпидемии, а также почти систематическое недоедание, а порой и голод.

Определенных учетных данных о количестве коряков Охотского побережья в XVII в. нет. В документе о гижигинских оседлых коряках 1658 г. называются два острожка, расположенные у устья р. Гижиги, и сообщается, что в одном было 12, а в другом 8 юрт.²⁹ Здесь речь идет о зимних юртах, которые и на Охотском побережье были коллективными жилищами нескольких семей. В каждой юрте, как считал составитель документа, проживало «человек 20 и больше». Следовательно, в этих двух острожках было около 400 коряков. А сколько их было в острожках Антуеве и Чепчугине, которые находились где-то в среднем течении р. Гижиги, неизвестно.

По сообщениям тунгуса Авли Бодынина, в 1669 г. «от Олыреки в седьмом днище неясачные коряки живут в пяти юртах и в юрте живут человек по 20 и больше».³⁰ Вероятно, здесь речь идет о Сигланском острожке коряков, которых, согласно этому документу, было около 100 чел. В 1685 г. за Олой (если идти с юга) в острожке жило около 300 коряков.³¹ Таким образом, только в четырех острожках (Сигланском, за Олой и в двух Гижигинских) проживало по меньшей мере около 800 чел. По всей видимости, расчеты Б. О. Долгих, который полагал, что от Гижиги до Тауйского залива в конце XVII в. было около 1250 оседлых коряков, близки к истине. Он же разделил оседлых коряков Охотского побережья на три группы: ямскую (450 чел.), туманскую (400) и гижигинскую (400)³² соответственно административному делению, существовавшему тогда.

В XVII, а также в течение XVIII в., численность коряков Охотского побережья заметно сократилась, особенно по Охотскому округу. К 70-м годам XVIII в. коряки, входившие в Гижигинский уезд, в целях более организованного взимания ясака были разделены на административно-территориальные роды. По сведениям гижигинского комиссара А. Богулина, в 1774 г. «1-го Чендонского рода князя Кагунвит Тэлмова в ясаке живых 43 человека. . . Второго того ж роду Макоя Милаккова в ясаке живых 38 чел.».³³ Таким образом, всего по Гижигинскому уезду было 84 оседлых ясачных коряка, а всего — не более 250 чел. К 4-й ревизии (1782 г.) их стало еще меньше. В Гармандинском роде осталось 46 чел. мужского пола и в Туманском 43. Следовательно, всего — не более 200 чел.

С 60-х по 80-е годы XVIII в. произошло заметное сокращение численности и кочевых коряков, приписанных к Ямскому ост-

²² Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. СПб., 1912, с. 900, 909.

²³ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50.

²⁴ Патканов С. Статистические данные. . . , т. III, с. 903.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 3133, оп. 1, д. 92, л. 55—59 об.

²⁷ Об этом сообщается в ряде опубликованных документов. См., например: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. — Сб. арх. материалов, Л., 1935, с. 122—133; Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935, с. 50—64; Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — Морской сборник, 1869, № 4, стр. 114, 129, 133; № 5, с. 66—68, и др.

²⁸ Новикова К. А. Эвенский фольклор, с. 17, 82—88.

²⁹ ДАИ, т. IV, СПб., 1851, с. 147.

³⁰ Степанов Н. Н. «Пешие тунгусы». . . , с. 134.

³¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 555.

³² Там же, с. 560—561.

³³ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50.

рогу. По 3-й ревизии, их было 135 чел. мужского пола, а по 4-й — уже только 77.³⁴ Такое резкое сокращение численности оленних коряков было вызвано эпидемией оспы.

Сокращение коряков по Охотскому побережью продолжалось и в последующие годы. При этом одновременно происходило заселение части Охотского побережья звенами, русскими, якутами. Уже к началу XIX в. в Охотском и в южной части Гижигинского уезда заметно изменился национальный состав оседлого населения. Мало осталось поселков с чисто корякским населением.

По сведениям И. И. Редовского, совершившего в 1806—начале 1807 г. сухопутное путешествие по Охотскому побережью от Алдомской пристани до Гижиги, население здесь по этническому составу представляло собой довольно пеструю картину. Так, в Тауйске было 117 жителей, из них 42 «казенных человека», 6 казаков, 16 пеших тунгусов, 46 якутов и 7 коряков. В Армани жили только пешие тунгусы — «5 юрт с 42 жителями». В Ямске было 112 жителей, из них 68 русских и 44 коряка. В с. Туманы в 2 юртах проживало 37 коряков, в Наяхане все население состояло из 18 коряков.³⁵ Таким образом, по этим данным Редовского, оказывается, что на Охотском побережье в 1806—1807 гг. было всего 106 коряков. Очевидно, имелись в виду жители только мужского пола. По другим данным И. И. Редовского, «по лежащему тракту от Гижиги к Охотску крещенных пеших коряк (а там все крещенные, — И. В.) . . . считалось 247 чел».³⁶

Не имея возможности проверить точность этих сведений (особенно первую цифру), следует выделить данные о коряках в Тауйске. Здесь, согласно И. И. Редовскому, снова произошло сокращение численности оседлых коряков, что, по его мнению, явилось результатом эпидемии оспы.³⁷

На сокращение численности коренного населения Охотского побережья обратили внимание и правительственные органы. В 1821 г. Комитет министров, по докладу сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского, принял специальное постановление «О умножении населения Гижигинского края».³⁸ В 1-м пункте этого постановления приводятся статистические данные: в 1816 г. «весь сей берег, исключая с. Гижигу, содержит не более 370 душ большею частью бедных коряков, рассеянных на пространстве почти 1400 верст». В 3-м пункте отмечалось: «Есть достоверные доказательства, что страны эти были некогда более населены

и не только не нуждались в пропитании, но и имели еще некоторую степень избытка, хотя в то же время почти не знали хлеба. Вместо считающихся ныне (1821 г., — И. В.) на расстоянии 738 верст между селениями Ямском и Гижигою 138 душ, было там некогда до 2500 душ, всего же с Гижигою и Ямском можно полагать до 4000 душ». Далее авторы этого документа определили «главные причины опустошения сего края». По их мнению, они заключались в следующем: «1) оспенное поветрие в 1768 году свирепствовало; 2) война с чукчами с 1747 года восемь лет продолжавшаяся и 3) повальные болезни 2 или 3 раза в сем крае бывшие, из коих последняя в 1799 году».³⁹

Комитет министров, обсуждавший этот доклад Сперанского, не включил, на наш взгляд, других, не менее «главных» причин сокращения численности коренного населения. В первую очередь следовало бы отметить такие стороны колониальной политики, которые были связаны с обложением ясаком, поборами и разными принуждениями, что вызывало в XVIII в. неоднократные выступления местного населения против колонизаторов, за которые коренное население жестоко наказывалось вплоть до истребления жителей целых поселков.⁴⁰ Нужно бы сказать также о голодовках населения, вызываемых недоходом рыбы, общим снижением жизненного уровня. Правда, вскользь об этом говорится в постановлении. Так, коряки в нем называются «бедными», а в примечании сообщается, что управляющий министерством полиции «доводил до сведения Комитета господ о произшествии, случившемся в Гижиге в 1816 году, когда 13 человек коряков от голоду померли». Здесь же указывается, что «неулов рыбы случается там иногда несколько лет сряду».

В качестве радикальных мер по заселению Гижигинского края генерал-губернатор предложил: «1) в селениях, между Ямском и Гижигою ныне существующих, сделать приселение новых поселенцев, назначив для сего первый раз до 20 семей; 2) сверх сего основать из 30 семей новое поселение на реке Вилиге между селениями Туманою и Наяханом». Эти предложения были узаконены и началось переселение в Охотский и Гижигинский округа, что привело к еще большей ассимиляции коряков.

В середине XIX в. И. Булычев нашел в Охотском округе только два селения с корякским населением, острожки Ямск и Туманы.⁴¹ Но это уже были коряки, почти совершенно утратившие свои этнические признаки. «Коряки, живущие в малом числе, собственно, в Охотском округе . . . переняли нравы и обычаи тунгусов и якутов, а более всего русских и все исповедуют

³⁴ Кабузан В. М., Троцкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. — Сов. этнография, 1966, № 3, с. 35.

³⁵ Черников А. М., Сыроватский А. Д. Экспедиция Ивана Ивановича Редовского в Якутию и к Охотскому морю (1806—1807). — Сб. науч. статей. Якутский республиканский краеведческий музей, 1966, с. 185—189.

³⁶ Архив АН СССР, ф. 37, оп. 1, д. 10, л. 81.

³⁷ Черников А. М., Сыроватский А. Д. Экспедиция Ивана Ивановича Редовского. . . , с. 188.

³⁸ ПСЗ, Собр. 1-е, т. 37, 1830, с. 647.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Летопись занятий Археографической комиссии, с. 13—14; Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области, т. I. Якутск, 1916, с. 126—129; Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 125—132; Памятники сибирской истории XVIII в., т. II, с. 487.

⁴¹ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири, ч. I, с. 208.

христианскую веру».⁴² Говоря о их культуре, он также отметил полную утрату ими былых национальных черт: «Между коряками Охотского округа не осталось ничего характеристического, принадлежащего коренным обычаям этого племени; одежда их не имеет никакого отличия от одежды оседлых обывателей здешнего края; даже собственное наречие их по случаю частых сближений с прочими инородцами употребляется между ними редко и сами они более придерживаются языкам тунгусскому, и особенно русскому».⁴³

По данным И. Булычева, в Охотском округе коряков было 211 чел., т. е. меньше, чем якутов (383) и русских (357). Жили они в с. Ямск, где были также «станищные казаки», и в с. Туманы, в котором жили «частично якуты и частично коряки».⁴⁴ В Ямске была церковь и церковно-приходская школа — учреждения, которые всеми возможными мерами и средствами осуществляли русификацию туземного населения. От Ямска до Туманов почти 300 км, естественно, что связи между ямскими и туманскими коряками носили лишь случайный характер, поэтому утрата корякских национальных черт культуры здесь шла быстрыми темпами.

Во время переписи 1897 г. «в Охотском округе коряки найдены только в двух селениях, — писал В. Иохельсон, — в Ямском и Туманском. Они крещены и подверглись обрусению, забыли свой родной язык и говорят как по-русски, так и по-тунгусски. Жители Ямска знают также якутский язык. Физически они смешались с русскими, тунгусами и якутами».⁴⁵

Согласно официальным данным переписи 1897 г., в Охотском округе жило 244 оседлых коряка, кочевых уже не было.

При этом коряки проживали в с. Ямск 182 чел., на Заимке около Ямска 22, в с. Туманы 26, один в с. Армань, один в с. Ола и 12 чел. в г. Охотске. Из 244 чел. этой группы коряков 194 говорили уже только по-русски и 50 — по-корякски.⁴⁶ В Гижигинском округе на Охотском побережье в середине XIX в. оставался только один Гармандинский род оседлых коряков. Их было 20 семей, 125 чел. Жили они в с. Наяхан (по-корякски *Эйгывал* — «западный»), которое находилось на устье одноименной реки, но официально этот род назывался Гармандинским по названию р. Гарманды (по-корякски *Лигичмана*). Эти коряки также обрусели. «Они все православные, — писал В. Иохельсон, — и некоторые из них состоят в родстве с русскими, хотя корякский язык в употреблении, однако они говорят по-корякски плохо и не все. Они также говорят на тунгусском языке, так как они часто приходят с ними в соприкосновение». В 1897 г. их было всего 42 чел., а в 1901 г. осталось 35. Кроме Наяхана, единствен-

ного корякского селения на берегу Гижигинской бухты, «до недавнего времени было еще одно селение коряков в Гижигинской бухте на устье р. Авековой, но в настоящее время там постоянных жилищ нет».⁴⁷ В 1897 г. 17 коряков были зарегистрированы в г. Гижигинске.

Сложные перипетии, в которых оказались коряки Охотского побережья с середины XVII столетия, к началу XX в. привели к сокращению их численности на $\frac{4}{5}$. Оставшаяся часть к этому времени утратила все основные черты самобытной культуры, язык — они обрусели. Лишь в собственном сознании и в сознании ближайших соседей сохранялось представление о былой их этнической принадлежности к корякам. Это сознание поддерживалось и в последующие годы. Так, по сведениям Охотского уездного начальника, в 1914 г. коряков числилось в уезде 219 чел.⁴⁸ В Гижигинском уезде на Охотском побережье южнее р. Гижиги, по данным переписи населения, в 1912 г.⁴⁹ оказалось 78 коряков.⁵⁰ В сравнении с данными В. Иохельсона здесь произошло значительное увеличение корякского населения (более чем на 100%), вероятно, это был чисто механический прирост за счет переселения из других мест. Однако это обстоятельство не изменило развивающегося процесса по существу. Обрусение коряков продолжалось.

Итак, общая тенденция ассимиляции аборигенов (коряков) пришлым населением (сначала тунгусами), наметившаяся здесь еще до прихода русских, превратилась в постоянно действующий фактор. В XVII в. появились русские, а затем якуты. Все это в конце концов привело к почти полному исчезновению на этой части побережья Охотского моря корякской культуры и языка. Однако следы их в той или иной мере отложились и закрепились в языках и культуре ныне живущего здесь местного населения, которое называет себя камчадалами.

Самоназвание и название. До нас не дошло ни одного общего самоназвания коряков Охотского побережья. Я. Линденау писал, что коряки, живущие на р. Яме и от Сиглана до Гижиги, «названия свои получили от названий рек и местностей, где они селились, разделяясь на обособленные роды».⁵¹ В другом месте он также отмечал, что коряки «сами себя именуют по названиям рек и местностей, где проживают, как например ситланские, уяндинские, ямские, туманские и т. д.».⁵² Однако и Линденау

⁴² Там же, с. 83—84.

⁴³ Там же, с. 209—210.

⁴⁴ Там же, с. 214, 217.

⁴⁵ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 19.

⁴⁶ Патканов С. Статистические данные..., т. III, с. 908—909.

⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 19.

⁴⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 346, л. 46.

⁴⁹ Сведения за 1914 г. учитывали общее число коряков, проживающих в уезде, без указания населенных пунктов, поэтому выделить интересующую нас часть коряков не представилось возможным.

⁵⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 3133, оп. 1, д. 92, л. 55 об.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 4.

⁵² Там же, л. 2.

признавался, что «настоящего названия, за исключением приведенных, мне так и не удалось выяснить».⁵³

По представлениям соседей (оленеводов), все оседлые коряки Охотского побережья к югу от р. Гижиги составили единую этническую единицу и поэтому имели общее название. «От реки Чендону, — писал Т. Шмалев, — по берегу моря до Ямского острогу коряки назывались прежде *айгывалу*, что и ныне во употреблении от чукок и оленных коряков».⁵⁴ Возможно, это название произошло от с. Наяхан — *Эйгывал* ('запад'). Следовательно, одним из значительных территориальных подразделений коряков еще в XVIII в. было подразделение *айгывалу*, т. е. западные.

Основные черты материальной культуры и хозяйственных занятий. Проследить сколько-нибудь подробно состояние материальной культуры, виды хозяйственных занятий и их развитие у коряков Охотского побережья не представляется возможным. Дело в том, что в источниках XVII—XX вв. эти стороны жизни почти не нашли отражения. Лишь случайные, попутные замечания, рассеянные в разновременных документах и в довольно ограниченном круге печатных изданий, дают в какой-то мере возможность составить обобщенную характеристику культуры, производственной деятельности этой группы коряков. Имеется лишь одно описание этой группы коряков, сделанное Я. Линденау в 40-х годах XVIII в.

Оленеводство. Сведения, сохранившиеся о коряках Охотского побережья, позволяют сделать вывод о том, что и здесь уже к середине XVII в. существовало общественное разделение труда: одна часть коряков занималась оленеводством и вела кочевой образ жизни, а другая — охотой и рыболовством и жила оседло. Между оленеводами и оседлыми, видимо, существовали не только общественные контакты, но и генетическая связь. Ни в одном источнике, имеющемся в нашем распоряжении, нет данных об отличии оленеводов от оседлых по языку. Словарные записи Я. Линденау, а также находящиеся в фонде Ф. П. Аделунга⁵⁵ относят и тех и других к корякам Охотского побережья безотносительно к роду их основных занятий.

В XVII — начале XVIII в. коряки-оленеводы кочевали вплоть до Армани, куда, правда, они приходили и с военными целями в 1684 г.

В 1676 г. охотские служилые люди сообщили, что на Ореареке находятся оленные коряки.⁵⁶ В 1708 г. приходили «близ того Тоуйского зимовья на Арасмил-реку неясачные оленные коряки

з боем, — а жилище тех коряк на реке Покате».⁵⁷ В 1729 г. около устья р. Наяхана были встречены оленные коряки «в одной юрте», а неподалеку — другая юрта.⁵⁸ На р. Гижиге отряд А. Шестакова в 1729 г. видел 6 юрт «и у тех юрт получили оленей многое число».⁵⁹

Интересно замечание Т. Шмалева о местах обитания оленных коряков по Охотскому побережью: «В летнее время кочевьем состоят при реках Гижиге, Наяхане и Таватоме, а в зимнее время около Гижигинской крепости».⁶⁰ Эти сведения относятся к 1774 г. Как видно, тогда уже юго-западнее Таватомы оленных коряков не было.

Лессепс в 1788 г. на р. Студеной по пути из Гижиги в Охотск останавливался у коряков-оленеводов: «У Симеона Умиавинова стадо состояло из восьми или девяти сот оленей».⁶¹

Морской зверобойный промысел. Одним из основных источников существования оседлых коряков Охотского побережья был промысел морских млекопитающих.

Об этих занятиях коряков то скупо, то более подробно упоминается во многих источниках. В числе объектов промысла коряков были киты и разные виды тюленей.

В 1708 г. И. Мухомлев сообщил в Охотский острог, что «коряки питаются кетою, да большими морскими китами, и нерпою, а иной рыбы никакой нет».⁶² Я. Линденау также отметил, что коряки добывали китов и тюленей. Он привел следующее деление добываемых китов: «*йун'и* — самый крупный кит, *кокл'атчан* — средний; и *пигультин* — самый мелкий. Кроме того, еще одно китообразное белуху — *дигин*». Из тюленей объектами промысла коряков были: «*акипа*» — *виттивит*, «*ларга*» — *кэлила* и «*нерпа*» — *мэмэл*».⁶³ Примерно до последней трети XIX в. в Охотском море водилось много китов. Но здесь раньше, чем в других районах Севера, появились иностранные китобои. Их число с каждым годом все увеличивалось. В 1850 г., например, в Охотском море было зарегистрировано до 250 трехмачтовых судов, промысливавших китов, поднимающих каждое до 500 т груза.⁶⁴ Китобойный промысел велся хищническим способом, что привело к почти полному уничтожению китов, особенно в прибрежных водах. Вследствие этого промысел китов местным населением сокращался из года в год, а к концу XIX в. прекратился.

«На китов коряки охотились летом в течение месяца *тучийэн* и осенью в течение месяца *лейпайэл*. Прежде чем подойти к киту,

⁵⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 153.

⁵⁸ Там же, л. 251.

⁵⁹ Там же, л. 252.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 199, д. 528, т. II, тетр. 50.

⁶¹ Лессепсово путешествие... ч. II, с. 206, 217.

⁶² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 172.

⁶³ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 27.

⁶⁴ Гагемейстер Ю. А. Хозяйственно-статистический обзор Камчатки. — ЖМВД, 1853, ч. 42, с. 243.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50.

⁵⁵ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, К-А3-1, Корякский язык.

⁵⁶ ДАИ, т. V, СПб., 1853, с. 384—385.

к бортам байдары подвязывают 8 надутых воздухом пузырей, а когда решат, что подошли достаточно близко, один из охотников, вооруженный гарпуном *йэйэву*, становится на носу и бросает гарпун в кита, остальные, гребя изо всех сил, поспешно спускают лень, к которому привязан гарпун, для того чтобы кит не утянул их за собой под воду. Утомив таким образом кита, они возвращаются с ним к берегу, где их встречают с ликованием». ⁶⁵

У коряков Охотского побережья лень гарпуна свободным концом привязывался к байдаре и пропускался через специальное вилкообразное устройство, находившееся на носу байдары. Они не привязывали к лению надутых пузырей, как это делали чукчи и эскимосы. О промысле коряками тюленей на Охотском побережье писал С. П. Крашенинников.

Т. И. Шмалев, сообщая о расселении оседлых коряков (1775 г.) Охотского побережья, как бы попутно отмечал, чем они питались: «От Олы до р. Асиглан живущие коряки питаются морскими зверями, добывают китов и нерпу, а в Асиглане имеется рыбы довольно». «От р. Опшаны до Туманы . . . живут коряки, довольно число, питаются рыбою». ⁶⁶ Вероятно, не везде на Охотском побережье морской зверобойный промысел имел одинаковое значение и развитие. Наиболее развит он был от «Олы до Асиглану», а далее на север уже большее значение имело рыболовство. Однако, начиная от западного побережья п-ова Тайгонос, по словам того же Шмалева, «тутошние жители питаются морскими китами и нерпою, коих множество в море». ⁶⁷

Впрочем, о значении охоты на китов для коряков, живших по берегам Гижигинского залива, Шмалев давал не менее определенное заключение в другом месте: «Китов в Гижигинской губе великое множество, и коряки их в байдарках легко промысляют, выбирая малых, как-то пяти и шести сажен (длиной, — И. В.), что тамошним жителям в пищу для рыбы (использовали китовый жир, — И. В.) весьма полезно». ⁶⁸

Китобойный промысел коряков имел важное значение, особенно в годы недохода рыбы, что на Охотском побережье повторялось довольно часто. Так, в 1777 г. рыба с моря почти не заходила в реки Наыхан, Гижигу и др. Запасов создать было невозможно, поэтому население, в том числе и русские, усиленно занималось китобойными и другими морскими промыслами. В 1777 г. коряки добыли трех китов. ⁶⁹ В 1778 г. коряки сами промыслили двух китов и совместно с русскими еще трех. ⁷⁰ В 1779 г. коряки и русские «упромыслили 1 кита и коряки от-

дельно двух. ⁷¹ 1780 г. был более удачным. Коряки добыли шесть китов самостоятельно и двух совместно с русскими. ⁷² Самый удачный год из четырех дал всего лишь восемь китов.

Эти общие замечания Шмалева о месте и значении морского зверобойного промысла и рыболовства для разных мест обитания оседлых коряков по побережью Охотского моря подтверждаются и наблюдениями И. И. Редовского. Он писал, что коряки с. Ямск «питаются рыбой и морскими животными (тюленями)». ⁷³ Наыханские коряки «занимаются рыбной ловлей, ловом тюленей и охотой на китов, что, однако, удавалось им не каждый год». Следовательно, промысел китов у этой группы коряков был развит слабо и носил довольно случайный характер. Главные средства к жизни они находили не в китовом промысле.

И. И. Редовский дал описание охоты на кита. В своем дневнике он записал, что «при охоте на кита коряки пользуются прикрепленным к длинному ремню гарпуном. На байдарках, обтянутых тюленьей кожей, они отваживаются выходить по 6—8 чел. в море. Они охотятся на небольших китов, окончательно их добывают каменными копьями (копьями с каменными наконечниками — И. В.). Кита гребут к берегу и разделяют его там для употребления. Коряки очень довольны, если они в году убьют хоть одного кита, которого вполне хватает для всех жителей станции (почтовой, — И. В.) и еще остается достаточно для обмена с тунгусами». ⁷⁴ Как следует из этого описания, промысел морских млекопитающих (от р. Сиглана до р. Гижиги) был развит относительно слабо.

Об охоте этой группы коряков на китов в 50-х годах XIX в. писал охотский окружной врач Богородский. ⁷⁵ В его сообщении интересно указание на коллективный характер этого промысла, в котором одновременно участвовало несколько байдар. Богородский отметил также, что единственным орудием промысла служил гарпун.

Сухопутная охота и другие промыслы. Охота на копытных и пушных зверей у коряков Охотского побережья была развита слабо. В начале XVIII в., когда туземное население систематически принуждалось к пушному промыслу, эта отрасль хозяйственных занятий коряков так и не получила большого развития. И. Мухомлев в 1708 г. писал, что на Охотском побережье «лисиц красных, и росомах, и волков есть немалое число, только коряки промыслять не умеют, а соболей на тех реках нет». ⁷⁶ И все же

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6.

⁶⁶ Там же, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 2—3.

⁶⁷ Там же, л. 8.

⁶⁸ Там же, д. 528, т. II, тетр. 7, л. 14 об.

⁶⁹ Там же, д. 539, т. II, тетр. 1, л. 6.

⁷⁰ Там же, л. 16, 17, 19, 22.

⁷¹ Там же, д. 16, л. 28—30.

⁷² Там же, л. 34.

⁷³ Черников А. М., Сыроватский А. Д. Экспедиция Ивана Ивановича Редовского. . . , с. 187.

⁷⁴ Там же, с. 190.

⁷⁵ Богородский И. Медико-топографическое описание Гижигинской округи. — ЖМВД, 1853, ч. II, с. 69.

⁷⁶ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 172.

коряки в какой-то мере занимались пушным промыслом, так как в сведениях о поступлении ясака с них называются лисицы, горностаи и даже есть упоминание о соболях. В том же 1708 г. сын боярский Д. Барановский привез «збору своего коряцкие земли с тобонских (туманских, — И. В.) мужиков ясаку: 4 лисицы сиводушчатых да 24 лисицы красных». ⁷⁷ В 1729 г. ставомских и гижигинских коряков, а также с коряков острожка Тоннюсь (он находился между Наяханом и Гижигой) был собран ясак лисицами, горностаями и кухлянками. ⁷⁸

В 1731 г. по окладным ясачным книгам с ямских коряков было получено «12 соболей и 19 лисиц красных». ⁷⁹ Скорее всего соболи были приобретены коряками у эвенов. Об обмене между коряками и эвенами, который существовал на Охотском побережье в XVII—XVIII вв., имеются указания в ряде документов того времени. ⁸⁰

Я. Линденау, отмечая, что коряки охотятся на медведей, волков, горных баранов, лисиц, зайцев, росомых, в то же время заметил, что «об их охоте в зимнее время можно сказать немного. Охотятся они лишь постольку, чтобы хватило на уплату ясака, так как казна принимает в счет уплаты не только лисьи шкуры, но и китовый ус, а также *мауты* (арканы, — И. В.)». ⁸¹

Таким образом, и Линденау подтверждает слабое развитие у коряков этой группы пушной охоты. Сам по себе факт приема в уплату ясака продуктов морского зверобойного промысла (китовый ус) и их переработки (арканы) свидетельствует, что пушной промысел не обеспечивал даже взноса ясака.

Не очень развита была здесь и охота на парнокопытных. Охотились в основном на горных баранов. «Ловят они горных баранов сетями, — писал Линденау, — или настараживают петли». ⁸²

Кроме Лессепса, ни у одного автора ни в одном известном нам документе нет указаний на промысел диких оленей. Да и Лессепс упоминает об этом как-то вскользь, не вдаваясь в подробности. На р. Студеной он остановился у коряка-оленевода. Здесь, как он писал, «добывались дикие олени». ⁸³

Орудия охоты и морского зверобойного промысла. В середине XVII в., когда происходило освоение русскими Охотского побережья, в одном из документов того времени сообщалось, что

по р. Оле «живут коряки, а бой у них лучной и бросают-де из ремня каменем, а стрелы-де у них деланы из кости моржового зуба». ⁸⁴ Известно, что орудия сухопутной охоты применялись и как оружие. У коряков это были луки со стрелами, копы и пращи.

Уже в начале XVIII в. коряки Охотского побережья переживали период перехода от камня и кости к железу. В их обиходе появилось огнестрельное оружие. Они также знали многие свойства пороха, особенности стрельбы (из кремневых ружей) при ветре, в сырую погоду и т. п. ⁸⁵ Огнестрельное оружие было, однако, далеко не у всех коряков, особенно мало его было у живущих на севере. ⁸⁶ Еще хуже обстояло дело с боеприпасами. Поэтому наряду с огнестрельным оружием коряки повсеместно пользовались луками и стрелами. В 1730 г. ямские коряки имели и огнестрельное оружие и луки со стрелами с железными наконечниками, которые они ковали сами. В 1729 г. недалеко от Вархалаамской губы разбилась русская бригантина «Михаил». Коряки сняли с нее железо, «якорь изломали и куют стрелы», — сообщалось в донесении Якутскому воеводе. ⁸⁷ «Лук — *агитт*, — писал Линденау, — делается наполовину из лиственничного дерева, наполовину из березового. Сначала берут лиственничное дерево и высушивают его, потом обрезают по мерке, каким луку полагается быть, и, разогрев над огнем, придают должный изгиб. Вторую половину заготавливают точно так же из березы и наклеивают на первую. Потом весь лук обтягивают березовой корой, а чтобы он был еще прочнее и не ломался, обматывают его тонкими нитками, сделанными из китовых кишек, и на концах их заплетают. Такой лук имеет в длину одну сажень». ⁸⁸

Склеивались отдельные части лука при помощи специально приготовленного клея. «Клей — *эн'гээн'*, — как отметил Линденау, — они приготавливают, как и ламуты, из рыбьих кож, разница только та, что ламуты варят его в бересте, а коряки — в рыбьей коже». ⁸⁹

Как следует из данного описания, коряцкий лук был сложным и в целом того же самого северо-восточного типа, который был характерен и для чукчей. «Тетива у лука — *вайачват*, — замечает Линденау, — представляет собой тонкий ремешок, вырезанный из тюленьей шкуры; прежде чем натянуть на лук, этот ремешок размачивают до мягкости в воде, а затем изо всех

⁷⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири. . . , с. 556.

⁷⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 249, 250, 253.

⁷⁹ Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области, т. I, с. 127.

⁸⁰ ДАИ, т. V, СПб., 1853, № 73; Степанов Н. Н. Межплеменный обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в. — Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, вып. 5, 1939, № 48, с. 65—66, 75.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 39.

⁸² Там же, л. 66.

⁸³ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 217.

⁸⁴ ДАИ, т. V, СПб., 1853, с. 384. Вызывает сомнение утверждение, будто наконечники стрел у коряков были из «моржового зуба».

⁸⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 155, 156.

⁸⁶ Там же, л. 133.

⁸⁷ Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области, т. I, с. 129.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 36.

⁸⁹ Там же, л. 37.

сил крутят и вытягивают и дают так высохнуть, чтобы тетива при натягивании лука не ослабевала». ⁹⁰

Вслед за описанием лука Линденау дал довольно подробное описание стрел: «Стрелы у них такие: костянки — *йун'йуттхам* с наконечниками из китовой или другой кости, такие же, как *дерран* у ламутов. Вилообразные, или *ориски* (?), *гиккиема* — с железными наконечниками. Ромбовидные — *поимак*, с жалцем. Есть еще другие, называемые *каваликмак* . . . Чехол для лука, или туб, — *гаддйетчан* такой же, как у ламутов». ⁹¹ Древко стрел коряки делали из березы, «но несколько короче, чем у ламутов, потолще» и оперяли их орлиными перьями. ⁹²

Охотники на морских зверей имели для данного вида промысла специальные орудия. Тот же Я. Линденау отметил у них наличие нескольких видов гарпунов. Одни, более массивные, использовались при охоте на китов, другие — меньших размеров и другого устройства — для охоты на тюленей.

«Гарпуны *аутакла*, — писал Я. Линденау, — каменные, с древком из ольхи; они имеют в длину одну сажень и ими бьют китов. Из камня сделаны еще так называемые носки *ееву*, всажённые в кость в один вершок длиною и закреплённые смолою. Эта кость привязана ремнем к палочке *тнатэ*; сзади имеется ремённая петля *гигилн*, в нее пропущен и закреплён лям *омиллаган'*. Палочку *тнатэ* вставляют в древко *ингана* длиною полторы сажени». ⁹³

Из этого не очень ясного описания можно все же сделать заключение, что Линденау видел гарпун с отделяющимся наконечником, который крепился к древку через колок («кость привязана ремнем к палочке»). Вместо прорези для лям, которая имела у поворотных гарпунов эскимосов и чукчей, у корякского гарпуна была ремённая петля, к которой и крепился лям. Обращает внимание то, что у корякского китового гарпуна не было шпоры. ⁹⁴ Несомненно данный вид корякского гарпуна примитивнее, чем эскимосские и чукотские поворотные гарпуны со шпорами, а быть может, и более древний.

Гарпун для охоты на тюленей был принципиально другого устройства. «Другая разновидность носков, — сообщал Линденау, — для охоты на тюленей называется *гиги*; здесь кость снабжена бородкой (закрючиной) и острым железным наконечником; такие же имеются и у ламутов». ⁹⁵ У этого гарпуна уже было железное копьёцо, вставлявшееся в передний конец костяного

основания наконечника, который в свою очередь имел бородку. Этот гарпун также не был поворотным.

О гарпунах для охоты на китов писал в своем дневнике и И. И. Редовский. Для этой охоты «они (коряки, — И. В.) пользуются прикрепленным к длинному ремню гарпуном». ⁹⁶

Помимо активных способов охоты на китов и тюленей, коряки практиковали и пассивные, т. е. при помощи специальных сетей. Об этом сообщается в ряде документов середины XVIII в. Так, в 1753 г. около Вархалаамского мыса у коряков были «невода китовые» и «нерпичьи сети ради промыслу, весьма многое число». ⁹⁷

Такая специализация орудий охоты, довольно разнообразный по назначению их ассортимент свидетельствуют о важности морского зверобойного промысла для данной группы коряков.

В первой половине XVIII в. у коряков Охотского побережья еще были в употреблении некоторые виды каменных орудий, хотя они уже и вытеснялись железными. Линденау видел у них «ножи двух видов: каменные *овала*, или *оала*, и железные, ставшие известными лишь недавно от русских, называются они *меллегов'ал*, или *меллегуал*», т. е. русские ножи. Наряду с каменными ножами были в употреблении и «каменные топоры, *платан*, или *палтан*, из черного точильного камня, остро отточенные и всажённые в деревянную рукоятку; русские называют их секирой. Другая разновидность топоров — *гаттхэ*, раньше тоже были каменные, теперь завелись железные, которые называют *ае-ел*, или *а-ал*». ⁹⁸

Если правильно записано Линденау название каменного топора «*платан*, или *палтан*», можно допустить, что такие топоры были только у местных коряков. Ни в одном диалекте корякского языка топор так не называется. Кроме того, судя по имеющимся данным, другие коряки обходились *гаттэ* — «каменным теслом». Им они производили все работы по дереву. С появлением железа каменные тесла были заменены железными, но принцип их устройства и работы сохранился: рукоятка привязывалась перпендикулярно к плоской стороне обуха тесла. ⁹⁹

Рыболовство. Для оседлых обитателей Охотского побережья рыболовство имело важное значение. Рыболовный сезон продолжался с июня по октябрь. Сюда, как и в реки Камчатского полуострова, заходили с моря для нереста кета, горбуша, нерка; весной к берегам подходили уёк, сельдь. В реках водились хариусы, налимы, гольцы (мальма), кунжа, в озерах — щуки.

⁹⁰ Там же, л. 36.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, л. 39.

⁹⁴ J o s h e l s o n W. The Koryak, p. II. Leiden—N. Y., 1908, с. 551 (рисунок гарпуна на кита).

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 39.

⁹⁶ Черников А. М., Сыроватский А. Д. Экспедиция Ивана Ивановича Редовского. . . , с. 190.

⁹⁷ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 126—127.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 23.

⁹⁹ J o s h e l s o n W. The Koryak, p. II, с. 619 (на с. 569—каменный топор).

Основными видами заготовки рыбы впрок была юкола. Помимо этого, местные коряки изготавливали довольно много рыбьей муки — порсы, чего не делали коряки других подразделений. Очевидно, они сами заимствовали способы приготовления рыбьей муки у эвенов. Основными орудиями добычи рыбы были сети, сплетенные либо из крапивных ниток, либо из ниток, сделанных из кишок кита. «Рыболовные сети — *иниги*, также *гигинни*, — писал Линденау, — изготавливаются из волокон крапивы, называемых китовые кишки, по-корякски — *гиватчи*, тоже сушат, расщепляют и потом скручивают в нитки». ¹⁰⁰

Для добычи речной рыбы осенью перегораживали реки заездами. В озерах ловили рыбу ставными сетями и, кроме того, «крюками щук и налимов добывали».

К середине XIX в. оседлые коряки уже ловили рыбу не только сетками, но и неводами. При этом, как отметил Богородский, помимо крапивных ниток, они уже пользовались и готовым прядевом. «Кету, — писал он, — промышленяют . . . неводами и сетками, сделанными из прядева, крапивы или тонких ремешков». ¹⁰¹

Рыболовство на Охотском побережье не всегда было надежным источником существования. Как мы уже отмечали, почти периодически рыба с моря не заходила в реки. Так в 1777 г. в реки, впадающие в Гижигинский залив, рыба с моря не зашла и население не смогло создать запасов. Уже 22 августа «невода зачали убирать в амбары», так как ловить было нечего, и только «для малого числа мальмы, харьюзов, налимов и щук ставили заески». ¹⁰² В середине сентября у коряков из с. Наяхан «в промысле рыбы ничего не было, почему они с того места съехали в Тайночик». Выручили от неминуемого голода и коряков и русских обитателей крепости коряки-оленьеводы, снабжавшие население оленьим мясом. Однако следующий 1778 г. оказался весьма благоприятным. «Рыбных кормов, как-то: сухой юколы и свежей рыбы так довольно запасались, что в прежние годы никогда такого довольства не бывало, да у коряков тех кормов изобильно ж запасено». ¹⁰³

Известно также, что в 1815—1818 гг. население переживало жестокий голод, который явился результатом «невхода морской рыбы в реки». ¹⁰⁴

Средства передвижения. Коряки Охотского побережья имели и сухопутные и водные средства передвижения. Сухопутными средствами передвижения корякам-кочевникам служили олени, которых они запрягали в нарты и использовали только по зимнему (санному) пути, а для оседлых коряков — собаки, запря-

гавшиеся также в нарты. «В настоящее время, — писал Линденау, — зимой ездят на собаках, заимствовав этот способ передвижения лет 50 тому назад у ламутов (значит, в конце XVII в., — *И. В.*). В ту пору они (коряки, — *И. В.*) выменивали собак у ламутов, и цена на них стояла 3—4 лисьих шкуры. В старину они везли свои сани сами или же впрягали в них оленей». ¹⁰⁵

По имеющимся ныне историко-этнографическим и археологическим данным, коряки были более древними обитателями Охотского побережья, нежели эвены. И хотя последние появились задолго до прихода русских, здесь они застали часть коряков как оседлых обитателей берега моря. В связи с этим трудно согласиться с утверждением Я. Линденау, будто коряки позаимствовали у эвенов езду на собаках. Вряд ли таежные охотники, какими были эвены, могли передвигаться по тайге на собаках.

Замечание Линденау о том, что в старину коряки везли свои сани сами или впрягали в них оленей, вполне согласуется с представлением, что до перехода на оседлость предки оседлых коряков вели бродячий образ жизни, при котором пользоваться ездовыми собаками вряд ли было возможно. Не исключено, что предки оседлых коряков Охотского побережья имели ездовых оленей или даже были оленеводами, но впоследствии лишились их. Нарты, которыми пользовались еще некоторые оседлые коряки, были весьма похожи на легковые олени нарты. «Сани, бывшие у них в те времена, — писал Линденау, — они называют *гигиути*; состоят эти сани из семи березовых копыльев, изогнутых наподобие камчадалских, но потоньше, и все прикреплены к полозьям наклонно; позади имеется сиденье, или корзинка, полозья широкие, толстые и спереди сильно выгнуты вверх. Такие сани и посейчас еще имеются у оленных коряков и чукчей». ¹⁰⁶

Вместе с тем Линденау оставил краткое описание нарт, в которые коряки впрягали собак: «Нарты они называют *самали*. Корякские нарты похожи на ламутские торки, но короче, баран они называют *лаутанкон*», копыль — *пайап*, вардину — *гичи-волчин*, кинеры — *побайчин*», виски — *инуутчиев'эткиллич*, попят — *атаилган* и алык — *тайэйик*. В такую нарту запрягают трех, а то и четырех собак и кладут на нее, считая и корм для собак, не более трех пудов; при нарте полагается лыжник, помогающий собакам тянуть кладь». ¹⁰⁷ Судя по названиям частей этих нарт, они были восточносибирского типа, принесенные сюда уже русскими. Кроме того, из сообщения Линденау можно сделать вывод, что езда на собаках в середине XVIII в. не была еще развита: запрягали всего 3—4 собаки, а человек не сидел на нарте, а шел рядом с ней. Свое описание Линденау дополняет

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 32.

¹⁰¹ Богородский И. Медико-топографические описания Гижигинской округи, с. 71.

¹⁰² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. II, тетр. 1, л. 6—15.

¹⁰³ Там же, л. 22 об.

¹⁰⁴ Шаховский А. Известия о Гижигинской крепости, с. 291.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 811, т. II, тетр. 6, л. 34.

¹⁰⁶ Там же, л. 34—35.

¹⁰⁷ Там же, л. 35.

одной интересной деталью — заботой коряков о собаках: «Рядом с амбарами собачьи землянки, не хуже собственного жилья; передняя часть выведена из жердей; за нею — яма, накрытая жердями и землей. Эти собачьи землянки называются *аттай-йан'*». ¹⁰⁸

Позднее, в XIX в., использование собак оседлыми коряками на Охотском побережье приняло общие северо-восточные формы. Они уже запрягали для перевозки пассажиров и почты по 8—12 собак.

Основным средством передвижения по морю служили байдары. Они были двух типов. Одни делались целиком из дерева (такими байдарками пользовались преимущественно южные коряки), другие имели только остов деревянный, который обтягивался шкурой морских животных. Байдары второго типа в свою очередь были двух видов — большие и маленькие.

Упоминание об использовании коряками байдар встречается в большом количестве документов, особенно XVIII в. ¹⁰⁹ «У коряков два сорта лодок, — писал Линденау, — байдары — *аттаваат* и *ивлеч-мэту*. Первые делаются из тополя, а у вторых — обтяжка из тюленьих шкур; у некоторых и байдары бывают кожаные, только внутренний остов деревянный. Целиком деревянные байдары состоят из трех частей: передней, средней и задней; все эти части крепко спиты китовым усом, снизу приделан киль — *китчак*, который заходит немногим дальше половины длины байдары. Передняя, носовая часть, заострена, на ней имеется доска — *тчивазин* в одну сажень длины и поларшина ширины, с нее они прыгают на берег. С этой же доски свисают два конца вроде тех, что у оленных тунгусов спускаются сзади у верхней пубы, они называются *вилуан-гат*. Дальше идут беседы — *вакалгал'о*, места для сидения, к которым прикреплены и весла. Весла длиной в полторы сажени, полулопастные, в байдаре их полагается десять: два сзади, на корме, которыми управляется один гребец, а восемь по обеим сторонам, при каждом стоит один человек, лицом к носу; во время гребли они толкают весла от себя. Весло называется *тэвэл*. Справа от носа приделан деревянный крюк — *овалга*, поверх которого они, охотясь на кита, спускают лить с привязанным к нему гарпуном.

Наряду с байдарой они тянут за собой *ивлеч-мэту* — челнок, обтянутый тюленьей кожей, в каких плавают лопари. Челнок этот имеет в длину одну сажень, а в ширину один аршин с четвертью, при нем два маленьких весла *ассинан* в один аршин длиной, привязанные ремнями; пользуются этими челноками при охоте на тюленей. Имеется на них и еще одно весло — *тэв'энан'*

¹⁰⁸ Там же, л. 22.

¹⁰⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 34, л. 153 (1709 г.); л. 157 (1710 г.); л. 139 (1711 г.); Колониальная политика царизма на Камчатке... с. 126, и др.

вроде того, каким пользуются ламуты для своих *йолет-ч'ей*. ¹¹⁰

В этом описании обращает на себя внимание ряд деталей устройства байдары. Прежде всего то, что байдары были целиком деревянными. Это же подтверждает и С. П. Крашенинников, который отметил, что «по р. Нукчан (к северу от Сиглана, — И. В.) растет весьма толстой топольник, из которого тамошние коряки байдары свои делают». ¹¹¹ Отличительными особенностями такой байдары были прикрепленная к ее носу и выдвинутая далеко вперед доска в виде бушприта и два кормовых весла (справа и слева). Свообразным надо считать и то, что гребцы, стоя лицом к носу, гребли, «толкая весла от себя». Названия байдары — *аттаваат* и байдарки — *мэту* имеют общекорякские корни в своей основе.

Несмотря на почти полное обрусение, коряки с. Ямск сохранили некоторые связи с традиционными формами производства и материальной культуры еще в конце XIX в. «Ямские байдары, — писал Н. В. Слюнин, — славятся и поднимают груз 60—100 пудов». ¹¹² Кроме байдар и байдарок, на реках пользовались долбленками-батами, на которых в тихую погоду выходили и в море.

Выше упоминалось о том, что каюр собачьей упряжки шел на лыжах. Линденау отмечает, что лыжи коряков были двух видов: *тигат* — похожие на ламутские биринга, только покороче, и *в'алев'ыйэг* — буслики, ¹¹³ длиной в $\frac{5}{4}$ аршина и в $\frac{1}{4}$ аршина ширины, из березового дерева, в середине они выдолблены, а спереди заплетены крестообразно узкими ремешками; в середине же на них имеются две короткие деревянные поперечины, к которым прикреплены юкцы ¹¹⁴ — *тигиллин'ат*; под поперечинами — два костяных гвоздя. На таких *в'алев'ыйэг* они взбираются на высокие горы. ¹¹⁵

Подсобные занятия. По мере укрепления и развития связей коряков Охотского побережья с их новыми соседями они все больше и больше перенимали те хозяйственные навыки, которые принесли с собой русские и якуты. Очевидным такое влияние стало лишь в XIX в. Так коряки с. Ямск успешно занимались скотоводством и огородничеством. ¹¹⁶ Однако в более раннее время их хозяйственные занятия сохраняли черты прошлого. Некоторые из них были описаны Линденау. Шкуры горных баранов и тюленей, из которых местные коряки шили одежду и обувь, обраба-

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 37—38.

¹¹¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949, с. 154.

¹¹² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I, с. 444.

¹¹³ Буслики — ступательные лыжи.

¹¹⁴ Юкцы — ременные крепления для ноги.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 35.

¹¹⁶ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири, т. I, с. 209.

тывали следующим образом: «Сырые шкуры — *нэллага* распяливают и дают им высохнуть. Когда шкуры просохнут, их смачивают водой настолько, чтобы они отмякли, потом берут олений помет — *койен-але-ал* и натирают им внутреннюю, мездровую сторону шкуры, после чего ее закатывают и оставляют так на сутки. На следующий день шкуры разворачивают и прокатывают специально для этого приспособленным катком-палкой со вделанным в середину ее острым круглым камнем (скребком для выделки шкур, — *И. В.*). Называется этот каток *иннэннэв'иннан'*. После этого берут березовый нарост, по-ламутски — *илла*, а по-корякски — *кэсиков'*, кедровую хвою и толкут с водой, полученной кашеобразной смесью намазывают шкуры и опять оставляют на сутки. Опять прокатывают тем же катком, пока от катания они не просохнут. Сушеную рыбью икру толкут с водой — полученная масса называется *налган*: этим *налганом* обмазывают обработанные шкуры и дают полежать еще сутки. После этого прокатывают в последний раз досуха, а потом трут и мнут в руках, топчут ногами, растягивают, пока они не станут совсем мягкими. На этом выделка шкур заканчивается».¹¹⁷

Линденау сообщает, что выделанные таким образом шкуры коряки иногда красили. Для этого они «берут ольховую кору *тчеван*, кладут ее в мочу и дают постоять несколько дней в теплом месте, пока не закиснет; после этого краска считается готовой, ею покрывают шкуры, следя за тем, чтобы они хорошенько пропитались краской, потом дают высохнуть, а под конец сильно трут и разминают руками, растягивают, добиваясь, чтобы они стали опять такими же, как до окраски. Из таких шкур шьют парки, кухлянки; камлейки у оленных коряков не красят, а смачивают мочей и копят, после чего они меньше пропускают воду, чем крашенные».¹¹⁸

Значительное место в повседневном быту занимали предметы, сделанные из местных растительных материалов: крапивы и травы *мичив'эй*. Коряки Охотского побережья достигли в этом деле большого совершенства, о чем свидетельствует разнообразие изготовлявшихся предметов, а также умение делать из травы сосуды для питья. Изготовление предметов быта из травы лежало целиком на женщинах. Способы заготовки необходимых материалов, их предварительная обработка и, наконец, плетение производилось вручную без каких-либо станков и специальных инструментов. Кратко описал эти работы Я. Линденау. Для плетения женщины-корячки использовали очень крепкую и несколько похожую на лён траву, которая называлась по-корякски *мичив'эй*. «Из этой травы изготовляются чашки и сосуды для питья — *тинйэпколу*, коврики — *нэллагайун*, сумки для шитья и мешки — *в'эйчев'ичугат*. Инструментов для этой работы они никаких не имеют,

все просто плетется руками».¹¹⁹ Другим материалом для плетения была крапива. Ее заготавливали осенью, выдергивая из земли с корнем, сушили, а затем стебли расщепляли ножами, очищая от кострики, и скручивали нитки из волокон крапивы руками на коленях. Эти традиции сохранялись еще в середине XIX в. «Из беловатой травы, — писал Богородский, — растущей по морским берегам, подобна пшенице, плетут рогожи и ковры, корзины и мешочки. Из крапивы плетут рыболовные сети и нитки».¹²⁰

Жилые и хозяйственные постройки. Поселения. В XVII—XVIII вв. основным видом поселения оседлых коряков Охотского побережья оставались так называемые острожки. Непокойное время, сложность отношений с соседями побуждали коряков проявлять особую осторожность и предусмотрительность при сооружении своих поселений. Во всех документах и известиях того времени подчеркивается, что коряки живут в «укрепленных острожках на отъёмных местах». Однако к концу XVIII—началу XIX в. характер поселений меняется, укреплений вокруг них уже не строили. Более того, коряки постепенно отказывались от «земляных юрт», заменяя их рублеными избами. Эта эволюция жилых построек происходила постепенно. Первоначально свои «земляные юрты» со входом через проем наверху они заменили юртами якутского типа, а затем под влиянием русских поселенцев перешли к срубным избам. Эту эволюцию можно проследить на основании документов и описаний.

В 1709 г. около р. Туманы был корякский острог, рядом с ним находилось несколько юрт. О степени прочности стен острога можно судить по сообщению документа того времени: «... острог их разбит из пушки».¹²¹

В 1726 г. около устья р. Гижиги «коряки скрылись на скалах, которые были от берега в 100 саженьях, где они имеют свои юрты».¹²² В 1729 г., во время похода А. Шестакова, в Таватоме было семь земляных юрт, «а посредине юрты трубы», т. е. входные проемы. Следовательно, их юрты были такого же типа, как и у других коряков.

По сообщению Я. Линденау, оседлые коряки и зимой и летом жили в земляных юртах, а оленные имели особые летние и зимние жилища. Его описание устройства тех и других заслуживает внимания, так как наряду с устройством жилищ его сведения характеризуют особый уклад жизни оленных коряков Охотского побережья, о которых мы не знаем почти ничего. Очевидно, они, если не все, то многие, стояли на грани перехода к оседлости, были тесно связаны с промыслами на реках и море. А это наложило особый отпечаток на их быт. Так, они имели постоянные летние

¹¹⁹ Там же, л. 31.

¹²⁰ Богородский И. Медико-топографическое описание Гижигинской округи, с. 64.

¹²¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 155 об.

¹²² Там же, л. 133.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 29—30.

¹¹⁸ Там же.

жилища на берегу моря, построенные по типу жилищ оседлых, хотя и отличающиеся от них рядом деталей. «Оленные коряки, — писал Линденау, — придерживаются обычая всех лесных народов и, кочуя, перевозят с собой и свое жилье: постоянными остаются у них только летние жилища, которые сами они называют *нэйэн'йа*, а русские острогами. Расположены они бывают в таких местах, где летом они собирают запасы на зиму, большую часть на реках, в устьях рек, у заливов или так называемых култуков, а также там, где в изобилии имеются промышляемые ими киты, тюлени и рыба. Такой острог снаружи напоминает просто груды камней; на самом же деле это маленькое круглое деревянное строение от 4 до 5 сажен в окружности и в 1 сажень высоты, кругом, снизу доверху, обложенное камнями в защиту от диких зверей. Вверху — отверстие для выхода дыма — *гиногэн'*. Вход — *йупил-нан'*, с южной стороны, как жупан в зимних жилищах, в 1 сажень длиной и 1½ аршина высотой, очень узкий, занавешен тюленьей шкурой». ¹²³

Устройство жилищ оседлых коряков в XVIII в. все еще сохраняло черты архаичности. «Зимнее жилище сами коряки, — сообщал Линденау, — называют *лакалан'йэ*, а русские — юртами. Они имеют в окружности 8, 10, даже 15 сажен, 1½ сажени высоты, частично углублены под землю, а частично выходят на поверхность земли. С южной стороны находится *йакан*, который русские называют жупан, такой же формы как *лакалан'йэ*, но поменьше. Между ним (юртой, — И. В.) и жупаном — узкий проход — *тыллатан*; доступ к обоям сверху, через четырехугольный лаз — *гынногэн'*. Снаружи все завалено землей. Внутреннее устройство такой юрты следующее: из отверстия вверху внутрь опускается лестница — *гигиги* о 10 ступенях, сделанная из наполовину выдолбленного древесного ствола. Между лестницей и проходом *тыллатан* помещается огнище, а кругом него отгороженные каморки или спальные помещения — *йойон'а*, причем каждый женатый имеет свою особую каморку. Вверху над этими каморками-гнездами, на высоте 2 аршин от земли, положены доски-нары, где спят холостые и незамужние. У хозяина или старшего в семье место для сна — против лестницы *гигиги*». ¹²⁴

Небезынтересно еще одно замечание Линденау — об отоплении юрт. В местах, где было мало леса, в таких, как Наяхан, Тайношина, юрты отапливались тальником «с добавлением ворвани».

Сооружение укрепленных острогов в XVIII в. для коряков было делом не новым. Как сообщалось в донесении каптенармуса Байбородина в 1753 г., на р. Тыкигилане «у них прежде имелся на отпрыдыше каменный острог. И слышно было, что за многолюдством со всех рек в собрании наших коряк на тот отпрыдыш

¹²³ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 19—20.

¹²⁴ Там же.

в помянутой каменной острог не вместились, и строят-де на ровном месте особливой острог». ¹²⁵

Еще большее умение местные коряки проявляли при перестройке Туманской крепости, сооруженной в свое время русскими. В 1774 г. Т. Шмалев сообщил, что чендонские и туманские коряки «живут в земляных юртах». ¹²⁶

Лессепс в 1788 г. отметил наличие земляных юрт в Наяхане, в Туманском острожке, а в остроге Среднем обратил внимание на две юрты, имевшие вход через дверь. ¹²⁷ Очевидно, эти юрты были такого типа, какими пользовались в летнее время кочевые коряки.

К началу XIX в. у коряков Охотского побережья уже появились рубленые дома. Так, И. И. Редовский, будучи в Ямске, отметил, что «коряки живут не в юрте, а в обычных русских избах». ¹²⁸ С другой стороны, в том же Ямске имелись и юрты. В селениях Туманы и Наяхан все еще были юрты, при этом старого типа. «Корякская юрта, — писал Редовский, — совершенно походит на обычную якутскую: разница только в том, что она не имеет окон. Свет в нее падает сверху, через отверстие, служащее выходом для дыма и которое одновременно служит дверью, чтобы с помощью лестницы попадать в юрту. Устроена так же и боковая дверь, в которую ведет крытый ход». ¹²⁹ Из этого описания следует, что корякские юрты еще сохраняли все присущие им черты старого устройства. К середине XIX в. произошли дальнейшие изменения. «Ямское селение, — писал И. Булычев, — превосходит многие другие наружною постройкою домов. Здесь нет уже ни одной юрты. Однако в с. Туманы все еще было 5 или 6 юрт». ¹³⁰

Коряки Охотского побережья, очевидно, не пользовались жировыми плошками (жирниками) ни для освещения своих жилищ, ни для других нужд (отопление, варка пищи). «Ужинают они при свете факела, — отмечал Линденау, — это кусок сущняка, который макают в ворвань и зажигают. Как только факел погаснет или собирается погаснуть, его снова обмакивают в ворвань; у каждой семьи горит свой, отдельный». ¹³¹

Надворные хозяйственные постройки состояли из балаганов — *молкамэл*, которые «становлены на столбах возле юрт и устроены так же, как у остяков». ¹³² (Табл. V, 1, 2.) Лессепс в Наяхане видел балаганы, а в с. Туманы «3 деревянных амбара» и «12 балаганов». ¹³³ Очевидно, южные коряки в конце XVIII в. уже начали строить амбары.

¹²⁵ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . , с. 431.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50.

¹²⁷ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 203, 231; ч. III, с. 10.

¹²⁸ Черников А. М., Сыроватский А. Д. Экспедиция Ивана Ивановича Редовского. . . , с. 187.

¹²⁹ Там же, с. 188.

¹³⁰ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири, ч. I, с. 208, 209.

¹³¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 33.

¹³² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 19 и 22.

¹³³ Лессепсово путешествие. . . , ч. II, с. 203, 231.

Для собак, как отмечалось выше, местные коряки строили «собачьи землянки».

Утварь. Для более полной характеристики материальной культуры коряков Охотского побережья важны и сведения об их утвари. Определенные данные об этом имеются только у Линденау. В его время уже никаких глиняных сосудов у местных коряков не было. Основным материалом для домашней посуды служило дерево, трава, отчасти рога горных баранов, а котлы для варки пищи были уже металлические.

Сосуд для воды — *тонка* имел в длину два аршина, а сосуд для приготовления пищи — один аршин, он тоже назывался *тонка*. «Первый имел ножки, второй ставился под ним. У каждой семьи они отдельные и стоят возле ее спального места».

Сосуд, в котором приносили воду, «лукошко, или тонка, называется *калтан*. Котел — *куйэн'* вошел у них в обиход только недавно. Блюдо — деревянное, вроде лотка или русской сеяницы, называется *камэн'*. Чашка для питья — или выдолбленная деревянная, как у крестьян, — *пайуга*, или же сплетенная из травы, эта называется *тинйэпколу*. Ложка — *гойна* или *идина*, — роговая, продолговатая, с коротким черешком. Черпак — *койн'-ан'* — роговой, похожий на русский ковшик. Кочерга — *кэнуи'-а* — деревянная; ею они вытаскивают из огня камни. Маленький деревянный совок — *эбакмэтэ* для переноски раскаленных камней в лохань для еды».¹³⁴

Последние два предмета говорят о том, что при наличии металлических котлов у коряков бытовали древние приемы приготовления пищи при помощи раскаленных камней так, как это практиковалось еще у ительменов.

Одежда. У коряков Охотского побережья одежда в основном была сходной с одеждой других коряков. Однако уже в середине XVIII в. у них были и прямые заимствования от эвенов. Это относится главным образом к головным уборам и некоторым деталям одежды.

Основным материалом, из которого шилась зимняя одежда, были шкуры оленей и горных баранов и выделанные из них кожи (*ровдуга*).

«Верхняя шапка — *панка* — из белки, сверху на темени украшена рядом цветных бус, а спереди, у выпушки — двумя рядами, наподобие шапок у тунгусов. Нижняя шапка — *панкану* — из ровдуги, спереди на ней сверху два ряда бисера, а кругом она вышита, отделка эта называется *инанучениг*; поверх вышивки тоже два ряда мелких бус, а понизу идет бахромы из узеньких ремешков длиной в один палец. Воротник, или ошейник, — *йэннакйу'а* из беличьих хвостов, такой же, как у тунгусов.

Шуба из оленьих шкур вроде рубахи, которую они называют *идди*, а русские — парка; она доходит только до колен, мехом

внутри, внизу отделана подзорами — *гонивон*, ниже подзоров обшита по подолу бортом из собачьего меха. Верхняя шуба — *кухлянка*, или *камлейка*, — *иддэн*, примерно такая же, как у самоедов, из меха горного барана или оленя, очень широкая и длинная, подол, перед, рукава и капюшон оторочены собачьим мехом. Такие верхние шубы окрашиваются в красновато-коричневый цвет.

Штаны, или огуши, — *куйэм*, как тунгусские, короткие, из ровдуги; к ним прикреплены сутуры¹³⁵ — *конэйтэ*. Меховые чулки, чажки — *комэйэт* — короткие, из собачьего меха. Сапоги — *алатчики* (*плеко*), а также *плелекит* вроде тех, что носят камчадалы. Справа к штанам — *куйэм* привязан нож в ножнах — *мэллэн'ал*, а слева — *огниво*».¹³⁶

Одежда женщин: «Ободок с наушниками из беличьих хвостов — *алэлу*, такой же, как черми у ламуток. Из-под него возле ушей коса волос — *малеунта*.

Шуба, парка — *ниевигийэн*, с хвостом назади, на спине и рукавах бахромы из узких и длинных коричневых ремешков, кругом обшита бортом из белого собачьего меха.

Штаны — *наукэ*, такие же, как у мужчин, ходят они в них только дома, а на работу надевают длинные и широкие вроде матросских. Сапоги — такие же, как мужские *алатчики*, но у них они называются не *плеко*, а *нэвучек*.

Детей, пока они еще не ходят, одевают в такую же рубашку, как у камчадалов, — *калнэка*; она целая, из одного куска, с чулками и четырьмя рукавами, завязывается сзади. Настоящие рукава называются *войэн'илпан*, а фальшивые, отходящие от плеча — *чуплан*: сзади, на спине, пришиты узкие ремни. Если матери нужно куда-нибудь пойти, она берет ребенка за фальшивые рукава, прилаживает его спиной к своей спине и так несет».¹³⁷

Линденау обратил внимание и на украшения одежды: «Подзоры, которыми они украшают свою одежду, называются *вонива* или *гонивон* и делаются из *ниелута*, по-корякски — *нигичеаут*; это узкие ремешки, пробитые насквозь для этого сделанным довольно широким стерженьком — *эйэджакон*; горловину тюленя ларги, по-корякски — *пиллаган*, то же разрезают на мелкие ремешки и протаскивают их в пробитые дырки».¹³⁸

В приведенных описаниях обращают на себя внимание прямые указания автора на сходство ряда видов одежды коряков с тунгусской (шапки, верхние, нижние, их отделка, материал — беличий мех; штаны), причем это сходство обнаруживали как в одежде мужчин, так и женщин. Определенно прослеживаются некоторые отличия в одежде и обуви этих коряков от других их

¹³⁵ Сутуры — шаровары кожаные, меховые, тюленьи или из выделанной рыбьей кожи.

¹³⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 17.

¹³⁷ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 16—19.

¹³⁸ Там же, л. 30.

подразделений. Оказывается, что корякские женщины носили дома такие же штаны и обувь, как и мужчины, а значит, здесь меньше отличий в одежде мужчин и женщин, чем у других подразделений коряков. Интересно замечание Линденау о женских верхних кухлянках с хвостами. Они не представляют исключения. Такого рода кухлянки в начале XIX в. носили чукчанки, что отметил в своих рисунках Ф. Ф. Матюшкин.¹³⁹

Украшения. Коряки Охотского побережья заимствовали некоторые элементы украшений, как и одежды, от эвенов. «Подобно тунгусам на р. Лене, — писал Линденау, — они украшают себе лицо, возле ушей и кисти рук разными фигурами и делают эти рисунки таким же способом, как ламуты». Мужчины носили серьги или ушные подвески — *кэмэ*, состоящие из нанизанного на нитку бисера; такая подвеска, в палец длиной, заканчивалась крупной бусиной. А женщины носили «в ушах длинные бисерные серьги, как и у мужчин, но внизу вместо бусины подвешивался маленький колокольчик или серебряная полтина». На руках у женщин были браслеты — *миннэакса*, круглые или плоские, шириной в палец, из железа «вроде кольца, на которое надевают ключи».¹⁴⁰

Черты общественного строя и быта. Общественные отношения коряков Охотского побережья в определяющих чертах ничем не отличались от общественного строя других подразделений коряков. Основой их общественной организации была большая патриархально-семейная община. Их ближайшие соседи на юго-западе эвены уже в XVII в. именовались по названиям генеалогических родов. Коряки же в отличие от них назывались в основном по месту жительства, обычно по названию реки. При этом название реки соотносилось со словом «род» в качестве именного определения к нему. Так, по документам XVIII в., были коряки Ямского, Сигланского, Туманского, Чендонского и других «родов». Нередко в ясачных документах к указанию на место жительства рода добавлялось имя «князца». Например, «Сигланского роду князца Эмги», «Ямского роду князца Говылли».¹⁴¹ Или: «Чендонские (коряки, — И. В.), живущие около устья реки Гижиги по разным урочищам. Князец Каунват Гэлмов. У него в роду рядовые 49 человек»,¹⁴² и т. д. Однако в содержание понятия «род» применительно к корякам вкладывалось другое значение, совсем не равнозначное представлению о роде у тунгусов с его определенными признаками. У коряков не было ни родовых названий, как у тунгусов, ни экзогамии. Фактическое состояние, сознание и ощущение кровного родства у коряков не выходило за рамки большой патриархально-семейной общины. Именно поэтому в качестве

гарантии регулярного поступления ясака местные власти Тауйского, Ямского и других острогов брали у коряков аманатов от каждой патриархально-семейной общины.

Оседлые коряки Охотского побережья жили большими патриархально-семейными общинами (XVII—первая половина XVIII в.) зимой в одной общей полуземлянке, а летом каждая семья в особом жилище — балагане, или барабаре (наземный травяной шалаш). Патриархально-семейная община, судя по данным середины XVIII в., совместными усилиями и средствами вела промысел морских млекопитающих, имела общие культы. На базе тех же кровнородственных связей она являлась общественной и военной единицей. Однако, как было отмечено выше, каждая обычная (парная) семья из состава патриархально-семейной общины внутри зимнего жилища имела свой полог, свою часть очага, свою посуду (для приготовления пищи, хранения воды), питалась отдельно от других семей, отдельно для себя заготавливала основной продукт питания — рыбу, имела свои рыболовные орудия (сети). По-видимому, и сухопутная охота в XVIII в. носила уже индивидуальный характер. Следовательно, общественная связь, экономические и производственные основы, вообще все внутреннее сцепление такой патриархально-семейной общины коряков уже в начале XVIII в. в значительной мере были распатаны.

Примерные размеры патриархально-семейной общины оседлых коряков Охотского побережья устанавливаются по числу живущих под одной крышей родственников. Так, у устья р. Аяна в 1730 г. были две юрты коряков, в них проживало 26 плательщиков ясака. Следовательно, население одной юрты составляло примерно 40 чел.¹⁴³ В Туманском остроге в 1774 г. были также две юрты оседлых коряков и 38 чел. платили ясак, т. е. в каждой юрте в среднем 19 мужчин, считая и юношей (15—16 лет).¹⁴⁴ Некоторые патриархально-семейные общины насчитывали меньшее число членов. У устья р. Гижиги в 1730 г. в двух юртах оказалось только 15 ясачных, т. е. общее население каждой из них состояло из 25 чел.¹⁴⁵

В 1753 г. близ Вархалаамской губы в одной юрте проживало «мужеска пола 9 человек, женска — 12». В другом месте там же в одной юрте жило 33 чел.¹⁴⁶

Судя по прямым и косвенным данным, каждая юрта оседлых коряков, т. е. большая патриархально-семейная община, возглавлялась старшиной, а поселок из двух-трех и большего количества юрт, нередко разбросанных в разных местах по берегам реки, — так называемым «князцом», назначенным и утвержден-

¹³⁹ В рангелъ Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. М., 1948, с. 387.

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 12, 15.

¹⁴¹ Там же, ф. 1096, оп. 1, д. 58, л. 87 и 87 об.

¹⁴² Там же, д. 17, л. 21.

¹⁴³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 246.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 50.

¹⁴⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 38, л. 50.

¹⁴⁶ Колониальная политика царизма на Камчатке... с. 130—131.

ным в этом звании русскими. Необходимо заметить, что встречающаяся в материалах корякская социальная терминология не отражает того социального дробления, которое отмечается в русских документах. По существу фигурирует только один термин — *гыттэпычын*, что дословно значит 'умнейший', 'опытнейший'. Также называли коряки (оленоводы) еще в XIX—начале XX в. старшин, которые назначались русской администрацией в каждом околотке ближайших стойбищ.

Я. Линденау писал, что «коряки имеют для каждого рода своих *гыттэпычын(ов)*, называемых русскими князцами». Должность *гыттэпычын(а)* была наследственной. После смерти на его место заступал сын или другой ближайший родственник, а если эта линия вымирала, то коряки «выбирали из своего роду другого *гыттэпычын(а)*, и он пользовался такими же преимуществами, как и прежние». *Гыттэпычын(ы)* «в старину были начальниками войск на войне, и никто, кроме них, не мог ничего предпринимать, а над ними самими не было никакого главы или старшего; однако те роды, что могли выставить больше воинов, всегда пользовались преимуществом перед другими, так как если устраивался совет или самый сильный из *гыттэпычын(ов)* задумывал совершить нападение, то более слабые должны были действовать заодно с ним, если не желали сами подвергнуться нападению с его стороны. Деятельность их заключалась большей частью в грабежах и войнах с оленными тунгусами, ламутами и чукчами».¹⁴⁷

Все это свидетельства уже глубоко зашедшего разложения первобытнообщинных начал, развития имущественного, а параллельно с ним и социального неравенства. Указание на то, что главы больших патриархально-семейных общин, подчиняя себе более слабые общины, вели грабительские набеги на соседей, можно рассматривать как становление того переходного периода к классовому обществу, который принято называть военной демократией. На самом деле, «самую ценную часть награбленного, — продолжает Линденау, — *гыттэпычын* забирал себе, остальное делилось между простыми воинами, причем часто этот дележ сопровождался кровопролитными побоищами. Точно так же и на охоте, каждый должен был из своей добычи уделить *гыттэпычын(у)* известную часть, которая раньше называлась *иниддид*, а теперь ясаком или данью».¹⁴⁸ Как видно, для автора этих строк были очевидными не только социальное, но и имущественное превосходство *гыттэпычын(а)* по сравнению с другими членами общины. В другом месте он подчеркивает это превосходство более резко: «*Гыттэпычын(ы)* и их жены никакой черной работы не несут, разве что сами захотят поработать, но все остальное обя-

заны ее выполнять по приказу и вся домашняя работа распределена между ними».¹⁴⁹

У коряков Охотского побережья бытовало строгое половое разделение труда. Домашними работами занимались женщины. Мужчины обязаны были только приносить дрова, воду, изготовлять нужную для семьи деревянную утварь и заниматься промыслами. Однако все добытое на охоте и рыбной ловле мужчины отдавали женам, без ведома которых муж не имел права взять из дому ничего такого, на что «женам предоставлено преимущественное право пользования».¹⁵⁰

Драматические события 40—50-х годов XVIII в. обнажили такие стороны общественного строя коряков, которые отражают довольно высокую ступень их этнического сознания и общественной организованности, выходящей за рамки патриархально-семейных отношений.

Жесткая колониальная политика самодержавия, особенно ее претворение на местах, привела к восстанию коряков, в частности и на Охотском побережье. При этом и проявилась их довольно высокая организованность. В 1754 г. объединились туманские, тахтаямские, мангачанские (?) коряки. К ним присоединились иретские, и общими усилиями, довольно слаженными и согласованными, они завладели Туманским острогом с пушками, ружьями и боеприпасами и удерживали его более года. Захватив острог, они укрепили его еще больше, построив дополнительно вторую внешнюю стену, обнесли ее снаружи земляным валом, а на стенах возвели семь сторожевых башен. Восставшие организовали коллективную заготовку рыбы и других продуктов, которые хранились на складах острога. Установили на башнях и у ворот острога несение караульной службы. Проводились учения, хорошо научились владеть огнестрельным оружием. Для провинившихся были введены телесные наказания батогами и т. д. В основу военной организации коряки положили русский устав и русские военные должности. У них были свои сержанты, капралы, рядовые, барабанщики. Военная организованность коряков стоила многих жертв при попытке в 1755 г. отбить у них острог. Это единственный случай из истории всего северо-востока Сибири, когда была проявлена такая организованность и стойкость на довольно продолжительное время. Причем важно отметить, что восставшие решили не только военно-тактические, но и хозяйственные вопросы, в частности вопрос обеспечения питанием значительного числа людей.

В первой половине XIX в. в Охотском округе коряки остались только в двух селениях. «Туманские и ямские коряки управлялись старостами, которые, однако, родовыми не признавались. Староста ямских коряков Федор Беляев, староста туманских коря-

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 10.

¹⁴⁸ Там же. К сожалению, это последнее замечание Линденау «о дани *гыттэпычын(у)*» пока не нашло подтверждения в других материалах. Возможно, он прав.

¹⁴⁹ Там же, л. 24.

¹⁵⁰ Там же.

ков — Степан Кармалин».¹⁵¹ Как следует из этого документа, на смену прежним общественным отношениям уже пришли новые. Коряками стали управлять на основе положений, принятых для сельской местности с русским населением. Староста возглавлял весь поселок, никакого деления на патриархально-семейные общины уже не осталось. Корякские этнические традиции, их быт и культура доживали здесь последние дни. По мере численного сокращения этой группы коряков, их ассимиляции, утраты ими своих этнических черт изменялся характер их общественных отношений, их быт. Если отвлечься от некоторых преувеличений успехов русификации на Охотском побережье, то в общих чертах картина состояния туземного населения, которую нарисовал Булычев, была верна: «Вступая в родство с русскими, некоторые из туземцев сами становятся русскими по наружности и по душе; преимущественно можно сказать это о сидячих тунгусах, сидячих коряках и якутах».¹⁵²

Вместе с биологическим и духовным смешением коряков с тунгусами, якутами и русскими шло у них окончательное исчезновение общественных и бытовых устоев прошлого. Хотя тот же Булычев вынужден был признать, что «в каждом племени (тунгусы, коряки, якуты, — *И. В.*) осталось еще много характеристического в образе жизни и отношении нравственном»,¹⁵³ но, к сожалению, это общее замечание он не дополнил конкретными данными. Позднее уже не осталось ничего из общественных и семейно-бытовых особенностей коряков, сохранялось лишь сознание принадлежности к ним.

Семья. Брак. Семейные обряды и культы. Как уже указывалось выше, патриархально-семейная община коряков состояла из отдельных семей, каждая из которых была производственной единицей, обязанной обеспечить себя всеми необходимыми продуктами питания и другими средствами к жизни. Вместе с тем такая семья принимала деятельное участие в общественном производстве патриархально-семейной общины, как-то: в сооружении зимнего жилища, в строительстве байдар, в совместной охоте на китов, в совместной защите от врагов, в отправлении культов и т. п. Таким образом, уже ко времени наиболее полных сведений о патриархально-семейных общинах коряков (начало XVIII в.) было заметно их разложение. Оно развивалось на основе роста экономической независимости семей, составлявших общину. Эта независимость порождалась сравнительно легким способом добычи рыбы, которая служила здесь основным продуктом питания. Орудия добычи рыбы в реках были просты и вполне доступны для пользования одной семьей, даже одним человеком. В то же время, отдельная семья все еще находилась в тесных хозяйственно-

бытовых и духовных связях с другими членами патриархально-семейной общины. Это был противоречивый процесс, основным содержанием которого являлась борьба нового (утверждение экономической и общественной независимости отдельной семьи) с отживающим старым (с патриархально-общинными началами).

Разложение патриархально-семейной общины коряков Охотского побережья развивалось особенно быстро, начиная со второй половины XVIII в. К этому времени политически коряки были подчинены самодержавию. Уже это обстоятельство суживало общественные функции патриархально-семейной общины. Отпала необходимость в военной организации (прекратились межплеменные столкновения). Под влиянием русской культуры шла замена старых общинных жилищ (землянок) домами, рассчитанными на одну семью. А это приводило в свою очередь к еще большему хозяйственно-экономическому обособлению отдельной семьи. Христианизация, которая здесь была завершена в 70-х годах XVIII в., способствовала искоренению старых культов, в свое время духовно связывавших всех членов патриархально-семейной общины. Уже в первой половине XIX в. обычная семья коряков превратилась в основную хозяйственную и общественную единицу. Смешанные браки, развитие имущественного неравенства, дальнейшая индивидуализация производства, постепенное вовлечение в сферу товарно-денежного хозяйства привели к окончательному обособлению семьи и полному забвению семейно-общинных традиций и связей.

Однако еще в первой половине XVIII в. у коряков Охотского побережья бытовали общекорякские традиции в брачных и других семейных обычаях и культах.

Если не ошибался Линденау, то у коряков Охотского побережья в отличие от коряков других подразделений действовали несколько иные нормы брака. У них запрещались браки не только между родными братьями и сестрами, но и между двоюродными. Последнее правило не существовало ни у одного из других подразделений.

Подобно другим корякам у них действовал обычай левирата,¹⁵⁴ бытовало многоженство, одним из источников которого служил этот обычай. Жены жили не все вместе, а каждая в своей юрте. Добытое на охоте муж должен был принести той жене, у которой он ночевал. Если добыча была большой, она делилась поровну между всеми женами. Жен разрешалось иметь столько, сколько мог содержать мужчина. Однако, если мужчина хотел завести вторую или вообще новую жену, он обязан был получить согласие на это от первой жены. По существовавшим у них правилам, «муж мог в любое время разойтись с женой и жениться на другой,

¹⁵¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 3, д. 555, л. 9—10.

¹⁵² Булычев *И.* Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1, с. 184.

¹⁵³ Там же, с. 183.

¹⁵⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 51.

но дети, рожденные первой женой, остаются при ней, а не у мужа». ¹⁵⁵ «Супружеская измена и распутство карались смертью». ¹⁵⁶

Характерной чертой обычая сватовства была непременно отработка за будущую жену в доме ее отца и «хватание» невесты. Вот как описан этот обычай в первой половине XVIII в. «Задумавший жениться . . . приходит к родителям невесты и говорит: я пришел к вам поработать. Нравится это или нет, отказать ему не могут, а обязаны согласиться. Он же с этого времени должен работать не только на будущих тестя и тещу, но и на всех, живущих в той юрте. Работа, выполняемая им, состоит в следующем: возить дрова, носить воду, разводить огонь, ходить, куда пошлют, беспрекословно и с готовностью исполнять, что прикажут, раньше всех вставать и позже всех ложиться. Так как, по их правилам, среднюю и младшую дочь никак нельзя выдавать раньше старшей, то всем известно, за кого он сватается. . . Проработав полгода, жених публично заявляет родителям, за которую дочь он сватается, на что те, по принятому у них обычаю, отвечают отказом; он этим не смущается, а ищет затем случая овладеть девушкой; остальные женщины собираются и следят за ним, чтобы он на нее не напал, если же это все-таки случится, все набрасываются на него, дергают за волосы, отталкивают, невеста прячется за других, он продолжает упорно на нее нападать, пока наконец не схватит и не повалит на пол, остальные все время дергают его и колотят, пока ему не удастся дотронуться до ее потайного места. Тогда она кричит: он в меня попал! После этого возгласа все от нее отбегают, жених перерезает ремни на ее пояске и ведет ее в полог. Если же ему не удается прикоснуться до потайного места невесты и она от него отобьется, он обязан отойти от нее ни с чем, и свадьба расстраивается». ¹⁵⁷

У коряков Охотского побережья существовали более сложные правила оформления брака, чем у других коряков. У них «свадьба» происходила при участии шамана и сопровождалась особо обставленной трапезой и жертвоприношениями огню. «Пока молодые люди спали, остальные готовили кушанье, а шаман сидел и бил в бубен; когда же они вставали, кушанье расставляли кругом костра, шаман садился спиной к лестнице *гигиги*, камлал и от всех кушаний приносил часть в жертву огню; после этого молодые садились спиной к *йакан(у)*, ¹⁵⁸ и остальные тоже усаживались. Когда все наедались, остатки еды бросали в костер. При вступлении в брак вдовцов и вдов, описанная церемония повторяется без изменений». ¹⁵⁹

В последующей совместной жизни «жены покорны мужьям, а к родителям и старшему брату мужа проявляют больше почтительности, чем к своим собственным». ¹⁶⁰

Самыми важными событиями после появления новорожденного были его приобщение к семейному очагу и выбор имени. И это осуществлялось при участии шамана. «Через три дня после родов к роженице приходил шаман с бубном и приступал к камланию, тем временем готовили толкушу и другие кушанья. Когда они были готовы, шаман брал на ложку каждого кушанья и бросал сначала в огонь, в сторону *йакан(а)* и в другие места юрты, а лестницу *гигиги* обмазывал рыбьим жиром снизу доверху; затем частицу от всех кушаний несли к амбарам (балаганам) и собачьим землянкам. Шаман с бубном, сопровождаемый остальными, шел впереди; оттуда он возвращался в юрту и опять бросал с ложки в огонь понемногу от всех кушаний, а все остальные в это время плясали вокруг костра. После этого шаман со своим бубном садился снова возле роженицы, некоторое время камлал, а потом давал младенцу имя. Некоторые давали имя ребенку еще до его рождения, обычно бывало это в случае смерти кого-либо из родственников для того, чтобы имя умершего осталось на свете в напоминание живым. Если же все в семье живы, то имя новорожденному придумывает шаман, причем большей частью выбирает он имена по названиям больших гор, рек, созвездий и т. п. Обычай этот существует и у ламутов. За этот труд шаману давали подарок и называется этот подарок или плата *инумчувэл*. Дав ребенку имя, шаман камлал еще некоторое время, после чего все садились за еду. После еды шаман камлал в последний раз, и на этом церемония заканчивалась». ¹⁶¹

У охотских коряков бытовало несколько видов погребения покойников: сожжение, оставление на земле, захоронение в землю, в расщелины скал.

Если умирал человек в юрте, «то прежде всего у того места, где он лежал, в стене прорубали дыру и в этот пролом вытаскивали покойника, его одежду, луки, стрелы и все, чем он владел и что носил с собою при жизни. А пролом тотчас же опять заделывали, так как боялись, что покойник или болезнь могут возвратиться. После этого родственники и все остальные выходили из юрты, садились кружком возле покойника, плакали, пока к этому месту доставляли кучу дров. Тогда складывали их в костер и покойника переносили к нему. Шаман с бубном шел впереди, все прочие следовали за ним. Покойника клали на сложенные в костер дрова, на спину, головой на восток, обкладывали принадлежащими ему вещами, костер поджигали сразу со всех сторон. Шаман скакал вокруг него, ударяя в бубен, остальные подносили сушняк и бросали его на покойника, а некоторые подталкивали палками

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 51.

¹⁵⁶ Там же, л. 40.

¹⁵⁷ Там же, л. 49—50.

¹⁵⁸ Стена юрты, противоположная летнему входу.

¹⁵⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 51.

¹⁶⁰ Там же, л. 52.

¹⁶¹ Там же, л. 53—54.

и шестами и самого покойника, чтобы он быстрее сгорел. Когда наконец от покойника и от костра оставалась только зола, все, стоя, поднимали голову к небу и выкрикивали: *камакэлну!* После этого шаман убивал любимую собаку покойного, снимал с нее шкуру и вешал ее на шест, воткнутый возле сгоревшего костра. Потом все в прежнем порядке возвращались в юрту».

«Самоубийца, а также таких, которые, захватив с собою кусок рыбы, уходят в лес, чтобы там умереть, не сжигают, а оставляют там, где их найдут».

«Если женщина умирала во время беременности, шаманка вырезала из нее плод, после чего и мать и утробного младенца сжигали». Мертворожденных младенцев не сжигали, а закапывали в земле, так как, по их словам, рожденный неживым сожжению не подлежал.

«Коряки, живущие в безлесных местах, относят своих покойников в горы и бросают там в пещеры (в расщелины скал, — И. В.).¹⁶² Такие безлесные места встречаются по Наяхану, Тайно-сину, Гижиге и дальше».¹⁶³

Следовательно, у местных коряков учитывались причины и обстоятельства смерти при выборе способа захоронения. Очевидно, и здесь мы встречаемся с теми же идеями и представлениями, что и у других оседлых коряков, в частности восточного побережья Камчатки, согласно которым покойника сжигали только в результате естественной смерти, а в других случаях погребали в землю.

Обращает на себя внимание то, что шаманы в жизни этих коряков играли заметно большую роль, нежели у других подразделений коряков. Ни одно из важных событий в жизни семьи не проходило без участия шамана.

Непременным атрибутом шамана был бубен. Судя по описанию и рисунку, которые относятся к первой половине XVIII в., он выглядел так: «Волшебный бубен — *йэйэ*, похож на шаманский бубен у ламутов; он кругло-овальной формы, обтяжка — *йэ-йэнналгу* из китовой перепонки — *понта* (очевидно, пленка, которой покрыта печень кита, — И. В.). Через края протянут кресто-

¹⁶² Существование такого способа захоронения на Охотском побережье подтверждается археологическими находками. В 1955—1956 гг. на берегу залива Бабушкина и в ряде других мест были обнаружены весьма своеобразные погребения в расщелинах скал и среди крупных камней, в труднодоступных местах, но не очень далеко от поселений (в бухте Астрономической, на мысе Трех братьев). Существуют две точки зрения на этническую принадлежность найденных погребений. Антропологи, изучавшие черепа из погребений (Г. Ф. Дебец и Н. Н. Мамонова), полагали, что захороненные ближе всего подходят к юкагирам или эвенкам. Однако среди местных эвенков бытует представление, основанное на исторических преданиях, что эти древние поселения принадлежали корякам (Пытляков Г. А., Беляева А. В. Археологические работы на Охотском побережье. — Краеведческие зап., вып. 1, Магадан, 1957, с. 9—10).

¹⁶³ ЦГАОР, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 56—58.

образно ремень — *йэйэилн'*, за него шаман держит бубен. На внутренней стороне вверху имеются два железных полукольца, на них висят мелкие бляшки, кости и железные побрякушки. Когда шаман бьет в бубен, они приходят в движение и ударяются о бубен; называются они — *ка-а-ачо*, тут же привязан и пучок травы *лаутэйэл*. На наружной стороне обтяжки изображены солнце с рогами, руками и ногами, орел, луна, кит на лине, байдара с двумя стоящими в ней коряками, один — сзади на руле, с веслом, а другой — впереди, с гарпуном — *аутакла* (табл. V, 3).

Все это написано красной краской. Колотушка для бубна из китового уса, в $1\frac{1}{2}$ аршина длиной, обтянута собачьим мехом; называется она *йэйткупплан*. Камлают все коряцкие шаманы, сидя у лестницы *гигиги* и в большинстве случаев обнаженные».¹⁶⁴

О языке коряков Охотского побережья. Единственный достоверный источник о языке оседлых коряков Охотского побережья — это записи Я. Линденау, который включил в свою рукопись около 150 слов, в основном имен существительных, и два небольших текста — шаманскую песню и заклинание. Разумеется, что на основании таких кратких данных нельзя, да и просто невозможно, делать определенные выводы относительно особенностей языка изучаемой группы коряков. Поэтому все выводы и обобщения следует считать весьма предварительными. Анализ языковых материалов Линденау осложняется также тем, что записи коряцких слов и текстов сделаны автором, по-видимому, со значительными фонетическими и морфологическими погрешностями. Например, Линденау нигде не отметил увулярного *k'*, губо-губного *ɕ'*, не разграничил в обозначении *и* и *ы*, иногда вместо имен даются глагольные формы и т. п. И тем не менее в этих несовершенных записях имеется такой комплекс данных, на основании которых все же можно судить о фонемном составе языка охотских коряков, о некоторых его фонетических особенностях и грамматических формах и, наконец, о лексике и, в частности, о ее отношении к другим диалектам коряцкого языка и к языкам их соседей.

К сожалению, Линденау не назвал своего помощника, при содействии которого были собраны сведения о коряках и их языке. Несколько неожиданно появление в его записях ряда звонких согласных, в частности *б* и *д*. Таких фонем ни в одном из диалектов коряцкого языка нет. Например: *идди* — 'кухлянка'; *гибач* — 'кишки кита'; *туйдйэчик* — 'осень'; *гигиди* — 'порса' и т. п. Возникает предположение, что проводником Линденау был либо эвенк, либо эвен, возможно и якут, который знал в какой-то мере разговорный язык коряков. И как часто это бывает, он мог произносить коряцкие слова, исходя из фонетических норм своего родного языка. Справедливость этого предположения в какой-то мере подкрепляется следующим. В записях Линденау значатся такие слова: табак — *табак*; трубка — *ганса*. Носители других диалек-

¹⁶⁴ Там же, л. 61—62.

тов корякского языка произносят эти слова так: *тавак* — 'табак'; *канча* — 'трубка' (с тунгусского — ганса, ганза). По всей видимости, переводчиком Линденау был эвенк, который не очень хорошо знал русский язык и поэтому не всегда понимал его вопросы, что и привело к смещению имен с глаголами. Так, вместо слова 'вечер' у Линденау написано *куйэлкайил*, т. е. дана глагольная форма от основы 'спать'. Вместе с тем в записях Линденау около трети слов оказалось не корякского корня. Например: *небутчек* — 'женские торбасы'; *чбактэтэ* — 'совок для переноски раскаленных камней'; *дигин* — 'белуха'; *деде-анг* — 'улитка'; *самали* — 'нарты'; *пайап* — 'копыл' и т. д. Появились такие слова в описании Линденау либо потому, что его проводник и переводчик не знал корякских слов, либо потому, что местные коряки уже впитали в свой язык слова из какого-то другого языка, возможно и субстратного. Все же правильнее, видимо, будет полагать, что сопровождал Линденау эвен. В пользу данного предположения говорит то, что в рукописи Линденау довольно часто корякские названия сопровождаются сравнительными дополнениями «а по-ламутски — так». Например, «ободок с наушниками из беличьих хвостов — *алэлу* такой же, как *черми* у ламуток», «березовый нарост *кэйикые*, а по-ламутски *улла*» и т. п. Видимо, не всегда переводчик знал, как тот или иной предмет или явление называются по-корякски, и поэтому прибегал к словам тунгусского корня. Пожалуй, еще более неопровержимым доказательством, что переводчиком Линденау был тунгус, может служить то, что в качестве показателя множественного числа имен существительных он употреблял тунгусский формант *л/ил, эл*. Например: *камакил* — 'деревянный идол, изображающий мужчину'. Суффикс *л* — явно тунгусский и присоединен к корякской основе *камак* по правилам тунгусского языка, если основа слова оканчивается на согласную, то между основой и суффиксом *л* появляется соединительная гласная *и*.¹⁶⁵ Другой пример: *лаутэйил* — 'трава, применявшаяся во время жертвоприношений', вместо *лаутэн* и т. д.

Представляется вполне закономерным и то, что Линденау не отмечал в своих записях увулярного *к'*, поскольку в тунгусском языке такого звука нет, а переводчик произносил его как *к*. Вероятно, по этой причине, он не отметил в своих записях губно-губного *в'* и губно-зубного *в*. Обе эти фонемы он обозначал одним знаком *ш*. И все же его записи заслуживают фонетического анализа и возможных выводов на их основе.

В языке коряков Охотского побережья можно отметить, учитывая вышесказанное, следующие особенности. Этот говор, так условно назовем его, был и *э*-кающим и *а*-кающим одновременно, в чем можно убедиться на следующих примерах:

Охотский говор	Чавчувенский диалект	Русское значение слова
	Примеры <i>э</i> -канья	
конэйтэ мэти камэнг	к'онайтэ матыв' каман'а	питаны байдарка блюдо
	Примеры <i>а</i> -канья	
талита катакат ойэчик	тэлитэл к'этак'эт г'ойачек	«вертушка» кета молодой человек

Часто *а* и *э* охотского говора соответствуют *ы* чавчувенского диалекта. Например.

Охотский говор	Чавчувенский диалект	Русское значение слова
тигат куйэм	тигыт к'уйым	лыжи верхняя часть штанов
агитт аттэва-ат кыткытак койнгаг	ыйыт г'ытвыг'ыт кыткытык койн'ын	лук лодка, бат весной чашка, ковш

Встречаются примеры соответствия *э* охотского говора *й* чавчувенского диалекта. Например:

Охотский говор	Чавчувенский диалект	Русское значение слова
гизиги агитт	гийигий ыйыт	лестница лук

Г охотского говора соответствует также *в* и *в'* чавчувенского диалекта, например:

Охотский говор	Чавчувенский диалект	Русское значение слова
зукзун гойна	в'ывзын войны	камень ложка

Из области морфологии обнаруживается, что охотскому говору было свойственно употребление префикса *ку/ко* в глагольных формах изъявительного наклонения настоящего времени: *куй-элкаил* 'спит', 'видит сон'.

Побудительно-повелительная форма глагола в охотском говоре образуется при участии префикса *ээ/га*, например: *гэвиангинг* — 'издохни'.

Обращает на себя внимание также наличие в языке охотских коряков таких фонем, которые встречаются лишь в каменском диалекте корякского языка, а именно *з*, например: *чивазин* — 'доска в носовой части байдары', *озиумгат* — 'палки для подвешивания гадальных камней'.

¹⁶⁵ В а с и л е в и ч Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 674.

Эти данные дают повод сближать говор коряков Охотского побережья с каменским диалектом корякского языка.

В лексике коряков Охотского побережья обнаруживаются примеры, на основе которых можно говорить о каком-то сходстве их говора с диалектами оседлых коряков восточного побережья Камчатки (карагинцами и алюторцами). Например:

Охотский говор	Алюторский и карагинский диалекты	Русское значение слова
йупилнанг	тупила'ын	дверь
тыллатан	тыллытыл	коридор с входной дверью в землянке
титига	титин'а	игла
ачувач	а'суг'ас	горбуша (рыба)

Итак, говор охотских коряков, по имеющимся данным, ближе всего подходит к каменскому диалекту корякского языка, который в свою очередь ближе других примыкал к диалекту, на котором говорили коряки-оленьеводы (чавчумены).

Политика самодержавия на Охотском побережье. Начиная со второй половины XVII в. этническое развитие коряков Охотского побережья протекало под влиянием политики самодержавия, коренным образом в конце концов изменившие существовавшие там этнические взаимоотношения местных племен, их расселение, связи и т. п.

Появление русской власти на Охотском побережье, с одной стороны, приводило к прекращению столкновений между отдельными народностями и внутри их, а с другой — обостряло эти отношения, осложняло их, по крайней мере до начала второй половины XVIII в. Источником развития таких противоречивых отношений явилась политика самодержавия.

На Охотском побережье и в примыкавших к нему материковых областях еще задолго до прихода русских происходили столкновения коряков с тунгусами (эвенками и эвенами). Такого рода отношения возникли на почве постепенного вторжения тунгусов на территории, ранее освоенные коряками. После прихода русских тунгусы довольно быстро превратились в регулярных плательщиков ясака и уже в силу этого стали подзащитными самодержавия. Будучи ими, они иногда независимо от своего желания, а иногда и побуждаемые личными интересами, сопровождали русские отряды в их продвижении на Север, на территории, занимаемые коряками. Нередко, поощряемые местной администрацией, они участвовали в таких походах не только в качестве проводников, но и как воины. Они имели от этого выгоды, поощрялись местной администрацией.

Тяжкие испытания выпали на долю коряков Охотского побережья в 40—50-х годах XVIII в. Карательные экспедиции на побережье из Анадырска и Охотска привели к значительным жерт-

вам как с той, так и с другой стороны¹⁶⁶ и, пожалуй, еще больше запутали отношения между коряками и тунгусами, между самими коряками.

По указу Сената решено было прочно обосноваться на побережье. В 1739 г. был основан Ямский острог, в 1751 г. заложена Туманская крепость, в 1752 г. на реках Вилиге и Таватоме также были построены укрепления, а в 1752—1753 гг. была возведена основательно укрепленная Гижигинская крепость. С этого времени подчинение и умиротворение коряков, обложение их ясаком пошло быстрыми темпами. В то же время в результате сокращения численности коряков на прежних местах их обитания обосновались эвены, якуты, русские и стало появляться смешанное население. К концу 60-х годов XVIII в. коряки Охотского побережья управлялись старостами. Помимо ясака, они несли трудные ямские повинности.

С начала XIX в. материальное положение их значительно ухудшилось. Почти регулярно, через определенные промежутки лет, повторялись недоходы рыбы, сократились промыслы копытных животных. Тяжело сказался на материальном положении оседлого населения и уход коряков-оленьеводов с р. Гижиги и ее правых притоков на Север и на Камчатку. «С 1784 года, — писал А. Шаховской, — начались первые их (оленных коряков, — И. В.) переселения в Камчатку. Главная же часть находящихся ныне там коряков откочевала около 1800 года»¹⁶⁷.

В начале XIX в. теряются связи оседлых коряков Охотского побережья с оленеводами и почти полностью прекращаются они и с оседлыми северными коряками. Эта изоляция от других коряков еще в большей мере способствовала утрате ими самобытных черт в материальной и в духовной культуре, а также утрате своего языка.

¹⁶⁶ Шаховской А. Известия о Гижигинской крепости. — Северный архив, ч. IV, СПб., 1822; О к у н ь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, гл. IV.

¹⁶⁷ Там же, с. 288.

Глава VIII

КОРЯКИ-ОЛЕНЕВОДЫ

Расселение и численность. Уже в самом начале знакомства русских с коряками было засвидетельствовано наличие у них двух типов хозяйств, отражавших общественное разделение труда: оседлых морских охотников и рыболовов, с одной стороны, и кочевников-оленьеводов — с другой. Такое разделение их по характеру хозяйственных занятий сохранилось и в последующее время.

Установить численное соотношение между оседлыми и кочевыми коряками к середине XVII—началу XVIII в. невозможно. Более или менее правильно можно установить лишь места их расселения (кочевания) и в какой-то мере приблизительно определить их количество. Не случайно С. П. Крашенинников писал: «Сколько родов оленных коряк и сколько числом их, о том на Камчатке не ведомо, потому что они подсудны Анадырскому острогу, однако, думать можно, что сей народ купно с сидячими многочисленнее камчадалов».¹ Представление о численности коряков оказалось весьма преувеличенным. Что касается данных «о подсудных Анадырскому острогу», в ведении которого до основания Гижигинской крепости находились все кочевые, аляutorские, апукинские и оседлые коряки побережья Пенжинской губы, то их, по данным 1730 г., «по окладным ясашным книгам, состояло плательщиков оленных и сидячих коряк 558 человек».² Большую часть составляли оленеводы, однако и они не были тогда все учтены.

Уже в XVII в. было известно, что коряки-оленьеводы выделяли себя из общей среды оседлых коряков, в известной мере противопоставляя себя им. Все они, где бы ни встречались, называли себя *чапчуэн*, что значит 'оленьевод', 'человек, живущий оленями, которых он выпасает'. Так же называли их все подразделения оседлых коряков.

Оленные коряки отличались от оседлых не только хозяйственными занятиями, что само по себе весьма существенно, но также языком, типом жилища, средствами передвижения, бытом, обычаями,

культурами и т. п. В то же время в отличие от оседлых коряков, делившихся на несколько обособленных подразделений, в том числе и по языку, коряки-оленьеводы составляли определенное хозяйственно-культурное и языковое единство. У них, как, впрочем, и у оседлых коряков, бытовало представление о двойственности своего этнического состояния. С одной стороны, понятие общности, «родственности» всех коряков и вместе с тем отличия от соседей (ительменов, юкагиров, тунгусов, эскимосов и др.), а с другой — сознание того, что они оленеводы, люди другого образа жизни, других источников существования. В отличие от оседлых у них свои нравы, обычаи и особый диалект. Таким образом, у кочевников-оленьеводов бытовали, отражая действительное состояние их жизни, две ступени этнического самосознания: общее (они наряду с оседлыми — коряки) и частное (они — кочевники-оленьеводы). Говоря на своих диалектах, кочевники и оседлые коряки других подразделений вполне понимали друг друга, что укрепляло сознание общности их происхождения. Исторические предания утверждали их глубокие связи, единство, в то же время и резкое отличие от соседних народностей, говорящих на других, непонятных корякам языках, имеющих чуждые им традиции. Поэтому территория расселения коряков-оленьеводов и оседлых очерчивалась общими границами. Оленеводам отводились континентальные области, оседлым — прибрежные.

На Охотском побережье коряки-оленьеводы жили в XVII в. небольшими группами к северу от р. Тауй, далее на север — на реках Сиглане, Яме, Иреги и др. Значительно большие группы оленеводов кочевали по рекам Наяхане, Гарманде, Гижиге с ее притоками. С верховьев р. Гижиги коряки переходили на р. Омолон и ее притоки, где они кочевали со своими стадами в течение всего года. Отдельные стойбища коряков-оленьеводов выходили и в верховья р. Коркодона, уже в область расселения юкагиров.

Стойбища оленеводов находились также в среднем и верхнем течении р. Парени и ее притоков. Довольно большая группа их кочевала на п-ове Тайгонос, на правых и левых притоках р. Пенжины, на Парапольском доле, в северной части которого они близко подходили к р. Анадырь. Отдельные их группы бродили по верховьям правых притоков Анадыря, по рекам Апуке и Пахаче и далее по восточному побережью Камчатского полуострова до р. Панкары (Ивашки) включительно. По западному побережью, к югу от р. Пенжины, их стойбища в XVII в. были обнаружены далеко на юге полуострова. В. Атласов сталкивался с ними на р. Большой и, видимо, южнее.³

Оленные коряки как бы окаймляли с материковой стороны поселения приморских коряков по побережью Охотского моря, начиная от устья р. Олы и до р. Тигиля на западном побережье

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 452.

² Шашков С. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII в. — «Чтения ОИДР при Московском ун-те, 1864, кн. 3, с. 65.

³ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. — Сб. арх. материалов, Л., 1935, с. 28.

Камчатского полуострова, а на восточном — от р. Апуки на севере до р. Панкары на юге. Их стойбища растянулись более чем на 2000 км по Охотскому побережью и западному берегу Камчатки, а на восточном побережье — почти на 800 км. При такой огромной разбросанности расселения оленеводов они сохраняли целостность и единство во всех основных культурно-бытовых, языковых особенностях.

Устойчивость традиционной культуры и языка оленеводов определялись, видимо, самим характером их производства. Территориальная разобщенность стойбищ оленеводов, натуральный характер хозяйства, создававшего все необходимое для жизни, поддерживали замкнутость и обособленность отдельных общин, что в свою очередь способствовало консервации давно выработанных приемов выпаса оленей, ведения вообще оленеводческого хозяйства, установившихся традиций. Не случайно то, что на протяжении исследуемого времени никаких сколько-нибудь заметных изменений в самом производстве, в его технике, приемах, в материальной культуре и быту коряков-олeneводoв не наблюдается. Оно как бы застыло в своем развитии. Никаких усовершенствований в его ведении, по крайней мере с XVII по начало XX в., внесено не было. Оно велось по давно выработанным, достаточно рациональным и по-своему совершенным традициям.

Были и другие причины, содействовавшие сохранению единой культуры всех коряков-олeneводoв. Наиболее существенными представляются кардинально отличающиеся производство и быт оленеводов от производства и быта оседлых коряков, других народов — их соседей (ительменов, юкагиров, тунгусов и др.).

В XVIII и XIX в. происходили переселения оленеводов с Охотского побережья на Камчатку, на Север к Анадырю. Переселения приводили к смешению коряков-олeneводoв и тем самым к укреплению общеоленеводческих традиций и диалектных особенностей их языка.

Перемещения оленных коряков иногда на большие расстояния отмечались в XVIII—XIX вв. Например, в Петропавловском округе в середине XIX в. значился «корякский род», кочевавший «прежде около аляutorских селений и Ветвея, в котором числилось 20 ясачных плательщиков». Затем этот род потерялся. Начались розыски его. В 1862 г. сообщили, «что означенный корякский род нигде не найден», что он переселился ближе к Гижиге, где и платит ясак.⁴

На подвижность оленных коряков в конце XIX в. обратили внимание сначала С. Патканов, а затем В. Иохельсон. «Я встретил, — писал Иохельсон, — на Палпальском плоскогорье семьи оленных коряков, первоначальной родиной которых был Тайгоносский полуостров, с другой стороны, на Тайгоносском полуострове находились оленные люди, пришедшие с далекого вос-

тока». Согласно сведениям, сообщенным Паткановым Иохельсону, некоторые семьи оленных коряков из области р. Апуки во время переписи 1897 г. оказались в долине р. Гижиги, а некоторые семьи гижигинских оленных коряков были обнаружены на Палпальском плоскогорье.⁵ Количество аналогичных примеров можно увеличить. Но важно отметить сам факт дальних переселений, особенно практиковавшихся во второй половине XVII—XVIII в.

Наиболее полные и достоверные сведения об оленных коряках, находившихся в ведении Гижигинской крепости, имеются в окладной книге, «учиненной в 1767 году». Здесь они чисто номинально были разделены на 16 «родов», которым присвоены названия по именам старшин, наиболее почетных и богатых коряков. В общей сложности их насчитывалось 319 ясачных плательщиков,⁶ следовательно, всего около 1000 чел.

В 1774 г. «в платеже ясака в Ижигинскую крепость по книгам состояло» оленных коряков в 16 родах 344 чел. Общее число их следует считать около 1150 чел. Они жили в 36 стойбищах, «по партикулярным числениям, у них ныне следственно быт до 65 000 оленей». Эти оленные коряки «в летние времена кочевьем состоят при реках Тылхое, Парене, Ижиге (Гижиге, — И. В.), Наяхане и Таватоме, в зимнее время около Ижигинской крепости». Автор этих сведений не назвал здесь оленных коряков п-ова Тайгонос, кочевавших около р. *Рекинновоям*. На р. Пенжине и ее притоках в 70-х годах оленных коряков не было, так как здесь они подвергались нападению со стороны чукчей и поэтому из этих мест откочевали.

По окладной книге ясачного сбора Гижигинской крепости на 1784 г., «Гижигинского ведомства оленных коряк» числилось 363 ясачных плательщика, все в тех же 16 родах населения было свыше 1200 чел.⁸ В 1793 г. оленных коряков значилось 575 чел., включая мальчиков 2—3 лет.⁹ Следовательно, общее их число оставалось на уровне 1200—1300 чел.

В 1810 г., по данным учета гижигинского комиссара, мужского пола оленных коряков было 874 чел.¹⁰ Таким образом, общее число их можно полагать близким к 1700.

Последующие изменения в численности кочевых коряков по Гижигинской округе объясняются переселением коряков на Камчатку, что было вызвано разорением оленеводов, значительным сокращением количества у них оленей, падением промыслов, частыми недоходами рыбы в реки Охотского побережья, притесне-

⁵ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 10.

⁶ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 18, л. 1—14; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 557; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1946, с. 109.

⁷ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 7, л. 49—50.

⁸ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 48, л. 1—4.

⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1081, оп. 2, д. 8, 6/п.

¹⁰ Там же, ф. 1084, оп. 4, д. 39, л. 14—51.

⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1, оп. 5, д. 52, л. 24.

ниями, которые возникали в связи с проникновением эвенков на территории, занятые коряками. Камчатка во всех этих отношениях была более благополучным местом, во всяком случае здесь было достаточно рыбы, еще водились дикие олени, горные бараны, было много свободных малообжитых мест.

В 1832 г. в Гижигинской округе состояло уже только 550 плательщиков ясака и податей кочевых коряков, следовательно, всего их было около 1100 чел.¹¹

После 8-й ревизии оленные коряки Гижигинской округи, разделившиеся ранее на 16, затем на 15 родов административно были сведены в один род.¹² Позднее они снова были разделены на «роды» для чисто административных целей, но уже под другими наименованиями, номерными и территориальными.

В 1894 г. во всех числившихся в Гижигинском округе родах оленных коряк (Тайгоносском, 1-м, 2-м, 3-м Гижигинском и Апукском) насчитывалось 926 чел.¹³

В Петропавловском округе в 1849 г. кочующих коряков около Тигильской крепости было 121 чел., около рек Пустой и Таловки — 67 чел. и на восточном побережье Камчатки — 81 чел. Всего 269 чел.¹⁴ В 1891 г. было 405 чел., в 1894 г. — 556 чел.¹⁵ Число оленеводов заметно увеличилось за счет переселения из Гижигинского округа.

По результатам переписи 1897 г., обработанными С. Паткановым, который передал неопубликованные материалы этой обработки В. Иохельсону, вскрывается, пожалуй, наиболее точная и подробная картина расселения и численности оленных коряков вообще и в Гижигинской округе в частности.¹⁶ В дополнение к данным С. Патканова В. Иохельсон использовал статистические данные Гижигинского архива. В это время различались 4 группы оленных коряков по Гижигинскому округу. Тайгоносские, в зимнее время они кочевали в долинах рек Таполовки (*Макаланувэем*), Килимаджи (*Килимачевонэем*), Матуги (*Матуканэем*), Чейбуга (*Пойэмйанэем*) и Авековой (*Илатан'авэем*). Только 3 или 4 семейства проводили зиму в долине р. Гижиги (*Вуйвовэем*). В летнее время тайгоносские коряки находились в хребтах этого полуострова. По официальным данным, они назывались Тайгоносским родом. По сведениям 1850 г., их было 235 чел. (104 мужчины и 131 женщина). По отчету начальника Гижигинского округа за 1882 г., этот род состоял из 69 семей, в составе которых насчитывалось 251 чел. (121 мужчина и 130 женщин). По переписи

1897 г., на Тайгоносском полуострове был зарегистрирован 381 чел. (202 мужчины и 179 женщины). Однако во время экспедиции В. Иохельсона (1901 г.) их оказалось 73 семьи, 318 чел. (168 мужчин и 150 женщин).

Другие оленные коряки были сведены в три Гижигинских рода: 1-й, 2-й и 3-й. Каждый из них держался в пределах определенной территории, что, видимо, и послужило основанием к такому их делению. Они кочевали к северу от р. Гижиги и Пенжинского залива, между реками Пенжиной и Вархалааом и отчасти на Парапальском доле, к югу от р. Пенжины. 1-й Гижигинский род кочевал главным образом между реками Вархалааом и Паренью; 2-й — в долинах рек Тылхоя и Микино, 3-й — в долине реки Аклана и в тундре между реками Пенжиной и Пустой (*Евлевывэем*). В 1850 г. в этих трех родах значилось 423 чел. (152 — в 1-м, 167 — во 2-м и 104 — в 3-м). По данным С. Патканова, их насчитывалось 531 чел. Кроме того, по его же сведениям, была еще одна группа оленных коряков Гижигинского округа, не причисленных к какому-либо из официально именуемых родов. Кочевали они в разных местах северо-восточной части округа. Их численность он определял в 590 чел. Имелся еще так называемый Апукский род, кочевал он в северной части Парапальского дола, отчасти на Палпальском хребте. По данным 1850 г., их было 206 чел. Патканов определил их численность в 431 чел. По расспросным данным В. Иохельсона, около 60 семей оленеводов кочевало между реками Таловкой, Лесной и Вывныком. По всей видимости, часть из них попадала уже в границы Петропавловского округа.

По данным архива Гижигинского окружного управления, до 1850 г. был еще Ветвейско-алюторский род оленных коряков. В 1859 г. (во время 10-й ревизии) их уже не оказалось. В 1873 г. гижигинская администрация сообщала, что эти коряки перекочевали в Петропавловский округ. Видимо, это так и было, о чем будет сказано ниже. Отвечая на вопросы Иохельсона, Патканов назвал «Ветвейский род», состоявший всего лишь из 21 чел.¹⁷

Во второй половине XIX в. усилилось обзаведение оленями оседлых коряков. Они явно стремились создать себе дополнительный источник существования, более надежный, чем угасавшие с каждым годом промыслы диких оленей. Складывалось особое оленеводческое хозяйство, тесно переплетавшееся с такими промыслами, как рыболовство и морской зверобойный промысел, с бытом и культурой оседлых коряков.¹⁸ В сознании этих коряков и в понимании окружающих их коряков они не были *чавчыав*, т. е. собственно оленеводами, а были *рамкыкэна* — 'люди стойбищ', но якутцами, карагинцами, каменцами и т. п., т. е. они

¹¹ Там же, ф. 1076, оп. 3, д. 413, л. 11—14.

¹² Сгибнев А. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк). — Морской сборник, 1896, № 12, с. 24.

¹³ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II. СПб., 1900, прил. 6, табл. VI.

¹⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1067, оп. 1, д. 249, л. 65—70.

¹⁵ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, прил. 6, табл. II.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 12—15.

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 12—14.

¹⁸ Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы. К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков. — Сов. этнография, 1938, № 1, с. 129—145.

считали себя (и так их считали другие) теми группами, с которыми они были связаны происхождением и реальными родственными и другими узами. По происхождению, основным чертам культуры, по языку их следовало бы относить к соответствующим подразделениям оседлых коряков. Данные о такого рода оленеводах в Гижигинском округе были собраны Паткановым. Однако эти группы коряков В. Иохельсон не считал оленеводами, быть может не обосновательно. По этому поводу он писал: «Кроме оленных коряков Гижигинского округа, имеются еще группы, которые хотя кочуют с оленями, но которые не составляют независимые группы оленных людей. Семьи этих оленеводов связаны узами родства с жителями того или другого селения сидячих коряков, с которыми они составляют одну административную единицу. Они кочуют близко от этих селений. Часто одна часть семьи кочует с оленями, другая живет в селении. Кочующая семья имеет в своем стаде оленей, принадлежащих родственникам, живущим оседло в селении. Мы часто встречаем такого рода оленных людей на севере Камчатского полуострова и в прибрежной полосе Берингова моря. Патканов сообщил мне, что, по переписи 1897 г., 31 оленный человек (16 м. и 15 ж.), кочующие в долине р. Авеково, принадлежат к приморским корякам 2-го Паренского рода и 14 оленных коряков, кочующих на Парапольском доле, причислены к 1-му Каменскому роду сидячих коряков. Я не слышал, чтобы паренцы имели родственников среди оленных коряков, но я знаю трех сидячих коряков в с. Каменском, которые покупкой приобрели оленей; однако они сами не пасут их, а оставляют своих оленей на попечении настоящих оленеводов. Общее число оленных коряков Гижигинского округа, находящихся в родстве с сидячими жителями селений и рассматриваемых как принадлежащие к оседлым корякам, составляют, по Патканову, 461 чел. (236 м. и 226 ж.). Таким образом, получается, что общее количество оленных коряков в конце XIX—начале XX в. только в Гижигинском округе составляло 2389 человек». Сообщая эту цифру, Иохельсон оговаривается: «... данные, касающиеся численности оленных коряков Гижигинского округа, неполны и отчасти противоречивы»,¹⁹ но в общем они близки к ней.

В 1897 г. в Анадырском округе находилось 75 оленных коряков, кочевавших вместе с чукчами по северным склонам Палпальского хребта. Несколько групп оленных коряков кочевало в Петропавловском округе. Однако сколько-нибудь надежных данных о их количестве на Камчатском полуострове в XVIII в. нет, так как до 60-х годов XVIII в. они были «подсудны Анадырскому острогу», позднее часть из них попала в ведение Гижигинской крепости и лишь к началу XIX в. ими стали заниматься и на Камчатке.

Если до присоединения Камчатки оленные коряки заходили далеко на юг, то после началось обратное их движение. И уже

в 30-х годах XVIII в. их южная граница расселения на Камчатском полуострове проходила на восточном побережье по р. Караге, на западном — по р. Лесной.²⁰ «Иногда прикочевывают они и ближе к Камчатке, — писал С. П. Крашенинников, — особенно когда есть опасность от чукоц, бедственных их неприятелей, однако ж редко».²¹ Как много их было, сказать трудно. Определенные сведения появились лишь в XIX в.

В 1829 г. начальник Камчатки капитан 2-го ранга Голенищев представил в правительство записку о состоянии и нуждах Камчатки. К III части этого труда приложена «Генеральная карта полуострова Камчатки», на которой обозначено расселение коряков-оленеводов и указана их численность. В верхнем течении р. Тигиля пунктиром обозначен район в виде вытянутого с юга на север эллипса, внутри которого надпись: «Здесь кочуют коряки старшины Юмгичена Тэльэта — 61 мужчина и 31 женщина».²² По верховьям рек Подкагирной и Пустой пунктиром обозначен район кочевания коряков: «Здесь кочуют коряки старшины Отека Кегычайва — 64 мужчины, 27 женщин». От верховий р. Телички на север в сторону р. Олюторки пунктиром намечено расположение оленных коряков: «Здесь живут коряки старшины Анлыча Мукэвьяна — 49 мужчин, 19 женщин».²³ В том же документе отмечено, что «оленных коряков, расположенных близ Тигильской крепости, семь юрт; расположенных на Парапольском долу в девяти юртах; расположенных по Ветвейскому берегу в семи юртах».²⁴ Таким образом, оказывается, что в 1829 г. общее число оленных коряков на Камчатке составляло около 350 чел., проживающих в 23 юртах (яангах).

В 1836 г. на Камчатке числилось коряков, «кочующих около Тигильской крепости, 30 чел.», подлежащих обложению «в урочищах около рек Пустой и Таловской» 38 и в «урочищах Ветвея и Олюторских селений» 24.²⁵ Всего в этих трех группах кочевников было 174 мужчины, следовательно, всех можно полагать около 350 чел. Большую часть этих коряков составляли переселенцы из Гижигинского округа.

²⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 448.

²¹ Там же.

²² Число женщин очень занижено. И это характерно для статистики XVIII—начала XIX в. К именной ведомости, составленной в 1810 г. гижигинским земским комиссаром, по этому поводу сделано следующее разъяснение: «Сверх же означенных переписанных женский пол (не учтен) по недаче в переписи комиссару как оленными, так и пешими Каменского, Ягачинского, Лыватенского и Паренского селений коряков (сведений о женщинах)... По оным (жоряки) объясняют причину, (что) по переписи-де на оное последовать может, как принужденное крещение и потом взятие за русских сочетанием в замужество» (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1084, оп. 4, д. 39, л. 50—51).

²³ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 168, л. 145.

²⁴ Там же, л. 149.

²⁵ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 27, л. 6. Можно предполагать, что в числе 24 плательщиков ясака, кочевавших «в урочищах алюторских селений», были собственно алюторцы, имевшие своих оленей.

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 16—17.

Еще в 1821 г. между Гижигой и Петропавловском завязалась переписка по поводу переселения на Камчатку около 700 оленеводов (339 мужчин). К 1829 г. оказалось, что «из числа отчисленных в Камчатское ведомство 339 душ коряк некоторая часть находится на реке Куевеме (?), также часть из тех же коряк находится около Ветвейского острожка и небольшая часть около Тигильской крепости»,²⁶ а «209 душ были еще недоприняты», их разыскивали, но на Камчатке их не было. Следовательно, на Камчатку к 1829 г. переселилось около 280 чел.

В дальнейшем переселение продолжалось на протяжении почти всего XIX в. В 1890 г. был составлен «Посемейный список оленных коряк и чукчей Гижигинского округа, кочующих с давних лет в Петропавловском округе». В этом списке отмечено в особой графе «время перекочевки из Гижигинского округа и количество имеемых оленей». Последние данные дают основание установить те социальные причины, которые побудили коряков (табл. 21) и чукчей (табл. 22) переселиться на Камчатку. В северные районы устремлялись преимущественно беднота, малооленные коряки.

Таблица 21

Сведения о коряках, переселившихся на Камчатку с 1820 по 1890 г.

Год переселения	Количество хозяйств	Всего людей в 1890 г.	Количество оленей в этих хозяйствах в 1890 г.
1820	1	12	150
1840-е	3	15	280
1850-е	4	23	440
1860	7	39	781
1865	2	16	500
1868	3	19	950
1870	5	27	270
1876	1	6	14
1880	2	11	60
1884	1	5	—
1885	3	23	210
1887	1	6	80
1888	3	22	800
1889	24	113	912
1890	6	28	5056
Всего	66	365	10503

Примечание. См.: ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 3, л. 3—8.

Принадлежность данной группы к чукчам вызывает некоторое сомнение, по крайней мере во время составления списка. Дело

²⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 129, л. 39.

Таблица 22

Сведения о чукчах, переселившихся на Камчатку с 1830 по 1890 г.

Год переселения	Количество хозяйств	Всего людей в 1890 г.	Количество оленей в этих хозяйствах в 1890 г.
1830	1	6	60
1850	4	30	300
1857	2	14	600
1860	2	11	50
1866	1	6	100
1870	3	18	150
1873	1	2	100
1879	3	27	1200
1885	7	35	301
1887	1	6	30
1888	1	8	17
1889	3	8	26
Всего	29	171	2934

Примечание. См.: ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 3, л. 9—11.

в том, что из 171 имени, перечисленного в списке, далеко не все образованы от чукотских основ. Многие мужские и женские имена образованы от основ чавчувенского диалекта корякского языка. Данное обстоятельство можно рассматривать либо как результат смешанных браков между чукчами и коряками-чавчувенами, либо как результат языковой ассимиляции чукчей чавчувенами. В списке наряду с чукотскими именами даже в одной и той же семье встречаются имена корякские. Например:

Чукотские имена Корякские имена

Лектувьи	Эвелк'ут
Таврин'	Каньча
Эттувги	Кэккэт
Якъяк	Икавав
Рэкэв	Эльгачачам
Кававтагын	Кэтгэтвагал
Ульватэгын	Лалач

Коряки оказались в основном на восточном побережье: 11 хозяйств было приписано к Кичигинскому обществу, 5 — к Култушинскому, 2 — к Тиличинскому, 4 — к Вывенскому, 1 — к Олюторскому, 3 — к Пусторецкому, 2 — к Подкагирскому, 1 — к Рекинниковскому, 1 — к Каменскому. Чукчи обосновались в северной части современного Олюторского района на реках Пахаче и Апуке и частично около рек Ветвей и Хаилина.²⁷

По сведениям В. Иохельсона, оленных коряков в Петропавловском округе было две группы. Первая, согласно официально данным, состояла из двух родов: «1-го кожевого рода», в составе которого насчитывалось 272 чел., и 2-го, в котором было 284 чел. Всего 556 чел. Оба эти рода кочевали по западному склону Камчатского хребта, от северных границ округа до 55° северной широты. По данным переписи 1897 г., их насчитывалось значительно больше — 756 чел.

Вторая группа оленеводов кочевала по восточным склонам Камчатского хребта. Согласно данным С. Патканова, она состояла из оленеводов, принадлежавших к селениям приморских коряков (из оседлых — *рамжкэнае*), и собственно оленных коряков, перекочевавших в Петропавловский округ из Гижигинского. В этой группе насчитывалось 528 чел.²⁸ Общее же число оленных коряков Петропавловского округа, согласно переписи 1897 г., равнялось 1284 чел. Следовательно, за вторую половину XIX в. число оленеводов на Камчатке увеличилось почти в 4 раза. Таким образом, всех оленных (кочевых) коряков в 1897 г. было 3748 чел., что составляло почти половину всех коряков.

²⁷ Граница между Гижигинским и Петропавловским округами проходила по р. Тымлату на восточном побережье Камчатки и по р. Шаманке — на западном. Все корякское население, жившее к северу от этой линии, входило в Гижигинский округ.

²⁸ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 17—18.

В 1915 г., как сообщал начальник Петропавловского уезда, оленные коряки Камчатки на восточном побережье были приписаны к обществам оседлых коряков, а на западном они были организованы в два рода. На восточном побережье они жили на о. Карагинском — 81 чел.; причислены к с. Карагинское — 76 чел., к с. Тымлат — 50, к с. Кичига — 216; кочующих по западному берегу между селениями Лесная и Ича в первом роде было 385 чел., во втором — 310.²⁹ Очевидно, и в начале XX в. шло увеличение оленеводов по западному берегу, о чем говорит сопоставление данных 1897 г. со сведениями 1915 г. Ни данные 1897, ни данные 1915 г. не учитывали этнической принадлежности оленеводов, приписанных к селениям оседлых коряков. Поэтому в цитированных сведениях были оленеводы из оседлых, т. е. собственно карагинцы, аляutorцы, а также паланцы.³⁰

К началу XIX в. оленных коряков в ведении Охотского уезда уже не было.

При анализе вышеприведенных цифровых данных намечается картина колебания численности оленеводов. Исторические события конца XVII—XIX вв. по-разному отразились на движении численности и расселении их. С конца XVII в. и до 70-х годов XVIII в. оленеводы понесли определенные потери во время их подчинения и обложения ясаком. В то же время их систематически преследовали своими набегами чукчи. Только с 1725 по 1773 г. «всего убито и в плен взято коряков 327 человек». При этом были захвачены олени и имущество 47 хозяйств,³¹ которые были разорены и, конечно, не могли восстановиться. К этим невзгодам следует добавить эпидемии оспы конца XVII, середины XVIII в. К концу XVIII в. положение стабилизировалось. Отношения с чукчами были налажены, набеги прекратились. Упорядочились отношения с самодержавием, что также положительно сказалось на жизни коряков-оленеводов. Освоение ими в XIX в. новых районов расселения — севера Камчатского полуострова, возвращение оленеводов в область р. Пенжины и ее притоков, на Паратольский дол благоприятствовали восстановлению оленеводческого хозяйства и постепенному увеличению численности самих коряков-оленеводов. Возможно, что их число пополнялось также в какой-то мере за счет ассимиляции проникавших на территорию их расселения чукчей.

Материальное производство и материальная культура коряков-оленеводов. Сведения об оленных коряках, их производстве средств к существованию, материальной культуре, образе жизни,

²⁹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 347, л. 332—333. По данным 1914 г., их было несколько больше; 387 мужчин и 366 женщин, т. е. всего 753 чел. (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 42).

³⁰ По данным В. Г. Богораза (1901 г.), на западном берегу Камчатского полуострова числилось приписанных к с. Лесная 61 оленевод (Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 18).

³¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 45—49.

обычаях и представлениях имеются лишь от первой половины XVIII в. Собраны и обработаны они были С. П. Крашенинниковым. Во многом его сведения носят обобщенный характер, хотя и не лишены ряда весьма существенных подробностей. Например, обстоятельно описано устройство оленьих нарт для легкой езды, упряжь, езда на оленях.³²

Жили оленные коряки «по таким местам, где моху довольно, которым питаются олени их, невзирая на то, что водою и лесом скудно, а наипаче в зимнее время: ибо они снег тогда вместо воды употребляют, а варят мохом или сырым сланцом, которого везде довольно».³³ Как следует из этого описания, вся жизнь кочевых коряков была подчинена основному их хозяйственному занятию — выпасу оленей. При этом сами они терпели всевозможные лишения (отсутствие воды) и неудобства (растлаивали снег, огонь поддерживали сырым сланцем и т. п.).

Кочевому их быту соответствовало и жилище. «Юрты у них подобны юртам других кочевых народов. . . Зимой покрывают их оленьими новыми кожами для тепла, а летом старыми ровдугами».³⁴ И эти особенности сохранились до XX в. Для приготовления пищи, внутри жилища («юрты» — *яан'а*) разводился костер. Оружие их состояло «в луках, стрелах и копьях, которые прежде сего из костей же и из камней делали».³⁵

Средством передвижения корякам-оленеводам служили олени. «Ездят на оленях токмо в зимнее время. Впрягают в сани по два оленя. Лямки, которыми они тянут, подобны собачьим алакам; надеваются обоим оленям на правую сторону. Узды оленьи подобны обратям конским. У узды правого оленя бывает на лбу по три и по четыре косточки наподобие коренных зубов с четырьмя шипами, а накладываются на узду, чтоб оленя на бегу остановить скорее. . . Коряка сидит на саях близ головашек, а правит их уздою. . . Погоняют их тонкою палкою длиною аршина в полтора или доле, у которого на одном конце костяная головочка, а на другом крючок. Головочкою оленей бьют, а крючком отдевают потяги; когда оленю заступит случается».³⁶ Это описание С. П. Крашенинниковым упряжи, устройства нарт, езды на оленях во всех деталях совпадает с устройством упряжи, нарт и т. п., подробно описанными В. Иохельсоном в начале XX в.³⁷ За прошедшие двести лет никаких заметных изменений в средствах передвижения оленеводов не произошло.³⁸

³² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 453—454.

³³ Там же, с. 452.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 460.

³⁶ Там же, с. 453—454.

³⁷ Jochelson W. The Koryak, p. II. Leiden—N. Y., 1908, с. 484—488; Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, с. 44, табл. 2; с. 40, табл. 14.

³⁸ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 469—502.

Одежда оленных коряков — «из оленьих шкур». На женщинах «лежит вся кожаная, платяная и сапожная работа. . . Шьют оленьими станowymi жилами».³⁹

Олени были источником богатства и благополучия коряков-кочевников. «Питаются оленьим мясом. . . Едят наиболее вареное мясо, а за излишеством сушат и коптят в юртах. . . Едят же коряки и других зверей, каких не промысляют. . . Трав, коренья и коры с деревьев не употребляют в пищу, разве бедные, и то в случае голоду; рыбу также одни пастухи ловят, и то весьма мало. Ягод в зиму не запасают же, но токмо едят в летнее время. Большой сладости в пище понять не могут, как голубица толченая с оленьим жиром и сараной».⁴⁰ Основная их посуда состояла из котлов и деревянных лотков.

На основе владения оленями у коряков уже в XVIII в. существовало имущественное неравенство, закрепленное соответствующими правовыми нормами. «У богатых коряк тысяч по двадцать, по тридцать и больше оленей», — писал Крашенинников. Это несомненное преувеличение численности оленей у отдельных владельцев. Однако дело не в абсолютном числе, а в том, что у одного их было много, у других — мало. Крашенинников очень остро почувствовал это разделение коряков на богатых и бедных и поэтому отметил проявление его не только в имущественном неравенстве, но и в быту, в традициях, в некоторых правовых установлениях. «Если коряка лишится своих оленей, — писал он, — то беднее камчадала бывает. Нет ему другого способа к пропитанию, как задаться в пастухи к богатому, ибо рыбы он промыслять не умеет, а хотя бы и мог по нужде, то нельзя лодками, сетями и собаками завестись в скорости, а в пастухах пища ему и платье готовое; притом есть ли у него малое число своих оленей, то может он пасти их с хозяйскими и, не употребляя себе на пищу, расплодить со временем нарочитое стадо».⁴¹

Вчитываясь в наблюдения Крашенинникова относительно экономических взаимоотношений у коряков-оленьеводов, невольно возникают ассоциации с установлениями, существовавшими в начале XX в. Например, работа пастуха у стадовладельца оплачивалась и в XX в. так же, как и в первой половине XVIII в. Данный пример — лишнее доказательство удивительно медленного экономического и социального развития оленеводческого хозяйства у кочевых коряков.

«Владельцев до покорения российскому скипетру у них не было, но тот власть некоторую имел, которой был оленьми богаче». Значит, имущественное превосходство перед другими давало и социальные права. Отмечая отсутствие у коряков мер длины для определения расстояний, Крашенинников замечает: «. . . расстоя-

ние мест счисляют по дням . . . у богатых расстояние одного дня больше, нежели у бедных».⁴²

Различия в имущественном положении отражались и на брачных связях. «Женятся богатые на богатых, а скудные на скудных. . . Жен берут наиболее из своего роду, двоюродных сестер, теток и мачих. Жен имеют по две и по три и содержат их по разным местам, дав пастухов и табуны особливые».⁴³ Оленевод богатым мог стать с детства, так как «богатые отдают им (новорожденным, — И. В.) несколько оленей на их щастие, которыми однако же не могут дети пользоваться до возраста совершенного».⁴⁴

Что представляло из себя оленеводческое хозяйство коряков в XVIII в.? Каким количеством оленей оно располагало, какие имелись орудия производства, оружие, предметы домашнего быта и т. п.? На эти вопросы дает исчерпывающий ответ документ 1755 г., в котором перечисляется все имущество стойбища оленевода Яллаха, находившегося между реками Карагой и Тымлатом.

В апреле 1755 г. в стойбище жило 88 коряков. Их стадо состояло из 200 быков, 553 важенков и 54 новорожденных телят (только что начался отел). Они имели 116 «санок оленных», очевидно разного назначения (грузовые нарты и для легкой езды). Кроме того, им принадлежало следующее имущество.

1. Пушнины: «лисиц сиводусчатых — 3; лисиц красных — 10; лисий лоскут — 1; песцов — 3; выдр — 1».

2. Мануфактурных изделий: «китайки лазоревой — 2 конца; тика полосатого — 1 конец, выбойки бухарской — 1 конец».

3. Оленьих шкур: «постелей зимних оленьих кож — 84; постелей внешних оленьих кож — 60; лоскутов оленьих кож — 5; камосов оленьих — 320».

4. Кож собачьих — 10.

5. Одежда: «кухлянок оленьих кож новых — 26; кухлянка маленькая — 1; кухлянок ношенных некорысных — 12; парки выпороточьи маленькие — 3; штанов теплых ветхих оленьих, в том числе одне собачьи, — 20; хоньбов⁴⁵ ребячьих ношенных — 18; хоньбов ребячьих — 17; чибаков⁴⁶ ребячьих росомачьих — 5; чибаков из волчьих голов — 4; чибаков из собачьих кож — 3; чибаков из оленьих камосов — 1; чибаков якутской работы женских ветхих, верх шитый золотом — 1; ошейников белых хвостов — 1; рубашек пестрой дабы — 1; штанов ситцевых — 1; платков бязи белой — 1; платков холщовых — 1; тарбазов оленьих камосов — 13 пар; камлей оленьих кож — 20; рубашек фанзовых — 1; рубашек хамовых⁴⁷ — 1; сарафанов китайчатых — 1».

⁴² Там же, с. 456—457.

⁴³ Там же, с. 458.

⁴⁴ Там же, с. 459.

⁴⁵ Хоньбы — меховой женский комбинезон (из шкур оленей).

⁴⁶ Чибак — женская меховая шапка.

⁴⁷ Хамовый — полотняный.

³⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 460.

⁴⁰ Там же, с. 453.

⁴¹ Там же, с. 455.

6. Чемоданов для хранения и перевозки домашних вещей и продуктов: «нерпичьих годных — 70; чемоданов плохих — 61; чемоданов нерпичьих — 13».

7. Постельных принадлежностей: «одеял теплых выспанных, а в них 45 постель — 16».

8. Жилища и их части: «чумов теплых оленьих кож — 18; чумов холодных голых — 12; полог, в нем два конца китайки да конец выбойки — 1; пологов из китайки и дабы — 1; пологов из лоскутов разных выбойчатого и холшового — 1».

9. Украшения: «ошейных вязок из моржовых зубов — 2».

10. Снасти рыболовные и для добычи морских зверей и принадлежности к ним: «сетей на красную рыбу крапивных новых — 79 сажен; сетей на красную рыбу ветхих — 47 сажен; прядена крапивного — 7 фунтов; сетей на нерпу жильных — 13 сажен; сетей неводных — 54 столба».⁴⁸

11. Кож и шкуры морских животных: «лахтаков кож — 39; лоскутов больших и малых моржовых — 24; кож нерпичьих больших и малых — 13; мандарки красной — 2 лоскута».

12. Ремней и арканов: «чаутов (арканов, — И. В.) мерой 86 сажен; ремней лахтажских тонких — 891 сажень; ремней моржовых — 5 $\frac{1}{2}$ сажен».

13. Упряжи оленьей: «узд оленьих — 23; оленьих лямок — 23».

14. Посуды: «котлов медных больших и малых — 9 (1 пуд 15 фунтов); котлов медных больших и малых с заплатками и дырчатых с дугами железными — 16 (2 пуда 10 фунтов); зеленой меди — 2 котла, в том числе один дырчатый без дуги; котликов железных — 4 (11 фунтов); меди красной 2 $\frac{1}{2}$ фунта».

15. Инструментов: «топоров в напарку годных — 8; тесел в напарку годных — 1; ножей больших — 2; ножей малых — 3, в том числе один столовый; топоров железных камчадалских — 11; клещей маленьких — 1; зубков клепадных — 9; трезупцев железных маленьких — 3; сверлоков железных маленьких — 5; топоров годных — 8; тесел годных — 1; зубил — 1; клещей железных — 1; молотков одноручных — 1».

16. Оружия: «палемок — 2; луков — 9, в том числе 5 без тетив; стрел железных — 82; стрел костяных — 33; стрел костянок — 140; тулов ровдужных — 17, в том числе камасных — 2; куяков железных коряцких — 5; куяков костяных — 4; куяков лахтажных — 1; луков — 7».⁴⁹ Кроме того, при конфискации стада оленей «с ним же, Поповым, отправлено юртовых чумов зимних теплых десять, летних то ж число».⁵⁰

⁴⁸ Столб — крыло невода.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 2, л. 29—30.

⁵⁰ Там же, л. 26. Большое количество такого имущества, как зимние и летние «чумы» и пр., объясняется тем, что в 1754 г. Яллах и его родственники разграбили имущество оленеводов, кочевавших около Тигиля.

Как видно из данного документа, эти оленеводы занимались рыболовством, о чем свидетельствуют соответствующие орудия (сети, невода). Их рыболовство было относительно высокоразвитым, поскольку они применяли такие орудия лова, как невода. Можно полагать, что добываемая рыба заготавливалась впрок на зиму. Этот материал дает основание говорить о занятиях данной группы оленеводов промыслом морских зверей (тюленей), но только при помощи «жилых сетей», так как никаких других орудий для целей этого промысла не названо. Интересно, что в перечне имущества рассматриваемой группы оленеводов не было глиняных изделий. В середине XVIII в. они уже пользовались только медными и железными котлами, умели их чинить, имели разнообразный набор металлических инструментов. И в то же время они еще пользовались стрелами «костянками», т. е. с костяными наконечниками (каменных наконечников у них уже не было). Богато и разнообразно представлены куяки (латы) — «железные коряцкие» (видимо, коряцкой работы), «костяные и лахтажские». Все это говорит о беспокойной жизни оленеводов, о необходимости иметь соответствующие средства защиты, оружие. Несколько неожиданно отсутствие копий, названы только «2 палемки». Очевидно, эти коряки находились в обменных связях с русскими, поскольку в составе их имущества оказались предметы одежды (рубахи, сарафаны, платки), приобретенные у русских, и даже полога, спитые из тканей.

Важное значение в экономике оленеводов всех территориальных групп имела сухопутная охота, а где возможно, и промысел морских зверей и рыболовство. Об этих их дополнительных занятиях упоминается в документах XVIII и начала XIX в. Можно определенно говорить о том, что в подавляющем большинстве коряки-олeneводы вели еще комплексное хозяйство. Преобладающее значение, однако, оставалось за оленеводством. Занятия промыслами находились в зависимости от количества оленей. Чем больше было оленей, тем меньше их владельцы прибегали к рыболовству и другим промыслам. Эта зависимость понятна: большое стадо оленей требовало большего ухода за собой, оно было более подвижным, нужно было чаще перекочевывать. В то же время большое стадо обеспечивало продуктами питания, материалами для жилья, одежды, обуви, Излишки продуктов оленеводства поступали в обмен на недостающие в хозяйстве продукты морского промысла (кожи тюленей, ремни и т. п.). И, наоборот, чем меньше было возможностей существовать за счет собственного стада, тем больше нужно было заниматься промыслами (охотой, рыболовством).

Материалы XVIII в. отражают довольно тесное переплетение оленеводческого хозяйства коряков с промыслами. В «Известии о нравах и поведении имеющихся в ведомстве Гижигинской крепости иноверческих народов» от 1767 г. сообщалось, что «коленные коряки пропитание имеют упромышленными в тундре по разным

местам сохатыми зверями и дикими оленями, а между тем убивая своих каргинных, яко то необученных к езде и езжалых оленных табунов. . . Кроме того, как оленные, так и пешие в летнее время собирают родившие по тундре ягоды, называемые марошку, голубелю, брусику, шикшу и кислицу, також сланцевые с кедров орехи и протчия земляные плодородные коренья». ⁵¹

Из показаний корякских князцов и старшин, записанных в 1767 г. переводчиком корякского языка Е. Пургиным, следует, что большая группа оленных коряков (6 стойбищ, 21 яранга), проводивших лето на реках Тылкое, Парени и около «Алойской росошины» (р. Алой, приток Омолона), «в летнее время пропитание имеют упромышленною рыбкою, называемою красной, також и гольцами. А на Парене-реке иногда годом по довольству оной рыбы красной к зиме заготавливают на пропитание ж юколу. А по большей части пропитание имеют упромышленными ж дикими оленями, також на Пенжине зверями, называемыми сохатыми, а Эмгуто Эткунов с родниками своими пропитание ж имеет упромышленными ж около Алойской росошины и Гармандинской вершины дикими оленями, баранами и сохатыми, а по не имению у них вышписанных зверей и рыбы в промысле, убивают на пищу из имеющих у них табунных собственных каргинных и езжалых оленей». ⁵²

Оба процитированных документа относятся к одному месту и времени. Они как бы подтверждают друг друга и дополняют. Из них следует, что оленеводство, по крайней мере этой группы коряков, кочевавших около р. Караги (о чем говорилось выше), еще полностью не отделилось от традиционных промыслов, предшествовавших появлению домашнего оленеводства, и, по всей видимости, не сформировалось еще в узко специализированное оленеводческое хозяйство. Во всяком случае имеющиеся данные говорят о привязанности оленеводов к промыслам и их важном значении в экономике коряков-кочевников. Цитированные документы и другие источники (например, Крашенинников) ⁵³ выделяют и подчеркивают особую бережливость коряков к расходованию для личных нужд оленей из стада. Это не просто скудость, а свидетельство неустойчивости, неразвитости данного хозяйственного занятия. О неустойчивости их хозяйства сообщают те же документы: «Показанным каргинным табунам и езжалым оленям, а иным годом от разных болезней, також кои годом рано телятца, то от морозов и молодым телятам бывает немалый упадок, отчего некоторые коряки за тем упадком оленей приходят в скудность». ⁵⁴

Глубокая связь коряков-олeneводо в с промыслами парнокопытных (когда-то основным их занятием) нашла отражение в похоронных обычаях, еще прочно бытовавших в XVIII в. После смерти оленевода «в наступающее лето жена, дети и родственники должны во все лето диких оленей и баранов промыслять и своих оленей немало бить, с оных рога собирать . . . в поминовение умершего», ⁵⁵ — сообщали в 1777 г. гижигинские разночинцы Г. и И. Поповы, «видевшие самоперсонально» похороны корякского старшины.

Корякское оленеводство успешно развивалось на протяжении XIX в. Хотя оно страдало от местных эпизоотий, главным образом «копытки» (микробацеллeза), все же массового разорения и обнищания оленеводов от этого не было.

На протяжении XIX в. на базе развития оленеводства, его специализации, отделения от промысловых занятий и одновременно вовлечения в товарно-рыночные отношения, развивалось и углублялось имущественное неравенство. Подробно оно было выявлено лишь в результате хозяйственной переписи 1926/27 г. Его социальная сущность обстоятельно исследована в ряде работ. ⁵⁶

Характер и особенности материальной культуры, быта, социальных отношений коряков-олeneводо в на конец XIX—начало XX в. подробно исследованы В. Иохельсоном. Развитие данной отрасли занятий коряков того периода неоднократно рассматривалось и в трудах советских исследователей. Поэтому нет необходимости еще раз возвращаться к этим вопросам.

Однако следует отметить, что в основном изучались коряки-олeneводо в северных районов и меньше те, которые жили на Камчатке. Их оленеводство развивалось не так равномерно, особенно в конце XIX—начале XX в. По данным Петропавловского полицейского управления, в 1891 г. всех оленей в Петропавловском уезде было около 35 000. В 1893 г. — столько же, а в 1907 г. — уже только около 12 000, в 1908 г. — около 14 000, в 1909 г. — снова около 12 000. ⁵⁷ Следовательно, число оленей с 1893 по 1909 г. уменьшилось почти в 3 раза. По мнению составителя цитируемой записки, такое сокращение объяснялось двумя причинами. Во-первых, падежами оленей, «наблюдавшимися до 1897 г. В это время погибали иногда целые табуны: около р. Лесной пропал громадный табун чукчи Кеккенеммана». Во-вторых, перекочевками в другие уезды «благодаря притеснению оленеводов уездными начальниками и оседлым населением». Во время голодовок на Камчатке оленеводы «привлекались к благотворитель-

⁵⁵ Там же, с. 291.

⁵⁶ Богораз В. Г. Северное оленеводство по данным всесоюзной переписи. — Сов. этнография, 1932, № 4; Билибин Н. Н. 1) Батрацкий труд в кочевом хозяйстве коряков. — Сов. Север, 1933, № 1; 2) Женщина у коряков. — Сов. Север, 1933, № 4; 3) Классовое расслоение кочевых коряков. Владивосток, 1933; 4) Обмен у коряков. Л., 1934; Сергеев М. А. 1) Корякский национальный округ. Л., 1934; 2) Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1182, л. 102.

⁵¹ М. О. Косвен. Из истории этнографии коряков в XVIII веке. — Сибирский этнографический сб., IV, М., 1962, с. 279.

⁵² Там же, с. 282.

⁵³ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 453.

⁵⁴ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке, с. 282.

ности». По распоряжению начальства они подкочевывали со стадами к голодающим селениям и «кормили жителей даром или за небольшое вознаграждение». Подобное распоряжение, например, было сделано и во время русско-японской войны, когда оленеводов обязали поставлять дружинникам оленей.⁵⁸

Весьма сократившееся количество оленей побудило оленеводов к усиленным промыслам, в частности, соболя. Они откочевали в горы. Это уже затронуло интересы оседлых охотников (камчадалов, ительменов). Начались жалобы начальству, которое оказалось на стороне оседлых. В 1909 г. было отдано распоряжение: «Уйти всем оленеводам с гор на приморские тундры, впредь зимой с оленями в горы не откочевывать».⁵⁹ Нетрудно усмотреть последствия этого распоряжения. Однако многие оленеводы его не выполнили. Трения между оленеводами и оседлыми по поводу освоения первыми промысловых угодий, принадлежавших оседлым, были предметом обсуждения соответствующих органов еще в 1925 г.

Культы и обычаи оленных коряков. Еще С. П. Крашенинников отметил некоторые обычаи и культы оленных коряков. Многие из них совпадают и по форме и по идеям с аналогичными у оседлых коряков, являются как бы общекорякскими. Это институт отработки за будущую жену, «хватание» невесты,⁶⁰ гадание на подвешенном камне при выборе имени новорожденному, сжигание покойников и др. Но были у них и особые традиции. «Умерших тела сожигают с нижеписанными обрядами. Сперва наряжают их во все их лучшее платье и отвозят на место сожжения на тех оленях, кои по суеверию их умершим любя, кладут с ними на великой костер дров всю збрую их военную и домашнюю, то есть конья, сайдаки, стрелы, ножи, топоры, котлы и прочая и зажигают. . . Любимыми оленями почитаются, которые будучи впряжены в сани, перевозят их через нарочито подложенной кол без скрыпу полозья. . . Лямки таким оленям кладут на левые плеча, а не на правые, как сами ездят».⁶¹

Все эти обычаи существовали у коряков-олeneводо в начале XX в. Точно так же бытовали и представления, будто в загробном мире все предметы имеют диаметрально противоположный земному вид. Поэтому, чтобы олени были запряжены там правильно, здесь их запрягали неправильно, покойника одевали в белые одежды,⁶² чтобы они там превратились в обычных оленей, избранных покойником, кололи костяными ножами, сделанными из ребер оленя, не под левую лопатку, а под правую или стреляли из луков и т. п.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, л. 103.

⁶⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 459.

⁶¹ Там же.

⁶² Об этом обычае имеются интересные подробности от 1777 г. (Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке, с. 290).

Отметил С. П. Крашенинников и некоторые религиозные представления коряков-олeneводо в, по идеям своим не отличающиеся от представлений оседлых коряков, чукчей. «Дьяволы, которыми населены, по их мнению, реки и горы, почитают больше для того, что их бояться. . . Жертву приносить уреченного времени не имеют, но когда им вздумается, тогда убивают оленя или собаку, которую совсем на кол втыкают, и оборачивают лицом к востоку, а от оленя одну голову да часть языка. . . Которого оленя или собаку отсулят бесам, тех, убив, повергают совсем на землю. . . Горам и рекам, где, по их суеверию, живут диаволы, жертву дают тогда, когда случается проходить мимо их. . .». Эти же представления существовали и у оседлых коряков. «Ежели коряки убегают от какой-нибудь болезни . . . то убивают они собаку и, растянув на двух шестах черева ее, меж них проходят. . . При жертвоприношении шаманы или волхвы их бьют в бубны. . . но платья особого не имеют шаманы, как у прочих язычников».⁶³

Едва ли не самым главным, основным, наиболее распространенным среди оленеводов был культ ближайших родственников, собственно родителей, особенно тех, которые при жизни отличались хозяйственным рдением, сумели создать для своих детей ощутимое наследство (стада оленей). Одновременно существовало почитание определенных мест, истоки которого, видимо, восходят все к тому же культу предков. «Поклоняются они горам, скалам, камням, чудотворное значение которых, — писал А. А. Ресин, — освещено временем, но более всего почитается ими место, где умер их родственник и где сожжено его тело. Поклонение праху родных считается ими настолько важным, что для исполнения этого они делают иногда путешествия за 400 верст».⁶⁴

Представления оленных коряков, виды жертвоприношений, их назначение, описанные С. П. Крашенинниковым, — все это сохранялось среди них вплоть до установления Советской власти. Стойкость форм самого материального производства (пастушеское оленеводство), соответствовавших ему социальных отношений, поддерживали старые традиции, представления.

⁶³ Там же, с. 455.

⁶⁴ Ресин А. А. Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, с. 49.

ВЛИЯНИЕ НА ЭТНИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ
КОРЯКОВ СВЯЗЕЙ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ

На развитие и формирование этнических особенностей отдельных подразделений коряков оказывали и оказывают влияние теперь их связи и отношения с соседними народами, на разных этапах истории коряков принимавшие различные формы и виды. Характер связей зависел от того, на каком уровне общественно-экономического развития приходили в соприкосновение народы. Часто такие отношения бывают не совсем равными даже в условиях разложения первобытнообщинного строя. Один народ оказывается сильнее другого, и поэтому его влияние и воздействие на более слабого соседа бывает сильнее, ощутимее, чем обратное. Оно проявляется не только в культуре, но также в языке, во всем этническом облике. В результате этих связей происходят процессы постепенной консолидации, слияния малочисленных и слабых народов с более многочисленным, сильным, обладающим прочным и устойчивым хозяйственно-экономическим положением. Последнее обстоятельство играет решающую роль в такого рода связях.

На протяжении известной нам истории коряков их отдельные подразделения вступали в разного рода связи и находились в разных отношениях с соседними народами, как принадлежащими к другим этническим и лингвистическим группам: нивхами, тунгусами, юкагирами, эскимосами, ительменами, так и находящимися с ними в одной языковой и этнической группе — чукчами.

Связи и отношения коряков с названными народами складывались в условиях существования у них сначала первобытнообщинного строя, а затем его разложения. И это обстоятельство порождало особые формы отношений, резко отличающиеся от отношений, которые стали складываться у коряков с середины XVII в. с русской государственной властью, с ее вначале феодальной, а потом и капиталистической системой национальной политики. Коренным образом изменился характер этнического развития коряков с установлением Советской власти, со строительством социализма. Таким образом, этническое развитие коряков прошло несколько исторических этапов.

Оседлые коряки, численность которых едва ли превышала 4.5—5 тыс. чел., занимали огромное по протяженности пространство (длиной свыше 3000 км). При том уровне развития производи-

тельных сил, на котором находились коряки к середине XVII в., они не могли поддерживать регулярных связей между отдельными территориальными подразделениями, да в этом и не было никакой экономической необходимости. Следовательно, не было условий для их консолидации, и поэтому этнические процессы на границах их расселения с соседними народами протекали довольно интенсивно. Они-то и отложили известный отпечаток на этнический облик пограничных подразделений коряков и способствовали обособлению, выработке локальных форм культуры и быта, а также качественным изменениям их языка, сложению отдельных диалектных признаков (фонетических, морфологических и лексических).

Корякско-нивхские параллели. Связи между коряками и нивхами прослеживаются главным образом в местах их непосредственного соприкосновения. Предположительно эти процессы протекали наиболее активно до выхода на побережье Охотского моря тунгусов. Здесь, по-видимому, давно контактировали южные группы коряков, обитатели Охотского побережья материка, и северные группы нивхов. О том, что такие связи существовали, есть указания в документах второй половины XVII в., хотя к этому времени они несомненно уже значительно потеряли и свой былой объем, и свой более тесный характер. В 1675 г. служилые якутского уезда, побывавшие на Охотском побережье, рассказывали о его населении: «Да по той же Уде-реке, да по Тугуру и по сторонним рекам, которые реки прилегли к той же Уде-реке, коряки живут и ныне ж многих родов неясачные тунгусы и те тунгусы, коряки торгуют с даурскими людьми и с гиляками».¹ Помимо прямых контактов коряки связывались с нивхами через посредство «тауйских тунгусов».

В 1639 г. тунгусский князец сообщал служилым людям, Ф. Чукичеву «с товарищи», «что от них (от устья р. Ульи, — И. В.) направо на летнюю сторону на море по островам живут тунгусы ж, гиляки сидячие. И тех-де гиляков до их приходу побили человек с 500 на усть Уды-реки, пришед в стругах, бородатые люди доуры».² На основании этого сообщения можно полагать, что нивхи жили в начале XVII в. на устье р. Уды, т. е. значительно севернее, чем они оказались позднее. О следах былого непосредственного соприкосновения коряков с нивхами имеются весьма убедительные свидетельства, основывающиеся на археологических данных. Обобщая все известные материалы, а также присоединяя свои наблюдения на о. Завьялова (Ольском), на мысе Алевина, на п-ове Кони и в местности Атарган вблизи Олы, А. П. Окладников писал: «Вместе с результатами предшествовавших исследований новые наблюдения 1946 года дали отчетливое представление

¹ ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 136, с. 404.

² Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. — Сб. документов, М., 1951, с. 140.

о той своеобразной древней культуре, которая принадлежала предкам коряков, заселявших эти места до проникновения сюда оленеводов эвенов (в XV—XVI вв.). . . Это были полуподземные жилища коряцкого типа». А внутри этих жилищ были найдены костяные наконечники гарпунов, копий, остатки луков, круглодонные сосуды и т. п. Каменные и костяные орудия по своим формам и типу подходили «ближе всего к изделиям, известным на Амуре и на соседних островах Восточной Азии».³ Здесь важно отметить еще то, что тунгусы на побережье моря появились совсем недавно, как полагает А. П. Окладников, — лишь в XV—XVI вв. До этого, судя по археологическим остаткам, все Охотское побережье к югу от Тауской губы до р. Уды было, видимо, занято коряками, которые где-то в районе р. Уды соприкасались непосредственно с нивхами.

Как полагали В. К. Арсеньев и Е. И. Титов, «было время, когда коряки занимали весь Охотский край и на юге граничили около Шантарских островов с гиляками. Потом они были оттеснены к северо-востоку».⁴

Весьма определенно относительно непосредственных связей коряков с нивхами высказывался и А. М. Золотарев: «Несколько столетий тому назад гиляки были соседями коряков. Клин между ними был вбит тунгусской волной. Тунгусы при соприкосновении с палеоазиатами частично оттеснили их, частично ассимилировали и отунгусили ряд палеоазиатских групп, заимствовав у них землянки, ездовое собаководство, способы охоты за тюленем, жертвоприношения собак».⁵ У нивхов левого берега Амурского лимана до недавнего времени сохранялось представление о коряках, они помнили даже их название — *халтэ*.⁶

Вполне допустимо, что во второй половине XVII в. по рекам, «которые прилегали к р. Уд», еще жили отдельные группы коряков не слившиеся окончательно с тунгусами. Впрочем, более обоснованное заключение по этому поводу помогут составить дальнейшие археологические изыскания и изучение топонимики. Однако выявленные и исследованные древние поселения Охотского побережья признаются как поселения, принадлежавшие корякам.

Между прочим, и сейчас уже есть сведения, которые можно рассматривать как доказательства обитания в прошлом коряков значительно южнее их границ, известных по данным XVII в. Следы пребывания коряков на побережье п-овов Пягина и Кони,

³ Окладников А. П. Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае. — ВДИ, 1947, № 1, с. 177—178.

⁴ Арсеньев В. К., Титов Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск—Владивосток, 1928, с. 56.

⁵ Золотарев А. М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века. — Историк-марксист, 1938, № 2.

⁶ Золотарев А. К вопросу о генезисе классообразования у гиляков. — За индустриализацию Советского Востока, 1933, № 3, с. 233.

по берегам Тауйской губы находят убедительное подтверждение в археологическом материале⁷ и в топонимах.

Некоторые основания о непосредственных связях нивхов с коряками дает и языковый материал. При сопоставлении нивхского словаря с корякским обнаруживается материальное лексическое сходство, которое вряд ли может быть объяснено только случайностью.

Нивхские слова Корякские слова Русское значение слова

һиркуль	гиркик	ловить арканом
к'онг	к'он'к'он'	бубенчик, колокольчик
ыр	эр (гыргын)	устье
порор	о'ро	впоследствии, потом
н'ы	н'энн'эт	выдра
пал	палпал	гора, плоскогорье
вуквукуль	вуск'ывус	темнота
тун'ы	туупэн	пешня
тём	тымитым	плот
велх	велувэл	раковина
ва	валы	сабля, нож
выивылыдь	выилвыил	чернеть, тень
талк	талатал	мелконарезанное мороженое мясо (нивхи); толченое мороженое мясо (коряки).

Значительно больше данных о сходных элементах в материальной и духовной культуре нивхов и коряков.

Производственно-хозяйственная деятельность нивхов и коряков строилась так, что летом они жили на побережье моря, а зимой в некотором отдалении от берега моря, в местах, укрытых от сильных ветров, где было близко топливо. Жили они в особых зимних жилищах, характерными признаками которых были входные отверстия в кровле и сбоку.⁸ Спускались (входили) в жилище

⁷ Окладников А. П. Древние культуры Северо-Востока Азии. . . — ВДИ, 1947, № 1; Беляева А. В., Пытляков Г. А. Археологические работы на Охотском побережье. — Сборник статей по истории Дальнего Востока, М., 1958; Васильевский Р. С. 1) Итоги полевых археологических исследований, произведенных на Охотском побережье в 1958 г. — Краеведческие зап., вып. 2, Магадан, 1959; 2) Археологические материалы поселения Атарган. — Краеведческие зап., вып. 3, Магадан, 1960; 3) Древнее население Охотского побережья и его культура. — Древняя Сибирь. Новосибирск, 1965; 4) К истории древних культур Охотского побережья. — Сов. этнография, 1965, № 1; 5) Древнекорякская культура Охотского побережья и ее место в культурной истории Северо-Восточной Азии. Автореф. Новосибирск, 1966; 6) Периодизация древнекорякской культуры и проблема этногенеза северо-восточных палеоазиатов. — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969; 7) Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.

⁸ Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амурского и западного побережья о. Сахалин (середина XIX—начало XX в.). — Тр. Ин-та этногр. АН СССР, т. 64, Нов. сер. 1961, с. 111.

и поднимались (выходили) из него по бревну с зарубками (ступеньками). Конструктивные формы, весь внешний облик полуподземных жилищ нивхов и коряков весьма близки друг к другу.⁹ Внутри зимних жилищ и у тех и у других были нары.

Много общего в рыболовстве, способах добычи и приготовлении рыбы впрок, в приемах использования орудий лова и т. п. Обращает на себя внимание распространение у нивхов и коряков таких орудий рыбной ловли, как марик, сети, которые ставились при помощи длинного шеста с берега. При этом у верхнего конца сети как у коряков, так и у нивхов имеется петля, в которую вставляется развилка шеста, с помощью которого сеть вытаскивалась в воду на всю его длину. В устройстве такой сети, ее установке совпадает все. Идентична и техника приготовления юколы, в особенности приемы и последовательность разделки рыбы, одинаковы устройство вешалов, на которых сушилась рыба, устройство загородок из бревен на берегу реки, в которых находилась некоторое время добытая кета, перед тем как ее разделяли на юколу, и т. п.

Общее обнаруживается и в приготовлении некоторых видов пищи. Так, сушеную икру (кетовую и горбуши) брали с собой зимой охотники — коряки и нивхи, уезжавшие на промыслы. И те, и другие пользовались палочками, чтобы поджарить рыбу у костра. И те, и другие ели сырые головы кеты и горбуши, употребляли в пищу морскую капусту, коренья сараны и т. п.

Имеется сходство и в одежде. Еще в середине XVIII в. охотские эвенки, побывавшие у нивхов у устья р. Амгуни, рассказывая о их жизни и быте, сообщали: «...платье носят зимою шитые из собачьих кож, парки коряцким маниром шитые».¹⁰ Нивхи-мужчины имели торбаса с голенищами выше колен, которые подвязывались к поясу особыми ремешками. Женщины же носили торбаса с голенищами до колен. То же прослеживается и у оседлых коряков.

Еще большее сходство коряков с нивхами обнаруживается в средствах передвижения по воде, в приемах их использования. Долбленные лодки были у нивхов и у коряков, а на восточном побережье о. Сахалин, на р. Тыме, они также изготовлялись из тополя.¹¹ Коряки на батах (долбленных лодках), как и нивхи на своих долбленках, передвигались по рекам при помощи шестов.

В случаях, когда нужно было перевозить какие-нибудь тяжести, которые не выдерживала одна долбленка, их сплочивали по две, соединяя поперечными жердями, а на них делали настил под груз. Так поступали и нивхи, и коряки.

⁹ Ср.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, табл. 34, рис. 4 (полуподземное жилище нивхов) и табл. 35 (полуподземное жилище коряков).

¹⁰ Вдовин И. С. Историко-этнографические сведения о негидальцах середины XVIII в. — Уч. зап. ЛГУ, 1953, № 157, с. 212.

¹¹ Таксами Ч. М. Нивхи. Л., 1967, с. 197.

Перечисленные выше черты сходства — результат не только типологической общности хозяйственных занятий нивхов и коряков (рыболовство, морской зверобойный промысел), близости природных условий их жизни, но также и несомненных взаимных влияний, заимствований.

Имеются также факты, сближающие нивхов и коряков в некоторых сторонах их духовной культуры, в элементах общественного сознания. В этих областях обнаруживается и материальное и идейное сходство, что, конечно, не обязательно должно свидетельствовать о заимствованиях. Быть может, эти явления — результат экологической и типологической близости условий развития коряков и нивхов. Однако, учитывая исторические контакты, древность связей, можно предположить заимствования и в этой области. Подтверждением этому служат следующие примеры.

«В мифологии сидячих коряков, — писал В. Иохельсон, — можно найти многочисленные указания на питание собачьим мясом»,¹² что было распространено лишь среди нивхов. Не от этих ли представлений развилось у оседлых коряков такое широкое и массовое жертвоприношение собак. Как известно, и нивхи прибегали к этому способу задабривания своих покровителей. Л. Я. Штернберг отметил поводы, по которым приносились в жертву собаки: «Перед сезоном соболиной охоты, на медвежьем празднике, перед отправлением в далекий путь, во время болезни и вообще в торжественных случаях жизни убивается собака путем удушения».¹³ В перечисленных поводах к жертвоприношению у нивхов с коряками много общего.

Весьма показательны также в рассматриваемой связи нижнеамурские элементы в орнаментике металлических и отчасти деревянных предметов коряков. «Орнаменты поясного ножа, — писал В. Иохельсон, — большого ножа и наконечника копья перешли к корякам от амурских туземцев через посредство тунгусов»; внутренняя часть орнамента кройльной доски — тоже амурского типа.¹⁴

Точка зрения В. Иохельсона была поддержана С. В. Ивановым, который уточнил признаки нивхского влияния на орнаментiku металлических изделий коряков: «Заслуживает внимания двойная чеканная линия на коряцких и ительменских вещах (главным образом на ножах и на наконечниках копий), напоминающая подобные же линии на наконечниках копий нижнеамурских народов — нивхов и ульчей».¹⁵

Рассмотренный выше комплекс общих корякам и нивхам элементов культуры подтверждает историческую связь между ними.

¹² Jochelson W. The Koryak, p. I. Leiden—N. Y., 1905, с. 519; Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899, с. 167.

¹³ Штернберг Л. Я. Гиляки. М., 1905, с. 51.

¹⁴ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 677.

¹⁵ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1964, с. 174.

Связь эта несомненно была выражена более отчетливо на границах соприкосновения этих народов. Некоторые элементы нивхского влияния в XVII—XVIII вв. проникали на берега Пенжинской губы и еще дальше вместе с металлическими предметами. Что же касается других, общих нивхам и корякам, элементов культуры, то их развитие должно быть отнесено к более раннему времени, к периоду первого проникновения коряков на побережье Охотского моря, что археологами относится к рубежу II тысячелетия до н. э.¹⁶ Это время, очевидно, и следует считать началом нивхско-корякских контактов, началом их взаимовлияния. Вероятно, вся культура, связанная с развитием приморского рыболовства у коряков Охотского побережья, а возможно и морского зверобойного промысла, имеет нивхские истоки. Их влияние в этом отношении несомненно.

Остается совершенно неизвестным, что представляли собой нивхи — обитатели Охотского побережья? Какова была их культура, в какой связи они находились со своими собратьями на Амуре, что произошло с ними при появлении тунгусских племен на Охотском побережье? Эти и другие вопросы ждут своего исследования. Их разрешение поможет во многом более правильно понять культурно-исторические связи с коряками, их взаимовлияния. Все Охотское побережье к югу от Магадана и до устья Амура нуждается в серьезном археологическом обследовании, а коренное население — во всестороннем антропологическом и лингвистическом изучении. При этом особое внимание должно быть обращено на изучение всех видов географических названий, не исключая и микропонимов.

Корякско-тунгусские связи и отношения. В историко-этнографической литературе вопросу о ранних тунгусо-палеоазиатских (корякско-чукотских) связях уделено довольно много внимания. В основном эти связи якобы прослеживаются в топонимике на территории, занимаемой ныне эвенками, в некоторых элементах лексики чукчей и коряков и, о чем писалось больше всего, в заимствовании чукчами и коряками оленеводства от тунгусов. Все эти положения требуют серьезной проверки.

Еще в конце 20-х годов К. И. Бауэрман, исходя из монголоидных черт лица коряков, сделал вывод, что они пришли с запада. И в этой связи он стал искать следы их пребывания «к западу от Станового хребта». Методика его работы была очень проста. Достаточно обнаружить топоним, звучание которого можно было сблизить с каким-нибудь корякским словом, как это рассматривалось К. Бауэрманом в качестве доказательства корякской основы данного топонима. Так оказались «корякскими» по происхождению названия рек: Лена — от корякского слова *лян'*э ('девушка'), Яна — от *ян'*а ('яранга', 'жилище'), Виллюй — от

¹⁶ Васильевский Р. С. Периодизация древнекорякской культуры. . ., с. 116.

Виллюй'ай ('Гора-ухо'), Хатанга — от *Хатана* (имя собственное), и т. п. И так до Енисея, название которого якобы происходит от корякского *Еничайвая*.¹⁷

К. И. Бауэрман не был одинок. Г. М. Василевич в ряде своих работ пытается доказать то же самое. На основании внешнего сходства некоторых топонимов бассейнов рек Лены и Енисея с топонимами Чукотки и Камчатки Г. М. Василевич приходит к далеко идущим выводам. Так, она полагает, что названия рек Виви, Вильмо (Вельмо), Виллой, Авам и других «объясняются из чукотско-корякских языков». Приняв это положение за доказанное, она пишет: «Наличие чукотско-корякской топонимии в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок и их распространение на север и северо-восток позволяют предполагать, что в состав современных оленных чукчей и коряков вошли древние палеоазиатские язычные рыболовы и охотники на оленя и лося, жившие на некоторых притоках Подкаменной и Нижней Тунгусок и имевшие связи с тунгусоязычными охотниками». ¹⁸ Ни положения К. И. Бауэрмана, ни положения Г. М. Василевич не подкрепляются необходимыми в данном случае сравнительно-историческим анализом языковых материалов, обоснованными историческими этимологиями, учетом этнической истории затрагиваемых народов. Поэтому построения и выводы названных авторов представляются необоснованными.

За последние годы проделана весьма плодотворная работа по изучению топонимики Сибири (особенно Западной) группой научных работников под руководством А. П. Дульзона (им же разработана и методика исследования топонимики). Они собрали и обработали огромное количество топонимического материала, из которого следует, что наиболее древняя топонимика по Енисею и его притокам восходит к кетскому языку.¹⁹ Следовательно, говорить о древности связей коряков и чукчей с тунгусами пока не приходится. Не доказывает никак древности их связей и утверждение Г. М. Василевич, будто «следом древних связей тунгусов с предками чукчей и коряков является слово *мата*, которое в говорах эвенкийского языка обозначает 'человек' (самоназвание), 'свойственник', 'чужеродец', 'гость', 'богатырь', а в корякском *мата* обозначает 'брат в жены', 'жена'; название свойственников произведено от этого корня». ²⁰ Основа слова *мата* в корякском языке значит: 'брат', 'завладевать', 'брат в жены'. От этой же основы

¹⁷ Бауэрман К. К вопросу об азиатском происхождении коряков. — Северная Азия, 1928, № 5—6.

¹⁸ Василевич Г. М. 1) К вопросу о палеоазиатах Сибири. — Краткие сообщения ИЭ АН СССР, вып. VIII, 1949, с. 48—52; 2) Топонимика Восточной Сибири. — Изв. ВГО, т. 90, 1958, № 4, с. 329—334.

¹⁹ Дульзон А. П. 1) Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — Вопросы языкознания, 1949, № 4; 2) Былое расселение кетов по данным топонимики. — Вопросы географии, 1962, № 8.

²⁰ Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 218—219.

образуются названия свойственников. Но значения этой основы 'жена' в корякском языке нет. Во всех диалектах слово 'жена' образуется от основы *н'эв/н'ав* — *н'авытк'эт*, *н'ав'ан* и т. п., но никак не от основы *мата*. Следовательно, и этот пример не может служить доказательством древности связей тунгусов с чукчами и коряками.

Как же обстоит дело с заимствованием оленеводства коряками и чукчами у тунгусов? Эта гипотеза, впервые высказанная Л. И. Шренком²¹ и развиваемая в последние годы рядом исследователей, представляется малоубедительной. Наиболее настойчиво эту точку зрения защищают Г. М. Василевич и М. Г. Левин.²² Они видят доказательства заимствования чукотско-корякского оленеводства от тунгусов в том, что у тех и других не было пастушеской, т. е. оленегонной собаки, что те и другие применяли бескровный способ кастрации и, наконец, в том, что поводок узды проходит справа.²³ Далее, эти авторы обращаются к языковым данным. По их мнению, «чукотско-корякское название для оленя — *коранга* (чук.), *хоанга* (кор.) в своем корне (*кор/хой*) сближается с тунгусским названием для домашнего оленя — *орон* (*ор/хор*). Сближается и название яловой важеньки *вангахатхой* (кор.), *вангхой* (эвенкийск.), а также для тощего оленя *тангжэкой* (кор.), *танга* (эвенкийск.)».²⁴ Однако Г. М. Василевич и М. Г. Левин не анализируют и не сопоставляют основных, наиболее типичных особенностей чукотско-корякского и тунгусского оленеводства и не учитывают мнений других исследователей по этому вопросу. Ограничиваясь подборкой кажущихся им общими для чукотско-корякского и тунгусского оленеводства признаков второстепенных и малосущественных, они делают далеко идущие выводы. При этом никак не оговаривается и не объясняется, почему оленеводство чукчей и коряков (вся его культура, тип, способы использования оленя для передвижения, устройство жилища, культовая обрядность, связанная с оленеводством, и т. д.) коренным образом отличалось от тунгусского. Известно, что чукчи и коряки запрягали оленей в нарты, в то время как тунгусы ездили верхом на оленях и использовали их под выюк. Принципиально иными, чем у тунгусов, были жилища чукчей и коряков, а также и весь их бытовой уклад. Чукчи и коряки кочевали ради выпаса своих оленей, тунгусы же — ради охоты. Физический тип (порода) тунгусского оленя резко отличается от физического типа (породы) чукотско-корякского оленя. Вот что по этому поводу пишет крупнейший специалист в области биологии оленей Н. В. Друри: «Домашние северные олени таежной зоны благодаря своей высоконогости кажутся более легкими, стройными, тогда как тундро-

вые — более низкими, приземистыми. Это хорошо можно наблюдать в тех районах, где встречаются те и другие олени, например в полосе лесотундры Анадырского района, где наряду с типичными тундровыми чукотскими оленями имеются и таежные эвенские».²⁵ Следовательно, генетически тунгусское и чукотско-корякское оленеводство имеет разные исходные типы оленей и разные ореалы их распространения. Отличие чукотско-корякских оленей от тунгусских нашло отражение в чукотском языке, в котором олень тунгусской породы обозначается особым термином *вавак*.

Эти отчетливо прослеживаемые существенные различия свидетельствуют о типологически обособленных формах чукотско-корякского и тунгусского оленеводства. По-видимому, и генетически они неоднородны. Тунгусское оленеводство развивалось на базе таежной охоты не только на дикого оленя, но и на других зверей, тогда как чукотско-корякское оленеводство выросло на основе охоты преимущественно на тундренного оленя (рода *Rangifer tarandus*).

Попытка Г. М. Василевич и М. Г. Левина аргументировать заимствование чукчами и коряками оленеводства у тунгусов отсутствием у тех и других оленегонной собаки вряд ли основательна. Чукотско-корякское и тунгусское оленеводство в этом плане не сопоставимо. У первых тундренное и крупнотабунные оленеводство, у вторых (тунгусов) — таежное, малочисленные стада в несколько десятков голов. Пожалуй, нерационально наряду с охотничьими собаками иметь еще оленегонных. Лесные ненцы, например, не имели оленегонной собаки, а в случае необходимости использовали охотничьих собак для поисков затерявшихся оленей.²⁶ Несомненно они знали о существовании у своих соплеменников оленегонных лаек, но сами ими не пользовались, так как в этом не было надобности.

Бескровная кастрация оленей известна не только тунгусам и чукчам с коряками, но также и другим народам, например *нганасанам*.²⁷ Следовательно, и этот довод в пользу заимствования предками чукчей и коряков оленеводства от тунгусов ничего не подтверждает.

Совершенно неубедительна лингвистическая часть аргументации. Во-первых, чукотское слово 'олень' не *коранга*, а *к'оран'ы*, корякское — не *хоанга*, а *к'ойан'а*, и, во-вторых, корень этого слова не *кор/хой*, как утверждают Г. М. Василевич и М. Г. Левин, а *к'ора/к'ойа*. Как можно сводить корень слова *к'ора* (чук.) и *к'ойа* (кор.) к эвенкийскому *орон*? С неменьшим основанием можно было бы утверждать, что русское слово *олень* происходит от эвенкийского *орон*. В этих словах больше материального сходства,

²¹ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. II, с. 176—178.

²² Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение. — Сов. этнография, 1951, № 1.

²³ Там же, с. 83.

²⁴ Там же.

²⁵ Друри Н. В. Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики. Л.—М., 1939, с. 10.

²⁶ По устному сообщению Е. Д. Прокофьевой.

²⁷ Попов А. А. Нганасаны. — Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. III, М.—Л., 1948, с. 59.

тем более, что *л* и *р* — сонорные фонемы, часто чередующиеся в эвенкийском языке.

Не больше имеется оснований к тому, чтобы происхождение корякского сложного слова *вангахатхой* (правильно *ван'к'ат+к'ой*) — 'яловая важенка' производить от эвенкийского *вангай* (правильно *вангай*),²⁸ корякского *танхэхой* (тоже сложного слова, правильно *тан'к'э+к'ой*) — 'тощий олень' от эвенкийского *танга* в том же значении.

При заимствовании слов из одного языка в другой действуют определенные фонетические и морфологические правила. Заимствующий язык перерабатывает чужое слово, приспособлявая его к своим фонетическим и морфологическим нормам. Можно сослаться на такой пример. В эвенском языке слова со звука *р* не начинаются. Поэтому русское слово *рубаха* в эвенском языке превратилось в *урбак*. Из эвенского языка слово *урбак* было позаимствовано корякским языком, в котором нет эвенской фонемы *б*; в корякском языке это слово превратилось уже в *уравк*. Другой пример. Корякское слово *чав'чыв* — 'оленовод' в эвенском языке превратилось в *чагчиба*. В этих заимствованиях (в корякский и эвенский языки) прослеживаются определенные закономерности; звукам *б* и *г* эвенского языка соответствует *в* или *в'* корякского языка.

На основе каких закономерностей чукотского и корякского языков произошло превращение эвенкийского слова *орон* в *к'ора/к'ойа*, или *танга* в *тан'к'эж'ой* — неясно.

Ту же лингвистическую аргументацию Г. М. Василевич и М. Г. Левин повторили в 1961 г. в статье «Олений транспорт».²⁹ Коряки, отмечают авторы, называют эвенов *к'ойайамку*, что значит 'оленный народ', т. е. 'народ, имеющий домашних оленей', от основы *к'ойа* — 'домашний олень'. Однако происхождение этого названия и есть свидетельство того, что непосредственное соприкосновение коряков с эвенами произошло тогда, когда у коряков уже были домашние олени, уже существовало особое название для домашнего оленя.

Не соответствует исторической действительности предположение М. Г. Василевич и М. Г. Левина, будто «чукчи и коряки приспособили к оленю старинную собачью нарту». У чукчей и коряков вся терминология, связанная с упряжью собак и ездой на собаках, идет от езды на оленях. Так, 'человек, едущий на оленях', называется *гэкэн'ылтын*; 'едущий на собаках' — *ы'т-тэы-гэкэн'ылтын* (дословно 'собако-олене едущий') (из *ы'тмэ* — основа слова 'собака' и *гэкэн'ылтын* — 'едущий на оленях'); 'убивать оленя' — *к'аанматык*; 'убивать собаку для умилоствления духов' — *ы'тмэы'аанматык* (дословно 'собако-олене убивать'); *р'заркы* — 'оленья шлейка', *ы'тмэыр'заркы* — 'алык', 'собачья шлейка' (*ы'тмэ* — основа слова 'собака' + *р'заркы* —

'оленья шлейка'); *оргоор* — 'оленья нарта', *ы'тмэоргоор* — 'собако-оленная нарта', (*ы'тмэ* — основа слова 'собака' и *оргоор* — 'оленья нарта'). То же находим и в алюторском диалекте корякского языка; *уйатык* — 'оленья нарта'; *а'тэу'уйатык* — 'собачья нарта' (дословно — 'собако-оленная нарта'); *ауэл* (*илуил*) — 'кнут для понукания оленей', *а'тээл* — 'тормоз', 'остол' для езды на собаках (буквально — 'собачий кнут для понукания оленей') и т. д.

Очевидно, терминология, относящаяся к упряжи и езде на собаках, — явление позднейшее, вторичное, возникшее на базе уже сложившейся терминологии для обозначения упряжи оленей. Следовательно, говорить о «приспособлении к оленю» старинной собачьей нарты нет оснований, подобно тому, как нет оснований утверждать будто термин «красные чернила» появился раньше слова «чернило».

Таким образом, Г. М. Василевич и М. Г. Левин, на наш взгляд, не смогли привести убедительных аргументов в пользу своей точки зрения о заимствовании чукчами и коряками оленеводства от тунгусов. Следовательно, мы считаем, что пока нельзя говорить о каких-то весьма ранних связях тунгусов с коряками и чукчами. Скорее всего они возникли сравнительно недавно.

Реально прослеживаемые связи коряков с тунгусами обнаруживаются на Охотском побережье, где они носили разносторонний характер и оказали заметное влияние на этническое развитие как тех, так и других.

Проникновение тунгусов на Охотское побережье относят к XV—XVI вв. С этого времени шло постепенное просачивание отдельных групп эвенов на территорию расселения оленных и оседлых коряков, вплоть до восточного побережья Камчатского полуострова. К началу XX в. эвены проникли на территории обитания всех подразделений оседлых коряков и вошли с ними в непосредственные контакты.

Эвены оказались на территории расселения коряков побережья Пенжинской губы, где установили связи с местными коряками еще в XVIII в. В XIX в. они проникли на западное побережье Камчатского полуострова, где вошли в соприкосновение с коряками-паланцами и кочевавшими здесь чавчуvenaми. Во второй половине XIX в. они появились среди коряков-апукинцев на реках Пахаче и Апуке, в континентальных районах расселения алюторцев и карагинцев. Необходимо сразу же оговорить, что во всех этих местах они занимали верховья рек, вели подвижный образ жизни и нигде не переходили к оседлости, подобно корякам или своим братьям на Охотском побережье. Как бы подчеркивая их бродячий образ жизни, Богородский в середине XIX в. писал: «Тунгусы имеют зимние местопребывания по Омолону, Пенжиной, около Анадыря, даже до Алюторска и Тигиля».³⁰

³⁰ Богородский. Медико-топографическое описание Гижигинской округи. — ЖМВД, 1853, ч. II, с. 83.

²⁸ Василевич Г. М. Русско-эвенкийский словарь. М., 1948, с. 327.

²⁹ Историко-этнографический атлас Сибири, с. 25.

Занимая верховья рек, они заселяли места, почти не обжитые и мало использовавшиеся, особенно оседлыми коряками, которые лишь иногда пускались в дальние районы для пушной охоты. В срединной части Камчатского полуострова и его перешейка эвены находили достаточно угодий для выпаса своих оленей, а главное — возможность вести и охоту как на пушных зверей (соболь, лисица), так и на диких оленей, которые здесь еще водились. Кроме того, в этих местах они имели возможность пополнять запасы продовольствия за счет рыболовства.

Связи эвенов с коряками получили довольно широкое развитие. Известны не только экономические, но и родственные. Если на Камчатке эти связи носили довольно поверхностный характер, то на побережье Пенжинской губы и в прилегающих к ней местах обитания чавчуэнов уже заметные, а на Охотском побережье настолько очевидные, что можно прямо говорить об ассимиляции местных коряков, не только оседлых но и кочевых, эвенами.

Р. С. Васильевский, осуществивший археологические раскопки в ряде пунктов Охотского побережья к северу от р. Олы и подробно изучивший весь накопленный из этого района археологический материал, пришел к весьма интересным выводам. Вторым тысячелетием до н. э. датируется неолитическая культура. В V—VIII вв. положено начало культуры морского зверобойного промысла. Но в жизни приморских коряков заметные изменения произошли в XVI—XVII вв. Количество памятников древнекорякской культуры к этому периоду резко сокращается. «Сами поселения в это время становятся, как правило, небольшими, состоящими из двух-трех, редко четырех жилищ-полуземлянок. По-видимому, — продолжает Р. С. Васильевский, — значительные группы корякского населения покинули хорошо обжитые, богатые зверем и рыбой районы и мигрировали дальше на северо-восток, к побережью Пенжинской губы... Это, должно быть, объясняется интенсивным продвижением тунгусских племен на Охотское побережье».³¹

Характер первоначальных контактов между коряками и тунгусами до середины XVII в. остается пока не изученным, известны лишь основные результаты их.

Достоверные сведения о корякско-тунгусских взаимоотношениях появляются лишь с середины XVII в. в русских письменных источниках. Некоторое представление о развитии и характере корякско-эвенских отношений дают исторические предания эвенов.

В эвенском фольклоре имеется цикл исторических преданий «О прошлой жизни орочей и коряков».³² По данным этих преданий,

³¹ Васильевский Р. С. 1) Древнекорякская культура Охотского побережья. ... с. 10, 15—16; 2) Происхождение и древняя культура коряков, с. 133.

³² Новикова К. А. Эвенский фольклор. Магадан, 1958, с. 82—88; Беляева А. В. Культура и быт эвенов в XIX—XX веках. — Краеведческие зап., вып. II, Магадан, 1959, с. 78—79; Фольклор народностей Севера. — Там же, вып. III, Магадан, 1960, с. 138—140.

нападающей стороной были эвены. Жили коряки по берегам п-ова Кони, на Атаргане, по р. Ояри, в поселках, в полуземлянках, оленей не имели. Коряки упорно защищали места своего обитания. Пытались и сами перейти в наступление. Подходили даже к Оле. Будучи в меньшинстве, коряки не были в состоянии противостоять натиску эвенов, в результате были уничтожены. Эти предания, как видно, освещают события позднего времени (конца XVI—начала XVII в.). В известной мере стремление эвенов к проникновению далее на северо-восток, на территории обитания коряков составляло главный источник, на котором складывались отношения между коряками и эвенами и в последующий период, т. е. в XVIII и XIX вв. Именно в это время произошло их наиболее глубокое проникновение на территорию расселения коряков. В целом связи и отношения между коряками и эвенами развивались в нескольких направлениях. Во второй половине XVII и первой половине XVIII в. все еще шло насильственное вторжение эвенов в места обитания коряков, позднее этот процесс сменился мирным, но настойчивым их проникновением на корякские территории. Одновременно развивалось взаимовлияние в области материальной и духовной культуры, быта и языка, физическое смешение.

«Пешие тунгусы» Охотского побережья XVII в. подробно исследованы Н. Н. Степановым, который, учтя все ранее появившиеся работы о них, привлек также новый архивный материал. Его заключение о том, что «во второй половине XVII в. корякско-тунгусские отношения характеризуются крайним обострением и частыми военными столкновениями», справедливо, так как основывается на документальных данных. Столкновения возникали главным образом между оленными коряками и тунгусами из-за того, что последние проникали на территорию коряков с целью промысла соболей. В 1675 г. тауйские тунгусы жаловались русским, что коряки «ясаку нам промышлять не дадут и по промыслам нашим они, коряки, на оленях ездят и нас ищут и с жилищ наших, с Олы-реки и с Армани они, коряки, нас согнали, а жены и дети у нас в полон емлют».³³ Так действовали неясные коряки. Они возражали не только против того, что тунгусы охотились на их территории, но и против того, что ясачные тунгусы были проводниками и помощниками охотской администрации. Отпор коряков носил активный характер. В 1684 г. тунгусы шести родов снова жаловались в Охотск, что коряки «с жилищ с наших с рек с Олы и с Армани нас согнали и на Тауй к нам они, коряки, войною на многие времена приходят».³⁴

Были случаи и другого порядка, когда оленные тунгусы и коряки выступали против «пеших тунгусов». Так, в 1682 г.

³³ Степанов Н. Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965, с. 134—135.

³⁴ Там же.

«оленные тунгусы взбунтовались вместе с немирными коряками, которые держат пеших тунгусов в осаде по острожкам и соболей им промышлять не дают».³⁵

По мере того как коряков приводили в подданство, их сопротивление проникновению тунгусов постепенно слабело, тогда как активность тунгусов оставалась прежней. Они всегда сопротивлялись русским в походах, предпринимавшихся с целью покорения коряков. Тунгусы нередко извлекали для себя прямые выгоды от такого участия. Принцип политики царизма «разделяй и властвуй» проводился и на этой окраине.

В то же время между отдельными группами коряков и тунгусов поддерживался обмен. Тунгусы ходили за р. Олу к корякам, а неясачные коряки приходили «торговать к тауйским ясачным тунгусам».³⁶ Речь идет, видимо, о связях оседлых коряков и тунгусов. Учитывая эти факты, следует отметить отсутствие единых отношений всех тунгусов со всеми коряками. В то время как отдельные группы коряков находились в неприязненных отношениях с отдельными группами тунгусов, с другими группами у них были добрососедские отношения, велся обмен. Такое состояние разрозненности связей отдельных коллективов характерно для ранних форм этнических отношений, которые присущи обществам, стоящим на стадии разложения первобытнообщинного строя. Каждое цельное подразделение (род у тунгусов; большая патриархальная община, селение или острожек у коряков) часто самостоятельно решало вопросы международных связей, не согласовывая их со своими соседями.

К началу XVIII в. ближайшие к Тауйску коряки заметно ослабили свою активность в борьбе с тунгусами, что обуславливалось рядом причин. Одной из них и немаловажной была эпидемия оспы 1689/90 г. Последствия ее были в равной мере тяжки для всего туземного населения побережья. В 1692 г. якутский воевода Гагарин сообщал в Москву, что прибывший из Охотска сын боярский Мочехнин привез «ясачной казны против прежних годов самое малое число, только 24 соболя . . .». А причина была в том, что «на Ламе в Охотском острожке многие ясачные иноземцы в прошлых в 199-м и 200-м годах . . . моровым поветрием померли воспою, а иные де иноземцы с ясачным платежом к зимовью не бывали и разбежались от морового поветрия от воспы и в дальние места и сыскать их было негде».³⁷ Не миновало это «поветрие» и северное население, как ясачное, так и неясачное. Пострадали от него и коряки.

С начала XVIII в. центр корякско-тунгусских отношений переместился дальше на север и сами отношения приобрели несколько иные формы.

В отношениях коряков с тунгусами необходимо учитывать обстоятельства, которые порождались положением ясачных и неясачных. В основном тунгусы Охотского побережья как олениные, так и пешие были обясачены в XVII в., вследствие чего они оказались под покровительством и защитой русских. Их всячески побуждали и поощряли добывать как можно больше пушных зверей, где бы они ни находили их, и в том числе на территории расселения коряков — это один из поводов для вооруженных столкновений между тунгусами и коряками. Так, в 1735 г. «ходил ясачный олений ламутка в коряцкую землицу для звериного промыслу, и ношным временем напали на него Качебины юрты, неясачные коряки чачебы Хоеллы с родниками и побили 11 человек до смерти да ранили мужеска и женска полу 10 человек».³⁸

Другой причиной служило то, что тунгусы активно участвовали в походах русских на коряков. Ослабление коряков, с которыми у них были издавна столкновения, явно устраивало тунгусов еще и потому, что они могли овладеть местами обитания коряков, их промысловыми угодьями, их оленями. Тенденция проникновения эвенов на север от Охотска проявлялась весьма отчетливо на протяжении XVIII—XIX вв. Основная причина, толкавшая их к этому, состояла в стремлении проникнуть на территории, богатые дикими парнокопытными, составлявшими основу их жизненного благополучия, и, может быть, уйти от назойливых поборов ясачных сборщиков, христианизации и т. п. Все эти мотивы активности эвенов в борьбе с коряками нашли красочное отражение в документах того времени.

В 1702 г., по сообщению приказчика Тауйского зимовья С. Осипова, «приходили с Олы-реки пешие тунгусы Абдарского (Угджурского) роду Кагун с родниками, Бодыня с родниками и прошали у меня, Стеньки, служилых людей итти в коряки и призывать неясачных коряк к ясачному зимовью. И сказывали же ольские тунгусы и стоят-де те коряки у ясачных коряк близко Ильгичаня».³⁹

В 1708 г. коряки напали на Тауйских ясачных пеших тунгусов и «побили» их.⁴⁰ В наказание за это Петр Чириков предпринял в 1709 г. специальный карательный поход на коряков и уничтожил их острожки.⁴¹ Вместе с тем тогда же «на Ашаглане-реке близ Тауйского острогу жили ясачные староплатежные коряки Вачучко с детьми человек 10», который, оказывается, был в «сва-

³⁵ Ионин А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века. — Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО, т. 26, Иркутск, 1895, с. 112.

³⁶ ДАИ, т. V, СПб., 1853, № 73.

³⁷ Степанов Н. Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 188, 1959, с. 246.

³⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 142, л. 44.

³⁹ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, с. 77.

⁴⁰ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II. СПб., 1885, с. 487.

⁴¹ Там же, с. 487—488.

товстве ольским ясачным лучшим тунгусам». ⁴² Таким образом, в одно и то же время разные подразделения (группы) тунгусов и коряков находились в разных видах отношений. Одни враждовали, другие вступали в родственные связи и мирно сожительствовали.

В 1708 г. приказчик Тауйского зимовья С. Касимов писал в Якутск: «Приходили близ того Тауйского зимовья на Арамил-реку неясачные оленные коряки с боем на наших тутюшних ясачных тунгусов, оленных же и на пеших, и те ясачные тунгусы, усмотря их неясачных коряк, учинили с ними бой, и на том бою взяли коряцкого мужика в полон и привели в Тауйское зимовье». И тот коряк показал: «Шли они с боем на ясачных тунгусов и ламутов» — 30 человек, а за ними «идут их немирных и неясачных коряк многолюдство». ⁴³ В этом случае неясачные коряки преследовали ясачных пеших и оленных тунгусов.

Первая половина XVIII в. ознаменовалась бурными событиями на Охотском побережье, на территории расселения коряков от Ямска до Гижиги. Шло подчинение местного населения царизму. Во всех событиях тунгусы принимали непосредственное участие. В 1710 г. охотский служилый человек И. Поротов предпринял поход на ямских коряков, в нем участвовали «ясачные тунгусы» и «ясачные коряки». ⁴⁴ В 1712 г. в отряде П. Гуторова, ходившего на сигланских коряков, уже было 130 тауйских ясачных тунгусов. ⁴⁵

В 1729—1730 гг. эвенки и эвены сопровождали в походе по Охотскому побережью казачьего голову А. Шестакова. Когда он тронулся из Тауйского острога на север в корякскую землю, с ним было 64 тунгуса. ⁴⁶ Уже в это время эвены занимали верховья рек Гижиги, Наяхана, где кочевали Уяганский и Долганский роды. ⁴⁷ С. П. Крашенинников отметил, что «тунгусы часто доходили войною до самой реки Пенжины». ⁴⁸

Чтобы привлечь тунгусов к более активному участию и подчинению неясачных коряков, охотская администрация поощряла их и шла на определенные уступки даже в сборе ясака с них. За участие в походе 1748 г. тунгусы были освобождены от взноса ясака. «Кои были тогда на изменников коряк в походе на 1748 год, також и впредь, когда сколько их, тунгусов, — сообщалось из Иркутской канцелярии в Сенат, — на бунтовщиков и изменников имеет быть послано, на те годы, в коих они действительно в той

⁴² Там же, с. 488—489.

⁴³ Там же, с. 515.

⁴⁴ Там же, с. 491.

⁴⁵ Летопись занятий археографической комиссии, вып. I. СПб., 1861, с. 12.

⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33; л. 249.

⁴⁷ Там же, л. 251, 258.

⁴⁸ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1949, с. 303.

службе будут находиться, вместо награждения ясаку брать не подлежит, которого на тот 748 год до получения из Сената указу и велено не взыскивать, и взятых в плен коряк от их не отбирать». ⁴⁹ Передача пленных коряков тунгусам, видимо, была санкционирована высокими инстанциями. В 1751 г. на р. Гарманде отряд Белобородова, в котором и были тунгусы, погромил коряков, при этом было взято в плен 12 чел.: они были «привезены в Тауйскую крепость и розданы в силу ее императорского величества указу оленным тунгусам князям». ⁵⁰ В 1762 г. в Гижигинскую крепость прибыл оленный коряк Онпык Яхийимлин и попросил оказать ему содействие навестить своего брата, который «в дальних годах тауйского платежа Кашитова рода оленными тунгусами взят в полон от них, коряк, брат его Иппынов родной в малых летах Дельга, которой ныне с тех давних лет у них, тунгусов, возмужал и живет в холопстве». ⁵¹

Нередко эвены предпринимали и самостоятельные действия против коряков, конечной целью которых были захват оленей и другого имущества. При этом они рассчитывали на безнаказанность за такие действия со стороны русской администрации. Летом 1751 г. «из Охотска на чендонских коряк ламутки в поход приходили и убивали у них одного лучшего коряка и брали у них в плен оленный табун». Пострадавшие были ясачными, и поэтому русские «оленный табун отдали им возвратно». ⁵²

В 1772 г. в верховьях р. Омолона «при речке Оливеем» кочевал коряк Эмгут Эткиунов (Аверьян Яковлев). К нему в стойбище приехали «ламутки князца Наранды племянник Аиппо в двадцати человеках верхом на оленях». Они убили «из луков» хозяина стойбища, его брата, его жену с ребенком, забрали 600 голов оленей, а также имущество: ружье, топор, железный котел, «копье с ратовьем и оловянными припаями, три лука с тулом и пять железных стрел, три санки езжалых, одну возовую». ⁵³ За это разграбление притом ясачного и крещеного коряка, эвены заплатились лишь тем, что Уяганский и Годниканский роды возвратили сыну убитого под давлением администрации 170 голов оленей. В 1779 г., как сообщали оленные коряки, кочевавшие летом «в Олюторской стороне», их преследовали неизвестные люди на верховых оленях с луками, одетые в ровдужные камлеи. ⁵⁴ Это были эвены.

Стремление эвенов закрепиться на корякской и чукотской территориях шло как с Охотского побережья, так и с Колымы. При этом они выражали готовность оказывать во всем поддержку

⁴⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. — Сб. арх. материалов, Л., 1935, с. 114.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 1, л. 101.

⁵¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 13, л. 62.

⁵² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 1, л. 55 об.

⁵³ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, л. 54.

⁵⁴ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири, с. 82.

русской администрации, в частности Анадырского острога. Так, в 1750 г. эвен Верхнеколымского зимовья от имени Дельянского и Каменного родов Гангара Шарин «самопроизвольно просил, чтоб ему с родниками своими платить ясак в Анадырскую партию. . . и сколько их есть всех без остатку перевести в Анадырский острог». ⁵⁵ В 70-х годах XVIII в. они появились и в «Олукторской стороне», и в области, примыкающей к территории кэрэков (верховья рек Великой, Хатырки).

Следует отметить, что такое энергичное продвижение эвенов было свойственно лишь их охотничье-кочевой части, оседлые эвены передвигались лишь по Охотскому побережью. В 1775 г. северной границей расселения эвенов по Охотскому побережью была р. Ола. «Ламуток же дале в Пенжинское море, — писал Т. Шмалев, — жительствующих более не имеется». В данном случае речь идет об оседлых эвенах, в то время как охотники-оленоводы продвигались весьма настойчиво. В 1806 г. ⁵⁶ в Гижигинской округе числилось 580 тунгусов, которые «имели по разным местам кочевья». Это были представители 1-го и 2-го Уяганского (405 чел.) и Долганского (175 чел.) родов. ⁵⁷ Как отмечалось выше, в первой половине XIX в. они были уже на восточном и западном побережье Камчатки.

Администрация Камчатки весьма охотно принимала в свое ведение эвенов, хотя их появление на Камчатке и ущемляло интересы местных жителей. Несмотря на то что жители селений «от Кахтаны до Хайрюзовой жаловались на кочующих в хребтах ламут», начальник Камчатки в 1849 г. в ответ на сообщение тигильского частного комиссара о появлении «с недавнего времени около Тигильской крепости ламутов числом около 30 взрослых мужчин, помещающихся в 8 юртах», предложил: «Полагая поселение здесь ламутов весьма полезным для края, желал бы весьма, чтобы Вы склонили их к тому; поэтому прошу Вас обходиться с ними ласковее и пояснить им выгоды постоянного их здесь пребывания сколь возможно с лучшей стороны». ⁵⁸

Несколько позднее К. Дитмар, отмечая присутствие эвенов на Паропольском доле, писал: «Ныне эта земля сделалась общим достоянием, и коряки, равно как и чукчи, не препятствуют племенам ламутов с берегов Охотского моря переселяться сюда для пастьбы их собственных стад и охоты за бесчисленными стадами диких оленей. . . Ламуты составляют совершенно новое явление в этих странах, и сами коряки говорят, что этот кочующий народ только 20 лет тому назад начал появляться на коряцких землях. Коряки оказывают им ласковый прием и гостеприимство. . . Ламуты с своей стороны отвечают этому дружест-

венному расположению». ⁵⁹ И действительно, неизвестно ни одного случая каких-либо серьезных трений во взаимоотношениях коряков с эвенами на Камчатке. Интересно, что эвены, как это отмечал еще Дитмар, «выучиваются корякскому языку».

Вполне утихомирились и наладились отношения коряков с эвенами и в верховьях Омолона. Коряки тут жили по соседству «с юкагирами и ламутами». «Эти народы, — писал Г. Майдель, — ладят довольно хорошо, хотя отношения их не отличаются особой сердечностью: впрочем, как ламуты, так и юкагиры нуждаются в добрых отношениях с коряками; дело в том, что оба племени, особенно же ламуты, ежегодно странствуют через пастбища коряков, чтобы попасть в богатые пушным зверем Камчатские горы; таким образом, они до известной степени находятся в зависимости от этих народов». ⁶⁰

Вполне наладились добрососедские отношения эвенов с коряками и на побережье Пенжинской губы. Как писал В. И. Иохельсон, «после замирения края эвены проникли на незанятые места корякской территории. Как охотники они занимали долины речек, покрытые лесом, где водится зверь, и в которых корякские оленеводы мало бывают. Таким путем избегаются недоразумения. Случается, что коряки и тунгусы мирно кочуют недалеко друг от друга или рядом». ⁶¹

Таким образом, начало XIX в. стало временем полного умиротворения в отношениях между коряками и тунгусами, с которого начинается свободное распространение эвенов по территории коряков, более широкие контакты их с оседлыми и кочевыми коряками Камчатки. Однако интенсивность связей на Охотском побережье и на Камчатке, как и характер их, были различными.

Дело в том, что коряки Камчатки далеко не все были крещеными; и, как это ни покажется неожиданным, это обстоятельство служило серьезным препятствием к вступлению с ними в брак эвенов, радетельных христиан. Браки между коряками и эвенами на Камчатке встречались как исключение. Брачные же связи между ними на Охотском побережье, где все оседлые коряки давно крещены, были обычным явлением. Например, в 1837 г. охотский земский исправник сообщал начальнику Охотского приморского управления: «Ямский коряк И. Беляев в поданном ко мне прошении объясняет, что он с малых лет завезен матерью из Ямского коряцкого в Ольское тунгусское селение, где впоследствии, женившись, он завелся домообзаведением, имея семейство 7 душ». ⁶² Не только он, но и его мать вошли в родственные связи с тунгусами.

⁵⁹ Д и т м а р К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — Вестн. РГО, 1855, ч. 15, кн. 6, с. 52—53.

⁶⁰ М а й д е л ь Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, ч. I. СПб., 1894, с. 228.

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 179—180.

⁶² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 168, л. 34.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 1, л. 65.

⁵⁶ Там же, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 2.

⁵⁷ Архив АН СССР, ф. 37, оп. 1, д. 10, л. 81.

⁵⁸ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 350, л. 23—24.

Одной из ранних и широко распространенных форм связей был обмен. В отношениях между оседлыми коряками и тунгусами — континентальными охотниками-оленьеводами были налицо необходимые условия для возникновения и развития обмена. Коряки имели излишки продуктов морского промысла и рыболовства, тунгусы — продукты сухопутной охоты, оленеводства. Через тунгусов на побережье проникало также железо, табак и другие товары, шедшие как с запада — из Якутии, так и с юга. Это довольно хорошо прослеживается особенно на материалах XVIII в. О том, что коряки в целях обмена приходили в Тауйск еще в XVII в., имеются документальные указания.⁶³ Довольно оживленный обмен существовал между тунгусами и коряками и в XVIII в. «Торговлю ведут, — писал об оседлых коряках Охотского побережья Я. Линденау, — с соседними народами: ламутами, тунгусами, оленными коряками и русскими. У ламутов и русских покупают котлы, ножи, швейные иглы (*титига*) и железные изделия; четырехфунтовый медный котел стоит 8 рублей, т. е. выменивается на 8 парок или кухлянок, или 16 маутов. . . У оленных тунгусов выменивают камасы, недорости, постели (шкуры оленей зимнего убоя, — *И. В.*) и пыжиков на рыбий жир, китовые ласты и ворвань, тюленину и т. п. За четыре оленьих камаса дают столько ластов, сколько может увезти один олень, за недорость — сколько увезут два оленя, за постель и пыжика — сколько увезут три оленя, или, примерно, 12 пудов ластов».⁶⁴ Эти весьма интересные сведения свидетельствуют прежде о том, что обмен был нужен для коряков. Сухопутная охота не давала им необходимого количества шкур для изготовления зимней одежды и обуви.

Еще Линденау отметил ряд идентичных предметов материальной культуры, которые он наблюдал у местных коряков, эвенов и эвенков. Общее он видел в одежде у охотских коряков с эвеными и эвенками, о чем уже упоминалось выше, а также в украшениях. «Подобно тунгусам на р. Лене, они (женщины, — *И. В.*) украшают себе лицо, возле ушей и кисти рук разными фигурами, и делают эти рисунки таким же способом, как ламуты».⁶⁵ Совпадали и элементы народной медицины: «На опухоли и нарывы прикладывают сырые заячьи шкурки и часто их меняют. Этот способ лечения применяют также тунгусы и ламуты».⁶⁶ «Волшебный бубен *йэйэ*, — заметил Линденау, — похож на шаманский бубен у ламутов».⁶⁷ Общие черты Линденау видел и в обычае давать имя новорожденному: «Если все в семье живы, то имя новорожденному придумывает шаман, обычай этот существует и у ламутов».⁶⁸

⁶³ Степанов Н. Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке. — Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 48.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 511, т. II, тетр. 6, л. 47—48.

⁶⁵ Там же, л. 15.

⁶⁶ Там же, л. 59.

⁶⁷ Там же, л. 61.

⁶⁸ Там же, л. 54.

Несомненным отражением тесных связей между коряками и тунгусами являются языковые данные, лексические параллели, которые могут существенно дополнить наши представления о широте и глубине рассматриваемых взаимовлияний. В настоящее время мы не можем указать, как много было лексических заимствований коряками Охотского побережья от тунгусов, так как почти никаких данных о языке (диалекте) этого подразделения коряков не сохранилось. Мы можем отметить только то, что встречается в ныне существующих диалектах корякского языка и в языке эвенов и эвенков Охотского побережья. Лексические заимствования приходили вместе с предметами. 'Плот' по-эвенски и эвенкийски называется *тэм*, по-корякски — *тымтым*. Из эвенского языка в корякский проникли названия некоторых пушных зверей, например: *хэйп* — 'соболь', по-корякски — *гэйип*. Через эвенов и эвенков в корякский язык (во все его диалекты) пришло название курительной трубки, табака и, видимо, само курение. По-эвенски 'курительная трубка' — *канса*, *гамса* и по-корякски, — *к'аньча*, отсюда глагол *к'аньчок* — 'курить' и т. п. Через тунгусов коряки заимствовали первые русские предметы одежды, инструменты и вместе с ними их тунгусские названия. Тунгусское *урбак* в корякском языке звучит как *урвак*; 'рубашка' — в эвенском *турус*, в корякском — *трусса*; эвенское *пэк-тэрэн* — 'выстрел', в чавчувенском диалекте — *пэкыл* и т. п.

В свою очередь не меньшее языковое влияние испытали также эвены. Особенно это заметно на арманском диалекте эвенского языка.

Эвенское слово	Корякское слово	Русское значение слова
кэнгкэр	кэн'кэл	наконечник кнута для понукания оленя, бич
хоем	к'уем	губа (морская), залив
кета	к'этакэт	кета
евэч	эвыч	чавыча
кавальнга	кавал'нгн	краб
йэлус	элоту	челн, спаренные баты
хуккам	уккам	чуман, деревянное блюдо
вакня	вэк'ын	навага
куплесин ⁶⁹	плесик	пляска
тытэрэп	титейэп	прошлое, некогда
оран, уран	уттыран	поварня, деревянный дом
ботта	понта	почка
моти	матыв	бат, байдарка

По-эвенски 'половина' (одна из двух равных частей) называется *кайтэк*, *калтакал*. Этот же корень *к'ал/к'ач* обозначает в чукотском и корякском языках также один из парных предме-

⁶⁹ Слово *куплесин* ('пляска') заимствовано в форме глагола в настоящем времени, который характеризуется префиксом *ку/ко*. Этот префикс встречается только в чавчувенском диалекте и в диалектах, близких к нему (апукинском, каменском и др.).

тов, например *леле-к'ач* — 'одна из рукавиц' (собственно, 'рукавица'). Таким образом, следы тесного соприкосновения эвенов с коряками имеются налицо.

Между коряками, эвенками и эвенами шло и физическое смешение. Особенно распространенным это явление было на Охотском побережье. По ревизским сказкам 1795 г., «среднего пеших коряк в селении Ауегина роду» у князя Г. Беляева жена Ф. Федорова «взята тауйского платежа у тунгуса Карбачинова», у коряка того же селения Хаммито жена тунгуса «тауйского платежа». ⁷⁰ В XIX в. смешанные браки между тунгусами и коряками участились.

Коряки вообще не стремились к изолированной жизни. На границах с разными народами они довольно свободно вступали в родственные связи. В. Иохельсон отметил, что «чукчи, камчадалы, тунгусы, русские, якуты, чуванцы и юкагиры — вот племена, с которыми коряки смешивались прежде посредством браков, что, впрочем, они продолжают делать и теперь. . . В последнее время оленные коряки с р. Гижиги и с р. Вархалаама брали в жены тунгусских женщин, а тунгусы — корячек». ⁷¹ При этом вырабатывались определенные правила. Если коряк женился на тунгуске, то, по тунгусскому обычаю, справлялась свадьба и за невесту он давал выкуп. С другой стороны, вступая в корякский дом, тунгусская девушка одевалась в корякскую одежду и подчинялась семейно-правовым обычаям коряков. Тунгус, женившийся на корячке, должен был отрабатывать у ее родителей. ⁷²

Наиболее интенсивно шло смешение оседлых коряков Охотского побережья. Они вступали в браки не только с тунгусами, но также с русскими и якутами. В метрической книге Ямской благовещенской церкви за 1918 г. в графе «О бракосочетавшихся» находим: «Гр-н Черниговской губ. П. П. Олифанов женился на дочери коряка Ямского селения К. Данилова Зиновии; тунгус Ольского селения Н. Т. Бабцев — на дочери коряка Ямского селения Д. Кочерова Иумании; тунгус 1-го Уяганского рода А. В. Громов — на дочери коряка Ямского селения Ф. Беляева Иустинии» ⁷³ и т. п.

В селениях со смешанным населением довольно скоро забывали местные языки и переходили к русскому. Население от смешанных браков на Охотском побережье стало называться камчадалами. Под этим названием оно известно в Магаданской области и в настоящее время.

Корякско-чукотские связи и отношения имеют два аспекта: генетический и исторический. Коряки и чукчи связаны общностью

происхождения, антропологического типа, единством характера материального производства, общими чертами материальной и духовной культуры, едиными основами фонетики, грамматики и лексики их языков. Наряду с этими общими, сближающими их чертами были и существуют сейчас отличия, которые развивались на протяжении длительного времени и привели в конце концов к этническому и языковому обособлению, к территориальной разобщенности, к появлению этнического самосознания у них, как у отдельных народностей.

Немаловажную роль в этом процессе обособления сыграли юкагиры. Их появление в долине р. Анадыря отделило территориально коряков от чукчей и тем самым содействовало углублению обособления предков современных коряков и чукчей, формированию собственно коряков и собственно чукчей, т. е. тех признаков, которые объединяют всех чукчей, которые присущи как нечто особенное корякам. Произошли эти события, по всей вероятности, в XIV—XV вв., т. е. тогда, когда юкагиры вынуждены были двинуться на восток под давлением тунгусов и якутов. Они вошли в долину р. Анадыря клином с ее верховий и до нижнего течения. К югу от р. Анадыря оказались коряки, к северу — чукчи. Видимо, абсолютной разобщенности не существовало, но регулярные связи, которые поддерживались на Анадыре между ними, были прерваны. Можно предполагать, что появление юкагиров привело и к каким-то перемещениям, в частности, некоторых групп ныне оседлых коряков. Вряд ли можно считать случайным то обстоятельство, что паланский, алюторский и паренский диалекты корякского языка обнаруживают большую близость к чукотскому языку. Исторические перипетии способствовали дальнейшему сложению и формированию особенностей, отличающих коряков от чукчей. Их отношения в конце концов вылились в столкновения чукчей преимущественно с коряками-оленеводами.

По имеющимся данным, наиболее интенсивный характер эти столкновения приняли с начала XVIII в. Чукчи к этому времени перешли к новому этапу развития производительных сил и производственных отношений. Войны с соседями (олениными коряками, юкагирами), захват их имущества (оленей), пленные стали в этот период для них «постоянным промыслом». ⁷⁴ При этом чукчи нападали только на коряков-оленеводов, захватывая их стада, а с оседлыми коряками вели оживленный обмен, приобретая через них металлические предметы, оружие. ⁷⁵

По Охотскому побережью чукотские отряды доходили до Наяхана, и есть известия, что даже до Олы. «В прежнее время чукоцкий народ до сей реки (Олы, — И. В.) в походы хаживали

⁷⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1084, оп. 2, д. 17, 6/п.

⁷¹ Jochelson W. The Koryak. p. II. Leiden—N. Y., 1908, с. 412.

⁷² Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 138, л. 182.

⁷³ ГАХК, ф. И-85, оп. 42, д. 33, л. 10—11.

⁷⁴ Эта тема подробно изложена в книге: Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, с. 79—99.

⁷⁵ Там же, с. 61—71.

и ламуток в плен бирали». ⁷⁶ Эти нападения принудили коряков-оленеводов уйти по западному берегу Охотского моря до Гижиги, где они оказались под защитой гарнизона Гижигинской крепости, а на Камчатке «почти все олениные коряки платжом ясака желание быть по опасности от чукок Камчатского берега в Тигильской крепости, да и находятца с табунами внутри Камчатки». ⁷⁷ Как следует из этих документов, олениные коряки были оттеснены чукчами далеко на юг от тех мест, где они кочевали раньше. Опустошили чукотские отряды стойбища коряков-оленеводов по рекам Апуке и Пачахе; оставшиеся коряки, лишившись оленей, принуждены были перейти к оседлости.

Таким образом, новые отношения с чукчами привели к территориальным перемещениям коряков-оленеводов и к увеличению численности апукинцев за счет оленеводов. На этом не исчерпываются последствия чукотско-коряцких связей XVIII в. Обострение отношений между чукчами и коряками-оленеводами породило и другие виды их связей. Коряки-оленеводы хотели и искали примирения с чукчами. Того же хотели чукчи, жившие по левым притокам Анадыря. Кроме того, прианадырские чукчи добивались возможности поселиться на южной стороне Анадыря на территории, ранее обитаемой коряками, отчасти юкагирами. В 1756 г. Ивака Лехтелев (брат «главного коряцкого князя Эйгели») «со своею женою, как она была чукоцкой породы, пошел в чукоцкую землю и заключил с чукчами мир с тем для твердости миру, чтоб чукчи своих детей женили на коряцких, а корякам условленность брать чукоцких в замужество». ⁷⁸ В 1757 г. «чукчи в сорока трех юртах перекочевали за Анадырь и на Хатырке-реке с коряками мирятца и там летовать намерены», ⁷⁹ — сообщалось в одном из документов. Примирение коряков с чукчами было закреплено брачными узами.

К концу XVIII в. отношения между кочевыми коряками и чукчами улучшились настолько, что значительные группы чукчей перешли через р. Анадырь. Здесь они остались на постоянное жительство, заселив долины рек *Талкапыгыргын*, *Мэйи'ывээж* (Великая), верхнее и среднее течение р. Хатырки и др. «Чукчи живут и южнее Анадыря, — отмечал анонимный автор, — и в сей стороне смешиваются с коряками». ⁸⁰ В 1848 г. И. Вознесенский встретил чукотскую семью в стойбище лесовских коряков. ⁸¹

О проникновении чукчей на территорию коряков сообщает ряд документов XIX в., а также материалы переписей. В 1830 г. перекочевала 1 семья чукчей, в 1850—4; в 1857—2; в 1860—2; в 1866—1; в 1870—3; в 1873—1; в 1879—3; в 1885—7; 1887—4;

в 1888 — 1; в 1889 — 3. ⁸² Наибольшее число чукчей оказалось в современном Олюторском районе Коряцкого национального округа. По данным переписи 1897 г., их там было 139 чел., но к 1926 г. их насчитывалось свыше 770 чел., а по данным переписи 1939 г., уже 1114 чел. Здесь они жили вперемежку с коряками. В местах непосредственного соприкосновения чукчей и коряков происходили процессы взаимной ассимиляции. В. Иохельсон отметил определенные закономерности в их отношениях: «В случае смешанных браков чукотские стойбища на коряцкой территории, например в северной Камчатке или на Паропольском доле, подчиняются коряцким обычаям, на границе же с чукотской территорией, в северной части Палпала, коряки принимают чукотские обычаи до обмена женами включительно». ⁸³

Южнее р. Анадыря, на Паропольском доле, происходили наиболее регулярные и интенсивные связи коряков с чукчами. Они были заложены, как уже говорилось выше, еще в середине XVIII в. В подкрепление дружеских отношений между чукчами и коряками заключались не только браки, но выработались и другие своеобразные традиции, которые поддерживались еще в 30-х годах нашего века. Известия в официальных источниках об этом появились в начале XIX в. Так сообщалось: «Аматовский род оленных коряк с самого замирения с чукотским Туманским родом совокупились неразрывною дружбою и утвердились на твердых основаниях иметь всегда вместе по прибытии на ярмарку общий лагерь и с тем еще, что Туманский род чукок довольно-всегда всегда пищею (оленьями) от Аматовского роду оленных коряк в оба пути, как вперед, так и обратно. Туманский род, хотя и имеет свои табуны оленей, но оне всегда их оставляют за дальностью дороги на тех местах, откуда начинают кочевать на ярмарку и тем сокращают свою кочевку». ⁸⁴ Аматовский «род» оленных коряков кочевал в районе Палпала и носил такое название по имени старшины Аммата (Оммата). Туманский «род» чукчей — это чукчи, обосновавшиеся на р. *Талкапыгыргын* (Туманская) после 1756 г. Расстояние от р. *Талкапыгыргын* до Палпала — несколько сот километров. Однако это расстояние не послужило препятствием к установлению тесных и регулярных связей коряков с чукчами. Интересно также то, что в документе речь идет о замирении только «двух родов» — Туманско-чукотского и Аматовско-коряцкого. Весьма примечательным в этом документе является указание на то, что чукчи и коряки строили общее жилище (лагерь), что коряки не только кормили чукчей во время ярмарки, но обеспечивали оленьюю в оба конца их долгого пути. Любопытно и то, что чукчи, отправляясь на ярмарку, естественно, расходовали собственные запасы продоволь-

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 539, т. I, тетр. 13, л. 2.

⁷⁷ Там же, д. 528, т. II, тетр. 9, л. 13.

⁷⁸ Там же, л. 46.

⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 298.

⁸⁰ Замечания о чукчах. — ЖМВД, 1835, № 5, с. 336.

⁸¹ Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁸² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 3, л. 8—9.

⁸³ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 169.

⁸⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 140, л. 5.

ствия, своих оленей, а по прибытии на ярмарку получали от коряков нужное количество оленей. Чем были вызваны эти обязательства коряков — неясно и объяснений этому пока никаких нет. О совместном жилище коряков и чукчей есть упоминание в середине XIX в. Врач Богородский сообщал, что в «Чукотском лагере ему довелось видеть юрту, где помещалось сорок пологов».⁸⁵ Это значит, что под одной крышей размещалось 160—180 чел. «Корякские ярмарочные дома, — писал автор этнографического очерка, — имеют до 16 внутренних комнат (пологов, — И. В.), в которых может помещаться до 100 человек».⁸⁶ Отчетливое представление о таком совместном корякско-чукотском жилище имелось у прианадырских чукчей еще недавно.

Общая корякско-чукотская яранга называлась *рагэнэв*, дословно — 'собрание, объединение жилищ'. В старину, и даже на памяти моих информантов еще в 30-х годах, на берегу речки Березовки (правый приток Майна) обычно в марте съезжались чукчи, коряки, чуванцы. К этому месту приходили тэлькэпские, хатырские, бельские чукчи, чуванцы, кочевавшие по верховьям Майна, на Парапольском доле; коряки, стойбища которых находились в верховьях Апуки, на Парапольском доле и в других местах, примыкавших к Анадырю. Здесь происходила ярмарка. Чукчи привозили шкуры лахтак, ремни, жир морских животных. Коряки — березовые полозья, готовые легковые нарты. Когда они собирались, то ставили общие под одной крышей удлиненной формы яранги. Обычно объединялись вместе по 4 яранги, ставились четыре основных столба (*тэвыр*) по одному от каждой яранги и соответственно весь каркас покрывался четырьмя покрывками (*рэтэм*). После надлежащих заклинаний разрешалось пользоваться жителям коллективного шатра огнем (костром), который разводили под сводами этого общего шатра. Общий шатер, общий огонь символизировали родство, дружбу между коряками и чукчами. Ежегодные встречи их подтверждали добрые отношения между ними. Общий огонь не позволял никаких раздоров, по крайней мере на то время, пока люди им пользовались. Во время этих ярмарок устраивались разного рода состязания: бега на оленях, борьба, пэший бег, состязания в пении и плясках-пантомимах.

Эти дружеские отношения закреплялись смешанными браками между чукчами и коряками. Чукотские юноши уходили в стойбища коряков отрабатывать себе жену, корякские — в чукотские.⁸⁷

Обычай сооружения временного общего жилища, пользования в нем одним общим огнем, а также продуктами (мясом) от одного

⁸⁵ Богородский И. Медико-топографическое описание Гижигинского округа, с. 90.

⁸⁶ Азиатская Россия, т. I. СПб., 1914, с. 101.

⁸⁷ По материалам, собранным автором во время этнографической поездки на Чукотку в 1961 г.

стада (основного владельца оленей, к которому прибыли «гости») — это пережиток общинных традиций. Чукчи подчинялись этому обычаю, так как они были пришельцами на территорию коряков. Уважение чужих обычаев — характерная черта этических норм поведения народностей Севера, в частности чукчей.

У коряков-оленьеводов бытовала традиция в особых случаях собираться родственникам в одно место и сооружать при этом общее жилище. Поводами для этого могли служить заключение брачного союза между двумя семьями, проведение годового праздника, на который приглашались родственники.

Такого рода общие жилища у коряков наблюдал Д. Кеннан в 60-х годах XIX в. на одном из стойбищ в шатре, под сводами которого находилось 26 пологов. В этом общем жилище справлялась свадьба.⁸⁸ В. Йохельсон также встречал такие общие жилища коряков-оленьеводов, в которых было до десяти пологов.⁸⁹

О брачных связях между чукчами и коряками в начале XX в. имеется довольно много свидетельств. «В полосе, пограничной с коряками, — писал В. Г. Богораз, — оленные чукчи и коряки легко смешиваются между собой посредством браков».⁹⁰ «Теперь коряки нередко берут себе жен у чукчей и других соседних племен», — отмечалось в документе 1914 г.⁹¹

По всей видимости, эти обычаи пользования общим огнем, жизнь под общим шатром, а также взаимные браки сложились во второй половине XVIII в., по прекращении войн. Учитывая сказанное о характере отношений между чукчами и коряками к югу от Анадыря, становится более понятным происхождение ряда этнокультурных и языковых особенностей ваегских чукчей.⁹²

Наряду с отмеченными знаками дружбы, установившимися традициями ее выражения между чукчами и коряками существовали и экономические обязательства. Ранее уже говорилось о том, что коряки-оленьеводы снабжали чукчей во время встреч (ярмарок) мясом оленей и давали им запасы мяса на дорогу. Однако имеются и другие сведения, из которых следует, что чукчи-оленьеводы обязаны были оказывать материальную поддержку оседлым корякам, потому что чукчи жили на земельных владениях коряков. «Оседлые коряки Апукского района, — писал Н. Н. Беретти, — говорят, что кочующие чукчи должны давать им оленье мясо, так как пасут свои табуны на коряцкой земле, и чукчи не отказывают им в этом. В голодные годы при недоходе рыбы они даже подгоняют свои табуны к корякским селениям и кормят корякское население».⁹³

⁸⁸ Кеннан Д. Кочевая жизнь в Сибири. Б/м., б/г., с. 153—154.

⁸⁹ Jochelson W. The Koryak, p. II, табл. XIX, рис. 2.

⁹⁰ Богораз-Тан В. Г. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 128.

⁹¹ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 46.

⁹² Вдовин И. С. Ваегские чукчи. — Сибирский этнографический сб., IV, М., 1962, с. 153—165.

⁹³ Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929, с. 7.

О такого рода правовых отношениях между коряками и поселившимися на их территории чукчами приходилось слышать неоднократно и мне.

В. Г. Богораз в 1901 г. отметил особую доброту чукчи-оленьвода, кочевавшего к северу от р. Апуки, в отношении кавачинских оседлых коряков. Они часто ездили к нему и «питались от его щедрот». ⁹⁴ Видимо, и эта щедрость чукчи имела под собой другую подоплеку «обязательности», вытекающей из положения пришельца на чужую землю.

Дружеские отношения коряков с чукчами развивались и по другой линии. Со второй половины XVIII в. чукотские торговцы — *кавалъит* начали свои далекие путешествия за русскими товарами в Гижигу. Они проходили через стойбища коряков-оленьводов и пользовались не только их гостеприимством, но заменяли своих усталых оленей свежими, которых им давали коряки. Едущие в Гижигу чукчи, — сообщал К. Мерк, — имеют среди коряков своих друзей, которым они делают подарки в виде куньих парок или лисиц, за что коряки для дальнейшего путешествия заменяют им уставших оленей свежими и колют несколько оленей на мясо.

Как видно, и в этом случае выражение дружеских отношений было далеко не бескорыстным. За обмен оленей и гостеприимство чукотские торговцы должны были подносить хозяевам дорогие подарки (куньи парки, поступавшие к чукчам с Аляски).

Корякско-эскимосские связи и отношения. Своими корнями корякско-эскимосские связи и отношения уходят в далекое прошлое. Их черты обнаруживаются в ряде основных элементов материальной и духовной культуры прежде всего оседлых (приморских) коряков, особенно тех, которые живут на побережье Олюторского и Камчатского морей. Следы эскимосского субстрата прослеживаются в языке коряков-алюторцев, в топонимике восточного побережья Камчатского полуострова и далее на север. Эта сторона корякско-эскимосских связей подробно исследована в специальной работе автора. ⁹⁵ Следы тесных эскимосских связей с коряками прослеживаются и в антропологических чертах береговых коряков, что также служит свидетельством глубоких и давних связей. Антропологически коряки представляют «наиболее разнородный из палеоазиатских народов», — писал Г. А. Дебед. ⁹⁶ Эта разнородность в значительной мере определилась благодаря контактам коряков с соседями. Однако эскимосский элемент в той или иной мере обнаруживается почти у всех исследованных антропологами подразделений коряков. Имеется он и у палатцев. Пенжинская группа оседлых коряков (итканцы и каменцы),

хотя и с некоторыми оговорками, сближается с берингоморским антропологическим типом, т. е. с эскимосским. Учитывая глубокое эскимосское языковое влияние на коряков-алюторцев, можно говорить о еще большей степени сближения оседлых коряков северных районов Тихоокеанского побережья (алюторцев, апукинцев и кэрэков) с берингоморским антропологическим типом, чем коряков побережья Пенжинской губы. Реальные связи коряков-алюторцев и апукинцев с эскимосами отмечены в их исторических преданиях. В. Г. Богораз в своих исследованиях истории и этнографии населения северо-востока Азии полагал, что «можно говорить прямо об эскимосской этнической струе в самом составе чукотской группы народностей». ⁹⁷ Эти предположения подтверждались исследованиями советских антропологов и лингвистов.

Сопоставляя основные элементы материальной и духовной культуры чукчей, коряков, ительменов и эскимосов, В. Г. Богораз пришел к выводу, что «материальная и духовная культура чукоч и коряков, а также отчасти камчадалов обнаруживает глубокие следы эскимосского влияния». ⁹⁸

В. Иохельсон также признавал глубокое эскимосское влияние на развитие культуры коряков. Он находил их влияние в религиозных представлениях и в материальной культуре коряков, в связи с чем высказал предположение, что между коряками и эскимосами в какой-то минувший период существовало непосредственное соприкосновение. «Где и когда оно имело место, — писал он, — этот вопрос остается до сих пор открытым». ⁹⁹

К настоящему времени наукой накоплены новые археологические, этнографические, лингвистические и другие данные, которые позволяют на более широком материале поставить проблему историко-культурных связей коряков с эскимосами.

Следы влияния эскимосской культуры на культуру коряков обнаруживаются в первую очередь в самом главном — в материальной культуре, в производстве средств к существованию. Коряки были континентальными обитателями, они занимались сухопутной охотой и рыболовством. Все это нашло весьма определенное и подробное отражение в фольклоре всех подразделений коряков. ¹⁰⁰ На побережье моря коряки вышли значительно позднее эскимосов, от которых они усвоили основы культуры мор-

⁹⁷ Богораз В. Г. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов. — Сб. АН СССР, XVI, 1935, с. 357.

⁹⁸ Там же, с. 356. Более подробные и конкретные указания относительно общих черт материальной культуры чукчей, коряков и эскимосов имеются в следующей работе того же автора: Bogoras W. The Chukchee, p. 1. Material culture. N. Y., 1904. Общие черты духовной культуры чукчей и эскимосов, отчасти коряков и эскимосов специально отмечены в работе В. Г. Богораза-Тана (Чукчи, ч. II. Л., 1939, с. 27, 29, 46, 61, 66, 68, 69, 84, 95—97 и др.).

⁹⁹ Jochelson W. The Koryak, p. I, с. 359.

¹⁰⁰ Jochelson W. The Koryak, p. I; Баранников И. Сказки об Эмемкуге. Под ред. С. Н. Стебницкого. Л., 1940, с. 84 (предисловие редактора); Жуков Л. Нотаймэ. М., 1938; Лымпыло. Л., 1938, и др.

⁹⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 1, д. 115, л. 73.

⁹⁵ Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. — Сибирский этнографический сб., III, М.—Л., 1961, с. 27—63.

⁹⁶ Дебед Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951, с. 114.

ского зверобойного промысла. При постепенном освоении берега коряки частично ассимилировали, а частично вытеснили эскимосов, в частности с восточного побережья Камчатского полуострова.

В результате этнографического изучения населения побережья залива Корфа, обитаемого коряками-алюторцами, удалось установить, что самые древние поселения коряков находились в верховьях рек, где их предки занимались охотой и рыболовством. Затем они переселились ближе к устьям рек. На этих местах поселений уже есть следы занятия их морским зверобойным промыслом. Наиболее поздними поселениями коряков оказываются поселения, основанные на устьях рек, на побережье моря, если они не расположены на местах бывших эскимосских землянок. Археологическое обследование поселений на левом берегу устья р. Вывныка, к северо-западу от устья р. Култушной (*Илирваам*) не дает материалов о большой давности их основания. Все предметы, остатки жилищ, видимо, относятся к концу пунукского времени (т. е. XVI—XVII вв.). В этот период произошло окончательное оседание коряков на побережье Камчатского полуострова, и с этим же временем нужно связывать исчезновение отсюда эскимосов. Насколько органически глубоко вросли эскимосские элементы в культуру и язык коряков-алюторцев, можно убедиться не только на примерах топонимики, но и на личных именах коряков, которые, как известно, даются детям либо по именам предков матери, либо по именам предков отца. В одной из сказок, записанных С. Н. Стебницким в с. Кичига, фигурируют герои-коряки с такими именами: *Пылъук*, *Икля*.¹⁰¹ Эти имена соответствуют эскимосским словам: *пылъук* — 'скребок'; 'летний шатер'; *икля* — 'грязный'.¹⁰²

Проникновение ряда элементов эскимосского изобразительного искусства в изобразительное искусство коряков могло произойти только в результате тесного и продолжительного переплетения всех сторон быта и культуры этих разных по происхождению и языку народов. Данная сторона взаимосвязи коряков и эскимосов подробно исследована С. В. Ивановым. Он установил, что древнеэскимосский орнамент, к основе которого восходит орнамент оседлых коряков, чукчей, в значительной мере ительменов и обнаруживающий близость к нему орнамент алеутов, мало изменился и в настоящее время.¹⁰³ Кроме того, весь комплекс резного орнамента коряков, — как полагает С. В. Иванов, связан с искусством эскимосов и алеутов. Таким образом, историческая близость коряков к эскимосам очевидна. Эскимосский культурный и языковой пласты заметным слоем отложились на языке и культуре коряков восточного побережья Камчатки.

Благодаря этому влиянию образовалось такое подразделение коряков, как алюторцы с их особым диалектом и с другими специфическими элементами материальной и духовной культуры, отличающими их от других подразделений коряков и в то же время сближающими с эскимосами.

Работами советских¹⁰⁴ и зарубежных¹⁰⁵ археологов и антропологов установлено существование в прошлом охотской культуры, которая объединяла население Охотского побережья, островов Хоккайдо, Сахалин и Курильские. Основу хозяйственных занятий носителей этой культуры составлял морской зверобойный промысел. В ряде их традиций прослеживаются связи с эскимосами и алеутами. Так, на Хоккайдо и на Курильских островах были найдены лабрет.¹⁰⁶ Весьма важны выводы японских антропологов Кодама и Ито. Обобщая данные краниологических обследований мужских черепов с Хоккайдо (Майоро), Кодама пришел к заключению, что население Майоро (Охотское побережье Хоккайдо) совершенно отличается от айнов, произошло от алеутов.¹⁰⁷ Это категорическое утверждение оспаривается Б. Харуми и Честер С. Чардом, однако и они признают, что Кодама и Ито «по меньшей мере показали достаточно близкое сходство между населением Майоро и обобщенными эскимосско-алеутскими племенами»,¹⁰⁸ а не айнами.

В свете этих данных есть основания искать корякско-эскимосские связи на Охотском побережье в местах древнего расселения коряков. К таким поискам побуждают результаты археологических раскопок последних лет, топонимика и др. Начало становления приморской культуры на Охотском побережье относится к V—VIII вв. н. э.¹⁰⁹ Развитие орудий морского зверобойного промысла принципиально здесь шло по тому же пути, что и у эскимосов. Близкими к эскимосским оказываются тип полуподземного жилища, керамика, формы сосудов, некоторые виды костяных наконечников стрел и другие элементы материальной культуры. Есть основания считать эскимосскими по происхождению некоторые топонимы в районе Тауйской губы. Это — названия

¹⁰⁴ Чубарова Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина. Сов. этнография, 1947, № 4; Козырева Р. В. 1) Древнейшее прошлое Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960; 2) Древняя история Сахалина. — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, с. 679—695; 3) Древняя история Курильских островов. Там же, с. 695—701; Васильевский Р. С. (см. выше, с. 237).

¹⁰⁵ Harumi Befu, Chester S. Chard. A prehistoric maritime culture of the Okhotsk Sea. — American Antiquity, 1964, vol. 30. Изложение этой статьи дано в рецензии Р. С. Васильевского «Новые данные по древним культурам северной части Тихого океана» (Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, вып. 1, Новосибирск, 1966, с. 131—135).

¹⁰⁶ Harumi Befu, Chester S. Chard, op. cit., с. 10.

¹⁰⁷ Там же, с. 11.

¹⁰⁸ Там же, с. 12.

¹⁰⁹ Васильевский Р. С. Древнекорякская культура Охотского побережья. . . , с. 13, ср. с. 10.

¹⁰¹ Лымы-ыло, с. 124.

¹⁰² Перевод этих имен любезно сделан Г. А. Меновицким.

¹⁰³ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, с. 175.

заливов: Амахтон (Амахтонский) и Мотыклей (Мотыклейский). Значение этих названий весьма близко к эскимосским словам: амахтон — *имах'л'юк* — 'шторм' (штормовое место); мотыклей — *мытых'л'юк* — 'ворон' (воронье место). Название озера Тавла, может быть, произошло от эскимосского *таўли* — 'вытиралка', 'полотенце'; название песчано-галечниковой косы к северу от Тауйской губы Атикля, возможно, от эскимосского *асик'* — 'койма, низ'; название реки и поселка на ней — Асиглан, быть может, от *асиг'уак* — 'подол, кайма' и др. Приведенные названия требуют, конечно, более основательного лингвистического подтверждения их эскимосского происхождения.

На Охотском побережье культура эскимосов могла носить те особенные черты, которые отличают ее от древнеберингоморской. Здесь были другие условия для развития материального производства и добывания средств к существованию, чем на берегах Берингова пролива.

Корякско-юкагирские связи и отношения. В истории этнического развития коряков сыграли известную роль и юкагиры, однако не такую решающую, какая приписывается им рядом исследователей этнической истории коряков и чукчей. На основании исторических преданий коряков и юкагиров, по материалам письменных источников XVII—XVIII вв., места соприкосновения коряков с юкагирами ограничиваются в основном континентальными областями, примыкающими к побережью Пенжинской губы. Это верховья рек Гижиги, Пенжины,¹¹⁰ Парени Анадыря и Омолона. На Майне — правом притоке Анадыря — юкагиры также соприкасались с оленными коряками и с оседлыми обитателями побережья Пенжинской губы, хотя об этих связях имеется не очень много свидетельств.

В XVII в. р. Гижига в основном была заселена оленными и оседлыми коряками. По данным Чендонского зимовья, «ясачных юкагирей против книг 176 году (1668) — 8 человек».¹¹¹ Приходили в контакт с юкагирами коряки где-то в верховьях р. Колымы. «Да тут же на Ковыме реке живут за Ковымою на Камени, приключиваются к ясачным юкагирам анаулы и коряки».¹¹² В. Иохельсон считал, что в прошлом в непосредственное соприкосновение с юкагирами приходили оленные коряки.¹¹³

Очевидно, отношения коряков и юкагиров носили неустойчивый характер. Приходившие в соприкосновение группы, отдельные общины могли находиться во враждебных или в добрососедских отношениях. В 1655 г. юкагир Чекчой жаловался в Анадырском остроге, что «во 163 году погромили нас, сирот твоих,

коряцкие люди и родников наших побили и жен, и детей, и оленей всех поймали».¹¹⁴

Аналогичные эпизоды нашли отражение в исторических рассказах колымских юкагиров, что весьма красочно описано в текстах юкагирского фольклора, записанных В. Иохельсоном.¹¹⁵ Подобные столкновения были продолжением ранее сложившихся отношений юкагиров с коряками. Известный исследователь юкагиров В. И. Огородников считал, что «главными врагами юкагиров в старину были тунгусы (ламуты) и коряки».¹¹⁶

Основной причиной их столкновений была борьба за промысловые угодья. Юкагиры были бродячими охотниками на диких оленей и поэтому вели подвижный образ жизни, им нужна была большая территория. Это же занятие определило и малые размеры общин. «Природное их обычное житие, — отмечалось в одном из документов начала XVIII в., — ходят на оленях по камням и кормятца полевыми дикими оленями».¹¹⁷

С приходом русских характер отношений между коряками и юкагирами осложнился новыми обстоятельствами. Притесняемые тунгусами и коряками, юкагиры скоро оказались в положении зависимых от русских. Это давало им защиту от нападений коряков и тунгусов, но в то же время обязывало ко многому. Помимо регулярного взноса ясака, они должны были участвовать в походах русских не только как проводники, поставщики транспорта, одежды, но и как воины. Все это еще больше осложнило их отношения с коряками, особенно неясными. В 1708 г. они привлекались в карательную экспедицию на оседлых коряков Каменского и Косухинского острожков.¹¹⁸ В другом документе того же времени говорится, что оседлые коряки названных острожков «чинили многое воровство и убивство русским людям и ясачным юкагирам».¹¹⁹

Но вот в 1714 г. «ясачные юкагиры, обе орды, чуванские и ходынские, великому государю изменили». За притеснения, насилия и грабежи они расправились с приказчиками А. Петровым и С. Колесовым. Непосредственной причиной возмущения явилось, то что их пригнали для осады корякского Олюторского острожка, где они простояли несколько месяцев и липились почти всех своих оленей. «Юкагиры, — сообщалось тогда, — на Олюторской реке с женами и с детьми живут без оленей и помирают голодною смертью, а рыбных кормов промышляют им, юкагирам, нечем».¹²⁰ В этом случае они объединились с оленными и оседлыми

¹¹⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 31, л. 116.

¹¹⁵ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, текст № 53, 56.

¹¹⁶ Огородников В. И. Из истории покорения Сибири, с. 270.

¹¹⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 270.

¹¹⁸ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II, с. 48.

¹¹⁹ Там же, с. 483.

¹²⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 34, л. 270.

¹¹⁰ Огородников В. И. Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли. Чита, 1922, с. 24.

¹¹¹ ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 136.

¹¹² Там же, № 144.

¹¹³ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. СПб., 1900, с. IX.

коряками и действовали совместно, на что имеется много указаний в разных источниках того времени.¹²¹

В 1717 г. на правой стороне р. Олукторки между оленными коряками и юкагирами-ходынцами произошло серьезное столкновение, в результате которого было убито 12 юкагиров, а другие оказались в осаде. Помогли им русские. И снова юкагиры принимали участие в карательных экспедициях, предпринимавшихся из Анадырского острога в 50-х годах XVIII в. Они были в отряде Шатилова, ходившего на Тайгонос в 1750 г.¹²² И в то же время «коряки обще с юкагирами имели совет еще во время походу в Тайгуносский нос».¹²³ Шатилов был очень груб как с коряками, так и с юкагирами, в результате чего юкагиры «изменили оба рода с князьями чуванским Обликом, ходынским Ногодою и ушли в коряцкую землю».¹²⁴ Они пошли на Паропольский дол, а потом направились «прямо к сидячим корякам в Каменский острог... и перелетовали с ними в их коряцких жилищах по разным местам, а по наступлению осени князцы Айвулан и их юкагирской князец Андрей Облик с прочими родниками пошли в поход на Гижигинскую крепость (1753 г.)».¹²⁵

Весной 1754 г. юкагиры «раскаялись и согласились итти в Анадырскую крепость и в своей измене принести повинную... что корякам объявили, которым юкагирское намерение весьма не нравилось. Опасаясь, чтоб они «в их (коряцкие, — И. В.) земли рассянам не были вожами, к тому ж и олени их в походах в подводы употреблены быть могли б, как и прежде россияне на юкагирских оленях с ними обще в походы на коряк хаживали и как от того намерения их отвратить никак не могли, то и умыслили оных юкагирей побить смертно, жен и детей и оленные табуны себе взять». Юкагиров было «до 70 человек мужского полу». Затеянная с ними ссора привела к столкновению, в результате которого мужчины были многие «побиты, а жен и детей и оленные табуны коряки по себе разделили».¹²⁶

Коряков с юкагирами связывала защита от самоуправства и преследований администрации острогов и ясачных сборщиков. Однако их союз никогда не был долговременным и прочным. Не были, видимо, регулярными и их обменные и другие связи. Как только коряки, обитавшие по соседству с ними, были подчинены (60-е годы XVIII в.), связи юкагиров с ними начали распадаться и приобрели другой характер. Можно, пожалуй, в основном согласиться с автором «Статистического обозрения Сибири», составленного в начале XIX в., что юкагиры «от заразных

болезней, оспы и другой, называемой по тамошнему кликинского, многие перемерли; тогда соседи их, коряки и тунгусы, взяли верх, и по прежней ненависти своей к ним стали утеснять их в промыслах. От сего произошли войны, которыми истребился весь почти род юкагиров».¹²⁷

В этом драматическом заключении есть несомненные преувеличения и переоценка судьбы юкагиров. Они все же продолжали существовать. Однако связи их с коряками почти прекратились. К концу XIX в. лишь отдельные стойбища коряков приходили в соприкосновение с юкагирами. Коряки с юкагирами почти никогда не встречаются, писал В. Иохельсон. «Только те оленные коряки, которые зимой переходят Становой хребет в долины рек Каркадона и Омолона, приходят в соприкосновение с каркадонскими юкагирами. Отношения их к юкагирам скорее благотворительного характера: юкагиры слишком бедны, чтобы вести правильный обмен, и обыкновенно они выпрашивают у оленеводов даром шкуры и немного оленей».¹²⁸ Из этого сообщения Иохельсона следует, что с юкагирами находились в контактах лишь небольшие общины, в основном коряков-олeneводо-дов.

Связи коряков с юкагирами носили неустойчивый, непрочный, в известной мере случайный характер, что, естественно, не могло способствовать развитию взаимных культурных влияний. Соседство юкагиров не оказало сколько-нибудь заметного влияния на материальную культуру, хозяйство и язык коряков. Попытки выявить следы влияния юкагирской культуры и языка на культуру и язык коряков не дали почти никаких результатов. Видимо, дело не только в том, что были слабыми связи этих народностей. Наиболее решающим следует считать то обстоятельство, что сами юкагиры были бродячими охотниками и поэтому они не внесли ничего нового в развитие производительных сил аборигенов Крайнего Северо-Востока, в частности коряков, у которых уже четко обозначилось общественное разделение труда, постепенно с оседлым образом жизни обособлялись морской зверобойный промысел, и рыболовство, и пастушеское оленеводство. При этих условиях сами юкагиры, их раздробленные малочисленные общины подверглись сильному влиянию культуры и языка их новых соседей, стоявших значительно выше по уровню развития производительных сил и производственных отношений. Вскоре после прихода юкагиров на границы расселения с коряками начался процесс постепенной физической, культурно-бытовой и языковой их ассимиляции коряками, энергично протекавший в XVII в. и продолжавшийся позднее. Этот процесс локализовался в верховьях р. Пенжины и правых притоков Анадыря (Яблон и Еропол), где

¹²¹ Памятники сибирской истории XVIII в., т. II, с. 55—56, 74, 75, 87, 93, 94.

¹²² ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 528, т. II, тетр. 1, л. 46.

¹²³ Там же, л. 66.

¹²⁴ Там же, л. 45.

¹²⁵ Там же, тетр. 1, л. 70.

¹²⁶ Там же, тетр. 9, л. 45.

¹²⁷ Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810, с. 175.

¹²⁸ Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 810.

постепенно сложилось этническое новообразование — чуванцы, в основе которых были юкагиры, ассимилированные коряками-оленеводами еще, видимо, до прихода русских.

Ни в одном из диалектов корякского языка нет почти никаких признаков заимствований из юкагирского. Е. А. Крейнович в специальном разделе своей работы «Юкагирско-чукотско-корякские связи» отметил всего три слова, корни которых можно считать общими для чукотского, корякского и юкагирского языков.¹²⁹ «Отсутствие значительных языковых связей между юкагирским языком и языками чукотским и корякским . . . является одним из доказательств того, что юкагиры не являются аборигенами Крайнего Северо-Востока Азии, что в эти районы они пришли из каких-то иных мест».¹³⁰

Таким образом, лингвистические материалы никак не подтверждают того тесного переплетения, которое будто бы существовало между юкагирами и чукчами, между юкагирами и коряками. Языковые материалы скорее говорят о поверхностном, кратковременном, каком-то скользящем контакте между этими народностями.

Весьма показательно в этой связи то, что юкагиры не оказали никакого влияния на изобразительное искусство коряков и чукчей и сами не заимствовали от них ничего. Резюмируя рассмотрение резьбы и рисунков народов Крайнего Северо-Востока Азии, С. В. Иванов подчеркивает, что «особое место занимают юкагиры, художественное творчество которых в отношении пиктографического письма стоит особняком, в остальных случаях примыкает к эвенкийско-эвенскому».¹³¹ Все эти факты являются дополнительными свидетельствами непрочности связей, которые существовали между юкагирами и коряками.

Корякско-ительменские связи и отношения. До сих пор мы рассматривали связи и отношения коряков с народностями, которые пришли с ними в соприкосновение в сравнительно недавнее время и которые по своему происхождению, этнической и языковой принадлежности не имеют ничего общего с ними: юкагиры, тунгусы, нивхи, эскимосы — народности других этнических и лингвистических групп.

Переходя к рассмотрению корякско-ительменских связей и отношений, мы сталкиваемся с рядом вопросов, от решения которых зависит правильная постановка и исследование данной проблемы. В первую очередь возникает вопрос об этнической принадлежности ительменов и в этой связи о правильности существующего взгляда по поводу генетического родства их с коряками и чукчами.

¹²⁹ Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.—Л., 1958, с. 245—246.

¹³⁰ Там же, с. 246.

¹³¹ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, с. 531.

Особенности языка и культуры ительменов свидетельствуют об ином, отличительном генетическом исходе их этнической истории, нежели истоки языка и культуры коряков и чукчей. Вместе с тем эти же материалы подтверждают и другую сторону данной проблемы, а именно: имеющиеся в настоящее время значительные элементы общности ительменов с коряками и чукчами как в языке, так и в культуре есть следствие контактов исторического порядка.

Выявленные материалы по языку и культуре ительменов уже сейчас дают необходимые основания считать их особой народностью, генетически непричастной к так называемым северо-восточным палеоазиатам (чукчи, коряки).¹³²

Отношения коряков с ительменами, видимо, носили такой же характер, какой был у них с другими неродственными народностями. Истоки их связей уходят в далекое прошлое, однако они почти не исследованы. Не определено даже приблизительно время прихода в соприкосновение этих народностей. По мнению С. И. Руденко, коряки были более поздними, чем ительмены, пришельцами на Камчатский полуостров. Очевидно, это так и было.

Процессы взаимодействия коряков и ительменов отразились на материальной и духовной культуре обеих народностей, на их языках. К сожалению, установить элементы воздействия культуры коряков на ительменов, в частности восточного побережья Камчатского полуострова, долины р. Камчатки, не представляется возможным, так как ительменское население этой части полуострова обрусело еще к середине XIX в. Никаких исследований их языка, быта и культуры, кроме известных работ первой половины XVIII в. С. Крашенинникова и Г. Стеллера, нет.

По совокупности имеющихся языковых и этнографических материалов наиболее активной стороной в этом процессе взаимовлияния были коряки. Следы их активности обнаруживаются в языке ительменов западного побережья Камчатки. Они прослеживаются не только в материальной части, но и в грамматике ительменского языка. Степень проникновения корякской грамматической структуры в ительменский язык настолько серьезна, что именно это обязательство и давало повод для генетического сближения этих языков. При данном характере связи ительмены оказались более восприимчивой стороной, чем коряки.

Непосредственные связи с ительменами, притом автономные, существовали у трех подразделений коряков. На западном побережье Камчатского полуострова в тесном соприкосновении с ительменами находились оседлые коряки-паланцы, на восточном — карагинцы. При этом связи ительменов с паланцами продолжают развиваться и в настоящее время, тогда как на восточном побережье связи карагинцев с ительменами прервались еще в середине XIX в. Особо нужно отметить связи коряков-

¹³² Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов. — Сов. этнография, 1970, № 3.

оленоводов с ительменами, которые издавна развивались на западном побережье Камчатки. В основном эти связи носили экономический характер (обмен). Впрочем, в истории этих связей, как будет показано ниже, были случаи перехода оленеводов на оседлость (видимо, вынужденную) и последующее их постепенное растворение в ительменской среде.

К концу XVII в. строгих границ между коряками-паланцами и ительменами не было. А. Горланов, изучавший географию западного побережья Камчатки (участник Камчатской экспедиции, как и Крашенинников), отметил в своем описании ряд ительменских острожков, которые сравнительно недавно были обитаемы коряками. «*Тахлаатинум* (коряцкий острожек) на левом берегу Крутогоровой реки. . . Некоторые объявляют, что в сем острожке прежде сего жилали коряки, которых камчадалы войной согноили». ¹³³ И еще «*Тахилвахтаня* — коряцкий старый острожек от Гохлина-речки в версте на левом берегу р. Белоголовой». ¹³⁴ Продвигаясь далее на юг, он записал: «На Хайрюзовой-реке мне объявили, где ныне камчадалы живут, жили коряки и построены были немалые острожки, точию те коряки камчадалами в осаде побиты». ¹³⁵ А на р. Аваче в острожке Коряки в 40-х годах XVIII в. среди его обитателей были и коряки. «Жития во оном острожке, — по данным А. Горланова, — 5 юрт, 42 балагана, жителей 5 коряк, 15 камчадалов». ¹³⁶ С. П. Крашенинников считал «ясачных коряк, которые живут на Аваче», 12 чел. ¹³⁷ Однако судьба этих коряков была предрешена. В начале XIX в. их уже в этом селении не было. «Коряцкий острожек, или просто Коряки, — писал В. М. Головин, — некогда был обитаем коряками, которые все переселились или перемешались с камчадалами». ¹³⁸ Из приведенных сообщений следует, что коряки к югу от Тигиля жили в острожках, весьма далеко отстоящих друг от друга, в сплошном окружении ительменов. Правда, имеется значительно больше следов пребывания здесь коряков, если учитывать топонимику этих мест. Так, один из притоков р. Хайрюзовой в XVII в. назывался по-корякски *Кэллелвут* (Пестроголовая речка), которая брала свое начало из хребта, называвшегося также по-корякски *Авувавул'ан* ('Большие утесные камни'), ¹³⁹ р. *Кавран* ('Поворот'). Имелись корякские названия притоков р. Авачи, например *Ивылга* ('Долгая').

¹³³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 12—13.

¹³⁴ Там же, л. 28.

¹³⁵ Там же, л. 32 об.

¹³⁶ Там же, л. 55 об.—56.

¹³⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 511.

¹³⁸ Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Приложение к «Морскому сборнику», 1861, № 1, СПб., 1861, вып. II. (Замечания В. М. Головина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 гг.), с. 22.

¹³⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 32 об.

От р. Тигиля на север шли уже только корякские топонимы. На это обратил внимание в свое время И. Вознесенский. ¹⁴⁰

Еще менее определенной была граница между коряками-оленоводами и ительменами. Не претендуя на рыболовные участки на реках, оленеводы обживали угодья, расположенные в предгорьях и тундрах, богатых оленьими кормами. Появление коряков-оленоводов в южной части западного побережья Камчатки относится к сравнительно недавнему времени и должно рассматриваться как вынужденное их поселение в этих местах. Дело в том, что очень скоро они лишились здесь своих оленей и поэтому им пришлось принять образ жизни ительменов, т. е. перейти к оседлости и рыболовству. Так произошло с коряками на р. Аваче, что отметил С. П. Крашенинников: «Верстах в 8 ниже устья Коонам пала в Авачу с севера Имашху речка, над которою живут коряки. Они были прежде оленные, но по отогнании оленей их неприятельские учинились сидячими, и поселились на объявленном месте». В 40-х годах XVIII в. они проявляли большую этническую стойкость. «Они не потеряли ни обрядов своих, ни чистоты языка по сие время, что может быть наипаче от того происходит, что они в родство не вступают с соседями, но женятся и замуж выдают все в своем роду». ¹⁴¹

Этнический стоицизм коряков на Аваче не спас их. Вероятнее всего, что они погибли во время страшной эпидемии оспы 1768/69 г., а не просто «перемешались с камчадалами», как полагал Головин.

То же, очевидно, пережили коряки-оленоводы южной части западного побережья Камчатского полуострова. Они также оказались оседлыми, но, видимо, по другим причинам. «Об оленных коряках уведомился я, — сообщал в 1743 г. А. Горланов, — что они прежде сего жили около Лопатки и случилось одною зимою быть великим дождям, а после того морозам, то поверху земли мохов, которыми олени питаются, замерзло и лед стал великой и олени померли, и от того времени якоб коряки от года в год ближе к Тигилю-реке прикочевали, где они до прихода русских проживали». ¹⁴²

Вполне допустимо, что это обстоятельство было одной из главных причин потери здесь коряками оленей и перехода части их к оседлости в тех местах, где захватило их это бедствие. Находясь в тесном окружении ительменов, они растворились среди них. Так, видимо, исчезли к началу XVIII в. оседлые коряки на реках Хайрюзовой, Крутогоровой, Белоголовой и в других местах. В Белоголовом острожке А. Горлановым было записано от ительменов любопытное предание о том, что «коряки», которые ныне на Вакланском море живут (очевидно, Пенжинская

¹⁴⁰ Там же, ф. 53, оп. 1, д. 4, тетр. 2, л. 309. «На Тигильской стороне — по пути с р. Камчатки через хребет — уже корякская топонимика: *Кэз-нихэй*, *Леутунэй*».

¹⁴¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 122.

¹⁴² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 65, л. 149 об.

губа, названная так по реке Аклану, — *И. В.*), услышав в прежние годы приход чрез Анадырский острог русских людей, бежали по Пенжинской губе к Лопатке и там жили, откуль мало живых возвратилось, но почти все примерли». ¹⁴³ Это известие подтверждается данными В. Атласова, которые уже цитировались выше.

О распространении коряков-оленьеводов далеко на юг Камчатского полуострова говорят исторические предания ительменов, записанные на Облуковине еще в XVIII в. «О коряках и сие объявлено, что якобы в прежние годы живали они близ Лопатки, чему есть в тех местах явные признаки, что многие олени роги около помянутой Лопатки и Курильского озера находят». ¹⁴⁴

Отношения между коряками и ительменами носили далеко не идиллический характер. Коряки с боями проникали на территорию ительменов, что также получило живое отражение в народной памяти ительменов начала XVIII в. Житель Облуковинского острожка ительмен Карынча «объявил, что коряки из своих жилищ, собравшись человек по 100, 150, хаживали по берегу Пенжинского моря на живущих камчадалов даже до Курильской Лопатки». ¹⁴⁵ О столкновениях с коряками, как недавней истории, вспоминали и в других южных острожках ительмены. Об этом говорили жители острожка Куатымну, расположенного на правом берегу р. Крутогоровой. Само название этого острожка «от того, что когда в прежние годы коряки к камчадалам приходили драться, то камчадалы, выкопав тайную земляную юрту (ход, — *И. В.*), воду из реки носили». ¹⁴⁶ Еще ярче и выразительнее сообщение, полученное А. Горлановым на р. Ключевой — притоке р. Крутогоровой. В «*Тахилатынум* — коряцком острожке, где ныне камчадалы живут, а острожек сей назван для того, что якобы построен он был в прежние годы для защищения от коряцкого нападения, которые прибегали на оленях воевать с камчадалами». ¹⁴⁷

Как видно, наступающей стороной были коряки. Обобщая устные известия ительменов, С. П. Крашенинников также полагал, что зачинщиками столкновений с ними были коряки, двигавшиеся от Тигиля на юг вплоть до Большой реки. ¹⁴⁸ «Война с камчадалами, — писал С. П. Крашенинников, — у них прекратилась, когда Камчатка пришла под российское владение». ¹⁴⁹

Отголоски прошлых отношений с коряками были еще в памяти ительменов в начале нашего века. В. Н. Тюшов записал

у ительменов на р. Иче историческое предание о приходивших с Паланы коряках с целью нападения на ительменов. Тут же рассказывалось и об отмщении за это нападение. ¹⁵⁰

Корякско-ительменские связи были тесными и интенсивными на местах сопредельного расселения на реках Оmaniной, Напане и по Тигилю. Именно здесь шло активное взаимодействие этих двух народностей. Здесь сформировались те общие элементы культуры и языка, которые так подробно и обстоятельно изложены исследователями XVIII в. Этот район был местом наиболее интенсивного физического смешения ительменов с коряками. Отсюда распространялись ительменские элементы культуры и языка к корякам на север, а от коряков к южным ительменам и к ительменам долины р. Камчатки. Об интенсивности характера связей коряков с ительменами свидетельствуют наблюдения антропологов. «Камчатский компонент, — писал М. Г. Левин, — еще сильнее, чем у чукчей, выступает в составе коряков». ¹⁵¹

Глубина взаимосвязи коряков-паланцев с ительменами прослеживается на материальной культуре. С. П. Крашенинников отметил, что излишне было бы писать подробно об оседлых коряках и курильцах, «ибо род жития их весьма сходствует с камчадалами». «Сидячие (коряки, — *И. В.*) живут в земляных юртах, — писал он, развивая свою мысль дальше, — как камчадалы, с которыми и больше житием и обрядами сходствуют, нежели с кочевыми коряками». ¹⁵²

И действительно, устройство зимних жилищ, хозяйственных построек (балаганы), средства передвижения по рекам (баты), орудия рыболовства, способы и приемы добычи рыбы, приготовление рыбных запасов, одежда и обувь и многое другое — все это имело настолько общие черты, настолько сходные формы даже в деталях, что говорить об обособленности названных видов материальной культуры у этих народностей не было особых оснований. ¹⁵³

Значительная общность оседлых коряков с ительменами обнаруживалась не только в материальной, но и в духовной культуре, в ряде обычаев. Как отмечал С. П. Крашенинников, «сидячие (коряки, — *И. В.*) празднуют в одно время с камчадалами, но кому и для чего, столь же мало ведают, как и камчадалы». ¹⁵⁴ Если обратиться к деталям некоторых праздников, к атрибутивной их стороне, то увидим, что в этой части у сопредельных коряков обнаруживается почти полная идентичность с ительменами

¹⁴³ Там же, л. 29.

¹⁴⁴ Там же, л. 15.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, л. 13.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 405.

¹⁴⁹ Там же, с. 734.

¹⁵⁰ Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки. СПб., 1906, с. 274—275.

¹⁵¹ Левин М. Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 207.

¹⁵² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 458, 734.

¹⁵³ Там же, с. 728—729.

¹⁵⁴ Там же, с. 456.

(например, праздники коряков-карагинцев). Свадебные обычаи и обряды «их по-камчадалски справляются, и жен берут больше из своего роду»,¹⁵⁵ — писал С. П. Крашенинников о коряках.

Резюмируя сопоставление культуры оседлых коряков (в первую очередь паланцев) с культурой ительменов, С. П. Крашенинников выделил следующие отличия: «Сидячие коряки ничем от камчадалов не разнятся, кроме того, что шаманов имеют с бубнами, что женщины их лица вышивают, что собак врагам в жертву приносят, напоследок, что к строению острожков избирают такие места, к которым бы трудной приступ был. Камчадалы острожки имеют на низких местах».¹⁵⁶

С. И. Руденко обратил внимание на полное совпадение в орнаменте глиняных сосудов в виде поперечных выпуклых полос с желобками между ними.¹⁵⁷ Этот тип орнамента был распространен не только на территории южной Камчатки, но он встречается и далеко на севере, на территории расселения коряков-алюторцев.

Наряду с отличительными чертами в языке у коряков и ительменов были и общие черты, выработавшиеся в результате взаимосвязей и взаимовлияния. Особенно в этом отношении оказался податливым ительменский язык. «По мере приближения к Тигилю, — писал Г. Стеллер, — наблюдается отклонение языка от большеерецкого наречия и постепенное смещение его с языком коряков».¹⁵⁸ Еще более категорически высказался по этому вопросу С. П. Крашенинников: «Тигильские сидячие коряки, также как и укинские, больше имеют сходства в языке с северными камчадалами, нежели с оленными коряками. . . Кратко сказать, все сидячие коряки, чем ближе живут к камчадалам, тем больше имеют сходства с ними, а чем к северу, тем чище говорят по-корячки».¹⁵⁹

Это наблюдение Крашенинникова подтвердилось состоянием связей ительменов с коряками и в начале XX в. «По Тигилю и его притокам, — отмечал В. Н. Тюшов, — в первой половине прошлого столетия (XIX в., — И. В.) имели свои куртовища коряки, но не камчадалы. Этим, может быть, возможно было бы объяснить и ту замеченную мною разницу в языке, подтвержденную самими жителями, с языком южных камчадалов. Может быть, и напанцы, и седанкинцы (ещлилинцы Крашенинникова), и аминцы — окамчадалившиеся в течение столетия сидячие коряки. Это же указание может до некоторой степени служить объясне-

нием значительно большего распространения на юг коряцких названий, чем идет их кочевание туда в настоящее время».¹⁶⁰

В. Иохельсон считал, что седанкинское наречие ительменского языка является переходным к корякскому языку.¹⁶¹ Занимаясь этнографией ительменов, Иохельсон обратил внимание на нивеллировку ительменской и корякской культур в местах тесного соприкосновения этих народностей: «В северной Камчатке селения приморских коряков приходили в прямое соприкосновение с камчадалскими, и трудно даже провести между ними этнографическую границу. Браки между представителями обеих народностей были обычным явлением, и весь пограничный район был заселен смешанным населением».¹⁶² Он же указал на то, что зимнюю одежду камчадалы приобретают у коряков, или шьют ее сами, но «фасон их меховой одежды был такой же, как у коряков».¹⁶³

С. Н. Стебницкий вообще считал, «что культура современных нам ительменов (40-е годы нашего века) не имеет никаких отличий от культуры юго-западных приморских коряков (коряков-паланцев)».¹⁶⁴

Исследовать вопрос о том, как складывались связи и развивались отношения между ительменами восточного побережья Камчатки и коряками-карагинцами почти невозможно. У нас нет никаких документальных данных об их связях и отношениях хотя бы от XVIII в. Мы располагаем только такими сведениями, которые можно извлечь из конечного результата, из тех следов влияния, которые усматриваются в быту, культуре и языке коряков-карагинцев. В чем конкретно выражалось обратное влияние коряков на ительменов этой части полуострова, сказать можно очень немного, главным образом лишь то, что зарегистрировано в трудах Крашенинникова и Стеллера. Ближайшие к карагинцам ительмены к середине XIX в. утратили основные черты своего прежнего быта и культуры, а также и языка. Причин этого было довольно много.¹⁶⁵ В этих условиях влияние корякской культуры на культуру местных ительменов проследить уже невозможно. На восточном побережье Камчатки, как и на западном, взаимодействие ительменов с коряками началось давно. Поэтому и здесь обнаруживаются глубокие следы влияния ительменской культуры и языка на коряков. Можно прямо утверждать, что образование коряков-карагинцев явилось результатом тесных связей между коряками-алюторцами и ительменами. Об этом писал С. Н. Стебницкий.

¹⁵⁵ Там же, с. 732.

¹⁵⁶ Там же, с. 734.

¹⁵⁷ Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки. — Сов. этнография, 1948, № 1, с. 179; М. Г. Левин Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, с. 228.

¹⁵⁸ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 30, с. 14.

¹⁵⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 467, 358.

¹⁶⁰ Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки, с. 451.

¹⁶¹ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 140, л. 15.

¹⁶² Jochelson W. The Koryak, p. II, с. 810.

¹⁶³ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 140, л. 12.

¹⁶⁴ Архив ИЭ, к. I, оп. 1, д. 51, л. 10.

¹⁶⁵ Браславец К. М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968, с. 26—36.

Одной из исторических тенденций коряков на восточном побережье Камчатки (алюторцев) было освоение побережья моря и затем распространение их на север¹⁶⁶ и на юг. Движение на юг сопровождалось тесным взаимодействием с ительменами. Признаком такого взаимодействия были отношения коряков — алюторцев и карагинцев — к жителям о. Карагинского, что нашло отражение и в преданиях коряков-алюторцев. В свое время они были отмечены С. П. Крашенинниковым: «Против устья Караги-реки находится Карагинский остров... На помянутом острову живут коряки ж, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, т. е. собачьим отродьем».¹⁶⁷ В фольклоре коряков-алюторцев сохранился ряд преданий с очень живыми и красочными подробностями, с именами героев, в которых рассказывается о столкновениях с жителями о. Карагинского. Одно из них содержит прямое указание на то, что обитатели о. Карагинского не умеют говорить по-корякски.¹⁶⁸

В одном из преданий алюторцев, записанном мной в 1955 г., рассказывается о мотивах нападения алюторцев на жителей о. Карагинского. События, которые освещаются в данном предании, относятся к началу XVIII в.

Из этого рассказа следует, что у жителей острова был свой особый язык. Население на острове было многочисленное. Кроме селения на берегу бухты Ложных вестей, находилось селение и в континентальной части острова. Жители трех алюторских поселков сговорились совместно напасть на обитателей о. Карагинского. Основным мотивом нападения было желание овладеть их местом жительства, «так как это место богатое морскими зверями: там много моржей и китов». В результате нападения алюторцев все мужчины и женщины (которые наравне с мужчинами бились с алюторцами) острова были уничтожены. Однако алюторцы не поселились на острове, но ежегодно предпринимали туда охотничьи экспедиции.¹⁶⁹

С. П. Крашенинников согласился с мнением материковых коряков о том, что они обитателей о. Карагинского «за свой род не признают», очевидно, потому, что он нашел этому серьезное языковое подтверждение. С. Н. Стебницкий, подробно исследовав записи слов обитателей острова, сделанные С. П. Крашенинниковым, установил, что из 177 слов 104 ительменские и лишь 73 имеют общий корень с корякскими.¹⁷⁰ Следовательно, в на-

чале XVIII в. население Карагинского острова говорило на языке, в котором еще преобладала ительменская лексика, но который в то же время уже подвергся влиянию корякского языка, а именно алюторского диалекта. В свою очередь корякский язык, носители которого находились в тесных связях с ительменами, претерпел их влияние, в результате чего и сложился карагинский диалект,¹⁷¹ появились коряки-карагинцы, в культуре, быту и, видимо, в антропологическом облике которых имеются значительные ительменские черты.

К этому следует добавить наличие ряда имен, которые сами карагинцы называют ительменскими. Например, мужские имена: *Наса, Ляххи, Томо, Тунню, Сэви*; женские — *Сикле, Тику* и др. Само название с. *Карагины* не этимологизируется и не находит объяснения из корякского языка. Интересно, что одна из проток р. Камчатки ниже Ключевской сопки носила название Карага.¹⁷² Очевидно, основа этого названия ительменская.

В XVIII в. связи коряков — карагинцев и ительменов низовьев р. Камчатки — были очень тесными. В событиях 40-х годов XVIII в., направленных против угнетателей, совместно выступали карагинцы и ительмены с р. Озерной, Столбовского острожка, а известный предводитель ительменов Харчин выступил совместно с коряком *Умъеви (Умъеушка)*.¹⁷³

Очевидно, и степень влияния ительменов на коряков на восточном и западном берегу Камчатки была глубокой. «При россиянах, — заметил С. П. Крашенинников, — довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают».¹⁷⁴

¹⁶⁶ Об этом см. раздел «Корякско-эскимосские связи и отношения» в настоящей книге.

¹⁶⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 136.

¹⁶⁸ Стебницкий С. Н. Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова. — Сов. Север, 1939, № 2, с. 130—131.

¹⁶⁹ Из личных записей автора.

¹⁷⁰ Стебницкий С. Н. Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова, с. 159.

¹⁷¹ Там же, с. 166.

¹⁷² Архив АН СССР, ф. 53, оп. 1, д. 3, тетр. 2, л. 14, об.—15.

¹⁷³ Колониальная политика царизма на Камчатке..., с. 99, 105, 122.

¹⁷⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 361.

Глава X

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОРЯКОВ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Начиная со второй половины XVII по начало XX в. этническое развитие коряков протекало на базе медленного разложения основ первобытнообщинного строя. За это время уровень развития их производительных сил и производственных отношений не претерпел таких кардинальных преобразований, которые бы изменили способ производства, общественные отношения и соответственно их этническое состояние. Самодержавие, подчинив их, вполне удовлетворялось сбором ясака, наложением на них ряда других повинностей, христианизацией и русификацией. И хотя это обстоятельство наложило серьезный отпечаток на развитие исторических судеб коряков, на изменение границ расселения отдельных подразделений, привело к почти полной утрате некоторыми из них своей этнической специфики (коряки Охотского побережья), в то же время политика самодержавия не создала условий для развития и сложения более высокой ступени этнической их консолидации. Все этнические процессы у коряков протекали в основном на уровне старых форм, в пределах давно сложившихся подразделений и старых их связей с соседними народами. Разница была только в том, что одни связи усилились, например корякско-эвенские, другие, наоборот, прекратились почти совершенно, например корякско-юкагирские. И в начале XX в. коряки все еще представляли собой разрозненные территориальные подразделения без каких-либо признаков внутри корякской консолидации. Политика самодержавия не создала ни экономических, ни культурно-политических, ни организационных предпосылок к сближению и слиянию отдельных подразделений коряков. Связи отдельных подразделений коряков не выходили за рамки случайных, единичных встреч, которые существовали и прежде. Такой вид связей определялся натурально-потребительским характером производства коряков, отсюда ограниченность потребностей в более широких контактах, чем внутри своего подразделения.

Торговая эксплуатация коряков, появление среди них торговцев не нарушило этнической замкнутости отдельных подразделений. Торговцы из оседлых коряков (каменских, алюторских) преимущественно были связаны только со своим подразделением

и с оленеводами, кочевавшими на территориях, примыкавших к месту жительства данного подразделения. Связи с кочевниками также не выходили за пределы традиционного обмена между оседлыми коряками и оленеводами. К обычным предметам обмена добавилось лишь некоторое количество товаров русского производства, что, однако, не изменило существа этих отношений, не расширило границ торговли за пределы обитания того или иного подразделения. У коряков не образовалось таких торговцев (*кавралъыт*), как на Чукотке, которые бы со своими торговыми обозами ходили из конца в конец по территории расселения коряков, как это было у чукчей. Следовательно, торговля (обмен) не связывала отдельных подразделений оседлых коряков, не способствовала их экономическому объединению.

Христианизация также не внесла никаких элементов духовного объединения разных подразделений коряков. Идеи христианства всегда оставались для них чуждым и непонятным мировоззрением, вдалбливание которого сопровождалось преследованием их собственных представлений, культов, народных развлечений и т. п. Вся русификаторская политика самодержавия со всем арсеналом ее средств была направлена не на развитие этнической консолидации, этнического самосознания, а на полную ассимиляцию коряков русскими, на уничтожение каких бы то ни было национальных особенностей, на вытравливание в памяти народа былой принадлежности к корякам. Иркутский архиепископ Вениамин так видел будущее народностей Севера: «С принятием христианства обратятся в русских».¹ Это кредо служило идейной основой направленной деятельности всех «просветителей» православной церкви на Камчатке. Зачатки просвещения также безоговорочно были ориентированы на русификацию коряков.

Начало промышленной эксплуатации рыбных богатств Камчатки носило односторонний характер и мало затронуло основы жизни коряков. Они стали лишь поставщиками рыбы-сырца на засольные участки; рыба превратилась для них в товар. Однако объединения коряков вокруг этого производства не произошло, так как они совершенно не вовлекались в промышленную переработку рыбы. Следовательно, и складывавшаяся рыбная промышленность не оказала почти никакого влияния на этническое развитие коряков.

Таким образом, политика самодержавия на Камчатке ничего не дала для формирования нового этапа этнической общности коряков. В условиях капиталистической России они так и не сложились в народность, оставаясь по-прежнему территориально обособленными этнолингвистическими подразделениями.

¹ Харламович К. О христианском просвещении инородцев. Казань, 1904.

Конец духовному порабощению, русификации и угнетению был положен Великой Октябрьской социалистической революцией. Она коренным образом изменила весь ход исторического развития, правовое и политическое положение всех ранее отсталых народов России; вместе с этим изменились направление и характер этнического развития малых народностей, в том числе коряков.

Уже первыми актами Советского правительства народности Севера, как и все народности страны, были поставлены в совершенно иные юридические, политические и общественно-экономические условия. Они получили широкие возможности для радикального переустройства своей жизни, быта и приобщения к современной политической и общественной деятельности, к современной культуре. Главным государственным актом, определившим основы национальной политики Советской власти, была «Декларация прав народов России», принятая 2(15) ноября 1927 г. Советом Народных Комиссаров.

В ней торжественно провозглашалось:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».²

Таким образом, все народы бывшей царской России, в том числе самые малочисленные, становились во всех отношениях равноправными гражданами Советского государства. Однако провозглашение равноправия не ликвидировало еще исторически сложившегося фактического неравенства, которое выражалось в разных уровнях общественно-экономического, политического, этнического и культурного развития народов России. Понадобилась целая система специальных мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, способствующих быстрому экономическому развитию, росту политического сознания, подъему культурного уровня отсталых народностей до уровня передовых народов Советской страны. Отсюда все последующие законодательные акты и действия партийных и советских органов на местах, которые были направлены на выполнение основных задач.

Советская власть на Камчатке утвердилась в начале 20-х годов. Предыдущим ходом истории коряки, как и другие народности Севера, не были подготовлены к самостоятельному созданию у них органов советского самоуправления и ведения в них сознательной, целенаправленной работы. Они нуждались в ши-

рокой и всесторонней политической, экономической, культурной и социальной помощи.

В 1922 г. при Народном комиссариате национальностей был создан специальный подотдел по охране и управлению племенами Севера. В 1924 г. на его основе при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета СССР был образован Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), которому и было поручено вести работу по ликвидации вековой отсталости народностей Севера, заниматься вопросами развития советского самоуправления, хозяйства, культуры, преобразования быта и т. д. В феврале 1925 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О местных комитетах содействия народностям северных окраин».³ Камчатский губернский революционный комитет еще в марте 1924 г. организовал туземный подотдел, который начал вести работу среди коряков.⁴

В 1926—1927 гг. была проведена приполярная перепись населения северных районов, результаты которой послужили научной основой для организации учреждений культуры, просвещения, здравоохранения, дальнейшего развития советского самоуправления, а также для проведения землеустройства, национального районирования и других важных мероприятий.

К 1930 г. выросло и окрепло политическое сознание народностей Севера. Огромная разъяснительная работа, которая проводилась среди них, вовлечение их в повседневную деятельность сельских и районных советских органов пробудило в них деловую хозяйственно-политическую активность, этническое самосознание, понимание целей и задач советского строительства. Народности Севера, в том числе коряки, оказались уже способными перейти к более высоким формам национально-территориального районирования с учетом этнических границ, т. е. к таким формам советской автономии, которые вытекали из условий их жизни, быта и культуры.

10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения народностей Севера».⁵ Так был создан Корякский национальный округ в составе четырех районов: Карагинского, Олюторского, Пенжинского и Тигильского. Само районирование Корякского национального округа было проведено с учетом исторически сложившейся группировки населения, в известной мере оно отражало территориальное и этнолингвистическое деление коряков, которое у них было раньше.

Огромное значение в формировании политического и этнического самосознания коряков сыграли районные съезды Советов, предшествовавшие первому окружному съезду. Уже на этих

² Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. М., 1941, с. 19.

³ Сборник узаконений и распоряжений, 1925, № 18, ст. 113.

⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 346, л. 45.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений, 1931, № 8, ст. 8.

съездах наряду с этническим самосознанием коряков проявился их интернационализм, что было подготовлено всей суммой советских мероприятий, одинаково распространявшихся как на коряков, так и на живших рядом с ними эвенов, ительменов, чукчей, чуванцев, русских и др. С первых шагов создания самоуправления партия и Советское правительство воспитывали народ в духе самосознания, развивали и укрепляли чувство собственного национального достоинства. Одновременно велась работа по воспитанию уважения к представителям других малых народностей, издавна проживавших бок о бок с коряками, к культуре и языкам этих народностей, признание за ними таких же обществено-политических прав, какими наделялись коряки. Все это вместе взятое формировало правильное понимание сущности национальной политики Советского государства, правильное понимание своего положения в нем как отдельной народности. Понимание сказанного нашло яркое выражение в решениях, например, III съезда Советов коряков побережья Пенжинской губы. «Заслушав доклад о национальной работе большевиков о Советской власти, III Пенжинский районный съезд Советов приветствует создание корякской национальной власти. Съезд считает, что с организацией этой власти в нашем районе не должно быть народностей, которые были бы старше одна другой, как при царе. В нашем районе не может быть споров между коряками и русскими бедняками и работниками».⁶

В марте 1932 г. состоялся первый окружной съезд Советов Корякского национального округа. Здесь впервые одновременно и организованно встретились вместе представители всех подразделений коряков.

На съезде они смогли убедиться в единстве всех коряков, почувствовать то общее, что объединяет народное представление об этническом единстве, смогли увидеть общие основы культуры и языка всех подразделений коряков. Их сознание укрепилось еще больше, когда был создан Корякский национальный округ, объединивший всех коряков в одних административных границах. Это объединение было необходимым шагом для закрепления и дальнейшего развития хозяйственно-экономической, культурно-политической и языковой общности коряков, для дальнейшего формирования этнического самосознания, сплочения и организации в одно целое ранее разобщенно существовавших подразделений коряков.

Трудно переоценить всю важность и глубину этого акта для последующей истории коряков. Этим актом было положено начало формирования нового этапа этнического развития первоначально советской, а затем и социалистической народности — коряки.

⁶ Постановление третьего Пенжинского съезда Советов. — Сов. Север, 1932, № 3, с. 124.

С принятием постановления Президиума ВЦИК об образовании национальных округов определилось и закрепилось общее название и самоназвание — к о р я к и — для всех подразделений этой народности.

Все последующие хозяйственно-экономические (кооперирование, земледоустройство, развитие рыбной промышленности и др.) и культурно-политические (советское строительство, просвещение, здравоохранение и т. п.) мероприятия были направлены на ликвидацию отсталости коряков, унаследованной от прошлого. Все эти вопросы подробно и обстоятельно исследованы в ряде трудов, посвященных корякам.⁷ Поэтому мы, не останавливаясь на вопросах истории социалистических преобразований хозяйства, культуры и быта коряков, достаточно полно изложенных в названных исследованиях, остановимся лишь на основных данных, которые помогут лучше понять сущность современных процессов, развивающихся в Корякском национальном округе.

Социалистические преобразования хозяйства коряков начались еще в конце 20-х годов. К 1970 г. они прошли ряд ступеней последовательного развития от простейших форм кооперации (ППО) до современных высоко организованных и технически оснащенных социалистических форм кооперативно-колхозных и государственных хозяйств. На территории Корякского национального округа успешно развиваются традиционные хозяйственные занятия — рыболовство, оленеводство, пушная охота. В экономике населения округа существенное, хотя и подсобное значение имеют животноводство (молочное) и огородничество, наиболее эффективно развивающиеся в южных районах округа (Тигильском и Карагинском), а также охота на морских млекопитающих.

Корякский национальный округ в Камчатской области является важнейшим поставщиком рыбы. Он дает около одной пятой всей добываемой в области рыбы. Кроме того, здесь сосредоточено 90% оленей области и добывается четвертая часть пушны.⁸

⁷ Сергеев М. А. 1) Корякский национальный округ. Л., 1934; 2) Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936; 3) Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955; Гурвич И. С., Кузак в К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960; Кузак в К. Г. 1) Национальные округа Крайнего Севера СССР. М., 1964; 2) Корякские колхозы. Петропавловск-Камчатский, 1969; 3) Хозяйственно-культурное развитие Корякского национального округа. — Вопросы географии Камчатки. Вып. 6. Петропавловск-Камчатский, 1970; Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971.

⁸ Кузак в К. Г. Подъем экономики и культуры коренного населения Корякского национального округа. — В кн.: Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971, с. 297. Все последующие данные о современном хозяйстве Корякского национального округа взяты из данной статьи.

В общественном хозяйстве округа за последние годы произошли существенные структурные изменения. К началу 1960 г. в округе имелось 8 оленеводческих совхозов. Оседлое население объединено в 8 рыболовецких артелей. Кроме того, имеются четыре госпромхоза — по одному в каждом районе.

Основным направлением хозяйственной деятельности совхозов является оленеводство. В совхозах сосредоточено 3/4 всего поголовья оленей, имеющих в округе (около 105 тыс.). От оленеводства совхозы получают 70—80% доходов.

Хозяйственная деятельность колхозов округа носит более выраженный комплексный характер, хотя уже достаточно специализированный. В колхозах основными направлениями хозяйственной деятельности является рыболовство и переработка рыбы. Оленеводство, животноводство, пушная охота, огородничество, зверобойный промысел — все это подсобные занятия. Основные доходы колхозы получали от добычи и переработки рыбы, что наглядно видно из данных табл. 23.

Т а б л и ц а 23

Доходы колхозов от добычи и переработки рыбы
(данные на конец 1968 г.)

Районы	Денежные доходы, в тыс. руб.	
	от рыболовства	от сельского хозяйства
Пенжинский . .	1345	610
Тигильский . .	1726	228
Карагинский . .	4835	597
Олюторский . .	5009	402

Примечание. См.: Кузаков К. Г. Подъем экономики и культуры коренного населения Корякского национального округа, с. 300.

Денежные доходы рыболовецких колхозов от оленеводства составляли 10—12%. Общее количество оленей в них не многим более 35 тыс. голов. Кроме того, в личном хозяйстве коренного населения округа (коряки, чукчи, эвены, чуванцы) имеется 13 тыс. оленей.

Добыча пушнины в колхозах — третий источник их доходов — составляет по округу сумму, близкую к 170 тыс. руб. в год. Морской зверобойный промысел имеет местное потребительское значение и развит главным образом в колхозах Пенжинского района.

Государственные промысловые хозяйства (госпромы) занимаются комплексным использованием наземных и водных природных богатств округа. Это охотничий промысел пушных и других зверей, рациональное освоение лесов и тундры, добыча дичи, мяса диких оленей, рыбы; добыча кедровых орехов, сбор и за-

готовка грибов, ягод, развитие пушного звероводства. Госпромхозы осваивают отдаленные охотничьи угодья. Кроме госпромхозов, охотничьим промыслом занимаются некоторые колхозники рыболовецких артелей, рабочие совхозов, любители. Но в округе все еще недостаточно используются большие возможности для освоения охотничьих угодий. До сих пор не освоены в Тигильском районе 15%, в Карагинском 20, в Олюторском 80, в Пенжинском 90% площадей имеющих охотничьих угодий.

Об экономическом состоянии и техническом оснащении современных колхозов Корякского национального округа можно судить по следующим данным. На начало 1969 г. колхозы округа имели 4 477 200 руб. основного капитала и 54 480 000 руб. составляли неделимые фонды. Основной фонд состоит из современной промысловой техники: морские механические суда, сложные рыболовные снасти. В колхозах округа, например, имеется более 100 средних рыболовецких траулеров, океанских и малых сейнеров. Такое оснащение техникой колхозов округа дало возможность вести добычу рыбы не только у берегов Камчатки, но на севере Берингова моря, у берегов Аляски и в других местах. Таким образом, рыбаки Корякского национального округа перешли от прибрежного пассивного (ставные невода, сети) и сезонного промысла рыбы, к активному морскому, круглогодичному промыслу. Иными словами, колхозное рыболовство приблизилось к высокоразвитому промышленному рыболовству. Все это резко повысило производительность труда на одного рыбака и соответственно сказалось на повышении их заработков, доходов колхозов. Весьма важно также и то, что в колхозах округа организована переработка рыбы (засолка, приготовление икры, укладка в тару и т. п.), что позволяет шире привлекать колхозников к общественно-полезному труду и повышает доходы колхоза и, следовательно, самих колхозников. Насколько это выгодно, можно судить по тому, что только от переработки сельди в годы хорошего ее улова колхозы получают по 12—15 млн руб. прибыли. Для переработки рыбы колхозы имеют 45 посольных цехов, создаются современные холодильные хозяйства.

В колхозах Корякского национального округа уже в течение ряда лет практикуется прямая денежная оплата труда. Зарботки рыбаков округа составляют 200—400 руб. в месяц, а колхозников, занятых на обработке рыбы, в оленеводстве и молочном животноводстве, в среднем 200—250 руб в месяц.

Высокое техническое оснащение колхозов потребовало подготовки кадров специалистов, что коренным образом меняет социальный состав современного колхоза. Только на промысле и переработке рыбы заняты специалисты следующих профессий: судоводители (капитаны), механики, мотористы, электрики, радисты, штурманы, инженеры и техники по добыче и переработке рыбы и т. п. Не менее разнообразные специалисты необходимы для обслуживания современных бытовых и культурных запросов

жителей колхозных и совхозных сел Корякского национального округа.

Вряд ли есть какая-нибудь необходимость специально говорить о том, что современные труд и жизнь оседлых коряков не идут ни в какое сравнение с их производством и бытом в первой четверти XX в. Современные колхозы Корякского национального округа по своим формам организации труда, техническому оснащению, принципам распределения доходов, учету и планированию в хозяйстве стоят на том же уровне, на котором находятся колхозы центральных районов нашей страны. У них прочно вошли в быт и сознание социалистические формы труда, социалистический учет и распределение.

Рационально и успешно ведется оленеводческое хозяйство округа, в котором занято 89 бригад оленеводов (преимущественно коряки), которые выпасают более 140 000 оленей. Современное оленеводство основано на значительном внедрении научно обоснованных и проверенных на практике методов ведения этого хозяйства. Достаточно сказать, что, помимо введения пастбищеоборотов по сезонам года, применяется минеральная подкормка оленей, противоошветная обработка стад, что заметно повышает жизнестойкость оленей, упитанность и т. п. Ведется лечение оленей. В Корякском национальном округе работает 62 ветеринарных врача и зоотехника с высшим и средним образованием и 28 оленетехников. За семилетку совхозы округа получили 5 млн 14 тыс. руб. прибыли. В 1968 г. оленеводческие хозяйства округа продали государству 26.2 тыс. ц. оленьего мяса. Оленеводство коряков превратилось в рентабельное высокотоварное хозяйство, а оленеводы — в квалифицированных специалистов. Средний заработок оленевода-пастуха равняется 250—300 руб. в месяц, бригадира 320—350 руб., чумработницы 103 руб. Дополнительно оленеводы совхозов округа только за 1968 г. получили 175 тыс. р. премиальных.

Радикальные изменения претерпели быт и вся обстановка жизни коряков. Вместо мелких рассеянных по разным местам поселков с полуземлянками или маленькими избушками созданы современные благоустроенные селения со всеми необходимыми учреждениями (школа, медицинский пункт, магазин, клуб, кино, библиотека, почта и т. п.), электрифицированные и радиофицированные. Для семей оленеводов в центральных усадьбах совхозов выстроены благоустроенные дома. Однако все еще не решен ряд вопросов для усовершенствования производственных и бытовых условий для тех, кто работает в стадах, хотя и здесь сделано много.

Современная жизнь и быт оленеводов несравнимы с их жизнью и бытом в прошлом. В основном коряки-олeneводь в настоящее время являются рабочими и служащими оленеводческих совхозов. Наряду со всеми рабочими и служащими Советского Союза они пользуются всеми социальными благами и правами членов

союза. Кроме того, на них также распространяются все льготы, которые установлены правительством для коренного населения Севера.

* * *

С 1928 г. на территории Корякского национального округа начала развиваться государственная рыбная промышленность. Ее появление сопровождалось значительным притоком населения с материка. Так образовались в округе большие населенные пункты в заливе Корфа, в Осоре и в других местах.

Население в округе продолжает увеличиваться с каждым годом. Стимулирующим поводом для этого служит теперь развитие колхозного рыболовства, переключение его на промышленные рельсы. В связи с этим наибольший приток населения наблюдается в рыболовецкие колхозы округа и незначительный — в оленеводческие совхозы. Специфическое производство в оленеводческом хозяйстве остается по-прежнему специальностью коряков.

За годы существования округа состав его населения очень изменился. Ко времени проведения первого окружного съезда Советов (март 1932 г.) населения в округе было 9115 чел. Коряки составляли большинство — 64%, чукчи 6.7, эвены 4.2, ительмены 6.8, а приезжие 17.3%.⁹ Уже тогда были населенные пункты со смешанным населением. Из 55 сельских Советов округа 8 были со смешанным составом населения, а 4 сельских Совета состояли исключительно из приезжих.¹⁰ Таким образом, уже в 1932 г. определился заметный прирост населения округа за счет пришлого населения, главным образом русских. Еще больше изменилось соотношение коренного и пришлого населения к 1939 г., что отражено в табл. 24.

Т а б л и ц а 24

Численность всего и коренного населения по районам округа к 1939 г.

Районы	Население	
	всего	в том числе коренное
Тигильский	5688	2751
Пенжинский	4378	3222
Карагинский	4962	1048
Олюторский	8808	2592
Всего	23836	9613

Примечание. ГАХК, ф. 137, оп. 14, д. 207, л. 198—200.

⁹ ГАХК, ф. 683, оп. 7, д. 10, л. 74.

¹⁰ Там же, ф. 137, оп. 14, д. 207, л. 199—200.

Таким образом, в 1939 г. коренное население в округе составляло уже только около 40%. На 1 января 1950 г. это соотношение изменилось еще больше. Всего населения в округе уже стало 27 317 чел., а процент местного населения уменьшился до 27,6%.¹¹ По переписи 1959 г., население округа составляло 27 525 чел.,¹² а по переписи 1970 г., — 31 тыс. чел.¹³

Укрупнение колхозов в связи с развитием промышленного рыболовства, переход на оседлость оленеводов привели к дальнейшему изменению национального состава населенных пунктов округа. Помимо коряков, в одном колхозе объединились эвены, чукчи, коряки-оленьеводы и русские. В 1957 г. коренное население (коряки, эвены) составляло большинство лишь в Пенжинском районе, «около 60%. В Олюторском районе коренное население составляло 27%, в Карагинском — 13%, в Тигильском — 31%». ¹⁴ Сам по себе факт объединения разноязычного населения в одном населенном пункте усложнил языковую ситуацию, существовавшую в Корякском национальном округе. Язык коряков, как известно, делится на ряд диалектов. Если они доступны для взаимопонимания взрослому населению, то для детей понимание носителей другого диалекта всегда заключало в себе трудности. Вопрос о выборе опорного диалекта при создании письменности на корякском языке с самого начала был одним из самых сложных. Первый букварь был составлен на основе каменского диалекта. Однако он оказался трудным для детей, говорящих на других диалектах. Было решено создавать письменность на чавчувенском диалекте, на котором говорили оленьеводы, составлявшие почти 50% всех коряков. Он также оказался вполне понятным лишь его носителям. Поэтому с первых же шагов введения коренизации в школах встретились непреодолимые трудности. К этому необходимо добавить и такие немаловажные факты, как недостаток учителей, знающих диалекты оседлых коряков, которые при некоторых усилиях могли бы применять учебники на чавчувенском диалекте. В 1953 г. из 192 учителей школ Олюторского и Карагинского районов, только 5 чел. были коряками. В 1956 г. местные организации приняли решение о введении преподавания во всех школах округа, в том числе и в начальных классах, где были дети коряков, на русском языке, по русским учебникам.

Характерной особенностью населенных пунктов, расположенных на побережье моря (усадебные рыболовецкие колхозы) является многонациональный состав их населения. В колхозах и от-

дельных бригадах совместно трудятся коряки, русские, эвены, чукчи, ительмены. Например, «в 1957 г. в колхозе им. Ленина Олюторского района (поселок Вывенка) было 91 хозяйство, в том числе 61 корякское, 8 чукотских, 14 русских и смешанных, 6 чукотско-корякских, 2 русско-корякских. В колхозе „Ударник“ Карагинского района (поселок Карага) из 85 хозяйств 50 оказались корякскими, 2 смешанных корякско-русских и 23 русских и украинских».¹⁵

В колхозе «Полярная звезда» (ныне совхоз под тем же названием) на конец 1956 г. было эвенов 105 чел., чукчей 61, коряков 9, русских 12 чел. Тут же было уже смешанное по бракам и происхождению население: эвено-корякское 7 чел., чукотско-эвенское 8, чуванско-эвенское 8, корякско-русское 2, русско-эвенское 2.¹⁶ Аналогичная картина была в колхозе «Рассвет Севера» в с. Гижига Североземенского района, где из 623 колхозников 80 были коряки-оленьеводы. В их составе было 3 корякско-эвенские семьи; 1 эвено-корякская; 2 русско-корякских; 1 камчадалско-русская.¹⁷

При таком многонациональном составе населения вполне естественно, что языком общения и языком школьного преподавания, проведения всех культурно-массовых мероприятий явился русский язык. Газеты, журналы, литература (художественная, политическая, производственная), радио, вся общественно-политическая информация шла и идет на русском языке, который стал средством развития и приобщения коренного населения к достижениям современной советской социалистической культуры. Жизненная необходимость овладения русским языком подсказывается ежедневно.

«Происходящий в жизни процесс добровольного изучения наряду с родным языком русского языка, — говорится в Программе КПСС, — имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР».¹⁸

Знание русского языка открывает широкий доступ к духовным сокровищам не только народов СССР, но и всех народов мира. Русский язык способствует сближению и объединению представителей различных народов, проживающих в Корякском нацио-

¹¹ Там же, л. 198.¹

¹² Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. СССР. М., 1962, с. 205.

¹³ Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972.

¹⁴ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966, с. 244.

¹⁵ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири, с. 244.

¹⁶ Кузакон К. Г. Хозяйство, культура и быт колхозников Аляски. — В кн.: Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М., 1960, с. 201.

¹⁷ По материалам поездки в 1966 г. У. Г. Поповой в Североземенский район.

¹⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, с. 115—116.

нальном округе. Сфера действия родного языка (диалектов) сузилась. За диалектами остались разговорные функции в семье, в бытовом общении представителей данного диалекта, иногда между пожилой частью представителей разных диалектов, которые, говоря каждый на своем, понимают друг друга. Пожилая часть населения слабо владеет русским языком. Поэтому нередко в общении между носителями разных диалектов они говорят каждый на своем. Мы наблюдали это на Апуке (1954 г.), на Ветвее (1955 г.). В настоящее время это практикуется в с. Манилы, где обитают коряки-каменцы и оленеводы, и в поселке Палана, где теперь живут вместе оседлые паланцы и чавчумены. Для молодого поколения вопрос об языке общения решен. Они пользуются русским языком, к этому их приучает школа, сама повседневная жизнь, весь круг культурно-политических запросов.

Значит ли все это, что родной язык (диалекты) уже окончательно изжил себя, потерял общественное значение, выпал из этнического сознания коряков, стал ненужным. Вовсе нет. Социолого-лингвистическое обследование взаимодействия родного языка с русским, организованное Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, проведенное в селениях Седанка и Лесная Тигильского района, Вывенка, Ачай-ваем и Хаилино Олюторского района, Манилы и Аянка Пенжинского района, показало, что существует необходимость бытования диалектов. В обследованных пунктах население многонационально. Анкетным обследованием было охвачено 918 семей, 1803 чел. Из них собственно коряков — 703 чел. На вопрос анкеты — считаете ли Вы нужным, чтобы учащиеся изучали родной язык в школе как предмет? — дали положительный ответ 85% родителей и глав семейств коряков. Таким образом, коряки, носители разных диалектов (алюторского, паланского, чавчуменского), определенно высказались за необходимость сохранения своих диалектов, за то, чтобы их дети знали свой родной язык, за введение преподавания в школах родного языка (диалекта) как предмета. Язык — одно из главных средств сохранения и передачи духовного наследия многовековой культуры народа. Приверженность и любовь к своему языку, фольклору, национальным формам культуры — вполне естественное, закономерное выражение национального самосознания больших и малых народов нашей социалистической родины. В этом также проявляется этническое самосознание и понимание специфики состояния корякской социалистической народности в настоящее время.

Еще бытуют и любимые народом другие национальные формы культуры. Среди всех подразделений коряков живет фольклор, его общекорякские и частные (известные у данного подразделения) сюжеты. Сохраняются еще традиционные праздники, иногда их отдельные элементы. Например, праздник *хололо* у карагинцев справлялся еще в 1969 г. Живут народные спортивные состязания, пляски-пантомимы. За последние годы они получили

новое развитие. По корякским национальным мотивам было написано либретто для балета «Менго». Ансамбль, исполнявший его, успешно дебютировал и не только на камчатских сценах. Этот балет явился первыми общекорякским балетом.

Пример с этническим развитием коряков в досоветское и в советское время весьма поучителен. В прошлом они оставались в стороне от развития цивилизации. И в начале XX в. все еще переживали стадию разложения первобытнообщинного строя.

Национальная политика КПСС и Советского государства, оказываемая всесторонняя помощь направили коряков на путь социалистического развития их хозяйства и экономики, на приобщение к современной социалистической культуре, на коренное преобразование быта. Однако развитие языка, некоторых областей традиционной их духовной культуры не поспевает за развитием производительных сил, социалистических производственных отношений, за быстрым ростом их социалистической культуры, за этническим развитием. И это представляется вполне закономерным явлением, отражающим быстрое развитие современных малых народов Севера. Вместе с тем некоторые традиционные формы материальной и духовной культуры коряков устарели, оказались непригодными в условиях социалистического строительства. Поэтому они начали отмирать и забываться, что также вполне закономерно.

Одним из главных итогов исторического развития коряков к 50-летию образования СССР, как и других ранее отсталых народов России, является то, что они под руководством КПСС осуществили переход от первобытнообщинного строя с его архаичным образом жизни, культурой, формами этнических объединений, к социализму. Коряки превратились в социалистическую народность, обрели полное и всестороннее равноправие во всех сферах жизни современного советского общества. Они составляют часть той исторической общности людей «Советский народ», которая возникла в нашей стране за годы социалистического строительства.

Коммунистическая партия Советского Союза неуклонно и последовательно проводила и проводит в жизнь ленинские принципы национальной политики, политики равноправия и дружбы всех наций и народностей СССР.

«Партия будет по-прежнему проводить политику, — говорится в Программе КПСС, — обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии».¹⁹ В этом гарантия дальнейшего успешного развития корякской советской народности.

¹⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 114.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архив АН СССР	— Архив Академии наук СССР.
Архив ИЭ АН СССР	— Архив Института этнографии Академии наук СССР.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел.
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного географического общества.
Изв. РГО	— Известия Русского географического общества.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
Уч. зап. ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.
ЦГА РСФСР ДВ	— Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока.
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР.
Чтения ОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских.

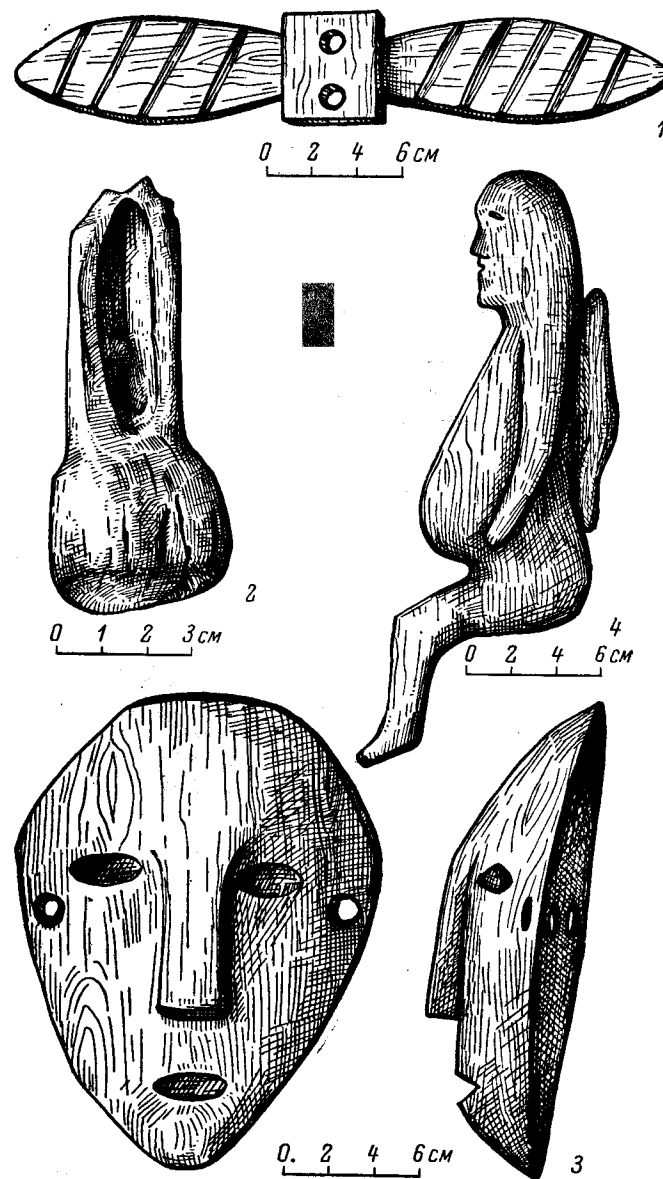

ТАБЛИЦА I.

1 — «вертушка» (дерево); 2 — пест (кость); 3 — маска (дерево); 4 — «женский охранитель» (дерево).

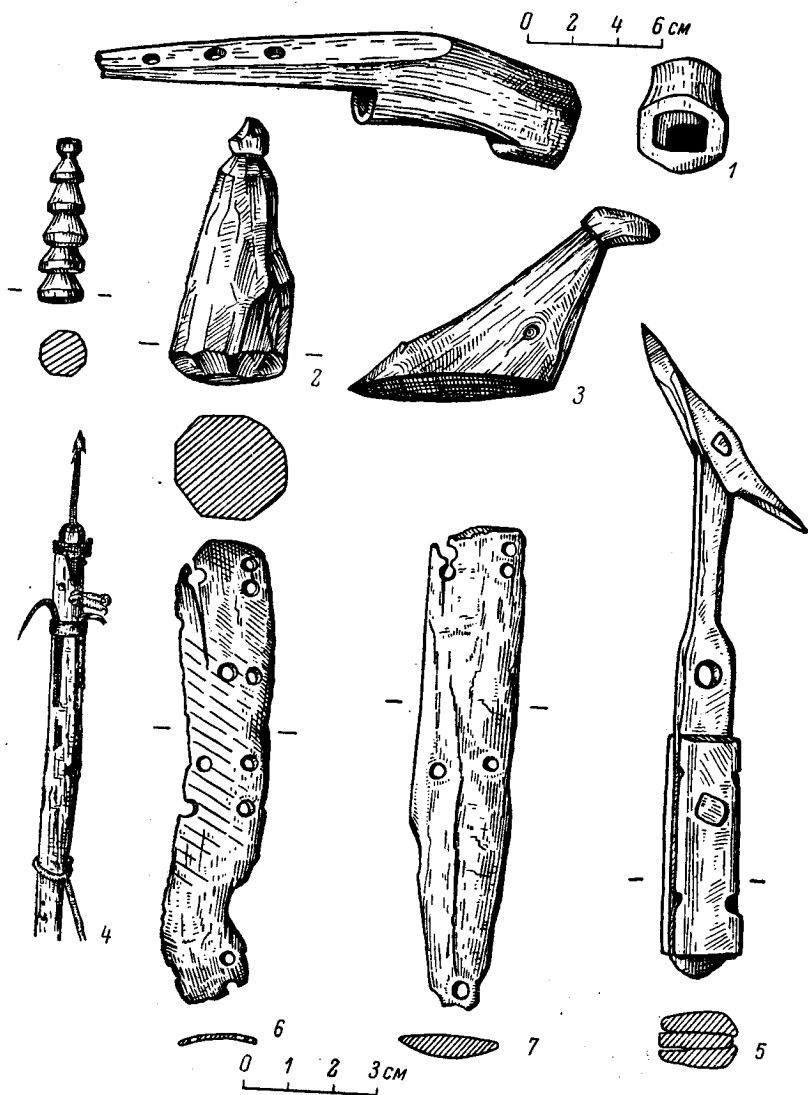

ТАБЛИЦА II.

- 1 — концевая часть лука (рог оленя); 2 — знак собственности (дерево);
 3 — знак собственности (дерево); 4 — гарпун; 5 — гарпун поворотный;
 6 — панцирная пластинка (рог оленя); 7 — панцирная пластинка (рог оленя);

ТАБЛИЦА II (продолжение).

8 — добыча рыбы мариком; 9 — полуземлянка; 10 — спаренные баты,

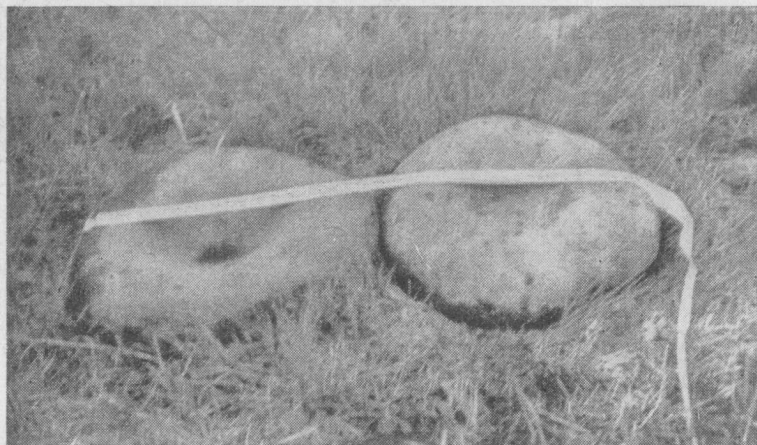

ТАБЛИЦА III.

1 — ступа (камень); 2 — ступа и песты (кость и камень);

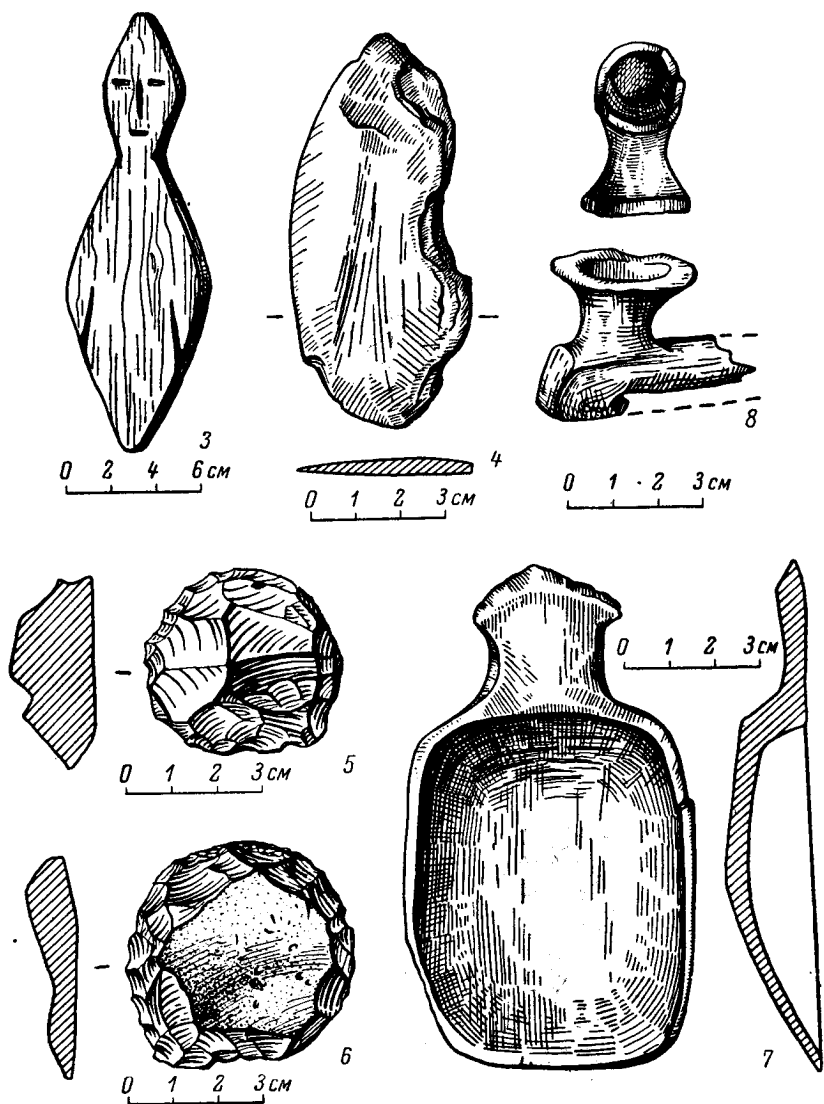

ТАБЛИЦА III (продолжение).

3 — эффэз (дерево); 4 — часть женского ножа (камень); 5 — скребок (камень); 6 — скребок (камень); 7 — ложка (бараний рог); 8 — трубка курительная (рог оленя).

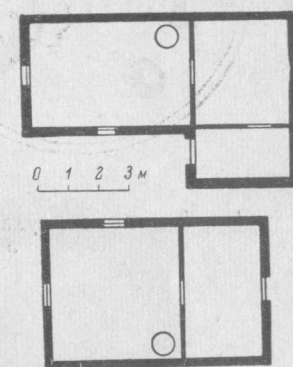
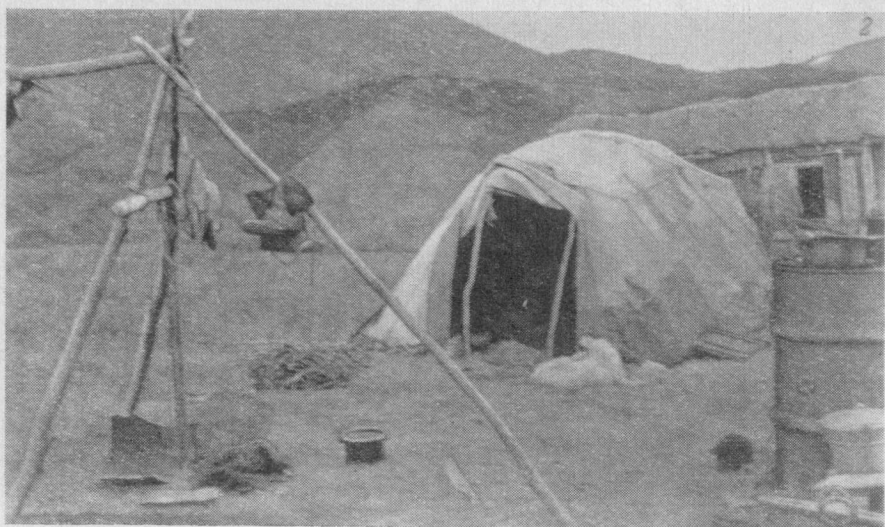

ТАБЛИЦА IV.
1 — полуземлянка; 2 — летняя палатка; 3 — летний домик;
4, 5 — балаганы; 6 — планы полуземлянок.

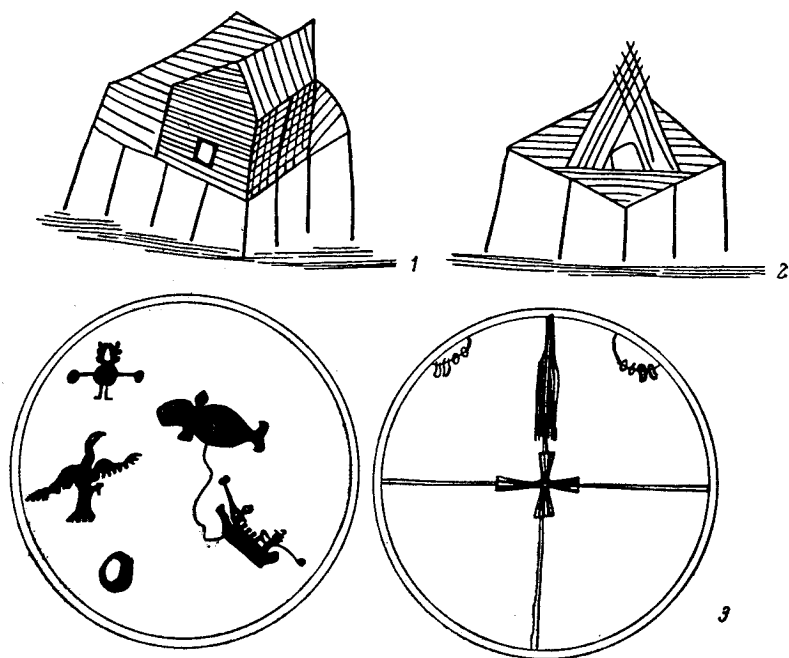

ТАБЛИЦА V.

1 — балаган с двухскатной крышей; 2 — балаган конусообразный;
3 — бубен и колотушка.

Оглавление

	Стр.
Введение	3
Глава I. Территориальные подразделения коряков	6
Глава II. Коряки-карагинцы	18
Глава III. Коряки-алюторцы	51
Глава IV. Коряки-апукинцы	98
Глава V. Коряки-паланцы	111
Глава VI. Оседлые коряки побережья Пенжинской губы	139
Глава VII. Коряки северо-западного побережья Охотского моря	172
Глава VIII. Коряки-оленоводы	214
Глава IX. Влияние на этническое формирование коряков связей с соседними народами	234
Глава X. Этническое развитие коряков в Советское время . . .	280
Принятые сокращения	294

Иннокентий Степанович Вдовин

ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОРЯКОВ

Утверждено к печати

Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор издательства Э. С. Востокова

Художник Д. С. Данилов

Технический редактор Э. Ф. Васильева

Корректоры Л. М. Бова,

Н. В. Лихарева и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 6/VI 1973 г. Подписано к печати 29/X
1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ.
л. 19 = 19.00 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.34. Изд. № 5244.
Тип. зак. № 381. М-43711. Тираж 1400. Цена 1 р. 52 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»,
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

Ир. 521.

И. С. ВДОВИН • ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОРЯКОВ